АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

757

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1962 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Член-корреспондент АН СССР **М. П. Ким** — О задачах изучения исторического опыта социалистического строительства в СССР в свете решений XXII съезда КПСС 3
В. П. Данилов — Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни 20
М. И. Хейфец — Вторая революционная ситуация в России 44
Академик **В. В. Струве** — Общественный строй эллинистического Египта 67
Е. Б. Черняк — О некоторых приемах буржуазной фальсификации истории 96
Г. Н. Горошкова — Ликвидация буржуазно-демократических порядков в Германии в годы фашизма 115

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

А. Н. Копылов — Обсуждение проспекта многотомной «Истории Сибири» 122

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В. П. Наумов — Историографическая конференция в Московском университете 125

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. А. Березный, З. В. Степанов, С. М. Стецкевич — «Всемирная история». Том VIII 129
В. А. Кондратьев — В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР 139
В. И. Савченко — А. А. Дризул. Латвия под игом фашизма . . . 141
М. В. Попов — Ценный труд по истории Туркменистана 144
В. Л. Афанасьев — «Атлас истории географических открытий и исследований 147
А. Л. Нарочницкий — «Новая история». Том третий: 1870—1918 . . 149
Новые книги 154
Статьи в советских исторических журналах 157

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Р. И. Козинцева, В. И. Рутенбург — В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР 160
Хроникальные заметки 166

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. А. Бирман — Ц. Николов. Деятельность БКП в защиту Советской России в 1917—1922 гг. 169
М. Глен — Э. Ванденбос. Голландская внешняя политика с 1815 года. Исследование политики малого государства 171
А. Н. Кирпичников — А. Надольский, А. Абрамович, Т. Поклевский. Могильник XI в. в Лютомирске под Лодзью 175

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 176
Обзоры журналов. М. С. Альперович — «Historia Mexicana» 178

Заметки о статьях. **Л. С. Хотин** — Из истории «балканского Мюнхена»; **В. М. Бородин** — Публикация документов из истории второй мировой войны в польском журнале; **Н. М. Пашаева** — О применении кибернетики в историческом исследовании; **Б. А. Каменецкий** — Искусственные построения буржуазного историка; **К. Б. Виноградов** — Английские буржуазные деятели и Австро-Венгрия периода первой мировой войны; **В. Н. Виноградов** — Реакционные вымыслы вместо фактов; **М. И. Ковальская** — Снова о проблеме Юга Италии; **С. М. Аскольдова** — Американский историк о раскольнической политике АФТ; **В. А. Федоров** — Французский историк о формировании русской промышленной буржуазии; **С. И. Кузнецова** — Об изучении истории Африки: примечательные признания; **А. А. Сванидзе** — Христианская церковь в период раннего средневековья; **И. А. Никитина** — Американский буржуазный историк идеализирует деятельность Меттерниха; **А. П. Каждан** — Из истории международных отношений на Балканах в XII веке 187
Рецензии на советские издания 203

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

И. И. Фролова — «Библиография по Британской истории за 1940—1945 гг.» 204
Хроникальные заметки 206

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. И. Нечипуренко — О недопустимых методах в авторской работе . 208
Виктор Оголевец — Владимир Галактионович Короленко и царская охранка 211

Николай Максимович Гольдберг 214
Резюме статей на английском языке 215
Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

Член-корреспондент АН СССР М. П. Ким

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза выдвинул перед работниками идеологического фронта, в том числе и перед историками, новые важные и актуальные задачи. Эти задачи сформулированы в документах съезда, определены в его общих программных установках по вопросам общественных наук. В свете новой Программы КПСС особое значение приобретает изучение исторического опыта социалистического строительства в СССР. «Важное значение,— подчеркивается в Программе КПСС,— имеет изучение победоносного, проверенного жизнью, исторического опыта Коммунистической партии и советского народа...» [1].

Новая Программа партии, ярко освещающая дорогу в коммунистическое будущее, вместе с тем проливает свет и на пройденный нашей страной путь. Она являет собой образец научной оценки исторических свершений. В ней теоретические положения и практические выводы о победе коммунизма зиждятся на гранитном фундаменте исторического опыта, на подытожении практики социалистического строительства и развития всего человеческого общества на современном этапе.

Учение научного коммунизма по своему существу является глубоко историческим. Оно возникло как гениальный синтез исторических знаний, как отражение действительных законов исторического процесса. Научные выводы из познания прошлого служат в нем исходным моментом для объяснения настоящего и предвидения будущего, для революционно-преобразовательной и созидательной деятельности рабочего класса и его партии. К. Маркс в свое время, изобличая Прудона в невежественном понимании экономических законов, указывал, что Прудон не понимал эти законы «прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний» [2]. Исторические знания и обобщение опыта истории составляют незыблемую основу теории марксизма-ленинизма. В. И. Ленин подчеркивал, что учение Маркса «есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта» [3]. История развития марксистско-ленинской науки, история создания всех основополагающих документов научного коммунизма, начиная от «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и кончая Коммунистическим манифестом XX века — Программой КПСС,— убедительно подтверждает это ленинское положение.

Обобщение в Программе КПСС исторического опыта социалистического строительства имеет неоценимое значение для теории и практики коммунистического строительства. К развернутому строительству ком-

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза» (далее «Программа КПСС»). М. 1961, стр. 128.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 27

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 379.

мунизма нельзя было перейти, не построив социализм. Точно так же невозможно было бы выработать конкретную программу коммунистического строительства, определить пути и методы ее осуществления без изучения закономерностей становления и развития социализма, без всестороннего учета опыта социалистического строительства. Естественно, что наша партия, разрабатывая программу коммунистического строительства, уделяла первостепенное внимание обобщению исторического опыта, научному анализу пройденного пути борьбы за социализм.

«Новая Программа,— подчеркивал в докладе на XXII съезде Н. С. Хрущев,— это выдающийся теоретический и политический документ, в котором сконцентрированы и важнейшие положения марксистско-ленинской теории о коммунизме и новые выводы, вытекающие из опыта воплощения этих положений в практику социалистического и коммунистического строительства» [4].

Историко-теоретические положения Программы КПСС составляют крупнейший вклад в марксизм-ленинизм, в марксистско-ленинскую историческую науку. Документы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза открывают для исторической науки новые горизонты. Поставлены важнейшие проблемы; многие исторические проблемы приобрели новое звучание, требуют к себе иного подхода, другой постановки. Материалы съезда обогатили проблематику исторических исследований и аспекты изучения отдельных вопросов; объемнее и разностороннее стали задачи исследовательской работы, более четко вырисовались актуальные проблемы историографии, и прежде всего историографии советского периода в жизни нашей Родины — пролетарской революции, социалистического и коммунистического строительства в СССР.

Программа КПСС в следующих словах резюмирует всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР: «В результате самоотверженного труда советского народа, теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма. Столбовая дорога к социализму проложена. По ней идут уже многие народы. По ней рано или поздно пойдут все народы» [5].

Задача историографии советского общества, если ее выразить в общей форме, заключается в том, чтобы на конкретно-историческом материале показать все величие борьбы за построение социализма — этой столбовой дороги, которую проложил советский народ и по которой рано или поздно пойдут все народы мира, чтобы раскрыть историческую действительность, ее объективные закономерности, легшие в основу науки о построении социализма, и способствовать тому, чтобы эта наука через историческое повествование стала достоянием всего трудящегося человечества. В центре внимания исторической науки, как и других общественных наук, должно быть «исследование основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм» [6]. Принципиальное значение для исторической науки имеет вопрос о трактовке и освещении общих закономерностей и национальных особенностей развития советского общества.

Известно, что враждебные ленинизму течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты и пр.,— ссылаясь на то, что СССР строит социализм в одиночестве, а также на отсталость страны,

---

[4] Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза. 18 октября 1961 года. М. 1961, стр. 139.

[5] «Программа КПСС», стр, 19.

[6] «Программа КПСС», стр. 128.

выдвигали различные капитулянтские планы, направленные на срыв социалистического строительства. Но вопреки этим оппортунистическим вылазкам Коммунистическая партия твердо проводила ленинскую линию, решительно вела страну по социалистическому пути. КПСС в своей политике всегда исходила из основных факторов построения социализма, ставила во главу угла решение таких главнейших, ставших сегодня общими для всех стран, строящих социализм, задач, как укрепление диктатуры пролетариата, создание и развитие социалистической экономики, усиление плановых начал в народнохозяйственном развитии, укрепление союза рабочего класса и крестьянства и сотрудничества народов, осуществление социалистической революции в идеологии и культуре и т. п. В этом прежде всего проявилась подлинная революционность КПСС, ее беззаветная верность марксизму-ленинизму.

Политика КПСС всегда отличалась трезвостью в оценке исторической обстановки, диалектической гибкостью в проведении конкретных мероприятий. Никогда не упуская из виду главной перспективы, генеральной линии движения, конечной цели борьбы, партия всегда умела находить для осуществления своих программных идей и требований те особенные формы и методы, которые диктовались исторической обстановкой того или иного периода жизни страны.

Для оппортунистов, доктринеров, догматиков, напротив, характерны неумение или нежелание учитывать особенности условий социалистического строительства в СССР. Как известно, при переходе к нэпу подвизавшиеся тогда в рядах партии троцкисты и прочие «левые» завопили, что большевики будто бы сдают свои позиции, что В. И. Ленин и партия допускают «крестьянский уклон» и т. д. Враги ленинизма, постоянно нападая на нашу партию за ее якобы национальную ограниченность, в действительности же выступали против политики партии, строго учитывавшей национальные особенности исторических условий, в которых приходилось строить социализм советскому народу.

На новом, современном этапе исторического развития ленинская партия, концентрируя волю, усилия и энергию нашего народа на решение грандиозных задач коммунистического строительства, дала решительный отпор силам, ставшим тормозом для движения советского общества вперед, ожесточенно сопротивлявшимся проведению ленинского курса, выраженного XX съездом КПСС. Осудив чуждый марксизму-ленинизму культ личности, ликвидируя его порождения и последствия, сломив сопротивление «антипартийных элементов, рьяных приверженцев методов и порядков, господствовавших при культе личности, ревизионистов и догматиков»[7], идейно и организационно разгромив фракционную антипартийную группировку Молотова, Кагановича, Маленкова и др., Коммунистическая партия осуществила меры, представляющие собой «крупный, поистине революционный шаг в развитии советского общества и вместе с тем — важнейший вклад в марксистско-ленинскую теорию»[8].

Чтобы научно обобщить исторический опыт социалистического строительства в нашей стране, необходимо изучать общие закономерности и национально-особенные черты их проявления в органической связи. Только на этом пути историческая наука может успешно решить задачу конкретного раскрытия и обобщения закономерностей общественного развития.

Историческая наука призвана сосредоточить свои усилия на разработке тех стержневых проблем исторического процесса, которые имеют определяющее значение для научного обобщения опыта социалистиче-

---

[7] Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета КПСС XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза 17 октября 1961 года. М. 1961, стр. 112.

[8] Там же, стр. 137.

ского строительства, для раскрытия закономерностей общественного развития в эпоху социализма и перехода к коммунизму.

Многие из этих проблем постоянно находятся в поле зрения историков, являются предметом их исследования. Однако, к сожалению, мы должны констатировать, что пока еще создано немного крупных исторических трудов по важнейшим проблемам современности, по истории социалистического строительства. Есть также немало проблем, которые нуждаются в новом подходе к их изучению и освещению.

Остановимся лишь на некоторых актуальных проблемах.

В политической области основным завоеванием партии и советского народа, подчеркивал Н. С. Хрущев на XXII съезде, является создание и укрепление социалистического государства и социалистической демократии. Рабочие и крестьяне России, руководимые ленинской партией, шли на Октябрьскую революцию с пламенными словами пролетарского гимна на устах: «Кто был ничем, тот станет всем». В результате победы революции трудящиеся и эксплуатируемые массы, взяв власть в свои руки, стали «всем». Однако отсутствие у молодого пролетарского государства значительного отряда опытных управленческих кадров, саботаж царских чиновников создавали громадные трудности в советском государственном строительстве. История создания и развития социалистического государства и социалистической демократии — это история утверждения свободы, равноправия и подлинного народовластия, история восхождения прежде забитых и бесправных масс к сознательному активному управлению страной. К сожалению, историки еще не создали работ, в которых бы шаг за шагом, этап за этапом был прослежен этот замечательный путь. Сравнительно больше успели сделать в этом направлении философы и юристы. Но их книги, трактующие в социологическом и правовом аспекте вопросы Советского государства и демократии, не восполняют указанного пробела в исторической литературе. К тому же книги философов и особенно историков права в значительной своей части страдали серьезными недостатками.

В свете новой Программы КПСС особый интерес и актуальность представляют два вопроса данной проблемы. Во-первых, это вопрос об историческом процессе превращения государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Государство диктатуры рабочего класса переросло в общенародное государство в связи с полной и окончательной победой социализма. Однако уже в ходе социалистического преобразования нашего общества, в ходе коренного преобразования деревни, процесса формирования колхозного крестьянства и советской интеллигенции расширялась социальная база диктатуры рабочего класса. Поэтому важно осветить, как исторически шел процесс превращения государства диктатуры рабочего класса во всенародное государство.

Второй вопрос — это вопрос об усилении роли советской общественности в управлении страной, о переходе ряда государственных функций к общественным организациям. «Развитие социалистической государственности,— подчеркивается в Программе КПСС,— постепенно приведет к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление, в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся. Этот процесс будет означать дальнейшее развитие демократии, обеспечивающей активное участие всех членов общества в управлении общественными делами»[9]. Черты коммунистического самоуправления, которые ныне играют все более заметную роль в нашей жизни, имеют уже свою историю. И эта история также требует своего освещения.

В социальной области победа социализма привела к осуществлению вековых чаяний народных масс — к уничтожению всех видов угнетения

[9] «Программа КПСС», стр. 109.

человека человеком, к ликвидации эксплуататорских классов, к созданию качественно новых классов — советского рабочего класса и колхозного крестьянства, к их нерушимому союзу, к полному равноправию женщины и ее активному участию в жизни страны, к социалистическому единству народов Советского Союза, тесно сплотившихся под руководством Коммунистической партии в одну братскую семью.

В нашей исторической литературе есть немало содержательных книг, в которых отражены великие социальные перемены в жизни советских людей. Однако назрела необходимость создавать более фундаментальные работы, обобщающие советский опыт разрешения социальных проблем, в частности историю формирования советского рабочего класса и крестьянства, развития союза этих трудящихся классов. В своей новой Программе партия записала, что она «исходит из того, что дальнейшее укрепление нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства имеет решающее политическое и социально-экономическое значение для строительства коммунизма в СССР» [10]. Обобщение исторического опыта создания и развития союза рабочих и крестьян в ходе социалистического строительства сослужит большую службу в деле дальнейшего укрепления этого союза в ходе коммунистического строительства.

История советского рабочего класса, возглавившего борьбу за победу социалистической революции, за построение социалистического общества, его становление и развитие как господствующего класса эпохи социализма — это важнейшая проблема исторической науки, еще ждущая монографического исследования.

Великим завоеванием социализма является социалистическое преобразование крестьянства — превращение его в новый, социалистический класс, в сознательного, активного участника строительства социализма и коммунизма. Однако порой наша историческая литература несколько обедненно освещает историю советского крестьянства, поднимая, как правило, лишь вопросы, связанные с коллективизацией сельского хозяйства. Это, разумеется, главное в рассматриваемой проблеме, но не следует забывать и об идеологическом перевоспитании крестьянина, о его культурном и политическом росте, о преобразовании деревенского быта и т. д.

Сколь благодарна тема «Советская женщина»! От бесправия и забитости к равноправию и активному участию в труде, государственной и общественной жизни — таков славный путь советской женщины, путь, который является вдохновляющим примером для трудящихся женщин капиталистического мира. Казалось бы, эта тема давно должна была привлечь внимание ученых, однако еще до сих пор она остается неосвещенной. Наряду с общими работами по этой теме необходимо создать книги по отдельным вопросам, например: «Женщина в производстве», «Женщина в государственном управлении», «Женщина в культурном строительстве» и т. д. Программа партии предусматривает дальнейшее улучшение положения женщины в нашей стране путем создания «всех социально-бытовых условий для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством» [11]. Исторические исследования будут помогать успешному осуществлению этой программной задачи.

До сих пор у нас нет исследовательских работ, в которых бы обстоятельно, в конкретно-историческом плане прослеживался процесс ликвидации эксплуататорских классов в период и после Октябрьской революции, раскрывались бы общие закономерные черты и особенности этого процесса.

---

[10] «Программа КПСС», стр. 77.
[11] «Программа КПСС», стр. 97.

В экономической области важнейшими историческими завоеваниями Советской власти являются, во-первых, утверждение общественной собственности на средства производства, социалистических производственных отношений и, во-вторых, создание материально-технической базы социализма.

Социалистическое преобразование старой экономики, создание и дальнейшее развитие экономики социализма — это основа всех других исторических процессов в жизни советского общества. Понятно, что научное освещение социалистической эпохи СССР, объяснение ее закономерностей возможны только на базе исследования развития социалистической экономики. Причем центральными проблемами историко-экономических исследований является история создания и развития социалистической промышленности, коллективизации и развития социалистического сельского хозяйства в СССР.

Несмотря на то, что история промышленного развития страны всегда приковывала внимание исследователей и по ней создана значительная литература, в этой области предстоит сделать еще очень многое. Необходимо создать как обобщающие работы, так и монографические исследования по важнейшим проблемам истории промышленного развития СССР. На первый план здесь, естественно, выдвинется история социалистической индустриализации (1926—1941 гг.).

В трудах должна быть раскрыта жизненная необходимость и закономерность для СССР социалистической индустриализации, ее решающее значение для судеб социализма; вместе с тем в них должен получить глубокое и всестороннее освещение конкретный процесс строительства социалистической промышленности. Организующая роль Коммунистической партии и Советского государства, самоотверженный труд советского народа, прежде всего рабочего класса, полное вытеснение частного капитала из сферы промышленности и утверждение безраздельного господства в ней социалистических производственных отношений; преодоление сопротивления капиталистических элементов и обострение в связи с этим классовых противоречий; преодоление стоявших на пути индустриализации неимоверных трудностей, обусловленных технической отсталостью страны, недостатком материальных и финансовых ресурсов, а также антисоветскими происками международного империализма; реконструкция старых предприятий и осуществление грандиозной строительной программы в промышленности; создание новых отраслей промышленности и техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства; освоение новой техники и новых производств; завоевание экономической независимости от капиталистического мира и т. д.— вот некоторые вопросы истории социалистической индустриализации, которые, в сущности, являются целиной для исторических исследований.

Претворение в жизнь программы социалистической индустриализации положило начало новому периоду в промышленном развитии СССР, периоду мощного подъема всей социалистической экономики, дальнейшего расширения и укрепления материально-технической базы социализма. Несмотря на большой ущерб, причиненный народному хозяйству нашей страны в годы Великой Отечественной войны, советская промышленность совершила громадный скачок в своем развитии. Особенно велики успехи, достигнутые промышленностью в последние 5—6 лет. Важнейшим фактором, ускоряющим дальнейшее индустриальное развитие страны, явилась перестройка управления промышленностью и строительством, которая в огромной мере способствовала ускорению темпов роста промышленного производства, лучшему использованию внутренних резервов производства и природных богатств всех районов Советского Союза, повышению активности и инициативы рабочих и инженерно-технических работников, дальнейшему быстрому техническому прогрес-

су, мощному росту производительных сил. Изучение развития промышленности на этом этапе социалистического строительства, особенно за последние годы,— боевая задача исторической науки.

Ждет новых полноценных исторических трудов и история социалистического преобразования крестьянского хозяйства. В исторической литературе, в сущности, нет обобщающих работ по этой тематике. Исторические исследования по коллективизации посвящены либо частным этапам, либо отдельным районам или же отдельным вопросам колхозного строительства. Теперь, когда проделана значительная работа в изучении конкретного материала, есть полная возможность восполнить этот пробел в литературе, создать капитальные обобщающие книги по истории коллективизации. В исторических работах, посвященных рассматриваемой проблеме, освещаются главным образом политические и организационные мероприятия партии и правительства, направленные на подготовку и проведение социалистической реорганизации сельского хозяйства. Наиболее существенный недостаток этих работ — отсутствие в них должного анализа социально-экономического развития деревни. Лишь в последнее время сделан известный шаг в преодолении указанного недостатка. Необходимо, чтобы обобщающие труды и монографические исследования по истории коллективизации строились на тщательном анализе глубоких социально-экономических процессов в деревне.

Крайне недостаточно изучена также история сельского хозяйства после победы колхозного строя в деревне. Историография развития социалистического сельского хозяйства должна выйти за хронологические рамки периода коллективизации, которыми она пока ограничена, и охватить все этапы истории развития сельского хозяйства СССР. Особенно важно исследовать и обобщить опыт осуществления мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства в области сельского хозяйства, направленных на его быстрый подъем в последние 6—7 лет. Освоение целинных и залежных земель, восстановление принципа материальной заинтересованности и его роль в подъеме колхозного производства, реорганизация МТС и значение ее для дальнейшего укрепления колхозного строя и развития колхозной экономики, рост командных кадров в сельском хозяйстве, помощь города деревне в укреплении колхозного строя и подъеме сельскохозяйственного производства, борьба против огульного применения травопольной системы и т. п.— это лишь некоторые из тем, которые должны быть исследованы.

В жизни колхозной деревни уже происходят характерные процессы, свидетельствующие о неизбежности постепенного стирания граней между общенародной и кооперативно-колхозной формами социалистической собственности: неуклонный рост неделимых фондов колхозов, развитие межколхозных производственных связей, процесс постепенного превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда, развитие внутриколхозной демократии и т. д. Эти процессы относятся главным образом к настоящему и будущему в жизни колхозной деревни. Исторический опыт показывает, что в ходе развития колхозного строя соотношение между общественным и личным в хозяйственной жизни колхозников постепенно, но неуклонно изменялось в пользу общественного. Вместе с тем в колхозах постоянно растет удельный вес общенародной доли колхозного богатства. Исследование этих закономерностей в развитии колхозной экономики имеет важное теоретическое и практическое значение для решения вопроса о конкретных путях превращения колхозной собственности во всенародную.

В ходе строительства и победы социализма произошел глубочайший переворот в области культуры, обусловивший коренные перемены во всей духовной жизни народов нашей Родины. В СССР утвердилась социалистическая культура. Народ приобщился к достижениям науки и искусства, на небывалую высоту поднял свой образовательный и куль-

турно-технический уровень. Создана многомиллионная народная интеллигенция. Бурно развиваются наука и искусство. Обобщение исторического опыта культурного строительства имеет важное значение для успешного решения задач завершающего этапа великой культурной революции — «культурного развития в период развернутого строительства коммунистического общества»[12]. Между тем и здесь пока еще много не затронутых историками тем. Н. С. Хрущев в своем докладе на XXII съезде КПСС подчеркнул ленинское положение о том, что социалистическая культура — прообраз общечеловеческой культуры будущего. Процесс формирования и развития социалистической культуры, как прообраза будущей общечеловеческой культуры,— это благодатная тема для исторического исследования. Между тем ученые в этом аспекте еще не исследовали историю развития социалистической культуры в СССР.

С грандиозными успехами культурной революции связано воспитание советского человека — строителя социализма и коммунизма. «Советское общество,— говорится в Программе КПСС,— достигло крупных успехов в социалистическом воспитании масс, в формировании активных строителей социализма».[13] Теперь, в период развернутого строительства коммунизма, выдвигается, как одна из главнейших задач, воспитание нового человека, человека коммунистического общества с его новым моральным кодексом. Само собой разумеется, что партия могла выдвинуть такую задачу потому, что современный советский человек, прошедший школу социалистического воспитания, подготовлен к тому, чтобы стать сознательным строителем коммунизма, носителем коммунистической морали. В этой связи актуальное значение приобретает история формирования социалистических духовных черт советских людей. Ненависть к тунеядству и любовь к труду, коллективизм и гуманизм, патриотизм и интернационализм — эти и другие благородные качества свойственны основной массе советских людей. Но эти духовные качества, разумеется, не упали с неба, они вырабатывались в упорной борьбе партии с пережитками капитализма в сознании людей, формировались на основе экономических, политических и культурных успехов социализма. История формирования социалистического сознания у советских людей, их духовное совершенствование — это яркая глава в истории социализма. Можно только сожалеть, что историки пока еще мало уделяют внимания этим вопросам.

Какую, например, большую роль в формировании человека коммунистического будущего могла бы сыграть книга, рассказывающая историю трудового воспитания в СССР, историю о том, как менялись у советских людей взгляд и отношение к труду, как вырабатывались непримиримость к тунеядству и любовь, уважение к труду, к человеку самоотверженного труда! Нелегким был путь трудового формирования советского человека: надо было преодолеть старый взгляд на труд, выработанный при эксплуататорском строе, когда труд для миллионов был тяжелой необходимостью, делом униженных и обездоленных. Ведь в первые годы Советской власти немало было людей, которые полагали, что революция освобождает их от труда. Между тем революция и социализм освобождали человека не от труда, а от эксплуатации его труда. Социализм провозгласил труд владыкой мира. Советский строй родился с лозунгом «Кто не работает, тот не ест». Много усилий и стараний приложила Коммунистическая партия, чтобы этот лозунг стал священным принципом жизни советских людей. Историческая литература должна рассказать, как это происходило.

Программа КПСС выдвигает важные исследовательские задачи и в области истории взаимоотношений между нациями. Советский опыт

---

[12] «Программа КПСС», стр. 129.
[13] Там же, стр. 116.

разрешения национального вопроса имеет многогранное воплощение в замечательных фактах великого, всемирно-исторического значения. Особенно актуальный смысл приобретают такие проблемы, как исторический скачок ранее отсталых народов СССР от докапиталистических отношений к социализму, расцвет социалистических наций и их сближение, возникновение и развитие новой исторической общности людей различных национальностей — советского народа.

Документы XXII съезда КПСС впервые открыли нам аспекты исторического рассмотрения этих проблем. Ученые не исследовали историю советского народа как межнациональной общности. Между тем теперь ясно, что это один из актуальных вопросов историографии советского общества. «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты,— советский народ»[13]. Это положение, содержащееся в докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС, вызывает необходимость осветить историю образования и развития советского народа как межнациональной общности, проследить, как формировались и развивались на разных исторических этапах признаки этой общности, как росла и крепла она в ходе социалистического строительства.

«Развернутое коммунистическое строительство,— говорится в Программе партии,— означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства»[14]. Сближение наций имеет свою историю. Оно является закономерным явлением, обусловленным природой Советской власти и социалистических общественных отношений. В условиях социализма расцвет отдельных наций органически предполагает их сближение, ибо решающим фактором расцвета наций является их творческое сотрудничество и взаимное обогащение в области материальной и духовной жизни. В жизни народов СССР давно уже стало правилом, когда, например, лучшие достижения культуры той или иной нации немедленно становятся достоянием всех остальных наций, превращаются в интернациональное богатство. Границы между нациями и национально-государственными образованиями у нас все больше теряют свое былое значение.

Расцвет социалистических наций и сближение их в ходе строительства социализма — это тема, имеющая широкие исторические рамки. Исследование ее позволит проследить процесс сближения наций в СССР, начиная с первых лет революции, процесс, который с течением времени принимает все более интенсивный характер.

Разумеется, при всем том внимании, которое должны усилить историки к названным выше и многим другим проблемам, центральной задачей историографии советского общества остается глубокое и яркое освещение решающей роли народных масс в социалистическом и коммунистическом строительстве. Социализм и коммунизм — дело сознательного творчества миллионов трудящихся масс. Эта формула выражает одну из коренных особенностей общественного развития социалистической эпохи. В Советской стране народ, руководимый Коммунистической партией, впервые в истории выступил как сознательный творец, строитель своей жизни. Все завоевания социализма в СССР достигнуты на основе соединения двух революционно-творческих начал: ленинского руководства КПСС и самоотверженной борьбы и труда советского народа.

Величайшее всемирно-историческое значение советского опыта социалистического преобразования общества состоит в том, что это был опыт масс. У колыбели Советской власти В. И. Ленин говорил рабочим

---

[13] Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза, стр. 10.

[14] «Программа КПСС», стр. 113.

и крестьянам: это ваша власть, берите ее судьбу в свои руки, организуйте, творите новую жизнь. И народ стал творить. Впервые в истории человечества он взялся за построение социалистического общества. Советский опыт социалистического строительства чем дальше, тем больше становится делом сознательного творчества миллионных масс, направляемых Коммунистической партией,— в этом его победоносная сила и жизненность.

Мы остановились на некоторых из важнейших проблем истории советского общества и на отдельных аспектах их изучения, приобретающих особенно актуальное значение в свете решений XXII съезда КПСС. Мы попытались вкратце изложить свое понимание задач историографии советского общества в области проблематики и общих направлений исследовательской работы.

Но это далеко не все, что нужно сказать о задачах исторической науки на современном этапе, о задачах, вытекающих из решений XXII съезда партии.

Главное состоит в том, чтобы решительно поднять научный уровень исследований в области истории советского общества, создавать фундаментальные и яркие исторические труды, в которых была бы всесторонне и глубоко, по-ленински обобщена богатая практика социалистического и коммунистического строительства. Главное заключается в том, чтобы историческая наука успешно выполняла свою роль в просвещении и воспитании нового человека, вносила свою достойную лепту в дело коммунистического строительства.

Для того, чтобы быть на уровне современных требований, советской исторической науке, как это вытекает из документов XXII съезда КПСС, необходимо прежде всего до конца преодолеть пережитки культа личности в историографии, вести творческую работу в области исследования истории на основе принципов ленинских норм и традиций.

Культ личности Сталина имел отрицательные последствия для всех общественных наук. Но наиболее серьезный ущерб он причинил, пожалуй, исторической науке, и прежде всего историографии советского общества.

Борьба за преодоление вредных последствий культа личности в области исторической науки, как и во всей жизни страны, началась, как известно, в 1953 году. Но до XX съезда КПСС (1956 г.) она еще не была развернута в полной мере и носила ограниченный характер. Сторонники культа личности еще чувствовали себя уверенно, оказывали сопротивление мерам по борьбе с культом.

XX съезд партии, решительно осудивший культ личности Сталина, явился поворотным моментом во всей жизни партии и народа, в том числе и в исторической науке. Глубокий анализ причин, породивших культ личности, и ленинская характеристика его как явления чуждого марксизму-ленинизму помогли историкам встать на путь решительного преодоления последствий культа Сталина в историографии и добиться больших результатов в своей научной работе. Со времени XX съезда КПСС наметились подъем творческой мысли историков и серьезные сдвиги в развитии советской исторической науки, усилился размах исследовательской и популяризаторской работы историков. Нормализовалась обстановка среди исторической общественности, создалась творческая атмосфера, способствующая постановке спорных вопросов и деловому их обсуждению. Значительно расширилась тематика исследовательских работ историков и исторических учреждений. Внимание историков привлекают многие проблемы, которые до недавнего времени находились вне поля зрения. Вместе с тем усилия исследователей направляются на наиболее актуальные проблемы, прежде всего проблемы истории нового и новейшего времени.

Показательны следующие данные об изданных книгах и брошюрах по истории:

	Всего было опубликовано	В том числе по истории СССР
За 1951—1955 гг.	3 586	2 216
За 1956—1960 гг.	6 826	4 317

Из этих данных видно, что за пять лет после XX съезда партии выпуск книг и брошюр по истории увеличился почти в два раза по сравнению с предсъездовским пятилетием.

После XX съезда историками создано большое количество монографий и сводных трудов по истории советского общества. Написаны учебники «История Коммунистической партии Советского Союза» и научная биография В. И. Ленина. В этих книгах должное место отведено послеоктябрьскому периоду в истории партии, жизни и деятельности великого Ленина. Издано учебное пособие по истории советского общества «История СССР. Эпоха социализма». Завершено издание многотомной истории гражданской войны в СССР. Вышли из печати первые три тома фундаментального труда «История Великой Отечественной войны». Нельзя не отметить и такой важный факт, как создание историками всех национальных республик трудов по истории своих народов. Эти обобщающие труды, в большинстве своем стоящие на уровне современной исторической науки, с одной стороны, подводят итоги ее достижениям в исследовании отдельных вопросов, с другой стороны, ставят новые задачи, для решения которых необходимо усиливать монографическое исследование.

За последние годы издано большое количество документальных сборников, освещающих различные периоды истории нашей Родины, истории КПСС. Только по истории Октябрьской социалистической революции издано 128 томов документов, в том числе десятитомное издание документов «Великая Октябрьская революция», подготовленное Институтом истории АН СССР. Опубликован четырехтомник директив Коммунистической партии и Советского правительства по хозяйственным вопросам, материалы съездов Советов в трех томах, начато издание десятитомной серии документов внешней политики СССР (издано пять томов). В них опубликованы десятки тысяч новых документов, извлеченных из архивов и представляющих большую научную ценность.

Советская историческая наука добилась за последний период известных успехов как в области накопления и обобщения фактических данных, так и в области анализа закономерностей общественного развития и исторических процессов. Намного повысился теоретический уровень исторической науки. Это связано в первую очередь с успехами в преодолении отрицательных последствий культа личности.

Но можем ли мы сказать, что историческая наука уже в полной мере разрешила задачи преодоления последствий культа личности и связанных с ними серьезных недостатков?

Утверждать это — значило бы упрощенно понимать влияние культа личности на историческую науку, недооценивать серьезность задачи. Последствия культа Сталина еще проявляются в отдельных случаях, дают о себе знать. Не случайно XXII съезд КПСС вернулся к вопросу о преодолении последствий культа личности, о развитии ленинских норм жизни и принципов руководства. Съезд партии еще раз указал на тот громадный вред, который нанес культ личности нашей стране, на его тяжелые последствия для партии и народа, выразил решимость полностью и окончательно ликвидировать последствия этого чуждого марксизму-ленинизму явления.

Дальнейшее преодоление последствий культа Сталина — ответственная задача советских историков. Чтобы успешно решить эту задачу, необходимо прежде всего уяснить в полной мере характер влияния культа

личности и его последствий в области историографии. Нельзя не отметить в этой связи, что некоторые историки ограниченно и упрощенно понимают и толкуют этот вопрос.

Культ Сталина, во-первых, значительно подорвал авторитет исторической науки, оказал весьма отрицательное влияние на общее состояние исторической мысли, на уровень исторических исследований, на формирование кадров исторической науки. Во-вторых, он привел к ошибкам и извращениям в освещении и трактовке ряда важных вопросов истории, в оценке отдельных фактов и исторических деятелей, в неимоверной переоценке роли Сталина.

Коммунистическая партия отводит исторической науке почетное место в формировании мировоззрения советских людей, в повышении их культурного и образовательного уровня. Достаточно напомнить, что история входит в программу школьного обучения и систематически изучается в школе, начиная с IV класса. Историки составляют многочисленный отряд научных работников и преподавателей среди кадров общественных наук.

Велика роль исторической науки в духовной жизни советских людей. Но историческая наука пока еще не выполняет в полной мере той важной роли, которую она призвана сыграть в идейном формировании человека. И это связано с последствиями культа личности. Многие авторы книг, находясь под воздействием культа личности, нередко отступали в освещении истории от требований марксистско-ленинской методологии, что приводило к произвольному улучшению или ухудшению истории.

Понятно, что строго объективное, правдивое освещение фактов и событий истории — это главное и решающее направление, по линии которого должна идти борьба советской исторической науки против последствий культа личности.

В период господства культа Сталина в исторической науке была создана обстановка, сильно тормозившая развитие теоретической мысли. Разумеется, никакой культ личности не мог приостановить дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения, в том числе и марксистско-ленинской исторической науки. Советская историческая наука неуклонно развивалась, добилась новых успехов. Однако обстановка культа личности сильно стесняла творческую мысль историков, ограничивала их инициативу в постановке и решении новых теоретических проблем исторической науки.

Поскольку в условиях господства культа личности Сталин фактически монополизировал право «открывать истины», говорить «последнее» слово в науке, то работникам общественных наук весьма трудно было творчески развивать теорию, преодолевать косность и рутину в трактовке ряда теоретических положений. В этих условиях задачи общественных наук были сведены главным образом к тому, чтобы комментировать «открытия» Сталина, раскрывать их «мудрость» и «гениальность». «Теоретический багаж» многих исторических книг, особенно по истории новейшего времени, представлял собой цитаты из работ Сталина и их комментарии. Этот нетворческий, ненаучный подход приводил к теоретическому «бесплодию» историков и серьезным ошибкам в исторической науке. Это объяснялось опять-таки тем, что исключалась всякая мысль о возможности теоретических и методологических ошибок со стороны Сталина, которого превратили в «теоретического бога». Между тем Сталин допускал немало ошибок как в теоретической трактовке, так и в фактическом освещении отдельных вопросов истории. Но в науке эти ошибочные взгляды Сталина утверждались как непререкаемые.

В докладе секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева на Всесоюзном совещании по вопросам идеологической работы подчеркивалось, что «в области историко-партийной науки наиболее тяжелые последствия имел субъективизм Сталина в оценке исторических событий, извращение им

фактов в целях превознесения собственной личности, принижение роли Ленина в истории нашей партии,. а самое главное — недооценка роли партии, народных масс в развитии общества.

Историко-партийная наука перекраивалась на все лады, лишь бы представить Сталина в виде «непогрешимого», исключить всякую мысль о возможности теоретических и политических ошибок с его стороны, хотя, как известно, таких ошибок было немало» [15].

Говоря об отрицательных последствиях культа личности в области исторической науки, нельзя обойти молчанием урон, причиненный кадрам исторического фронта. Многие способные и заслуженные историки были подвергнуты несправедливому осуждению, как якобы идейно чуждые марксизму. Так, после смерти был объявлен антимарксистом и предан безудержной хуле видный историк-марксист М. Н. Покровский.

Но еще более серьезное отрицательное влияние культ личности оказал на кадры тех советских историков, которые формировались в период его господства.

В теоретическом отношении ущерб, нанесенный культом личности исторической науке, выражался прежде всего в догматизме и начетничестве, в отступлении многих историков от ленинского требования творческого подхода к науке.

Главная причина догматизма в исторической науке — это отрыв научного творчества от жизни, от исторической действительности. Историки-исследователи сплошь да рядом в качестве исходного момента брали не реальные процессы истории, а оторванные от жизни формулы, цитаты из работ Сталина. В. И. Ленин еще на заре своей революционной деятельности писал вещие слова: «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития» [16]. Творческое развитие марксистско-ленинской теории Коммунистической партии, дух работы XXII съезда партии убедительно доказывает правоту великого Ленина. Подлинная научность и творческий характер новых теоретических положений, изложенных в документах XXII съезда КПСС, состоят в том, что они не выведены из голых формул, а обобщают историческую практику и полностью соответствуют современной действительности.

Для того, чтобы наша историческая наука быстрее изжила догматизм, нужно исходить из того, что марксизму-ленинизму органически свойствен дух творческого развития, что интересы коммунистического строительства с особой настоятельностью требуют смелых поисков в науке; необходимо, чтобы исследователи проявляли творческую активность в теории. Историки в своей теоретической работе должны строго опираться на историческую действительность, поступать сообразно с фактами истории. Необходим решительный поворот историков к проблемам современной жизни. На этом стоит остановиться несколько подробнее. При изучении исторического развития в современную эпоху не только знание его прошлого помогает уяснить смысл его настоящего, но и знание настоящего помогает правильно оценить прошлое. Историография советского общества имеет дело с двоякого рода общественными процессами: одни из них являются вполне завершенными и полностью относятся к области прошлого (ликвидация частной собственности и утверждение общественной собственности на основные средства производства, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, ликвидация эксплуататорских классов, слом старого эксплуататорского государственного аппарата и т. д.), другие же процессы еще не завер-

---

[15] «Правда», 27 декабря 1961 года.
[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 280.

шены и относятся не только к прошлому, но также к настоящему и будущему (развитие социалистической собственности, укрепление колхозного строя, укрепление советской государственности, развитие советской демократии, культурный рост народа, коммунистическое воспитание трудящихся, рост творческой активности масс и т. д.). Нужно ли доказывать, что особенно для процессов второго рода изучение их современного состояния является непременным условием для глубокого исследования и правильной оценки их прошлого.

Культ личности породил у значительной части историков инертность и леность теоретической мысли, проявления которых еще до сих пор остро сказываются в исторической науке. Историки, полагаясь на философов, подчас чураются вопросов теории, философии, истории. Они еще продолжают находиться в плену иждивенческих настроений, проявляют боязнь в творческом осмыслении вопросов теории, а иногда просто ленятся самостоятельно думать. О таких людях и их недугах очень метко сказал в своей речи на XXI съезде О. В. Куусинен. «Бесплодный догматизм,— говорил он,— зачастую порождается нежеланием самостоятельно думать и изучать новые факты действительности. Леность мысли — вот та пуховая перина, на которой нежится догматизм. Те, кто страдает этим недугом, должны стараться побыстрее избавиться от него, поняв, наконец, что такова воля партии» [17].

В обстановке культа личности среди историков подвизались люди с недостойными нравами. В своей речи на совещании работников сельского хозяйства Украинской ССР в декабре 1961 г. Н. С. Хрущев, критикуя недостойное поведение одного ученого, апологета травопольной системы, говорил: «Приспособленчество в науке — нетерпимое дело, вообще подхалимство нетерпимо, а для ученого это смерть» [18]. А в период культа Сталина в рядах ученых подвизались такие «мертвецы», которые старались на угодничестве и лицемерии создавать себе «славу» и делать карьеру.

Большой вред развитию творческой мысли наносили и те «деятели науки», которые, прикрывая свое скудоумие заученными книжными положениями, выступали против малейшего проявления свежей мысли в науке. Для них единственным критерием истины являлось соответствие (или несоответствие) выводов ученых со сталинскими положениями. Бывало, выскажет кто-нибудь свежее положение, а талмудист с грозным видом вопрошает: «А где у Сталина сказано об этом?» Понятно, что люди с такими нравами и взглядами только мешали развитию науки.

Об отрицательных последствиях культа личности следует говорить потому, что пережитки его, вернее, привычки, выработанные в период культа Сталина, дают о себе знать и теперь. И мы серьезно заблуждались бы, если бы полагали, что достаточно не прибегать к цитированию Сталина или не упоминать его имени в работах, чтобы покончить с последствиями культа. Для окончательной ликвидации этого чуждого марксизму-ленинизму явления в исторической науке требуется серьезная и обстоятельная работа.

Борьба за полное преодоление последствий культа Сталина на историческом фронте, кроме методологического аспекта, имеет и конкретно-исторический аспект: необходимо решительно покончить с преувеличением роли Сталина в истории; нужно исправлять ошибки в освещении многих вопросов истории, а также пересмотреть еще бытующие в литературе неправильные оценки отдельных явлений, что было связано с ошибочной трактовкой Сталиным этих явлений или же с извращениями,

---

[17] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Госполитиздат. 1959, стр. 161.

[18] «Правда», 25 декабря 1961 г.

допускавшимися в угоду Сталину. В настоящей статье мы не ставим задачу конкретного рассмотрения вопросов, по которым требуется «переоценка ценностей». Это предмет особого разговора.

Культ Сталина нанес большой ущерб не только теории, но и исторической фактографии. В период культа личности нарушались элементарнейшие требования исторической науки, о соблюдении которых так часто говорил В. И. Ленин. Напомним одно из них. Говоря об исследовательской работе, В. И. Ленин писал: «Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» [19].

Историография советского общества располагает, можно сказать, несметным богатством фактических материалов. Они содержатся в архивных документах, в периодической печати и в литературе различных жанров — от мемуаров до статистических сборников. В этом громадное преимущество исследователей новейшего периода отечественной истории перед историками, специализирующимися по другим, более ранним периодам, которые не располагают такой богатой документальной базой.

Но историки советского общества пока еще недостаточно активно реализуют имеющиеся у них возможности в этой области. Мы не будем рассматривать вопрос о состоянии и задачах в области архивного дела, публикаторской работы в стране, советского источниковедения и т. п. Об этом уже писалось. Нас интересует в данном случае только одно обстоятельство: как представлена в наших исторических трудах фактографическая сторона исследования и в какой мере она правильно сочетается с теоретическими выводами и общими оценками исторических явлений?

До недавнего прошлого исследования по истории советского общества страдали общим существенным недостатком: они представляли собой главным образом историко-иллюстративные работы. В них факты служили не исходным моментом исследования, не «строительным материалом» для общих выводов и характеристик явлений, а лишь иллюстрацией к ним. Поскольку же для иллюстрации априори выдвинутого общего положения не считалось обязательным привлечение широких фактических сведений, то дело часто ограничивалось приведением нескольких фактов для «подкрепления» общего положения. В этом проявлялся своеобразный разрыв между теорией и практикой в исследовательской работе историков. Этот разрыв проявлялся и в другой форме — в голой фактологии. К настоящему времени указанные недостатки в значительной мере преодолены. Однако пережитки их еще дают о себе знать.

Историко-иллюстративным работам нужно противопоставить полноценные исторические исследования (и по крупным проблемам и по частным вопросам), в которых общие выводы и оценки явлений базировались бы на суммированных фактах и сводных данных. Только такие исследования могут дать правдивую картину исторического процесса и всестороннюю объективную оценку исторических явлений.

Хотелось бы еще остановиться на двух вопросах: на проблематике исторических исследований и историографии. Если обратиться к библиографии по истории советского общества, то бросается в глаза скуч-

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266—267.

ное однообразие названий работ, вышедших в 30—40-х годах, узость их тематики. Историческая литература того времени не содержала всей полноты событий, многие существенные явления истории оставались вне поля зрения исследователей, предпочитавших заниматься уже апробированными темами, чем выдвигать новые. Сначала это делалось во избежание всякого рода неприятностей, которые мог повлечь за собой самостоятельный, оригинальный подход исследователя к выбору тем, а потом это стало привычкой. В результате в исторической литературе создалось такое положение, когда на одну и ту же тему появлялись десятки похожих друг на друга книг, брошюр и диссертаций, в то время как другие важные темы не разрабатывались. История советского общества, насыщенная богатыми событиями, сильно обеднялась. Сужение проблематики исследований, как и шаблонизирование названий тем, также являлось результатом догматизма. Историки, как правило, трудились над теми проблемами, которые выдвигались Сталиным, вытекали из его высказываний. Эти проблемы считались наиболее актуальными, требующими первоочередной разработки. Нельзя считать случайным, что в 30—40-х годах исследователями не было написано ни одной серьезной работы, например, по такой важной проблеме, как история советского рабочего класса. В этом сказалось влияние субъективистского взгляда Сталина на историю, игнорирование им решающей роли народных масс в строительстве социализма.

Тематика работ должна отражать все богатство событий и фактов истории, всю сложность исторических процессов и их взаимодействий. Она не должна обеднять действительную историю. Но это, разумеется, не значит, что все вопросы истории одинаково важны и актуальны для науки. Выделение наиболее актуальных проблем и сосредоточение внимания на их разработке, тесная связь исторических трудов с современностью, с задачами коммунистического строительства являются важнейшими задачами в области проблематики исследований.

По истории Октябрьской революции и социалистического строительства создана большая литература. Историографический анализ ее, и в первую очередь работ, посвященных таким крупнейшим проблемам истории, как Октябрьская революция и гражданская война, государственное строительство и развитие советской демократии, промышленное развитие страны и история рабочего класса, история крестьянства и социалистического строительства в деревне, культурная революция, национальное строительство, история международных отношений и внешней политики СССР, и другим важнейшим темам, является необходимым условием для дальнейшей успешной разработки истории советского общества.

Историографические исследования тем более необходимы, что в оценке книг по истории советского общества в ряде случаев допущены большая путаница и ошибки. Как известно, многие ценные в научном отношении работы в период культа Сталина были объявлены «вредными». Теперь, вместе с восстановлением доброго имени их авторов, эти книги получили признание в исторической науке. В связи с этим, естественно, появилась нужда в новой, объективной оценке их.

В последние годы у нас ведется интенсивная работа в области историографических исследований. Написан ряд диссертаций и ценных статей по историографии советского общества; идет напряженная работа по подготовке 3-го тома «Истории исторической науки в СССР», в котором, надо надеяться, получат объективную оценку достижения историографии советского общества, будет дан всесторонний анализ ее недостатков. Это позволит более успешно разрабатывать существенные проблемы истории социалистического и коммунистического строительства.

XXII съезд партии, новая Программа КПСС ставят перед исторической наукой важные задачи, выдвигают актуальные проблемы, разработка которых имеет громадное практическое значение для нашей

страны, для всех стран социалистического лагеря, для всех народов мира.

Исследование, обобщение опыта строительства социализма и коммунизма в СССР являются ныне программным требованием нашей партии. Патриотический долг советских историков — убедительно, ярко и образно раскрывать преимущества социализма и коммунизма над отжившей свой век капиталистической системой. Известно, какое громадное значение для всех братских партий имеет исторический опыт КПСС, приобретенный ею в ходе строительства социализма и коммунизма. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. отмечается, что «опыт КПСС, накопленный в борьбе за победу рабочего класса, в строительстве социализма и в осуществлении развернутого строительства коммунизма, имеет принципиальное значение для всего международного коммунистического движения» [20].

Решения исторического XXII съезда КПСС встретили единодушное одобрение и поддержку у всего советского народа. Они вызвали небывалый энтузиазм у рабочих, колхозников и интеллигенции. По всей необъятной стране с новой силой кипит творческая жизнь народа, мощно развертывается всенародное движение за претворение в жизнь программы строительства коммунизма.

В ногу с героическим рабочим классом и крестьянством идут люди науки и техники, вся советская интеллигенция, готовая к новым свершениям.

Работники идеологического фронта, в том числе и историки, имеют все необходимые условия для успешного решения ответственных и важных задач, которые возложены на них Коммунистической партией и народом.

Долг советских историков — приложить все творческие усилия и внести достойную лепту в общее дело коммунистического строительства.

---

[20] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Госполитиздат. 1961, стр. 83.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НАУЧНОЙ СЕССИИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

В. П. Данилов

Годы, прошедшие между XX и XXII съездами Коммунистической партии, отмечены большим оживлением работы по исследованию истории советской деревни. Борьба против чуждого марксизму-ленинизму культа личности Сталина способствовала восстановлению во всей полноте учения о решающей роли народных масс в истории, поставила проблемы развития рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, их жизни и созидательной деятельности в качестве важнейшей задачи историографии советского общества. Мероприятия ЦК КПСС по искоренению связанных с культом Сталина ошибок и по организации подъема сельского хозяйства позволили правильнее понять и оценить прошлое в развитии советской деревни и перспективы ее дальнейшего развития.

Восстановление ленинских норм в науке, творческое всенародное обсуждение основных вопросов теории и практики коммунистического строительства, оживление идеологической работы — все это подняло научный уровень изучения истории СССР эпохи социализма. Новый важный этап в исследовании проблем советского общества открылся после XXII съезда КПСС, принявшего грандиозную программу коммунистического строительства.

Глубокие перемены зримо проявились в разработке всех основных проблем истории советского общества, в том числе и в изучении истории аграрных отношений. За сравнительно короткий срок была создана значительная литература о социалистическом преобразовании и развитии советской деревни, поставлен ряд новых научных проблем. Назрела необходимость в широком обсуждении этих проблем, в проведении научной сессии специалистов.

Научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР состоялась 18—21 апреля 1961 г. в Москве. В ее работе приняли участие специалисты, работающие в научных учреждениях и вузах Москвы, столиц союзных и автономных республик, многих областных центров страны [1].

В ходе работы сессии состоялся широкий обмен мнениями по таким важнейшим проблемам, как итоги и характер аграрных преобразований в первые годы Советской власти, сущность социально-экономических отношений в советской доколхозной деревне, сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, развитие колхозного строя на новом этапе.

---

[1] На сессии было заслушано 27 докладов и сообщений. Из них 7 было подготовлено сотрудниками Института истории АН СССР, 6 — сотрудниками институтов экономики и этнографии АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, Московского государственного университета и Главного архивного управления при Совете Министров СССР, 14 — сотрудниками научных учреждений и вузов союзных республик и различных областей РСФСР. В прениях выступили 65 человек (включая выступления с заключительным словом 16 докладчиков и председательствующего на сессии чл.-корр. АН СССР М. П. Кима).

Насколько плодотворна была четырехдневная дискуссия, покажут будущие исследования. Однако уже сейчас могут быть сформулированы некоторые выводы, представляющие общий интерес.

★

Отличительной чертой развития советской исторической науки после XX съезда КПСС явилось более творческое и более полное освоение ленинского теоретического наследия. Борьба за преодоление культа личности, за ликвидацию его последствий способствовала более глубокому уяснению ленинской концепции развития революции в деревне. Среди историков в последние годы были широко обсуждены проблемы сущности и особенностей первых аграрных преобразований, проведенных Советской властью. Одним из первых результатов обсуждения этой проблемы был отказ от односторонней, упрощенческой схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», игнорировавшей указания В. И. Ленина о сложном сочетании социалистических и буржуазно-демократических задач, решенных Октябрьской революцией в деревне, об основных этапах и характере осуществленных ею аграрных преобразований. Дискуссия по этой проблеме на апрельской научной сессии развернулась в связи с докладом Ю. А. Полякова (Москва) «Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917—1920 гг.)». Автор поставил перед собой задачу «выяснить изменения в соотношении классовых сил и в их расстановке в деревне к концу гражданской войны, то есть к тому времени, когда уже определились основные итоги революционных аграрных преобразований, когда деревня подошла к новому периоду социально-экономических сдвигов, происходивших уже на основе нэпа» [2].

Анализируя статистические данные, относящиеся главным образом к Европейской России, Ю. А. Поляков показывает процесс осереднячивания крестьянства за счет сокращения и бедняцких и кулацких слоев деревни как основной социальный итог аграрной революции. При этом он не ограничивается простым сопоставлением данных 1917 и 1919 г. или 1917 и 1920 г., а прослеживает динамику процесса осереднячивания на протяжении всего этого периода (хотя и не по всем группам крестьянского населения). Нельзя, однако, согласиться с решительным предпочтением Ю. А. Поляковым данных 1920 г. в сравнении с данными 1919 года. Правильно, конечно, что при подведении итогов аграрной революции данные 1919 г. «не отражают в полной мере происшедших изменений». Однако данные 1920 г. отражают уже не только результаты революционных преобразований, но и влияние военной разрухи. В частности. они значительно преуменьшают сокращение группы хозяйств безлошадных крестьян (в 1917 г.— 28,7%, в 1919 г.— 25,1%, в 1920 г.— 27,7%) [3].

Не учитывает Ю. А. Поляков воздействия этого фактора и на другие слои крестьянского населения.

Различной была социальная сущность возрастания удельного веса хозяйств с одной рабочей лошадью: за счет передачи скота многолошадных хозяйств безлошадным или за счет общего сокращения поголовья скота под влиянием войны. Увеличение количества хозяйств, не имевших рабочего скота, составляет существенное отличие 1919—1920 гг. от 1918—1919 годов. К сожалению, именно при анализе развития этой

---

[2] Здесь и ниже доклады и сообщения цитируются по «Материалам для обсуждения», выступления в прениях — по стенограмме.

[3] «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.». ЦСУ СССР. М. 1922, стр. 18—19; «Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г.». ЦСУ СССР. М. 1926, стр. 174 — 251. Данные за 1920 г. взяты только по сопоставимой территории, то есть по тем же 24 губерниям, которые обследовались и в 1919 году.

группы сельского населения Ю. А. Поляков опускает данные 1919 г. и сравнивает 1917 г. только с 1920 годом.

Наибольший интерес участников научной сессии привлек вопрос об этапах аграрной революции. Это узловой вопрос истории деревни в период социалистической революции. В его решении Ю. А. Поляков исходит из указаний В. И. Ленина о взаимосвязи и последовательности решения Великой Октябрьской социалистической революцией буржуазно-демократических и социалистических задач в деревне, о «переломе», наступившем в деревне летом — осенью 1918 г. и разграничивающем два этапа аграрных преобразований [4].

Особое внимание автор уделил особенностям аграрных преобразований, совершенных Великой Октябрьской социалистической революцией. Как отмечает Ю. А. Поляков, впервые в истории аграрные преобразования осуществлялись под руководством пролетариата, являлись «составной частью общей социалистической революции, проходившей в стране». Именно руководящая роль рабочего класса обеспечила «завершение антикрепостнической революции в интересах трудящегося крестьянства, а затем осуществление социалистической революции в деревне, подорвавшей позиции капитала, включившей мелкобуржуазную деревню в систему советского народного хозяйства». В докладе отмечается возникновение социалистического уклада в сельском хозяйстве как «чрезвычайно важное завоевание социализма».

Проблеме соотношения буржуазно-демократических и социалистических задач, решенных революцией в деревне, посвятил свое выступление на сессии С. М. Дубровский (Москва). Он показал, что в деревне накануне Октябрьской революции очень ярко проявились обе социальные войны: и борьба всего крестьянства против помещиков, за ликвидацию феодально-крепостнических пережитков, и борьба деревенской бедноты против кулачества, за социалистическое переустройство общества. Однако поскольку до октября 1917 г. в деревне демократические задачи не были решены, постольку преобладала первая социальная война. Она нашла свое завершение на той стадии общедемократической борьбы, которую прошла Октябрьская социалистическая революция в деревне сразу же после 25 октября 1917 года.

Заслуживает внимания тезис С. М. Дубровского, что первая социальная война — война за ликвидацию феодально-помещичьего гнета — полностью исчерпала себя лишь в гражданской войне. «Что касается второй социальной войны, то она была завершена с проведением сплошной коллективизации и ликвидацией кулачества как класса». Этот тезис, как нам представляется, нуждается в дополнении, а именно в указании на то, что борьба пролетарских и полупролетарских слоев сельского населения против кулачества с лета — осени 1918 г. становится преобладающей, основной линией классовой борьбы в деревне, что гражданская война для деревни явилась сложнейшим соединением и переплетением обеих социальных войн.

На необходимость различать два этапа аграрной революции и характеризовать их в соответствии с ленинскими оценками указывали в своих выступлениях А. К. Касьян (Омск) и Е. И. Медведев (Куйбышев).

В ходе дискуссии была подвергнута критике некоторая односторонность трактовки Ю. А. Поляковым отдельных проблем истории аграрной революции. Особенно это относится к освещению проблем первого этапа аграрной революции, задачи которого в его докладе оказались сведенными только к ликвидации помещичьего землевладения. С. М. Дубровский, указывавший на это, отмечал, что в ряде районов страны, осо-

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 121—123, 155, 275—281, 316, 450—451; т. 29, стр. 168, 180, 187.

бенно на Востоке и Юго-Востоке, помещичьего землевладения не было или почти не было. Однако отсюда нельзя сделать вывод о том, что в Сибири, в Заволжье, на Дону и на Кубани не было остатков феодализма, что там Октябрьская революция не решала общедемократических задач.

К сожалению, Ю. А. Поляков обошел вопрос о конкретном соотношении буржуазно-демократических и социалистических преобразований на различных этапах революции. В связи с этим представляется справедливым замечание Г. В. Шарапова, И. Б. Берхина, Ю. С. Борисова (Москва) и других о том, что автору следовало бы показать место колхозного и совхозного строительства в социальных преобразованиях. осуществленных Советской властью в деревне до и после организации комбедов.

Особого внимания заслуживает постановка в докладе Ю. А. Полякова вопроса о «третьем этапе аграрной революции» — с весны 1919 г. до весны 1921 года. Как говорится в докладе, этот этап «характеризуется дальнейшей нивелировкой крестьянства, дальнейшим ослаблением социально-экономических позиций кулачества в условиях военного коммунизма, началом известной стабилизации крестьянского землепользования». Автор считает, что 1919—1920 гг. «характерны большим своеобразием в государственной экономической политике... Однако в области социально-экономического положения крестьянства эта политика гораздо более тесно связана с политикой 1918 г., чем с последующими годами нэпа». Таким образом, Ю. А. Поляков рассматривает третий этап как органическое продолжение, развитие и завершение аграрной революции в первую очередь и главным образом там, где она успела пройти уже два этапа, а отнюдь не осуществление аграрных преобразований в районах, где они не могли быть произведены в 1917—1918 годах.

Как известно, определение двух этапов аграрной революции дал В. И. Ленин. Первый из них по своему социальному содержанию — это этап в основном буржуазно-демократических преобразований, осуществленных Советской властью «походя и мимоходом»; второй — этап развертывания уже собственно социалистических преобразований. С этой точки зрения для третьего этапа нет места. Недаром в характеристике его у Ю. А. Полякова преобладает определение «дальнейший». Однако уравнительные переделы земли среди крестьянских хозяйств продолжались и после перехода к нэпу.

Дальнейшее осереднячивание крестьянства происходило не только в период военного коммунизма, но и в период нэпа. В этом смысле и тот и другой периоды являются продолжением аграрной революции, хотя каждый из них имеет существенные, только ему присущие специфические черты. Нельзя полностью согласиться с Ю. А. Поляковым, что социальные сдвиги в деревне в 1919—1920 гг. «происходили в том же направлении, что и в 1918 г., продолжая и развивая определившуюся тогда тенденцию».

При анализе процесса в целом Ю. А. Поляков, как указывалось выше, опустил данные о количестве бедняцких хозяйств за 1919 год. Между тем именно динамика этой группы крестьянских хозяйств показывает, что развитие деревни в условиях военного коммунизма не было простым продолжением предшествующего периода. Если осереднячивание деревни в 1917—1918 гг. шло за счет сокращения и бедноты и зажиточных слоев деревни, то в 1919—1920 гг. оно шло уже главным образом за счет сокращения зажиточных слоев при некотором росте бедняцких слоев, вызванном военной разрухой. Этот процесс настолько существенно отличает эпоху военного коммунизма от эпохи аграрной революции, что объединять их вместе не представляется возможным. Различие здесь не меньшее, чем, например, различие между этим процессом и процессом осереднячивания в годы нэпа, когда сокращались

бедняцкие слои населения (как и в ходе аграрной революции) при некотором росте группы зажиточных крестьян [5].

Переходя к вопросу о преемственности государственной политики в деревне за три указанных периода, следует отметить, что это была советская политика, и, конечно, на каждом из этих периодов развития она сохраняла определенные единые черты, особенно такие, как поддержка бедняцко-середняцких хозяйств, антикулацкая направленность, содействие социалистическим формам хозяйства. Однако конкретные формы и методы осуществления этой политики менялись в зависимости от конкретно-исторических условий. И с этой точки зрения утверждение, что политика военного коммунизма «гораздо более тесно связана с политикой 1918 г., чем с последующими годами нэпа», ничего не дает, поскольку политика нэпа — и это общеизвестно — еще более тесно связана с политикой 1918 г., чем политика военного коммунизма.

Ю. А. Поляков правильно подметил наступательный характер мероприятий Советского государства по отношению к кулачеству в 1919—1920 гг., свойственный и второму этапу аграрной революции. Однако этого наблюдения недостаточно, чтобы сделать общее заключение о характере государственной политики в деревне.

Для действительного выяснения развития советской аграрной политики необходим анализ основных законодательных актов по вопросу о земле. В период аграрной революции основные принципы этой политики были определены в декретах «О земле» от 26 октября 1917 г. и «О социализации земли» от 18 февраля 1918 г., в период военного коммунизма — в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г., в период нэпа — в «Законе о трудовом землепользовании» от 22 мая 1922 г. и «Земельном кодексе РСФСР», введенном в действие 30 октября 1922 года. Простое сопоставление этих документов показывает, что в них, как и в общей экономической политике Советского государства, переход к нэпу рассматривался как отмена политики военного коммунизма, продолжение и развитие политики, разработанной и осуществлявшейся партией в 1918 году.

Характерная для периода военного коммунизма попытка штурмом сокрушить капитализм и способом «самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения» [6] отчетливо проявилась (если говорить о деревне) не только в продразверстке, но и в земельной политике, основы которой были сформулированы в «Положении о социалистическом землеустройстве». Ни один другой законодательный документ Советского государства до перехода к политике коллективизации сельского хозяйства не ставил в качестве ближайшей, непосредственной и в то же время общей

---

[5] Пытаясь доказать аналогию в развитии всех социальных групп деревни за 1918—1919 и 1919—1920 гг., докладчик опирается на примеры, которые не всегда убедительны. Неудачна, в частности, ссылка автора на Пермскую губернию, где за 1919—1920 гг. действительно очень заметно сократилось число бедняцких хозяйств. Однако известно, что эта губерния с лета 1918 г. стала прифронтовой, в декабре 1918 г. она была захвачена колчаковцами и освобождена только весной 1919 года. Ясно, что этот пример ничего не говорит в пользу выделения третьего этапа. Отдельные примеры не могут служить убедительным аргументом. Из 24 губерний, по которым имеются сопоставимые данные за 1917, 1919 и 1920 гг., в 19 удельный вес безлошадных хозяйств за 1917 — 1919 гг. уменьшился, а в 5 увеличился; за 1919 — 1920 гг. в 9 уменьшился, а в 15 увеличился (см. «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», стр. 18—19; «Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г.», стр. 174—251). Наконец, нужно учесть, что данные за 1917 и 1919 гг. сгруппированы в зависимости от наличия в хозяйстве лошади, а данные за 1920 г.— по такому признаку, как наличие рабочего скота в целом. При сопоставлении этих данных несколько приуменьшается рост низшей группы за 1919—1920 гг. и соответственно преувеличивается рост средних групп крестьянских хозяйств.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 69.

задачи в деревне «переход от единоличных форм землепользования к товарищеским», ни один из них не делал из признания преимуществ социалистических форм хозяйства вывода о том, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие», и не закрывал возможности для их дальнейшего расширения [7].

Если бы осуществление этого закона действительно привело к массовому переходу крестьян «от единоличных форм землепользования к товарищеским», то можно было бы говорить о полном завершении социалистического этапа революции в деревне. Однако крестьянство в массе своей не было еще готово к этому переходу. Потребовалось целое десятилетие, чтобы созрели необходимые условия для завершающего этапа социалистической революции в деревне. Переход к нэпу сопровождался частичным «отступлением» и в земельной политике. Законодательные акты о земле 1921—1922 гг. имеют много общего с соответствующими законами 1917—1918 годов. И те и другие в отличие от «Положения о социалистическом землеустройстве» исходят из неизбежности сохранения на длительный период единоличного землепользования и, создавая определенные преимущества для социалистических форм хозяйства, подчеркивают в то же время свободу выбора форм землепользования, закрепляют уравнительный принцип распределения земли как все еще наиболее приемлемый для большей части трудящихся масс единоличного крестьянства, содержат ряд норм, допускающих и стимулирующих передачу новых земельных массивов в единоличное пользование [8]. Эта политика исходила из ленинского положения о том, что для перехода к социализму необходима «не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады...» [9].

Таким образом, и социально-экономическое положение крестьянства и экономическая политика Советского государства в деревне в 1919—1920 гг. носят особые черты, резко отличающие этот период как от предыдущего, так и от последующего времени.

Разумеется, это не значит, что хронологические рамки первых аграрных преобразований Советской власти являлись для всех районов одними и теми же, поскольку в 1918 г. преобразования были осуществлены на практике лишь в Центральной России и в Поволжье. Во всех других районах страны аграрные преобразования были завершены после освобождения этих районов от сил контрреволюции (в 1919—1920 гг.) и захватили не только период военного коммунизма, но и первые годы нэпа. В Сибири, например, как указывал А. К. Касьян в своем докладе на сессии, первые аграрные преобразования осуществлялись в 1919—1921 годах. Они сразу же особенно ярко выявили свою антикулацкую направленность. Здесь ввиду отсутствия помещичьего землевладения не было особого этапа ликвидации феодально-крепостнических пережитков. И буржуазно-демократические и социалистические задачи решались одновременно. В то же время здесь не возникла необходимость в широкой организации комитетов бедноты.

Иное дело — Азербайджан. В выступлении А. Д. Рагимова (Баку) было показано, что аграрные преобразования, начавшиеся здесь в мае 1920 г. и отличавшиеся рядом особенностей, прошли тем не менее те же два этапа, что и в центральных районах России. Основным содержанием первого этапа (май — октябрь 1920 г.) была конфискация земель ханов, беков, помещиков, монастырей, церквей и мечетей со всем живым и мертвым инвентарем. Конфискованные земли были переданы трудовому крестьянству на началах уравнительного пользования. На

[7] См. «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 — 1954». М. 1954, стр. 40, 41.

[8] См. там же, стр. 11 — 12, 23 — 31, 140 — 144, 156 — 179.

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 70.

втором этапе (с октября 1920 г. до начала 1921 г.) и здесь развернулся поход крестьянской бедноты против кулачества, и здесь были созданы комитеты бедноты, которые завершили ликвидацию помещичьего землевладения, нанесли удар по капиталистическим элементам и обеспечили перераспределение земли в интересах бедняцко-середняцких масс.

Даже эти два примера убедительно показывают, что осуществление аграрных преобразований в районах, где эти преобразования не были проведены в 1917—1918 гг., не составляет третьего этапа аграрной революции, который и логически и исторически продолжал бы и завершал сделанное на первых двух. В границах этих районов аграрные преобразования начинались заново, решали те же задачи, подчас проходя те же два указанных В. И. Лениным этапа. Хронологические рамки аграрной революции для страны в целом расширяются не за счет этапа «дальнейшего» развития процессов, совершившихся накануне, а за счет территории, на которой развертывалась эта революция.

Дискуссия показала необходимость всестороннего исследования социально-экономических и политических процессов в деревне в 1917—1920 гг., а также особенностей аграрных преобразований в районах, где они были осуществлены после изгнания белогвардейцев и иностранных оккупантов. Все более остро перед историками ставится задача изучения развития деревни в эпоху военного коммунизма. Ликвидация этого пробела является одним из условий правильного понимания и аграрной революции и перехода к новой экономической политике, ее значения для развития деревни [10].

★

Большое место в работе научной сессии заняло обсуждение характера социально-экономических отношений в советской деревне и их развития до коллективизации сельского хозяйства. Начавшаяся за последние годы работа по исследованию социально-экономического развития деревни очень скоро выявила ряд сложных и спорных вопросов. В числе их следует назвать прежде всего вопрос об оценке производственных отношений в доколхозной деревне, в особенности производственных отношений середняцкого хозяйства, его социального облика.

В исторической литературе ранее господствовала оценка производственных отношений крестьянства накануне коллективизации как отношений капиталистических. Такая оценка исходила от Сталина и была высказана со свойственной ему односторонностью и категоричностью [11]. Недостаточность этого определения стала очевидной очень скоро. В обобщающих трудах по политэкономии, философии и истории СССР оно стало уточняться и дополняться уже в 1954—1957 гг.: наряду с наличием капиталистических производственных отношений стало отмечаться наличие мелкобуржуазных отношений, или отношений мелких товаропроизводителей.

---

[10] Мы не останавливаемся специально на обсуждении вопроса об оценке уравнительного землепользования. Вопрос этот можно считать решенным. В свое время была подвергнута справедливой критике необоснованная попытка представить систему уравнительного землепользования как систему, соответствовавшую требованиям большевистской аграрной программы и подготовившую условия для социалистического строительства в деревне. Краткая полемика на сессии показала правильность оценки уравнительного передела как революционного способа передачи конфискованных у помещиков земель единоличному крестьянству. Все также согласились с тем, что уравнительное землепользование изжило себя не в 1919 г., а только с возникновением массового колхозного движения в 1929 г., хотя, разумеется, наиболее передовые представители крестьянства — те, кто явился зачинателем колхозного строительства,— уже в годы революции отчетливо видели и сознательно критиковали коренные недостатки этой системы землепользования.

[11] См. И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952, стр. 62.

На научной сессии вопрос о социальном облике различных групп сельского населения и характере их производственных отношений привлек значительное внимание. В докладах на сессии проблема социально-экономических отношений советского крестьянства в доколхозный период рассматривалась как в целом, так и на материалах отдельных районов [13]. В докладе пишущего эти строки и в выступлениях по этой проблеме социальный строй советской доколхозной деревни был охарактеризован как сложное сочетание различных по своему существу отношений — капиталистических и мелкобуржуазных, социалистических и переходных к социалистическим.

Принципиально важно и в то же время наиболее сложно выяснить степень распространения различных социальных отношений в деревне на разных этапах ее истории, выявить их удельный вес. Легко обнаруживаются социалистические производственные отношения, развивавшиеся в колхозах и совхозах. Ни у кого не вызывает сомнений также то, что производственные отношения между кулаками и занятыми в частном секторе батраками (сельский пролетариат) и бедняками (сельский полупролетариат) являются капиталистическими. Однако в капиталистические отношения втягивались в той или иной мере и отдельные слои середняков. При этом последние выступали не только в роли эксплуатируемых, но и в роли эксплуататоров, а весьма нередко в роли тех и других одновременно. Поэтому невозможно сферу капиталистических отношений ограничить лишь кулацкими (эксплуатирующими) и батрацко-бедняцкими (эксплуатируемыми) слоями. Необходим анализ конкретных отношений, складывавшихся и развивавшихся в деревне.

Из капиталистических отношений в области сельскохозяйственного производства того времени особенно отчетливо выражены отношения найма — сдачи внаем средств производства, земельная аренда и эксплуатация наемного труда. Анализ социального состава участников этих отношений показывает, что определяющую роль последние играли в хозяйственной деятельности полярных групп крестьянства — бедняцко-батрацкой и зажиточно-кулацкой. Основное ядро середняцких хозяйств вступало в подобные отношения реже. Тем не менее проходить мимо этих отношений середняцких слоев деревни нельзя. В них также находила свое выражение буржуазная сущность мелкого товарного хозяйства, как и в производстве продуктов на рынок. Ограниченность же этих отношений середняцкого хозяйства свидетельствует только о том, что перед нами мелкобуржуазное хозяйство.

Во время обсуждения указанной проблемы на сессии полемику вызвала сама по себе попытка определения сферы капиталистических отношений. В. Н. Яковцевский (Москва) считает, что такая попытка ведет будто бы к «складыванию» нанимающих средства производства со сдающими их внаем, арендующих землю со сдающими ее в аренду, нанимающих рабочую силу и работающих по найму, то есть бедняков с кулаками. Однако для подобных выводов нет никаких оснований. Как отмечали в своих выступлениях А. К. Касьян (Омск), Ю. С. Борисов и другие, анализируемые отношения являются двусторонними, и поэтому ограничить их сферу только одной — эксплуатирующей — стороной

[13] В. П. Данилов (Москва) «О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства»; А. К. Касьян (Омск) «Сибирская деревня в 1926—1929 гг.»; В. Н. Давыдов (Сыктывкар) «Социально-экономические отношения в коми деревне накануне коллективизации»; Г. Ф. Дахшлейгер (Алма-Ата) «К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 гг.)»; В. П. Шерстобитов (г. Фрунзе) «Социально-экономические отношения в ауле, кишлаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства»; Р. Х. Аминова (Ташкент) «Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1927 гг.)»; И. С. Степичев (Иркутск) «Некоторые вопросы истории классовой борьбы в период подготовки и начала сплошной коллективизации (по материалам Восточной Сибири)».

нельзя. В сферу буржуазных отношений втянут и кулак и эксплуатируемый им бедняк, ибо это отношения эксплуатации человека человеком.

Возражения В. Н. Яковцевского имели бы основания, если бы выяснение масштабов распространенности буржуазных отношений вело к затушевыванию классового различия между бедняками и кулаками, к вычислению и использованию «средних» цифр, снимало вопрос об антагонистических, эксплуататорских отношениях в деревне. На деле же выяснение этого вопроса производится с целью определения удельного веса хозяйств, которые были непосредственно втянуты в отношения капиталистической эксплуатации человека человеком. Решение этой задачи тем более важно, что в осереднячившейся деревне значительная часть населения в такие отношения систематически не вступала.

Более существенное значение имела дискуссия о характере производственных отношений середняцких слоев деревни. В докладе, сделанном на сессии, отмечалась двойственность положения крестьянина-единоличника в условиях товарного производства: с одной стороны, это трудящийся, с другой — частный собственник, производящий продукты на рынок. При оценке классового облика крестьянина, его производственных отношений необходимо иметь в виду обе стороны, оба свойства его «души». Поскольку мелкое самостоятельное хозяйство непосредственного производителя ведется без эксплуатации наемного труда, постольку его производственные отношения нельзя отождествлять с производственными отношениями крупного капиталистического хозяйства. Однако на этом основании нельзя считать мелкотоварное хозяйство небуржуазным. Определяющую роль в данном случае играет, во-первых, то обстоятельство, что собственность на средства производства крестьянского хозяйства является одним из видов частной собственности, а во-вторых, подчинение такого хозяйства законам рынка. Отсюда можно сделать вывод, что производственные отношения мелких крестьянских хозяйств в условиях товарного производства относятся к системе буржуазных отношений и составляют одну из разновидностей последних. Точнее определить их можно было бы как мелкобуржуазные.

Ю. С. Борисов, поддерживая в целом основные положения доклада, в частности определение производственных отношений крестьянина-середняка как мелкобуржуазных, выступил, однако, против того, чтобы считать их разновидностью буржуазных отношений. Он утверждал, что мелкого товаропроизводителя нельзя относить к буржуазным классам, поскольку «частная собственность крестьянина-середняка на средства производства создана его личным трудом, в то время как собственность кулака на средства производства создана посредством эксплуатации чужого труда».

Разумеется, середняка нельзя отождествлять ни с кулаком, ни с рабочим, нельзя упускать ни одну из сторон, характеризующих его социальное положение. Однако среди многих признаков того или иного явления выделить определяющий — это не значит допустить односторонность, как утверждал Ю. С. Борисов. Сам Ю. С. Борисов не сделал попытки показать главную, определяющую черту в классовом облике крестьянина-середняка.

Известно, что В. И. Ленин, подчеркивая как главные, характеризующие социальный тип крестьянина черты — наличие частной собственности и производство на рынок, в то же время отмечал, что крестьянин является трудящимся. В. И. Ленин относил «трудового земледельца» к буржуазным слоям [14], но одновременно выдвигал и пропагандировал лозунг союза рабочего класса и крестьянства в революционном движении.

---

[14] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 235; т. 15, стр. 108; т. 17, стр. 76; т. 18, стр. 21—22; т. 29, стр. 156; т. 32, стр. 227 и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила положение рабочего класса и трудового крестьянства. Однако крестьянство оставалось еще классом единоличников, мелких товаропроизводителей. Сущность частнособственнического мелкотоварного хозяйства коренным образом не изменилась: из буржуазного оно не превратилось в небуржуазное. Признание социальных отношений мелкого товаропроизводителя одной из разновидностей буржуазных отношений вовсе не означает ни отождествления их с капиталистическими, ни отрицания существенных изменений, которые внесла пролетарская революция в положение крестьянства.

На сессии было уделено большое внимание выяснению принципиального различия социального развития единоличного крестьянства в условиях советского строя и в условиях дореволюционного времени. Речь шла прежде всего о процессе осереднячизания деревни, о его масштабах и особенностях в стране в целом и в различных районах — в Сибири и в Коми АССР, в Казахстане и в Киргизии, в Азербайджане и в Узбекистане. Как известно, отмечая основные социальные изменения в деревне после революции — осереднячивание крестьянства и особенно ослабление позиций кулачества,— В. И. Ленин подчеркивал, что эти сдвиги наблюдались «в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше» [15]. На сессии был поставлен вопрос о социально-экономических и политических причинах этих порайонных различий, указаны основные хронологические грани процесса осереднячивания в Сибири и в республиках Средней Азии. На большей части территории страны этот процесс прослеживается чрезвычайно отчетливо. Очевидно, могли быть и отступления от общей тенденции. В. П. Шерстобитов пишет, что «в южных и кочевых районах Северной Киргизии вплоть до конца 20-х годов шел процесс дифференциации в дехканской среде (в отличие от центра и оседлых районов Северной Киргизии, где происходило осереднячивание деревни)» [16].

На наш взгляд, большое значение имеет выяснение источников осереднячивания деревни после аграрной революции, когда перераспределение имевшихся в сельском хозяйстве средств производства было завершено, когда восстановилось товарное производство и обращение, когда, следовательно, стихийное развитие мелкого частнособственнического хозяйства вело к социальному расслоению деревни. Источником процесса, противодействовавшего углублению классовой дифференциации крестьянства, как указывалось в докладах на сессии, было коренное изменение общественных условий в стране в результате установления диктатуры пролетариата. Анализ воздействия кооперации, кредита, снабжения орудиями производства, контрактации, налоговой политики, земельного и трудового права на хозяйственное развитие деревни конкретно показывает, как Советское государство воздействовало на процесс расслоения деревни, вытесняло кулачество, поддерживало середняка, содействовало подъему бедноты до середняцкого уровня, помогало трудящемуся крестьянину продержаться в своем мелком хозяйстве до тех пор, пока опыт не убедил его в необходимости перехода к социалистическим формам хозяйства.

В связи с этим на сессии обсуждался вопрос о системе переходных к социалистическим производственных отношений в деревне. Такими отношениями являлись отношения, складывавшиеся между бедняцко-середняцкими единоличными хозяйствами и социалистической промышленностью в области товарообмена (снабжение деревни средствами производства и промышленными товарами, кредитование, заготовки сель-

---

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 193.

[16] Этот вывод сделан, однако, на весьма небольшом фактическом материале и нуждается в проверке.

скохозяйственных продуктов через кооперацию и государственные организации). Наиболее отчетливо переходные отношения сложились в простейших производительных кооперативах — машинных, мелиоративных, посевных и т. п. товариществах. Переходные отношения заменяли на известный период буржуазные отношения, ограничивавшиеся и вытеснявшиеся благодаря всей политике Советского государства, и явились весьма существенной предпосылкой для торжества социалистических производственных отношений.

Особый интерес представляют доклады о социальной эволюции сельского населения в таких районах, как Казахстан и Киргизия, где преобладали феодально-патриархальные отношения, или Узбекистан, где эти отношения были очень значительны. Анализируя социально-экономические отношения внутри казахского аула накануне аграрных реформ, Г. Ф. Дахшлейгер (Алма-Ата) показал весьма своеобразное переплетение патриархально-феодальных и капиталистических отношений и форм эксплуатации у казахов. Однако на первых порах в кочевом и полукочевом ауле преобладали докапиталистические отношения, в сущности, отношения феодальные, но прикрытые и запутанные патриархально-родовыми пережитками. Прослеживая экономическое развитие казахского аула в 20-х годах, автор приходит к выводу, что его основной тенденцией было превращение натурального хозяйства в мелкотоварное.

Снижение удельного веса патриархального уклада и возрастание мелкотоварного отмечается и в докладе В. П. Шерстобитова (г. Фрунзе). К сожалению, в докладе не указывается, насколько далеко зашел процесс разложения докапиталистических форм. Вопроса о соотношении феодально-патриархальных элементов и элементов буржуазных в киргизском ауле автор не решает, что сказалось на обосновании его позиции в дискуссии о характере аграрной реформы 1927—1928 годов.

Ряд положений, выдвинутых В. П. Шерстобитовым, вызвал серьезные возражения участников сессии. Прежде всего это относится к характеристике земельного строя кочевого киргизского населения как свободного от феодальных институтов общинного землепользования на том основании, что помещичьего землевладения в таком виде, как в центральных районах России, в Средней Азии не было. На самом деле, как отмечалось выступавшими в прениях Ю. А. Николаевым (Душанбе), А. Ю. Ибрагимовой (Ташкент) и другими, земельный строй Средней Азии характеризовался наличием различных феодальных институтов, а их ликвидация была одной из основных задач советской аграрной политики. Интересен в этом отношении доклад Р. Х. Аминовой (Ташкент), которая показала, что даже в Узбекистане, где товарное производство было весьма развитым и где еще до революции быстро росли капиталистические отношения, «феодальные и полуфеодальные формы эксплуатации доминировали над капиталистическими», и Советское государство должно было в 1925 г. принять специальные меры в целях фактического осуществления национализации земли и ликвидации байского, то есть по преимуществу феодального, землевладения.

Отсутствие классических форм феодального землевладения отнюдь не говорит об отсутствии феодальных отношений у скотоводов-кочевников или о том, что в ходе аграрных преобразований у них не должны были решаться буржуазно-демократические задачи. Практическое пользование общинной землей находилось в прямом соответствии с количеством имевшегося у «общинника» скота. Скот же был в очень большой мере сконцентрирован у баев в качестве их собственности. И сам В. П. Шерстобитов в другой связи пишет об «огромных земельных владениях» киргизских манапов и баев, лишь маскируемых общинной формой землепользования.

Большие сомнения вызывает освещение В. П. Шерстобитовым вопроса о наемном труде. Создается впечатление, что буржуазное расслоение сельского населения в Киргизии было более глубоким, чем даже в центральных районах страны. Автор утверждает, что «в отличие от РСФСР в Киргизии был распространен долгосрочный наем батраков; по найму и по стажу работы батраков Киргизия превосходила РСФСР; следовательно, батрацкие кадры в Киргизии были более постоянными, чем в центре... Работа по найму для подавляющего большинства батраков Киргизии и их семей являлась главным источником существования, в то время как в РСФСР для большей доли их — дополнительным источником дохода». Как явствует из дальнейшего изложения, в число батраков Киргизии оказались зачисленными чайрикеры: «наиболее широкое распространение наемный труд получил в районах оседло-хлопководческого хозяйства Южной Киргизии (преимущественно в форме издольной аренды хозяйской земли, семян и инвентаря с приложением к земле труда чайрикера — издольщика)».

В центральных районах России арендатор-издольщик не зачислялся в число сроковых рабочих, то есть батраков, и, следовательно, сравниваемые В. П. Шерстобитовым явления несопоставимы по своему количественному выражению. Но главное все же заключается в другом: батрак в центральных районах страны — это капиталистически эксплуатируемый наемный работник, а чайрикер в Средней Азии — это крестьянин, эксплуатируемый полуфеодальными методами. Перед нами, таким образом, явления, различные по своей социальной сущности.

Выяснение социального облика основных групп населения в ауле, кишлаке и аиле — важное условие правильного решения вопроса о характере аграрных преобразований в Средней Азии и Казахстане, осуществленных во второй половине 20-х годов.

Большие споры развернулись на сессии вокруг проблемы о характере земельно-водных реформ 1928—1929 гг. на Советском Востоке. Здесь столкнулись с самого начала две точки зрения. В докладе В. П. Шерстобитова отстаивалась оценка аграрных реформ 20-х годов как последовательно социалистических, в докладах Г. Ф. Дахшлейгера и Р. Х. Аминовой содержалась аргументация в пользу оценки их как буржуазно-демократических или революционно-демократических.

В. П. Шерстобитов исходит из рассмотренного выше положения об отсутствии феодального землевладения на территории, где проводились аграрные реформы. «В Киргизии поэтому,— пишет он,— совершенно не стояла задача (после Октябрьской революции) ликвидации феодальных земельных институтов. Решая задачи аграрных преобразований в Киргизии, Советской власти не пришлось здесь в отличие от центра доводить до конца буржуазную революцию, все эти преобразования с самого начала имели сугубо социалистическую направленность и носили социалистический характер».

Прямым противоречием процитированному здесь является высказывание автора о «большей крепости и живучести патриархально-феодальных отношений» в послереволюционной Киргизии, о том, что «общинное землепользование в киргизской среде при огромном влиянии манапов и баев надежно маскировало их фактически огромные земельные владения», что в Киргизии сохранялось «в течение многих лет дореволюционное землепользование потому, что Советская власть в отношении ранее отсталых народов проявляла осторожность, дожидаясь развития внутренних процессов в самом дехканстве». Все это правильно, и все это убедительно опровергает тезис о том, что перед Киргизией буржуазно-демократические задачи «вовсе не стояли и стоять не могли».

Земельно-водная реформа в Северной Киргизии, осуществленная в 1921—1922 гг., подчеркивает автор,— «мера сугубо социалистическая».

Однако, как говорится в докладе, «ее главной целью являлось уравнение фактического землепользования... русского и киргизского населения, ликвидация последствий насильственных земельных захватов царизма»; «реформа носила антиколонизаторский характер» и «затронула землепользование киргизского населения... лишь в части байских земель, обособившихся от общинных и использовавшихся под торгово-капиталистическое земледелие». Следовательно, добавим уже от себя, реформа не затронула байские земельные владения, маскировавшиеся общинным землепользованием. Больше того, основная часть конфискованных у русских колонизаторов земель была передана кочевому и полукочевому населению, значит, фактически использовалась также и манапами и баями.

В. П. Шерстобитов считает, что наделение в результате внутриселенного землеустройства «всех без исключения русских хозяйств и особенно... кулацких» хозяйств землей, «исходя из трудовой нормы», «еще ярче подчеркивает социалистическую направленность» этой реформы. Почему? До сих пор в советской историографии подобное мероприятие (например, уравнительное перераспределение земель по «трудовой норме» весной 1918 г.) оценивалось как буржуазно-демократическое. К этому остается добавить замечание докладчика, что «в оседлых киргизских районах внутриселенное землеустройство почти не проводилось (а следовательно, и «трудовая норма» не применялась по отношению к баям.— *В. Д.*), не говоря уже о кочевых, где земельный строй был оставлен в неприкосновенности до самой коллективизации».

Реформа 1927—1928 гг. в Южной Киргизии, как отмечается в докладе, сопровождалась «необычайно ярким процессом осереднячивания дехканства». В результате сокращения землепользования «зажиточных групп» была подорвана «экономическая основа их политического влияния», резко ограничились «возможности капиталистической эксплуатации трудящихся». Заканчивая изложение вопроса, автор указывает, что «класс феодалов-скотоводов в Киргизии до конца ликвидирован не был, так как экспроприация коснулась только небольшой части наиболее крупных манапов. Коллективизация развернулась при наличии остатков класса феодалов...».

Для решения вопроса о характере аграрных реформ 1925—1926 гг. важное значение, как показывает доклад Г. Ф. Дахшлейгера, имеет анализ основных партийных и советских документов, определивших задачи и методы осуществления этих реформ. Эти документы показывают, что уравнительный передел сенокосных и пахотных угодий и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов «имели своей целью уничтожение остатков патриархально-феодальных отношений в ауле, то есть прежде всего имели антифеодальную направленность».

Фактический материал убедительно свидетельствует о том, что основным содержанием реформ было не обобществление, а перераспределение средств производства, повлекшее за собой осереднячивание аула, рост мелкотоварного производства. После реформ начинается более широкое распространение буржуазных отношений (аренда земли, наем — сдача живого и мертвого инвентаря, наемный труд), заменивших прикрытые и запутанные патриархально-родовыми традициями феодальные отношения.

Основной социальный итог аграрных преобразований 1926—1928 гг. в Казахстане, как показал Г. Ф. Дахшлейгер и выступивший в прениях А. Б. Турсунбаев (Алма-Ата), состоял в превращении значительных масс бедняцких и середняцких хозяйств, находившихся в зависимости от баев и эксплуатировавшихся в большинстве патриархально-феодальными методами, в хозяйства мелких товаропроизводителей. Отсюда и следует вывод о «буржуазно-демократическом или революционно-демократическом» характере названных преобразований.

По своим основным задачам и объективным последствиям социально-экономические реформы 1925—1928 гг. в казахском ауле при всем их своеобразии не вышли за рамки проведенного в 1918 г. в русской деревне уравнительного передела земли. Больше того, они еще не позволили полностью очистить казахский аул от феодально-патриархальных элементов и форм эксплуатации. Окончательно эта задача была решена уже в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства.

К подобным же выводам приходит в своем докладе и Р. Х. Аминова и другие участники сессии, которые в своих выступлениях подчеркивали, что эти преобразования, поскольку они проводились в условиях начинавшейся социалистической реконструкции народного хозяйства, вышли за рамки решения чисто буржуазно-демократических задач, подготовив условия для социалистических преобразований. Однако их прямым результатом было установление не социалистических, а мелкобуржуазных форм производства, капиталистические элементы были затронуты ими лишь частично, основной удар они нанесли по патриархально-феодальному укладу.

Дискуссии по этой проблеме посвятил значительную часть своего заключительного слова на сессии председатель Научного совета, чл.-корр. АН СССР М. П. Ким. Он подчеркнул прежде всего антифеодальную направленность аграрных реформ в Средней Азии и Казахстане. Их назначение состояло в том, чтобы «убрать с дороги феодальные аграрные отношения». Эти реформы должны были «разрешить нерешенные или решенные не до конца вопросы буржуазно-демократической революции».

М. П. Ким также подчеркнул важность для оценки социальных преобразований их объективных результатов. «Важно не только то, что отрицается, но и то, что утверждается»,— говорил он. Он соглашается с тем, что в итоге аграрных реформ 20-х годов в Средней Азии и Казахстане «вместо ликвидированного феодального хозяйства приобретает массовое распространение мелкотоварное хозяйство». Однако, по мнению М. П. Кима, отсюда нельзя делать вывод о том, что и характер преобразований был буржуазно-демократическим, поскольку они осуществлялись в условиях диктатуры пролетариата «в ходе социалистических преобразований во всех областях жизни», поскольку «эти антифеодальные мероприятия непосредственно переплетались с уже чисто пролетарскими мероприятиями».

Аграрные реформы 1926—1928 гг. в Средней Азии и Казахстане, отмечал М. П. Ким, нельзя рассматривать «без политики Советов, без изгнания баев из кишлаков и аулов, без советизации аулов и кишлаков, без связи с наделением бедноты и батрачества землей, без создания кооперативов и колхозов, то есть без связи с рядом задач, которые были в основном задачами социалистическими». Это мероприятие «исторически должно было быть проведено в период буржуазно-демократической революции», однако его проводило Советское государство в условиях осуществления социалистических преобразований, проводило его «по-советски, по-социалистически». Поэтому оно являлось «по своему характеру и назначению социалистическим».

Подводя итог изложенному, следует отметить значительное сближение взглядов обеих спорящих сторон. Выявилось единство в решении ряда важнейших вопросов, расхождение остается лишь в конечной оценке преобразований, которая делается из общих посылок. Суть ее сводится к тому, что̀ считать определяющим: объективные итоги преобразований или метод их осуществления? Теперь, очевидно, задача состоит уже не в дискуссиях, поскольку точки зрения обеих сторон, сложившиеся на данном уровне научных знаний, как и их аргументация, выявлены полностью, а в создании конкретно-исторических трудов, которые послужили бы основой для решения проблемы в целом.

★

В ином направлении шло обсуждение на научной сессии основных проблем истории социалистического преобразования сельского хозяйства. На протяжении последних десяти—двенадцати лет эти проблемы занимали одно из центральных мест в историографии советского общества. Создана значительная литература по истории подготовки и проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства. Поэтому проблемы сплошной коллективизации сельского хозяйства обсуждались на сессии прежде всего по линии подведения итогов проделанной ранее работы. Этому способствовала и постановка на сессии доклада М. Л. Богденко и И. Е. Зеленина (Москва) «Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе».

Обстоятельный обзор литературы в докладе и в выступлениях специалистов из союзных и автономных республик, из различных краев и областей нашей страны позволил составить представление о положении в этой отрасли историографии. Обсуждение показало, что в изучении социалистического преобразования сельского хозяйства наряду с известными достижениями еще немало слабо изученных или даже совсем не изученных вопросов. В исследованиях о сельскохозяйственной кооперации не показываются органические изменения в положении крестьянина, подготавливавшие его переход на путь коллективизации. Слабо изучено развитие совхозов и колхозов с точки зрения их внутренней организации. По этим проблемам у нас еще нет крупных исследовательских работ, в которых раскрывалась бы проблема в целом. То же самое следует сказать об изучении развития материально-технической базы сельского хозяйства в годы сплошной коллективизации, хотя предшествующий (до 1929 г.) и последующий (с 1933 по 1937 г.) этапы исследованы довольно обстоятельно. Серьезным пробелом является слабая изученность процесса коллективизации крестьянских хозяйств в конце реорганизационного периода (после 1931 г.). Совсем не изучается положение единоличников в период социалистического преобразования сельского хозяйства, даже в 1930—1931 гг., когда число их было еще очень велико. При весьма существенных достижениях в изучении перехода Коммунистической партии от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации его как класса конкретный ход классовой борьбы в деревне, ставшей на путь сплошной коллективизации и ликвидации сельской буржуазии, еще не изучен. Из поля зрения историков фактически выпала проблема сельских Советов как тема специального исследования.

В значительной мере по-новому был поставлен на сессии вопрос о разработке Коммунистической партией конкретной программы сроков и темпов проведения сплошной коллективизации. М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин вполне обоснованно выступили против упрощенного освещения этого важного вопроса, поскольку историки обычно связывают разработку плана коллективизации только с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г., «не учитывая дальнейшее уточнение и конкретизацию ориентировочно намеченных этим постановлением сроков и темпов коллективизации в решениях XVI съезда партии, декабрьского (1930 г.) и июньского (1931 г.) пленумов ЦК и в постановлении ЦК от 2 августа 1931 г.».

Сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР была первым в истории опытом социалистического преобразования деревни. Естественно, что в ходе ее были неизбежны уточнения, а в необходимых случаях и изменения ее конкретных сроков, форм и способов.

Нельзя полностью согласиться с М. Л. Богденко и И. Е. Зелениным в вопросе о причинах левацких перегибов на первом этапе сплошной коллективизации. Докладчики выступили против объяснения этих при-

чин в монографии С. П. Трапезникова, который впервые в советской историографии отказался от взваливания на местных работников всей ответственности за допущенные тогда ошибки и перегибы.

В книге С. П. Трапезникова указывается, что «провозглашение новой классовой политики было для многих наших работников внезапным», поскольку тогда не были проведены ни съезд, ни конференция, которые, подобно VIII или X съездам партии, собиравшимся в моменты крутых поворотов в политике, провозгласили бы новый политический курс и обеспечили максимальную мобилизованность партийных кадров [17]. М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин ссылаются на разработку плана коллективизации в Комиссии Политбюро ЦК, на провозглашение лозунга коллективизации и на разъяснение новой политики в выступлениях руководящих работников Коммунистической партии. Однако в данном случае речь идет не о субъективной готовности людей. Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что лозунг сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса нашел подготовленную почву.

Объяснение, выдвинутое С. П. Трапезниковым, верно в том смысле, что в конце 1929 г. уже имелся достаточный материал, чтобы предупредить многие из тех нарушений и ошибок, которые почти повсеместно проявились в январе—марте 1930 г., не дать им достигнуть той степени, которая поставила колхозное строительство на грань дискредитации. Проведение съезда или конференции с широким обсуждением программы сплошной коллективизации имело бы в этом отношении чрезвычайно важное значение.

Обстоятельно была обсуждена на сессии периодизация истории социалистической реконструкции сельского хозяйства. Обобщая результаты ряда предшествующих дискуссий по этой проблеме, М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин выделяют три основных периода социалистического переустройства в деревне: 1) непосредственная подготовка сплошной коллективизации (1927—1929 гг.); 2) сплошная коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса (вторая половина 1929—1932 г.); 3) завершение социалистической реконструкции сельского хозяйства (1933—1937 гг.).

Эта схема обсуждалась уже и в прошлом. В целом на сессии она была поддержана всеми выступавшими по этой проблеме участниками. Однако со стороны ряда участников (И. Ф. Ганжа, З. П. Шульга, А. Ф. Чмыга) были высказаны возражения в связи с тем, что в изложенной выше схеме не нашло места колхозное строительство в период с 1917 по 1927 год. Само по себе это замечание справедливо, хотя нельзя согласиться с требованием датировать историю социалистического преобразования сельского хозяйства только 1917—1937 годами. В выступлениях ряда участников сессии указывалось, что для страны в целом период перехода от капитализма к социализму датируется 1917—1937 гг., однако вполне естественным и правомерным является выделение реконструктивного периода (1926—1937 гг.). Столь же правомерно выделение особого периода в истории социалистического преобразования сельского хозяйства (1927—1937 гг.).

Наряду с подведением итогов изучения истории коллективизации сельского хозяйства на сессии были поставлены и обсуждены доклады по ряду слабо изученных проблем социалистического преобразования деревни [18]. За последние годы было уделено большое внимание изучению разработки В. И. Лениным основных положений кооперативного плана,

---

[17] С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М. 1959, стр. 175.

[18] Помимо рассматриваемых ниже докладов по отдельным проблемам, на сессии были заслушаны доклады начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белова (Москва) «О состоянии публикации документальных материалов по истории коллективизации сельского хозяйства и перспективах этой ра-

послужившего генеральной программой социалистического преобразования сельского хозяйства. Сделанное в этой области существенно дополняется докладом И. Б. Берхина (Москва) об основных этапах формирования ленинского кооперативного плана. В этом докладе выделяются три этапа в процессе формирования этого плана. Первый из них относится к дооктябрьскому времени и характеризуется как период борьбы с оппортунистическими взглядами на кооперацию, борьбы за овладение рабочей кооперацией в качестве вспомогательного орудия в классовой борьбе пролетариата и т. п. Второй этап охватывает время с октября 1917 г. до конца гражданской войны. Для него характерны, во-первых, начало колхозного строительства в деревне и, во-вторых, борьба за превращение старой, буржуазной кооперации в орудие социалистического строительства. Поскольку на практике оба эти процесса еще не были связаны, постольку «с самого начала социалистической революции строительство коллективных социалистических хозяйств в деревне рассматривалось вне связи с существовавшими простейшими формами кооперации, как прямой путь деревни к социализму». Третий этап охватывает первые годы нэпа. Отличительной чертой этого этапа, как указывается в докладе, является то, что «Ленин, Коммунистическая партия связывают воедино два русла кооперативного строительства в деревне».

Схема, предложенная в докладе И. Б. Берхина, вызвала ряд возражений на сессии как в определении хронологических рамок отдельных этапов формирования ленинского кооперативного плана, так и в характеристике их содержания. В. К. Медведев (Саратов) высказался против включения всей предреволюционной эпохи в число этапов разработки В. И. Лениным кооперативного плана. По его мнению, «произведения Ленина до октября 1917 г. были теоретической подготовкой основ кооперативного плана», однако только с момента победы пролетарской революции программные положения основоположников марксизма-ленинизма «приобрели значение практических указаний об организации социалистических форм в сельскохозяйственном производстве».

Серьезные возражения вызвала попытка И. Б. Берхина рассматривать 1917—1920 гг. как единый этап в формировании ленинского кооперативного плана. В докладе оказались целиком стертыми различия в постановке В. И. Лениным вопроса о путях и формах социалистического строительства в первые месяцы Советской власти и в период военного коммунизма. В. М. Селунская (Москва) показала прямую связь постановки В. И. Лениным вопроса о кооперации с общей экономической политикой Коммунистической партии. Само положение кооперации, особенно сельскохозяйственной, в первой половине 1918 г., когда В. И. Ленин разрабатывал план приступа к социалистическому строительству, и в период военного коммунизма было принципиально различным. Выдвинутые В. И. Лениным в работе «Очередные задачи Советской власти» положения о роли кооперации в социалистическом преобразовании общества имеют самое широкое содержание и охватывают все формы кооперирования. Во всяком случае, они не дают оснований для утверждений о том, что до перехода к нэпу В. И. Ленин не видел связи между производственными и первичными формами кооперации.

Дискуссия со всей ясностью показала, что необходимо учитывать историческую обстановку, в которой выдвигались и разрабатывались основные положения ленинского кооперативного плана. Вместе с тем она показала, что особенную важность приобрела задача изучения дальнейшего развития кооперативного плана Коммунистической партией, что позволит лучше понять и правильнее оценить богатство ленинского теоретического наследия.

боты на ближайшие годы», А. А. Барсова и В. С. Васюкова (Москва) «Зарубежная историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР».

На сессии был заслушан доклад Ю. С. Борисова «Изменение социального облика крестьянства в результате коллективизации сельского хозяйства». Исходя из ленинского определения класса, докладчик указывает на коренные изменения в отношениях собственности и роли крестьянства в общественной организации труда, на перемены в способах получения материальных благ и в размерах той доли общественного богатства, которой располагает крестьянство. Интересна постановка задачи изучения отношений, складывающихся внутри колхоза (между членами сельскохозяйственной артели, между отдельными колхозниками и коллективом в целом), то есть производственных отношений между людьми, относящимися к одному классу, в данном случае к колхозному крестьянству. К сожалению, в докладе не было сделано попытки ни теоретически, ни конкретно-исторически определить круг этих отношений, их характер и направление развития.

Одной из важнейших социальных проблем истории социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР — ликвидации кулачества как класса и судьбе бывших кулаков — посвятил свое сообщение А. П. Финаров (Красноярск). Опираясь на конкретный материал Красноярского края, автор опровергает измышления буржуазных фальсификаторов о физическом истреблении кулаков и их семей, показывает, что Коммунистическая партия и Советское правительство сумели перевоспитать значительную часть бывших кулаков, превратить их в тружеников нашего общества, вовлечь в социалистическое строительство.

В докладе Ю. А. Мошкова «Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства» был обстоятельно освещен ход хлебных заготовок как средства удовлетворения растущих потребностей страны. Автор показал не только динамику абсолютных размеров государственных заготовок хлеба с 1929 по 1934 г., но и социальные изменения в источниках поступления хлеба (соотношение единоличного и колхозного секторов), а также развитие форм государственных заготовок в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. Однако, как правильно отметил М. А. Вылцан (Москва), анализируя вопрос о решении зерновой проблемы, нельзя ограничиваться выяснением движения заготовок хлеба; необходимо прежде всего исследовать развитие производства зерна. Слишком фактографично изложен в докладе вопрос о переходе от контрактационной системы заготовок к обязательным поставкам, имевшим силу налога. Это мероприятие имело крупнейшие экономические и социальные последствия, надолго предопределило направление и формы экономических взаимоотношений города и деревни. К сожалению, историки и экономисты до сих пор должным образом не занимались исследованием этого важного вопроса.

Одной из наиболее важных и сложных является проблема социалистического преобразования сельского хозяйства в ранее отсталых районах страны — бывших колониальных окраинах царской России. Данной проблеме были посвящены доклады о коллективизации сельского хозяйства в Азербайджане, Таджикистане, Туркмении и Удмуртии [19]. В этих докладах, как и в выступлениях ряда участников сессии, было показано, что основные этапы процесса социалистического преобразования сельского хозяйства, будучи едиными по своему содержанию, не совпадали во времени, имели существенные различия в формах и методах осуществления. В экономически отсталых районах страны, особенно в районах кочевого животноводства, сплошная коллективизация сельского хозяйства

[19] Э. И. Мамедов (Баку) «О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства Азербайджана»; Х. Н. Дриккер (Душанбе) «Особенности коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане»; Е. Н. Куприкова (Ашхабад «О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Туркменистане»; А. А. Тронин (Ижевск) «Особенности социальной и технической реконструкции удмуртской деревни».

развернулась позднее, чем в центральных районах; она прошла ряд дополнительных ступеней и потребовала более широкого применения переходных, простейших форм производственного объединения. В ряде республик Средней Азии подготовительный этап коллективизации был наиболее продолжительным. Да и самый процесс сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации эксплуататорских классов потребовал здесь значительно больше времени. В Таджикистане, как это показала в своем докладе Х. Н. Дриккер (Душанбе), эти задачи были в основном решены «не к концу первой пятилетки, как в большинстве районов СССР и по стране в целом, а только к концу второй пятилетки». Причем переход от тозов к сельскохозяйственной артели здесь завершился лишь в первые годы третьей пятилетки. В кочевых районах Туркмении переход к оседлости и коллективизация развернулись по-настоящему с 1932 года. Лишь с 1935 г. здесь начался постепенный перевод тозов на устав сельскохозяйственной артели.

Доклады А. А. Тронина, Х. Н. Дриккер, выступление А. П. Текуева обратили внимание конкретностью анализа особенностей и, главное, дополнительных трудностей осуществления коллективизации, порожденных сохранением феодальных и родо-племенных институтов и культурно-бытовой отсталостью населения.

В связи с докладом А. А. Тронина был поставлен вопрос: применимо ли положение о переходе к социализму, минуя стадию капитализма, к истории социалистического строительства в автономных республиках Поволжья? М. В. Агеев (Мордовский государственный университет) утверждал, что «тезис о некапиталистическом развитии к Удмуртии не применим», что в республиках Поволжья «победили капиталистические производственные отношения... патриархально-родовые пережитки не играли и не могли играть той роли, которую мы имели в республиках Средней Азии и Казахстане». Думается, однако, что нельзя брать за одну скобку все республики Поволжья, что этот вопрос должен решаться в каждом отдельном случае в зависимости от конкретно-исторической действительности.

Для правильного понимания социалистического преобразования сельского хозяйства в национальных республиках большое значение имеет решение проблемы общего и особенного на разных этапах этого процесса. Как это было показано в докладах и выступлениях на сессии, специфика сельских условий, многообразие форм и методов были наиболее ощутимы в период подготовки массового колхозного движения и в начале сплошной коллективизации. В дальнейшем, вместе с успехами социалистического преобразования, национальные особенности все более сглаживались.

Наиболее четко эта проблема была поставлена в докладе Э. И. Мамедова. «Особенности коллективизации сельского хозяйства Азербайджана... были характерны,— пишет Э. И. Мамедов,— не для всего процесса колхозного строительства... По мере того, как усиливалась материально-техническая база сельского хозяйства, возрастал культурный уровень деревни, указанные факторы (слабое развитие производительных сил, культурная отсталость, недостаток национальных кадров, патриархально-родовые традиции и т. п.— *В. Д.*) постепенно утрачивали свое значение. К моменту завершения сплошной коллективизации сельского хозяйства эти особенности уже не характеризовали лицо азербайджанской деревни... Сельское хозяйство Азербайджана стало развиваться в одинаковых условиях, в общей системе сельского хозяйства всей страны». Такая трактовка вопроса об общих закономерностях и особенностях в исследованиях по истории коллективизации сельского хозяйства является правильной и более полной.

Доклады Н. Г. Каротамма и С. Я. Афтенюка были посвящены коллективизации сельского хозяйства в Эстонии и Правобережной Молда-

вии[20], где она была проведена в конце 40-х — начале 50-х годов. Анализ процесса социалистического преобразования сельского хозяйства привел Н. Г. Каротамма к выводу о наличии в Эстонии факторов, содействовавших более скорому переходу крестьян на путь колхозов, и вместе с тем факторов, создававших дополнительные препятствия на этом пути. К числу условий, облегчавших проведение коллективизации сельского хозяйства, Н. Г. Каротамм относит прежде всего то обстоятельство, что Эстония вошла в Союз ССР, где колхозный строй уже победил и окончательно утвердился. Поэтому здесь подготовка и проведение коллективизации сельского хозяйства осуществлялись на базе богатейшего опыта колхозного движения старых советских республик. Кроме того, колхозное строительство в Эстонской ССР базировалось на индустриальной мощи всего Союза, обеспечившей быстрые темпы технического перевооружения сельского хозяйства.

С другой стороны, в результате многолетней антиколхозной клеветы и агитации эстонской буржуазии «предубеждение значительных слоев трудового крестьянства против колхозов в Эстонии, пожалуй, было сильнее, чем в других советских республиках». У эстонских крестьян были сильнее традиции привязанности к своему клочку земли, глубже укоренилось чувство частной собственности. Ряд дополнительных трудностей создавало почти исключительное господство хуторской системы землепользования. «В этом переплетении противоречивых факторов, однако, обстоятельства, облегчавшие коллективизацию сельского хозяйства Эстонской ССР, преобладали над теми обстоятельствами, которые создавали дополнительные трудности для коллективизации в республике. Это подтверждается более сокращенным сроком подготовки коллективизации в Эстонской ССР по сравнению со старыми советскими республиками».

Оригинально решается проблема в докладе С. Я. Афтенюка. По всем основным вопросам истории коллективизации сельского хозяйства он производит прямое сопоставление конкретного материала по Левобережной и Правобережной Молдавии. Все основные условия социалистического преобразования сельского хозяйства были значительно более благоприятными в 1948—1952 гг., чем в 1929—1932 годах. Поэтому на подготовку и проведение коллективизации сельского хозяйства в Правобережной Молдавии «потребовалось не 15, как в Левобережной части республики, а лишь 6 лет».

По мнению С. Я. Афтенюка, за этот же период была в основном завершена и техническая реконструкция сельского хозяйства в Правобережной Молдавии. Если «в конце 20-х — начале 30-х годов темпы технической реконструкции в деревне в период массового колхозного движения отставали от темпов коллективизации» и «колхозы в первые годы должны были большую часть сельскохозяйственных работ проводить старыми орудиями труда», то «в Правобережье Молдавии и других молодых советских республиках и областях... колхозы создавались на базе новой, современной техники, и уже при завершении сплошной коллективизации в Молдавской ССР механизация основных сельскохозяйственных работ в колхозах составляла 66—92%». Выступивший по этому докладу А. П. Ефременко (Вильнюс) возражал против распространения этого вывода на республики Прибалтики, в частности на Литву, где «социальная революция... опережала техническую реконструкцию, хотя большого разрыва между этими процессами уже не было».

Вопрос о соотношении социальной и технической реконструкции в ходе коллективизации сельского хозяйства в СССР в свое время вызвал

---

[20] Н. Г. Каротамм (Москва) «Коллективизация сельского хозяйства в Эстонской ССР»; С. Я. Афтенюк (Кишинев) «Характерные черты коллективизации сельского хозяйства Правобережья Молдавии».

немало споров. Для его разрешения применительно к истории коллективизации сельского хозяйства в Прибалтике, Западной Белоруссии, Западной Украине и Правобережной Молдавии необходимы исследования, которые бы всесторонне осветили этот процесс.

★

Решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. было положено начало новому этапу в развитии сельского хозяйства нашей страны, в истории советской деревни. Значительность происходящих перемен, их прямая связь с движением советского народа к коммунизму привлекли внимание многих исследователей. Разумеется, пока можно говорить лишь о первых шагах в изучении проблем нового этапа в истории советской деревни. На сессии в докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) и в выступлении П. И. Климова (Москва) отмечалось, что работы, посвященные указанному этапу, в большинстве своем представляют обзор мероприятий партии и правительства, в большей или меньшей степени проиллюстрированный фактическим материалом. Имеются известные положительные результаты в освещении развития отдельных отраслей сельского хозяйства, борьбы за подъем производства продуктов земледелия и животноводства. Однако вопросы, связанные с жизнью и деятельностью колхозного крестьянства как класса советского общества, социально-экономические сдвиги в деревне еще не привлекли должного внимания историков. Не случайно поэтому, что на апрельской сессии как в докладах, так и в выступлениях участников прений на передний план была выдвинута одна из основных проблем развернутого строительства коммунизма: сближение крестьянства с рабочим классом, колхозной деревни — с социалистическим городом.

Сессия сыграла, на наш взгляд, положительную роль в определении основной проблематики истории нового этапа в развитии сельского хозяйства СССР. Решению этой задачи в особенности содействовали доклады советских экономистов В. Г. Венжера и Г. Г. Котова [21], посвященные экономическим основам стирания классовых различий между трудящимися города и деревни. По своему содержанию эти доклады представляют интересные попытки показать пути и формы дальнейшего сближения государственной и колхозно-кооперативной форм социалистической собственности. В докладах достаточно четко обрисованы проблемы, нуждающиеся в первоочередном исследовании на материале прошлого и настоящего.

Конкретно-историческим проблемам нового этапа в развитии сельского хозяйства СССР были посвящены доклады Ю. В. Арутюняна, А. Б. Турсунбаева, Ф. И. Колодина, Л. Н. Чижиковой [22]. Доклад Ю. В. Арутюняна привлек внимание прежде всего раскрытием своеобразия нового этапа в развитии сельского хозяйства, его качественного отличия от предыдущего времени. Автор исследовал большой статистический материал, в значительной мере им самим обработанный, и сумел показать глубокие сдвиги в развитии колхозов, подъем их производ-

---

[21] В. Г. Венжер (Москва) «Исторические закономерности развития колхозного строя при социализме и в период развернутого строительства коммунистического общества»; Г. Г. Котов (Москва) «О сближении колхозов и совхозов и о едином типе сельскохозяйственного предприятия».

[22] Ю. В. Арутюнян (Москва) «Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества»; А. Б. Турсунбаев «Освоение целинных и залежных земель и его значение для коммунистического строительства в СССР»; Ф. И. Колодин (Алма-Ата) «Реорганизация МТС и дальнейшее укрепление колхозного строя (на материалах Казахстана)»; Л. Н. Чижикова (Москва) «Социалистические преобразования в быту и культуре колхозного крестьянства Кубани».

ства и ускорение процесса социального сближения рабочего класса и крестьянства.

В докладе А. Б. Турсунбаева освещался героический подвиг советского народа, освоившего за небывало короткий срок миллионы гектаров новых земель, сделана попытка оценить значение этого подвига в борьбе за коммунизм. Особенности развития колхозов Казахстана после реорганизации МТС рассматривались в докладе Ф. И. Колодина. Значительный интерес представляет попытка Л. Н. Чижиковой конкретно показать на материалах кубанской этнографической экспедиции сближение колхозного крестьянства с рабочим классом в культурном и бытовом отношении, рост элементов городской культуры и городского быта в деревне.

В нашу задачу не входит изложение докладов. Мы ограничимся лишь указанием на ряд проблем истории колхозного крестьянства, разработка которых имеет существенно важное значение для понимания путей постепенного слияния рабочего класса и крестьянства в единый коллектив тружеников коммунистического общества [23].

Анализируя основные экономические черты колхозного строя, В. Г. Венжер подчеркивает, что в результате победы социализма крестьянство «по всем коренным признакам сближается с рабочим классом», что основное различие между ними в настоящее время сводится к различию «в степени обобществления средств производства и труда», что повышение уровня обобществления средств производства и труда в колхозах является одним из основных путей подъема колхозной собственности до уровня общенародной. Совершенно очевидно, что степень сближения рабочего класса и крестьянства нарастала в ходе развития социализма, поднимался уровень обобществления средств производства в колхозах, возрастал объем колхозно-кооперативной собственности. В этом направлении воздействовали и рост неделимых фондов, и укрупнение колхозов, и передача им основных средств производства в результате реорганизации системы МТС, и возникновение межколхозных объединений, и увеличение роли общественного производства как источника средств существования колхозников. Выяснение этих процессов, их закономерностей, их социальных последствий предполагает глубокое исследование внутреннего развития колхозов.

Как указывается в новой Программе КПСС, колхозный строй имеет огромные возможности дальнейшего развития, сельскохозяйственная артель может и должна с успехом выполнить роль «школы коммунизма» для крестьянства. В связи с этим значительный интерес представляет постановка в докладе вопроса «о присущих колхозному строю возможностях саморазвития», основанная на анализе роста собственных энергетических мощностей колхозов, их главных производственных фондов, капитальных вложений и валовой продукции. Как подчеркивается в докладе, внутренние источники роста колхозного производства находятся в прямой зависимости от объективных условий их развития, прежде всего от условий реализации продукции.

Плодотворность такой постановки проблемы развития колхозного производства была подтверждена докладом Ю. В. Арутюняна, в котором показано, что изменение объективных условий развития колхозов положило начало новому этапу в развитии сельского хозяйства. Изучение действия этих факторов в их взаимозависимости на всем протяжении развития колхозного строя — задача большого теоретического и практического значения.

Весьма перспективно изучение проблемы возникновения значительных групп сельского населения, меняющих свой социальный облик. На сессии этой проблеме было уделено значительное место.

---

[23] См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 117.

В докладе В. Г. Венжера указывалось, что с победой социализма «создаются условия свободного (по выбору или благодаря организованному набору) перехода из одного класса в другой по роду деятельности, а не вследствие социальной дифференциации». В связи с вопросом о частичном преобразовании колхозов в совхозы автор пишет, что «социалистический характер этих двух типов сельскохозяйственных предприятий выражается, между прочим, в том, что нет и не может быть никаких социальных препятствий как в переходе отдельных колхозов на положение совхозов, так и в переходе отдельных совхозов на положение колхозов. В практике социалистического строительства имели место случаи обоих видов указанных переходов». В отличие от условий антагонистического общества при социализме такие переходы безболезненны. Колхозник, например, превращаясь в рабочего совхоза, «продолжает свою производственную деятельность принципиально в тех же условиях крупного производства и коллективного труда, что и до преобразования».

На сессии говорилось, например, о вступлении в колхозы свыше двух миллионов механизаторов и сотен тысяч специалистов сельского хозяйства и о происшедшем в связи с этим сближении колхозного крестьянства и совхозных рабочих по профессиональному составу.

Были поставлены и некоторые другие проблемы, в разработку которых историки-аграрники могут внести значительный вклад. Мы имеем в виду прежде всего проблему индустриализации сельского хозяйства, как пути гармонического соединения промышленности и сельского хозяйства, и проблему развития колхозной демократии, которой предстоит в недалеком будущем выработать наиболее эффективные формы коммунистического самоуправления в деревне.

Большой научный интерес представляет проблема создания единой формы сельскохозяйственного предприятия, особенно обстоятельно рассмотренная в докладе Г. Г. Котова. В этом докладе прослеживается процесс сближения колхозов и совхозов, в котором автор с полным основанием видит один из факторов сближения двух форм социалистической собственности. Анализируя статистические показатели, характеризующие колхозы и совхозы в производственном отношении, докладчик указывает, что по размерам производства, по его специализации, по уровню механизации и особенно энергообеспеченности, наконец, по производительности труда за последние два десятилетия различия между ними существенно сгладились, причем этот процесс в дальнейшем будет развиваться еще интенсивнее. Наиболее значительны в настоящее время, как отмечается в докладе, различия между колхозами и совхозами в отношениях распределения, в формах их связи с обществом, государством, в управлении предприятием. Однако и здесь выявилась уже реальная тенденция к сближению.

В докладе, таким образом, поставлен вопрос о необходимости сравнительного изучения развития колхозов и совхозов, особенно в условиях победившего социализма и постепенного перехода к коммунизму. У нас же до сих пор исследовательская работа идет главным образом по линии узкоспециализированного изучения: либо колхозы, либо совхозы. Если же исследователь рассматривает развитие тех и других, то, как правило, ограничивается рассказом о помощи колхозам со стороны совхозов. Рассмотрение развития колхозов и совхозов в сравнительном аспекте может привести к интересным научным результатам.

На сессии не развернулось широкой дискуссии по проблемам нового этапа в истории советской деревни. В этом состоит основной недостаток ее работы. Выступавшие в прениях скорее дополняли доклады, чем обсуждали их содержание. Состояние историографии по проблемам нового этапа развития сельского хозяйства не дало еще материала для дискуссии. Вместе с тем постановка на сессии докладов по важнейшим

теоретическим и конкретно-историческим проблемам развития деревни на новом этапе, их творческий, исследовательский характер, привлечение нового фактического материала, несомненно, будут содействовать подъему научно-теоретического уровня и этой отрасли историографии.

Говоря о результатах апрельской (1961 г.) сессии Научного совета по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» в целом, следует отметить, что состоявшийся на ней широкий обмен мнениями специалистов-аграрников позволит лучше координировать исследовательскую работу в этой отрасли советской историографии, более отчетливо определить ее основные направления. Разумеется, апрельская сессия — лишь этап в творческом обсуждении истории советской деревни. Дискуссия, которая велась ее участниками, будет продолжена. Основные проблемы, вызвавшие споры участников сессии, нуждаются в дальнейшем обсуждении. Продолжению этой полезной дискуссии могли бы содействовать наши исторические журналы.

В центре внимания сессии были основные проблемы социально-экономической истории советской деревни, начиная с аграрной революции и кончая новым этапом в развитии сельского хозяйства нашей страны. Эта сессия свидетельствует о том, что преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, борьба партии за выкорчевывание пагубных его последствий возродили среди историков советского общества действительно глубокий интерес к социально-экономической проблематике. Это означает, что один из самых существенных недостатков в их работе стал после XX съезда КПСС успешно преодолеваться. Историки советского общества на практике переходят от общих рассуждений о роли народных масс в истории к глубокому изучению этой роли, прежде всего к изучению истории основных общественных классов.

Научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР благодаря отмеченной здесь особенности ее работы может служить одним из показателей благотворного влияния XX съезда КПСС на развитие советской исторической науки в целом. Вместе с тем сессия свидетельствует о том, что за истекшее шестилетие выросли кадры историков-аграрников, способные решать новые ответственные задачи, поставленные перед общественными науками XXII партийным съездом, новой Программой нашей партии.

В эпоху развернутого строительства коммунизма проблема социально-экономического развития деревни приобретает особый интерес. В нашей стране происходит невиданный в истории процесс сближения классов и классовых прослоек, процесс полного стирания социальных различий между рабочим классом, колхозным крестьянством и интеллигенцией. Как указывается в Отчетном докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС, «различия между рабочим классом и крестьянством в решающем, главном преодолены; процесс окончательного стирания классовых граней будет протекать теперь все быстрее и быстрее»[24].

Основные задачи дальнейшего изучения истории советской деревни определены в решениях XXII съезда КПСС. Исследуя возникновение и развитие колхозного строя, историки должны всесторонне раскрыть борьбу Коммунистической партии, трудящихся масс деревни за подъем социалистического сельского хозяйства, за создание изобилия продуктов в стране, проследить процесс стирания основных различий между рабочим классом и крестьянством, содействовать пониманию путей перехода к коммунизму.

---

[24] Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. М. 1961, стр. 101.

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ВЕРХОВ В 1879—1881 ГОДАХ)

М. И. Хейфец

Проблема революционной ситуации занимает важное место в марксистско-ленинской теории революции. Периоды революционной ситуации представляют также большой научный интерес. Ленинское определение основных признаков революционной ситуации [1] предполагает необходимость конкретного и всестороннего анализа каждого такого периода в связи с особенностями социально-политической обстановки, породившей данный общенациональный кризис.

Россия на рубеже 70-х и 80-х годов XIX в. прошла через полосу острого кризиса. В. И. Ленин, обобщая особенности русской общественной жизни конца 70-х годов XIX в., характеризовал этот период как «время второго демократического подъема в России», как период второй в истории России революционной ситуации, не завершившейся революцией [2].

Накануне и в годы первой русской революции 1905—1907 гг. сложилась либерально-кадетская концепция политической истории России конца 70-х — начала 80-х годов XIX века [3]. Фальсификация истории в угоду контрреволюционным стремлениям буржуазии — таково было содержание либеральной историографии, оказавшейся в научном отношении совершенно бесплодной. История второй революционной ситуации пока не нашла еще всестороннего освещения в советской историографии [4]. В частности, проблема кризиса верхов почти вовсе не затронута в ней. Правда, в статье акад. Ю. В. Готье [5] изложена история борьбы в правящих верхах в течение первых двух месяцев после убийства народовольцами Александра II. Но основной недостаток этой работы состоит в том, что в ней вообще отсутствует постановка проблемы революционной ситуации. Это привело автора к изображению Лорис-Меликова и его единомышленников чуть ли не защитниками интересов народных масс, к преувеличению значения борьбы внутри господствующего класса.

Вопрос о второй революционной ситуации является одной из важнейших и узловых проблем истории пореформенной России. В рамках журнальной статьи, конечно, невозможно с достаточной полнотой осветить все стороны этой проблемы. В настоящей статье сделана попытка на основе изучения взаимосвязи различных факторов и «механизма»

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21. стр. 189—190; см. также т. XXX, изд. 3-е, стр. 228.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 251; т. 15, стр. 267; т. 5, стр. 41; т. 21, стр. 190.

[3] См. М. Драгоманов. Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж. 1906; Б. Чичерин. Россия накануне XX столетия. Берлин. 1901; журнал «Освобождение», 1903, №№ 11, 13; П. Струве. Снова полоса безумия. «Свобода и культура», 1906, № 7; А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. М. 1909; И. Белоконский. Земство и конституция. М. 1910; В. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М. 1912; А. Кизеветтер. История России в XIX в. М. 1916, и др.

[4] Это обстоятельство было справедливо отмечено в журнале «Коммунист», 1958, № 6, стр. 68.

[5] Ю. В. Готье. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. «Исторические записки», 1938, № 2.

возникновения и развития второй революционной ситуации рассмотреть главным образом один из ее элементов — кризис верхов.

★

Падение крепостного права в 1861 г. стало исходным рубежом для ускоренного капиталистического развития России. В. И. Ленин в ряде своих работ раскрыл характер и особенности тех глубинных экономических процессов, которые определяли соотношение классов и ход классовой борьбы в пореформенной России. К исходу первых двух десятилетий после 1861 г. во всех областях экономической жизни России уже сказались результаты и особенности капиталистического развития. Однако в аграрных отношениях, несмотря на усиление противоречий капиталистического характера, основным и решающим оставался антагонизм между всем крестьянством и помещиками. Источником и базой крепостнических пережитков в экономической и политической жизни пореформенной России было помещичье землевладение. Вместе с тем развитие в России капиталистической промышленности привело к формированию и росту новых, капиталистических классов, а также обусловило процесс деформации старых, феодальных классов. Постепенно на этой основе начинается перегруппировка общественных сил.

Если первая революционная ситуация на рубеже 50-х и 60-х годов XIX в. сложилась на основе кризиса феодально-крепостнической системы, то вторая революционная ситуация конца 70-х — начала 80-х годов возникла на базе социальных и политических противоречий, обусловленных характером и результатами двух десятилетий пореформенного развития России. Содержание второй революционной ситуации определялось борьбой двух исторических тенденций: борьбой вокруг аграрного вопроса и вопроса о государственном строе, то есть вокруг центральных и коренных вопросов развития России. При этом, как неоднократно указывал В. И. Ленин, реальная борьба шла «не из-за капитализма, а из-за типа капиталистического развития»[6].

Политический кризис конца 70-х годов сложился на почве тяжелой экономической обстановки. Низкий урожай в 1879 г. и катастрофический недород в 1880 г.[7] нанесли серьезный удар крестьянскому хозяйству и привели к резкому повышению цен на хлеб и другие виды продовольствия. В 1880 г. в ряде отраслей промышленности (текстильная, машиностроение, железнодорожное строительство и др.) и особенно в торговле после кратковременного оживления и подъема 1878—1879 гг. появляются признаки депрессии и кризиса[8]. Расстройство финансов, рост государственного долга, огромное увеличение недоимок по налогам и податям вызывали острую тревогу в правящих кругах[9]. Издержки русско-турецкой войны 1877—1878 гг., неурожаи 1879 и 1880 гг., депрессия в ряде отраслей промышленности, рост безработицы, увеличение налогов, дороговизна — все это привело к усилению нужды и голода миллионных

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 218.

[7] «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Под ред. А. Чупрова и А. Посникова. Т. 2. СПБ. 1897, стр. 121, 151, 240, 264—363; М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.-Л. 1934, стр. 244; А. Фортунатов. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М. 1893, стр. 192, 195, 196.

[8] П. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1948, стр. 116; П. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М. 1950, стр. 453; А. Мендельсон. Экономические кризисы и циклы XIX в. М. 1949, стр. 593—594; А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М. 1955, стр. 137, 140; Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 569, д. 73.

[9] «Министерство финансов. 1802—1902 гг.». Ч. I. СПБ. 1902, стр. 454, 499. Военный министр Д. Милютин был вынужден согласиться даже на некоторое уменьшение бюджета министерства (Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 1, оп. 2, д. 137, л. 3).

масс крестьян и рабочих. «Нищета, разорение и упадок — таковы характерные черты русской действительности» [10],— писал в демократическом журнале Н. Шелгунов. Реакционно-славянофильская «Русь» отмечала: «С севера до юга картина поразительно однообразна» и задавалась вопросом: «Будут ли голодать — да не то что зимовать впроголодь, питаясь наполовину лебедой, мякиной, отрубями, корой; к этому не привыкать бы стать — но буквально, будут ли умирать с голоду» [11]. Министр внутренних дел Л. С. Маков, совершивший весной 1880 г. поездку по приволжским губерниям, был вынужден в своем докладе царю констатировать чрезвычайно тяжелое положение крестьянского и рабочего населения этих губерний и признать настоятельную необходимость усиления надзора «со стороны полиции, губернских властей и жандармского ведомства» [12]. Общее ухудшение обстановки с конца русско-турецкой войны, по словам современника, шло по линии «crescendo». 1878 год он называет «томительным», 1879 год — «мрачным», а 1880 год — «исключительным» [13].

Если социально-экономическое развитие пореформенной России создало ту общую глубокую основу, на которой возникла вторая революционная ситуация и которая определила ее характер и движущие силы, то непосредственным исходным моментом развития этой ситуации явилась хозяйственная конъюнктура конца 70-х — начала 80-х годов. Эта конъюнктура привела в конце 70-х годов к серьезному обострению нужды и бедствий народных масс, то есть к возникновению одного из основных признаков революционной ситуации. Рост преступлений против собственности имущих классов в конце 70-х годов, отмечаемый уголовной статистикой и ее исследователями, был показателем обострения нужды и проявлением самого грубого, бесплодного протеста наиболее отсталых, в ряде случаев пауперизированных, групп трудящихся против собственности, прежде всего дворян-помещиков [14]. Основной формой проявления «экстраординарной активности» народных масс в условиях второй революционной ситуации были крестьянское движение и стачечная борьба рабочих.

Разумеется, в рамках данной статьи нельзя дать всестороннего освещения вопроса о крестьянском и рабочем движении конца 70-х — начала 80-х годов. Задача заключается в том, чтобы, выяснив основные черты стихийных выступлений крестьян и рабочих, показать роль этого фактора в процессе возникновения и развития второй революционной ситуации. После реформы 1861 г. крестьянское движение не прекращалось, но его существенный по масштабам и особенно по общественному значению подъем приходится на конец 70-х годов [15]. В 1877 г. крестьянски-

---

[10] «Дело», 1880, № 1, стр. 109.

[11] «Русь», 1880, № 11, стр. 6, 7.

[12] ЦГИАМ, ф. 104. «Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Л. С. Макова о поездке в мае 1880 г. в прибрежные волжские районы».

[13] И. Блиох. Финансы России XIX столетия. Т. 2. СПБ. 1882, стр. 234, 282.

[14] «Свод статистических данных по делам уголовников, производившимся в 1880—1881 гг.». Ч. 1—3. СПБ. 1885; Е. Тарновский. Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. «Журнал министерства юстиции», 1899, № 3, стр. 123; его же. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России. «ЖМЮ». 1898, № 8, стр. 80, 85, 92—95; «Министерство юстиции за 100 лет». СПБ. 1902, стр. 155; М. Гернет. Моральная статистика. М. 1922, стр. 213.

[15] См. Я. Юферов. Крестьянское движение в конце 70-х и в 80-х годах XIX в. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Вып. 2. История. 1939; Е. И. Батова. Крестьянское движение в великорусских губерниях России в годы второй революционной ситуации. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института. Т. XIII, вып. 2. 1956; Ю. И. Смыков. К вопросу о крестьянском движении в Казанской губернии в 70-х годах XIX в. «Ученые записки» Казанского университета. Т. 115, кн. 7. 1956; В. Крикунов. Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революционной ситуации в России

ми волнениями было охвачено 11 губерний, в 1878-м — 14, в 1879-м — 29, в 1880-м — 34, в 1881-м — 12 [16]. Эти данные характеризуют относительно широкий размах значительных по своим размерам и остроте крестьянских волнений, охвативших в 1879—1880 гг. более половины губерний Европейской России. Волнения происходили на почве борьбы крестьян за землю и сервитуты, в связи с производством межевых работ [17], отказом от уплаты податей, протестами против помещичье-кабальной эксплуатации [18]. В 1879 г. большие волнения крестьян произошли в 69 уездах. В 25 случаях дело дошло до открытого сопротивления властям, посылавшим для усмирения крестьян воинские команды. Еще чаще использовались войска против крестьян в 1880 г., особенно в деревнях Черниговской, Киевской и других губерний. Здесь для обеспечения межевых работ войска стояли по 4—6 месяцев [19]. В 1880 г. волнения происходили во многих уездах Минской губернии, где крестьяне отказывались вносить арендную плату и обращались по этому поводу с прошениями в министерство внутренних дел (одно из таких прошений было подписано почти 3 тыс. крестьян). Волнения бывших государственных крестьян Вятской губернии приняли такие размеры, что Лорис-Меликов был вынужден сначала послать туда специального чиновника для расследования, а затем ввести в наиболее беспокойные места воинские команды [20]. Подъем национально-крестьянского движения, в особенности в районах Поволжья и Приуралья с башкирским, татарским, чувашским и мордовским населением, также был «одним из показателей нарастания крестьянской революционной борьбы общероссийского размаха» [21].

В годы второй революционной ситуации по всей России широко распространялись слухи о близком всеобщем и уравнительном переделе земли. В этом проявлялось неистребимое стремление крестьянства к уничтожению помещичьего землевладения. Широкая волна подобных слухов была своеобразной формой социального протеста, которая показывала как размах и сущность, так и слабость крестьянского движения того времени. Министр внутренних дел Маков признавал: «Что касается слухов о предстоящем, будто бы, общем переделе земли, то, к сожалению, это явление почти повсеместное, почти все губернаторы чуть не каждый день пишут об этом» [22]. Репрессивные меры не только не ослабили, но, наоборот, даже усилили волну слухов, ибо, как отмечали современники, они «идут от самого народа... Весь мужик уверен, что

1879—1881 гг. «Ученые записки» Кабардинского государственного педагогического института. Вып. 7. Нальчик. 1955, и др.

[16] Подсчет сделан по документам фондов III отделения, Верховной распорядительной комиссии, министерства внутренних дел. Данные для 1881 г. взяты из официальной записки, опубликованной в «Красном архиве» (1938, № 4—5). См. также статью Е. И. Батовой (указ. соч., стр. 66), в которой приводятся данные о волнениях в 28 великорусских губерниях.

[17] ЦГИАМ, ф. 569, д. 56, лл. 1—2. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОРСЩ), ф. Половцева II/25.

[18] Дело крестьян с. Люторичи, Епифановского уезда, Тульской губернии, отказавшихся платить уже отработанный ими долг помещику и оказавших сопротивление воинской команде, заинтересовало, по словам либерального автора, «всю Россию», ибо «подобное дело — не редкое исключение» («Юридический вестник», 1881, № 2, стр. 336).

[19] ЦГВИА, ф. 164, оп. 2, д. 626, лл 30—32.

[20] Я. Юферов. Указ. ссч., стр. 86, 87.

[21] И. Морозов. Экономика татарской пореформенной деревни и массовое движение татарского крестьянства в 50—70 годах XIX в. «Материалы по истории Татарии второй половины XIX в.». Ч. I. М.-Л. 1936, стр. 65; «Материалы по истории Татарии». Вып. I. Казань. 1948; «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Т. 3, ч. I. Саранск. 1939, и др.

[22] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 866, д. 125, л. 3.

милость насчет земли будет, что бы там господа ни делали» [23]. «Благонамеренная» вера крестьян в передел земли, в большинстве случаев связанная с их царистскими иллюзиями, приводила к своеобразному пониманию ими событий политической жизни. В крестьянской среде считали, что покушения на царя — дело рук помещиков, которые будто бы стремились таким способом предотвратить появление манифеста о переделе земли.

Террористическая деятельность народовольцев не способствовала политическому просвещению крестьянских масс и развенчанию царистских иллюзий [24], хотя они по своей объективной направленности были весьма опасны для помещиков и правительства [25]. Крестьянство, ограбленное реформой 1861 г., еще подвергавшееся на протяжении последующих двух десятилетий гнету помещиков-крепостников и царизма, представляло собой многомиллионную, постоянно волновавшуюся массу, настроение которой вызывало страх у помещиков, у местных властей и правительства. Крестьянское движение, остававшееся политически незрелым, стихийным и неорганизованным, направленное против дворянства и чиновников, но не прямо против самодержавия, в условиях конца 70-х годов было важнейшим элементом экстраординарной активности масс и решающим фактором второй революционной ситуации.

К этому времени «успела вырасти новая классовая борьба, б о р ь б а п р о л е т а р и а т а с б у р ж у а з и е й» [26]. Стачки конца 70-х годов по своему размаху, остроте, степени организованности и общественному значению представляли собою новый этап в развитии русского рабочего движения [27]. Кривая стачечного движения в 1878 г. (53 выступления) и в 1879 г. (60 выступлений) достигает высшей точки за все предшествующее десятилетие [28]. Выступления рабочих происходили почти во всех крупных промышленных районах страны. Бастовали текстильщики Московской и Владимирской губерний, металлисты Харькова, Калужской и Пермской губерний, железнодорожники Киева и Воронежа, табачники Одессы, сезонные портовые рабочие Рыбинска. Сельскохозяйственные рабочие южных губерний летом 1879 г. прекращали уборочные работы, требуя повышения оплаты. Ярким эпизодом рабочего движения была стачка более 3 тыс. рабочих Хлудовских фабрик в Ярцеве и Егорьевске в 1880 году [29]. Рабочие боролись за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, против грабительской системы штрафов, против безудержной эксплуатации со стороны предпринимателей. Основными очагами рабочего движения были северный и центральный промышленные районы. В авангарде первого серьезного выступления русского про-

---

[23] А. Э н г е л ь г а р д т. Из деревни. М. 1937, стр. 404—405, 407; Е. Е л п а т ь е в с к и й. Воспоминания за 50 лет. Л. 1929, стр. 13; В. Х и ж н я к о в. Воспоминания земского деятеля. Птгр. 1916, стр. 117, и др.

[24] На это обстоятельство обратил в 1883 г. внимание Г. В. Плеханов («Избранные философские произведения». Т. I. М. 1955, стр. 102—103).

[25] Орловский предводитель дворянства сообщал шефу жандармов, что зреет «страшная опасность для первого сословия империи», и призывал усилить борьбу против «крестьянского помешательства» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 77, д. 251, л. 6).

[26] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 6, стр. 384.

[27] Подъем стачечного движения и его особенности в годы второй революционной ситуации отражены в публикации «Рабочее движение в России в XIX в.» (Т. II, ч. I. М. 1950) и во вступительной статье А. М. П а н к р а т о в о й «Особенности формирования и борьбы пролетариата в России в 60—80-х годах XIX в.», напечатанной в указанном томе. См. также Э. А. К о р о л ь ч у к. Северный союз русских рабочих. Л. 1946; А. С. Т р о ф и м о в. Рабочее движение в России в 1861—1894 гг. М. 1957; Ю. З. П о л е в о й. Зарождение марксизма в России. М. 1959; Е. И. М о з г у н о в а. Рабочее движение в Москве и Московской губернии в 70-х годах (канд. диссертация. МГУ. 1955); В. С. С а м о с в а т. Рабочее движение в Петербургской губернии в период революционной ситуации 1879—1881 гг. (канд. диссертация. МГУ. 1954), и др.

[28] А. М. П а н к р а т о в а. Указ. соч., стр. 45, 56.

[29] ЦГИАМ, ф. Канцелярии Вр. харьковского генерал-губернатора, д. 28, л. 13; «Русская мысль». 1882, № 5, стр. 77—78.

летариата в конце 70-х годов шли петербургские рабочие. «В конце 70-х годов,— писал В. И. Ленин,— происходят очень крупные стачки в Петербурге...» [30].

Однако рабочее движение конца 70-х годов, сделавшее значительный шаг вперед по сравнению с 60-ми и началом 70-х годов (размах и продолжительность стачек, некоторые элементы организованности, возникновение первых рабочих классовых организаций), в целом оставалось еще стихийным, слабо организованным, экономическим по своему характеру. Рабочие в значительной степени еще разделяли царистские иллюзии крестьян. В напряженной обстановке нарастания политического кризиса борьба рабочих усиливала страх и тревогу имущих классов и правящих верхов. «Вопрос о рабочем классе,— писал генерал Богданович,— представляется далеко не безопасным, даже и в Петербурге». Масса рабочих, по его мнению, является настоящим горючим материалом и восприимчивой средой для революционных идей. К самым опасным очагам народного движения он относил «Поволжье, Урал и фабричные местности» [31]. Таким образом, вторая революционная ситуация в отличие от первой характеризуется наличием классовой борьбы нового типа, значительным для данного периода подъемом рабочего движения, сыгравшим существенную роль в общем натиске угнетенных классов.

Революционный подъем в конце 70-х годов, так же как и в начале 60-х годов XIX в., был, как отмечал В. И. Ленин, значительно слабее подъема накануне первой русской революции [32]. Но конкретно-историческая оценка всей суммы фактов, характеризующих размах, характер и общественное значение борьбы угнетенных классов, приводит к несомненному выводу о значительном повышении в данный период активности народных масс, которое явилось основой возникновения и движущим началом развития второй революционной ситуации.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и ее результаты обострили социальные и политические противоречия, способствовали росту недовольства и общественного возбуждения во всех слоях населения.

В политической борьбе 1879—1881 гг. участвовали революционно-демократические, либерально-оппозиционные и реакционно-крепостнические течения и группировки, выражавшие интересы различных социальных сил и пытавшиеся со своих классовых позиций решать коренные вопросы русской общественной жизни.

Демократическая тенденция в общественном движении была представлена главным образом революционными народниками, которые отстаивали интересы крестьянских масс. Обстановка нарастания общенационального кризиса поставила перед ними вопрос о роли и ближайших задачах революционной организации, о тактике борьбы [33]. В этих условиях значительная часть народников приходит к решению о необходимости борьбы за осуществление политического переворота [34]. К осени 1879 г. «Земля и воля» перестает существовать. Возникает «Народная воля», вся деятельность которой была попыткой приспособить народнические доктрины и тактику к объективным условиям периода революционной ситуации [35].

---

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 67.

[31] ЦГИАЛ, ф. 1282, д. 369, лл. 22, 24, 27.

[32] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 267.

[33] Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-х годах XIX в. М. 1958; Ю. З. Полевой. Указ. соч., стр. 35—54; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М. 1961; В. А. Твардовская. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов XIX в. «История СССР», 1959, № 4, и др.

[34] См. «Архив «Земли и воли» и «Народной воли»». М. 1932, стр. 98—99, 104; С. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. СПБ. 1906, стр. 213; А. Прибылева-Корба, В. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов. Л. 1925, стр. 130.

[35] См. В. В. Широкова. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли». «Вопросы истории», 1959, № 8.

Народовольцы, признав значение и необходимость политической борьбы, сделали шаг вперед. Однако политическую борьбу они сводили к ошибочной и вредной для развития революционного движения тактике индивидуального террора, которая не могла стать средством политического просвещения, воспитания и организации народных масс. Террористическая тактика народовольцев была связана с ошибочным представлением народников о русском абсолютизме как о надклассовой силе, не имевшей своей социальной опоры и представлявшей, как говорилось в программе Исполнительного комитета «Народной воли», «единственного политического притеснителя народа» [36]. В период революционной ситуации, когда на первый план был выдвинут вопрос о государстве, народовольцы не смогли выработать правильную революционную программу, и вследствие этого их деятельность вопреки их субъективным стремлениям приобретала, по существу, характер борьбы радикалов за политическую свободу.

К концу 1879 г. народовольцы сосредоточили основное внимание на подготовке покушения на Александра II. В условиях обострения общего недовольства и подъема стихийного движения народных масс самоотверженная борьба народовольцев против царизма приобрела значение важного фактора обострения внутриполитической обстановки в стране: она углубляла кризис верхов и дезорганизацию правительства, а также способствовала оживлению либерального движения.

К. Маркс и Ф. Энгельс, проявлявшие громадный интерес к России, отмечали нарастание в ней во второй половине 70-х годов объективных предпосылок революционного кризиса [37]. Они горячо сочувствовали героической борьбе «малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством» [38].

Либерально-монархический «центр» выступал в годы второй революционной ситуации носителем реформистской тенденции и помещичье-буржуазной эволюции. Либералы не стремились к уничтожению самодержавия, в котором они видели надклассовую силу, способную быть источником и движущей силой прогресса, не покушались на помещичье землевладение [39]. Нараставшую дезорганизацию внутренней жизни они надеялись преодолеть при помощи некоторого обновления существовавших государственных органов, при сохранении неограниченной власти царя, путем привлечения выборных от земств [40]. Все преобразования, по мнению либералов, должны были проводиться «спокойно и мирно, без толчков и опасных экспериментов», чтобы не вызвать «общественные потрясения и гражданскую борьбу» [41]. При этом самым сильным доводом в пользу реформ была опасность революционного взрыва, ибо

---

[36] «Литература партии «Народная воля». М. 1936, стр. 50. Эти ошибочные взгляды, сформулированные еще Ткачевым и опровергнутые Ф. Энгельсом (см. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 538—541), были в основных чертах восприняты народовольцами.

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XX, стр. 263; т. XXVI, стр. 480; т. XXVII, стр. 78, 80 и др.; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. I (VI), стр. 172 и др.; см. Р. П. Конюшая. Фридрих Энгельс о революции в России. «История СССР», 1960, № 6.

[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 13. Нельзя согласиться с утверждением В. Штейна, что К. Маркс и Ф. Энгельс «переоценивали» революционную ситуацию в России и, поддерживая народовольцев, допускали возможность победы революции бланкистского типа (см. В. Штейн. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX вв. Л. 1948, стр. 230, 235).

[39] (К. Кавелин). Чем нам быть? Берлин. 1875. В своем конспекте кавелинской брошюры К. Маркс замечает: «Таково мнение этого ультраумеренного либерала — тот же самый царь, без которого ничего нельзя сделать» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. XI, стр. 118).

[40] (К. Кавелин). Политические призраки. Берлин. 1878, стр. 2, 17, 68, 77.

[41] Там же, стр. 59; «Общее дело», 1878, № 12, стр. 2; № 13, стр. 9.

реакционная политика, по мнению либералов, «настежь растворяет двери революции» [42].

В условиях революционной ситуации, по словам одного из современников, «настроение и язык нашей либеральной «оппозиции его величества» крепчали» [43]. Однако либералы так и не создали своей нелегальной организации, а их деятельность в земстве и печати ограничивалась рамками, допускавшимися правительством, и проявлялась преимущественно в ходатайствах, адресах, реформистском прожектерстве и в робких выступлениях в прессе [44]. Либералы, опасаясь, что действия народовольцев могут вызвать народную революцию, вместе с тем считали, что борьба народовольцев создавала благоприятную обстановку для успешного торга с царизмом. И действительно, без вовлечения масс демократия «служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти» [45]. Оживление деятельности либералов было производным от нарастания революционного натиска в стране, либеральное движение не было самостоятельным фактором и основной силой революционной ситуации. Оно являлось симптомом назревавшего кризиса; роль либерализма ограничивалась тем, что он вносил в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства [46]. Конфликты и столкновения либералов с правительством сами по себе не были опасны для царизма, но в обстановке революционной ситуации они все же усиливали антиправительственный лагерь и обостряли кризис правительственной политики.

Самодержавие, сделавшее в 60-х годах XIX в. определенный шаг по пути превращения в буржуазную монархию, оставалось по своей социальной природе помещичье-крепостническим. Капиталистическое развитие страны, несмотря на тормозящую роль пережитков феодальной старины, обгоняло буржуазную эволюцию абсолютизма. На этой основе в условиях обострения классовой борьбы возник и развился кризис политики правительства. Царизм пытался найти выход из назревавшего кризиса и укрепить свою власть прежде всего путем усиления полицейского террора и широкого применения политики исключительных мер [47]. Выстрел Соловьева 2 апреля 1879 г. вызвал серьезную тревогу в правящих кругах. Вся огромная государственная машина, усиленная дополнительно созданными карательными органами (институты генерал-губернаторов, наделенных чрезвычайными полномочиями, урядников), мобилизуется самодержавием на борьбу против растущего революционного движения. Началась непрерывная цепь политических процессов, военных судов и административных ссылок. Репрессии затронули и либеральное общество. Земская деятельность была поставлена под жесткий контроль администрации, в учебных заведениях царил полицейский террор, печать испытывала тяжкий цензурный гнет [48]. В условиях обострения внутриполитической обстановки «правительство,— отмечала народническая газета,—объявляет себя в опасности, объявляет войну не одним революционе-

---

[42] «Общее дело», 1878, № 15, стр. 11.

[43] Н. Русанов. На родине. М. 1931, стр. 192.

[44] Б. Веселовский. История земства за 40 лет. Т. 3. СПБ. 1911, стр. 238; «Юбилейный земский сборник». СПБ. 1914, стр. 400; В. Бурцев. За сто лет. Ч. I. Лондон. 1897, стр. 143—146.

[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 109.

[46] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 59.

[47] По нашим подсчетам, из 1308 законов и узаконений, изданных в 1879 г., почти ⅔ выражают «попечение правительства о самом себе» (В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 386), стремление укрепить свой аппарат и прежде всего военные и жандармско-полицейские органы (см. II Полное собрание законов Российской империи. Т. 54, отд. I, II, III).

[48] 4 апреля 1879 г. министр внутренних дел Маков заявил представителям столичной прессы: «Теперь, господа, кто не за нас, тот против нас». Пресса должна помогать правительству, «она должна быть такою, и я вам ручаюсь,— угрожал министр,— что она такою будет или ее не будет» (ОРСЩ, ф. Бильбасова. К-17/7, л. 2).

рам, а всей России»[49]. Переход к политике исключительных мер, к осадному положению и полицейскому террору — таков первый признак кризиса правительственной политики. Однако все эти меры не только не обеспечили успокоения и умиротворения страны, но и, быстро обнаружив свою несостоятельность, привели к дальнейшему усилению напряженности. Возраставшая дезорганизация органов управления и подавления, обозначившийся к концу 1879 г. крах политики репрессий и террора — таков второй признак этого кризиса верхов.

Объективный процесс нарастания революционной ситуации находил весьма характерное отражение в сознании тех, кто вершил государственные дела тогдашней России. П. Валуев, принимавший активное участие в изобретении новых чрезвычайных мер, записал 16 апреля 1879 г. в дневнике: «Не сегодня, то завтра, не завтра, то послезавтра,— итак чувствуется или чудится — струны начнут обрываться... Что тогда настанет для меня и для моих?»[50]. В письме от 9 мая 1879 г. он писал: «Наступила минута исторической важности, чем быть России, решится в 1879 и 1880 гг.»[51]. Военный министр Д. Милютин 12 июня 1879 г. занес в дневник такую запись: «Будущее представляется в мрачном цвете... никто не верит в прочность существующего порядка вещей»[52]. Ощущение бессилия и страха перед назревавшей катастрофой, отсутствие единства в правящей верхушке[53] — таков третий признак кризиса верхов.

Настроения неуверенности и тревоги, охватившие весь господствующий класс, порождали со стороны некоторых представителей его волну критики правительственных действий. Признавая, что «напряжение в народе небывалое» и что все меры, в том числе «семигенеральщина» (институт генерал-губернаторов), не дают результатов[54], все группировки господствующего класса сходились на том, что «власти действовали как-то разрозненно, апатично, замечалось отсутствие энергичного руководителя»[55]. Все эти «критики» исходили из стремления укрепить существовавший порядок перед лицом зревшей народной революции, ибо, по словам А. Половцева, «все больше поднимается волна народного движения толпы»[56]. Реакционные силы «полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут»[57], и их идеологи (М. Н. Катков и его сторонники) настойчиво отстаивали идею усиления репрессий. Однако определенная часть господствующего класса, видя неэффективность «кнута» для прочного ограждения своей собственности и власти, приходила к выводу о необходимости реформ, ибо иначе, как писал в декабре 1879 г. Б. Чичерин, «мы неминуемо придем к кровавой катастрофе, виною которой будем мы сами»[58]. Панический страх перед угрозой революции, охвативший господствующий класс, сознание шаткости существовавшего режима, волна недовольства и даже недоверия к царскому правительству, критика его политики — таков четвертый признак кризиса верхов.

---

[49] «Земля и воля», 1879, № 5. Интересно отметить, что почти так же оценивал обстановку военный министр Д. Милютин. «Все заботы правительства,— признавал он,— направлены к усилению мер строгости... вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении» (Д. А. Милютин. Дневник. Т. III. М. 1950, стр. 187).

[50] ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 208, л. 73.

[51] Там же, ф. 569, д. 158, лл. 18—19.

[52] Д. А. Милютин. Дневник. Т. III, стр. 148.

[53] ЦГИАЛ, ф. 866, д. 125, л. 2; Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОРБЛ). Дневник А. Киреева, К-8, л. 82; «Красный архив», 1929, № 2, стр. 197.

[54] «К. Победоносцев и его корреспонденты». Т. I. М.-Птгр. 1923, стр. 8—18.

[55] ОРСЩ. Воспоминания сенатора М. Веселовского. F. IV, 861, л. 350; ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 18, л. 86; В. Мещерский. Мои воспоминания. Ч. 2. СПБ. 1898, стр. 432.

[56] ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 18, л. 66.

[57] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 385.

[58] ОРБЛ, ф. Чичерина, XVIII/3а; ОРБЛ, дневник В. М. Голицына, ф. ГВМ-10, стр. 15; ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 18, л. 16.

В условиях нараставшего революционного подъема и общественного возбуждения необходимость реформ для обновления государственного строя стала признаваться и представителями правящей верхушки [59]. На четырех секретных заседаниях министров в январе 1880 г. обсуждались проекты реформы Государственного совета, составленные П. Валуевым и великим князем Константином Николаевичем еще в 60-х годах. «Оба проекта,— записал с удовлетворением в своем дневнике будущий царь Александр III,— были единогласно отвергнуты по многим причинам... а главная причина, что эта мера никого бы не удовлетворила, еще больше бы запутала наши внутренние дела и все-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к конституции» [60]. В январе 1880 г. большая часть правящей верхушки еще надеялась обойтись репрессивными мерами, не прибегая к реформам. Фракционная борьба в правящих кругах, наметившаяся тенденция к сочетанию репрессий с тактикой реформ — таков пятый признак кризиса правительственной политики.

В ходе второй революционной ситуации обостряется кризис верхов, которые уже «не могут управлять Россией по-прежнему, несмотря на то, что все основы устройства и управления России всецело ими определены и в их интересах налажены» [61]. Период с конца русско-турецкой войны (примерно с середины 1878 г.) до февраля 1880 г. был, по нашему мнению, первым этапом революционной ситуации, когда происходил процесс возникновения и нарастания всех ее основных элементов. Катастрофический недород 1880 г., застой и депрессия в промышленности и торговле, безработица, рост дороговизны превратили нужду и голод миллионов крестьян и рабочих в общественное бедствие всероссийского масштаба. Внутриполитическая обстановка достигла исключительной напряженности, все классы и слои населения проявляли недовольство и тревогу. Взрыв 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце, подготовленный С. Халтуриным и народовольцами, был воспринят в помещичье-чиновной среде как сигнал к возможному революционному выступлению народных масс. Если так будет продолжаться, «может случиться нечто страшное» [62],— жаловался Победоносцев. «Страшное чувство,— писал тогда будущий царь Александр III,— овладело всеми нами... что нам делать?» [63].

Нараставшую опасность царизм пытался ликвидировать путем создания института всероссийской полицейской диктатуры. Учреждение «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», назначение ее начальником М. Лорис-Меликова [64] свидетельствовали об обострении кризиса политики господствующего класса и о степени дезорганизации правительственного аппарата. Лорис-Меликов ознаменовал свой приход к власти обращением «К жителям столицы», в котором призывал «благонамеренное общество» во имя спасения собственности, религии и порядка объединиться вокруг правительства и оказать ему содействие в борьбе с революцией [65].

---

[59] Д. Милютин. Дневник. Т. III, стр. 148.

[60] ЦГИАМ, ф. 677, оп. 1, д. 79, лл. 312—313.

[61] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 228.

[62] ОРБЛ, М. 4409/2, л. 9. О панике в столице писали Киреев (ОРБЛ, К-8, л. 112), Половцев (ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 18, л. 156), немецкий посол Швейниц («Denkwürdigkeiten des Botschafters». Bd. 2. Berlin. 1927. S. 124). французский дипломат Э. Вогюэ («Spectacles contemporains». Paris. 1891, pp. 237—239) и др.

[63] ЦГИАМ, ф. 677, оп. 1, д. 79, л. 320.

[64] II ПСЗ. Т. 54; указ об этом был опубликован 15 февраля 1880 г. в «Правительственном вестнике». По словам сенатора Веселовского, «человек, вчера почти неведомый Петербургу, сделался распорядителем судеб России» (ОРСЩ, F-IV, 861, л. 351).

[65] Обращение было написано сотрудником суворинского «Нового времени» К. Скальковским, взявшим, с одобрения Лорис-Меликова, за образец «Воззвание к народу» Луи-Наполеона и обращение бонапартистского префекта Мопа «Жителям Парижа». Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИЛПД, 7812/XLX, 116. 20).

Полугодовая деятельность комиссии и ее начальника фактически свелась к усилению карательного аппарата [66]. Однако уже в результате двухмесячного опыта диктатор и его помощники убедились, что «одними казнями ничего не сделаешь» [67], и выдвинули идею необходимости приступить к разработке реформ по ряду вопросов (крестьянский, рабочий, податной, преобразование губернских учреждений и др.) [68]. Основная цель лорис-меликовской программы была сформулирована весьма определенно и точно: «Подавить крамолу в дерзких ее проявлениях и тем доказать силу правительственной власти и отторгнуть от революции колеблющихся» [69].

Доведя полицейский террор до крайнего предела, Лорис-Меликов в то же время осуществляет политику заигрывания с либералами (отставка министра просвещения и обер-прокурора синода Д. Толстого, некоторое смягчение цензурного режима, освобождение земства от жесткой опеки и т. д.), стремясь приобрести в них союзника в борьбе против революционного движения. Эта тактика на первых порах имела определенный успех. Представители реакционных и либеральных кругов направляли Лорис-Меликову многочисленные записки, проекты и предложения. Страх перед угрозой народной революции, признание опасности переживаемого кризиса, недовольство правительственной политикой —таковы характерные черты всех этих записок. Проекты и записки, авторы которых измышляли новые охранительно-репрессивные меры и требовали более энергичного ограждения интересов и собственности имущих классов, примечательны также содержащимся в них признанием растущего движения крестьян и рабочих [70]. Многие проекты и записки свидетельствуют о том, что все большее число представителей господствующего класса начинало понимать необходимость сочетания репрессий с некоторыми реформами. Типичной для этой наиболее обширной группы проектов является записка «О причинах революционного движения и о мерах борьбы с ним» [71], в ней обосновывается необходимость мер «двоякого» характера — «полицейских и органических». Автор предупреждает, что крупное политическое событие, такое, например, как перемена на престоле, «вызвало бы у нас повсеместное грозное движение крестьян за землю». Он выдвигает либеральную программу реформ (переселение крестьян, дешевый кредит, отмена соляного налога и т. п.), которая включает преобразование Совета министров в ответственный перед царем кабинет, а также предусматривает привлечение местных общественных сил в качестве экспертов при разработке реформ [72].

Во время восходящего развития революционной ситуации наметилось некоторое сближение во взглядах представителей определенной части реакционных кругов и либералов на основе признания необходимости сочетания полицейских средств и реформ. Но в то же время продолжала энергично действовать «партия непреклонных сторонников самодержавия» и противников всяких уступок и реформ. Так, Катков, вначале одобрявший создание Верховной комиссии, очень скоро занял критическую позицию по отношению к Лорис-Меликову: он предостерегал от опасности следовать «за блуждающими огоньками общественного мне-

---

[66] Всего состоялось пять заседаний Комиссии (март — май 1880 г.), на которых обсуждались вопросы о консолидации жандармско-полицейских и судебных органов в центре и на местах и о повышении эффективности их борьбы с революционным движением (ЦГИАМ, ф. 569, д. 36).

[67] ОРБЛ, К-8, л. 119.

[68] ЦГИАМ, ф. 569, д. 84 (Записка Батьянова «О задачах Верховной распорядительной комиссии»); «Былое», 1918, № 4—5 (Доклад Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 г.).

[69] «Русский архив», 1915, № 11—12, стр. 247.

[70] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 32, 43, 45, 69, 93, 104.

[71] Там же, д. 52.

[72] Там же.

ния»[73] и упорно отстаивал откровенно-реакционный курс. Либералы могли противопоставить активным действиям реакции лишь бесплодные иллюзии о наступлении «новой эры». Программа и тактика либералов нашли яркое выражение в записке, составленной 25 московскими либеральными деятелями и представленной в марте 1880 г. Лорис-Меликову[74], и в письме к нему К. Кавелина от 19 февраля 1880 года[75]. Либералы выдвигали программу решения всех социальных и политических вопросов путем реформ и введения «в государственное управление, наряду и наравне с чиновниками, представителей местных и общественных интересов». «Эта заветная мысль,— отмечал один видный земский деятель,— выражалась с весьма большой сдержанностью и осторожностью: земство верило и сочувствовало правительству и как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами»[76].

Залог успеха своей реформистской программы и гарантию «прогрессивного» курса правительственной политики либералы видели не в политической сознательности, активности и натиске общественных сил, а в доброй воле царя, в министерских комбинациях, в «благоразумии и благожелательности» диктатора. М. Е. Салтыков-Щедрин, с замечательной прозорливостью разоблачивший «новую теорию умиротворения, но не без участия строгости и скорости»[77], и демократические публицисты из журналов «Отечественные записки», «Дело» и «Слово» показали всю утопичность и несостоятельность надежд либералов по поводу наступившей будто бы «либеральной эры». Народовольцы разгадали сущность лорис-меликовской тактики[78] и были уверены, что диктатору не удастся осуществить ни своих политических, ни полицейских задач. «Лорис,— писал 12 мая 1880 г. А. И. Желябов,— родит упования, но, бессильный удовлетворить их, приведет лишь к пущему разочарованию»[79]. Пушкинский праздник (июнь 1880 г.) и особенно острая полемика вокруг речей Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева показали всю несостоятельность порожденных обманчивой «оттепелью» лорис-меликовского режима либеральных иллюзий об идейном примирении всех общественных течений, о якобы наступившей новой эпохе реформ.

Верховная комиссия, действовавшая уже полгода, не смогла, как это признал в своем докладе 26 июля 1880 г. ее начальник, вывести страну из кризиса, возбуждавшего «основательные опасения относительно сохранения в будущем не только общественного спокойствия, но даже существующего государственного строя»[80]. Указом от 6 августа 1880 г. был реализован предложенный Лорисом-Меликовым план: Верховная комиссия и III отделение ликвидированы, в составе министерства внутренних дел учреждался департамент государственной полиции, министр внутренних дел возглавил корпус жандармов, осуществляя «высшее направление всех следственных по государственным преступлениям дел»[81]. Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел, и его позиции фактического главы правительства, или, как характеризовал его В. И. Ле-

---

[73] «Былое», 1917, № 4 (26). (Записка М. Каткова, адресованная царю). В публикации указана ошибочная дата — июль 1879 года. В фонде Белоголового (ОРБЛ, ф. Белог. 6 (49) имеется подлинник этой записки, датированный 11 марта 1880 года.

[74] С. Муромцев. Статьи и речи. Вып. 5. М. 1910.

[75] «Русская мысль», 1906, № 5.

[76] В. Скалон. По земским вопросам. СПБ. 1905, стр. 80.

[77] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Т. 14. М. 1936, стр. 451.

[78] В «Листке Народной воли» была дана ей меткая характеристика: «Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передушить всех врагов порознь — недурно» («Литература партии «Народная воля», стр. 72).

[79] «Звенья», 1935, № 5, стр. 744.

[80] ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 70, л. 2.

[81] II ПСЗ. Т. 55, № 61279.

нин, «министра-премьера» [82], еще более укрепились. В сентябре 1880 г. Лорис-Меликов, изложив в туманной форме свою программу административно-экономических реформ, потребовал от редакторов столичной прессы, чтобы «они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении» [83].

Лорис-Меликов и его единомышленники — военный министр Д. Милютин и назначенный в октябре 1880 г. министром финансов А. Абаза — образовали влиятельный триумвират. По существу, они не имели никакой определенной программы, а их политика лишь создавала видимость «нового» правительственного курса, важным звеном которого должна была стать сенаторская ревизия [84]. Либеральная общественность считала августовскую реорганизацию событием исключительного исторического значения, «пресс-конференцию» Лорис-Меликова — «явлением необычайным в нашей истории», сенаторскую ревизию — решающим шагом к коренным реформам, а все это, вместе взятое,— новым доказательством наступления «эпохи прогресса» и возможности создания правительства «общественного доверия» [85]. Либералы в силу своей классовой ограниченности не могли разгадать сущность политики Лорис-Меликова, которую Н. Михайловский метко определил как тактику «лисьего хвоста и волчьей пасти». Они не понимали того, что «всякая власть делает уступки ровно настолько, насколько народ способен их вынудить» [86].

Между тем нужда народных масс стала «фактором чрезвычайного значения, обращающим положение дел в исключительное» [87]. Даже министерские доклады, в которых картина народных бедствий обычно лакировалась казенно-оптимистической ложью, с тревогой стали отмечать тяжелое положение трудящихся, опасность крестьянских и рабочих волнений [88]. Мизерные правительственные меры (ссуды, общественные работы и т. п.), имевшие полицейско-бюрократический характер, закончились полной неудачей. Основные идеи экономической программы «либерального» правительственного триумвирата были сформулированы в плане сенаторской ревизии и в докладе Лорис-Меликова от 28 января 1881 года. К первоочередным задачам были отнесены: скорейшее прекращение обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам, снижение выкупных платежей, организация кредита для покупки крестьянами земли, осуществление переселения крестьян на свободные земли, реформа податной системы [89]. Наиболее крупной из проведенных в это время мер была отмена указом 23 ноября 1880 г. соляного налога. В ответ на восхваление этого правительственного акта в либеральной печати нелегальная «Народная воля» писала: «Ханжеством своего манифеста царь как бы заранее заклинает гнев рассвирепевшего народа» [90].

Положение и борьба пролетариата заставляли правительство обратить внимание и на рабочий вопрос для обеспечения «внутреннего спокойствия в городах и фабричных местностях» [91]. Лорис-Меликов требовал особой осторожности «в такое время, когда злоумышленники стремятся

---

[82] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 41.

[83] «Отечественные записки», 1880, № 9, стр. 140.

[84] ЦГИАМ, ф. 569, д. 87; «История правительствующего сената за 200 лет». Т. 4. СПБ. 1911, стр. 182.

[85] «Голос», 1880, № 218; «Молва», 1880, № 313; «Новое время», 1880, № 1736; «Русская мысль», 1880, № 9, стр. 11; А. Кошелев. Записки. Берлин. 1884, стр. 252; Ф. Тернер. Воспоминания о жизни. Ч. 2. СПБ. 1911, стр. 101.

[86] «Литература партии «Народная воля», стр. 77—78, 89.

[87] Там же, стр. 92.

[88] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 166, д. 28, лл. 10—12; «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 35; Е. Перетц. Дневник. М.-Л. 1927, стр. 9 и др.

[89] «Былое», 1918, № 4—5, стр. 164.

[90] «Литература партии «Народная воля», стр. 95.

[91] ЦГИАЛ, ф. 851, д. 34, л. 161; ЦГИАМ, ф. 569, д. 60, л. 21.

к ниспровержению существующего общественного и государственного строя и постоянно возбуждают рабочих против предпринимателей»[92]. Страх перед грозным народным бедствием и возможностью революционного взрыва — такова была подлинная основа той демагогической политики «попечительства и заботы о народе», к которой вынуждено было обратиться правительство и которая составляла важное звено лорис-меликовского «нового» курса. Цель этой политики заключалась в притуплении классовой борьбы, в обмане народных масс, в защите коренных интересов имущих классов. Другим элементом «нового» курса была тактика «кокетничания правительства с земством»[93], тактика «доверия» и «приобщения», которую сам Лорис-Меликов считал «новой эрой для земского и городского самоуправления»[94]. Сосредоточив внимание земства, печати и всего общества на частных вопросах, правительство стремилось завоевать общественное доверие и вместе с тем увести общественное мнение от проблемы коренных преобразований и в первую очередь от идеи всероссийского представительства.

Сторонники открытой реакции занимали по отношению к «новому» курсу двойственную позицию: с одной стороны, они одобряли меры, направленные на укрепление власти и разгром революционного движения, с другой — выступали против каких-либо уступок своим ближайшим конкурентам из либерального лагеря, считая, что всякое «послабление» приведет к потрясению «основ» существовавшего строя. Катков и его сторонники в печати и земстве с новой силой завопили о «злоумышленных» попытках «поднять на Руси аграрный вопрос», требовали ограждения помещичьих интересов от «гомерически простого способа его решения — передачи крестьянам всей помещичьей и казенной земли» — и повторяли лживые измышления о том, будто бы «пьянство и лень — главные причины упадка крестьянского хозяйства»[95]. Славянофилы, прикрываясь цветисто-демагогической фразеологией, на страницах созданного И. Аксаковым журнала «Русь»[96] также разделяли программу реакционно-помещичьего лагеря, оказывавшего сильное давление на правительство и заставлявшего «министра-премьера» считаться с ним. Либералы, поддерживая «новый» курс и рассчитывая, что он разрубит «опасный гордиев узел современности»— крестьянский вопрос, еще раз обнаружили готовность пойти на сделку с самодержавием. «Новый» курс был определенной суммой тактических приемов, к которым царизм наряду с широким применением репрессивных мер был вынужден обратиться для того, чтобы собрать свои силы, ослабить враждебный лагерь и выйти без серьезных потерь из тяжелого и опасного кризиса. Примечательно, что во всех записках и докладах Лорис-Меликова красной нитью проходит мысль о реальной возможности революционного взрыва, и движущим мотивом всех задуманных, подготовляемых и частично осуществленных им мер выдвигается задача предотвращения народной революции[97].

---

[92] «Отчет по Государственному совету за 1880 г.» СПБ. 1882, стр. 199.

[93] ОРБЛ, ф. ГВМ-10, стр. 291.

[94] «Каторга и ссылка», 1925, № 2 (15), стр. 120.

[95] «Московские ведомости», 1880, 20 октября; «Русский вестник», 1880, № 8, стр. 468, 471. В интересном и, пожалуй, единственном обращении представителя народной среды к Лорис-Меликову тверской крестьянин писал: «Говорят, что крестьяне побросали все земли и пустились в пьянство, все вздор». Причина бедствий, отмечал далее автор обращения, в том, что «крестьяне стеснены землей, кругом крестьян и самая хорошая земля помещиков, а если не помещиков, то богатых крестьян и арендаторов». (ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 368, л. 92).

[96] Меткая характеристика позиции Аксакова была дана в журнале «Дело», 1881, № 4, стр. 70, 74.

[97] Лорис-Меликов почти буквально повторил слова Александра II, считая, что «лучше вводить революцию сверху, чем дать ей подняться снизу». (В. Мещерский. Указ. соч., стр. 494). Сенатор М. Веселовский писал: «Припоминаю заседание, касавшееся выкупных платежей. Он (Лорис-Меликов) требовал этой меры под угрозой какой-то народной революции». (ОРСЩ, F. IV, 861, л. 351).

Напряженность социально-политических противоречий, дезорганизация государственной машины обусловили развитие общенационального кризиса, который касался «именно о с н о в государственного устройства, а вовсе не каких-либо частностей его, ...ф у н д а м е н т а здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»[98]. Программа либерального «конституционализма», выдвигаемая в печати и в многочисленных проектах, не касалась «фундамента», а сводилась к реформе Государственного совета, к созданию при нем экспертно-совещательного представительства или введения в его состав выборных от земства, к преобразованию Комитета министров в «солидарный во взглядах» кабинет, ответственный перед царем[99]. «Конституционное правление,— писали тогда все либеральные прожектеры,— считаем совершенно непригодным для России»[100]. Идея превентивной необходимости реформ для успешной борьбы с революцией — ибо, как писал либеральный автор записки, «потрясения бывают тогда, когда правительство упускает момент»[101],— выражала «законченный реформизм нашей буржуазии»[102]. Классовой сущностью либерального «конституционализма» была идея соглашения и компромисса буржуазии и крепостников, которая, подчеркивал В. И. Ленин, была глубочайшим и вернейшим выражением «классовой позиции и классовых интересов российской буржуазии»[103]. Либералы даже в 1880 г. не поднялись, по существу, до постановки вопроса о настоящей конституционной реформе; они ограничились идеей октроированного совещательно-земского представительства, получающего место на задворках слегка реформированной старой системы государственного управления.

В период нарастания революционной ситуации царские сановники и ярые приверженцы самодержавия типа Каткова также начали высказываться за создание совещательно-бюрократического органа, целиком подчиненного правительству[104]. В проектах Валуева, великого князя Константина[105], записке Д. Милютина «Мысли о необходимости преобразования в управлении, учебной части и духовенства»[106], излагавшей более широкую программу реформы государственных органов, в предложениях А. Головнина[107], в проекте П. Шувалова[108] и многих других предлагалось в той или иной комбинации расширить рамки действия земских учреждений, ввести в Государственный совет членов по выбору от земств или создать при нем «съезд государственных гласных» (Валуев) или двухпалатное совещательное учреждение (Шувалов). В правящей верхушке, как справедливо писал Головнин, «конституционного направления никогда не было. Желали провести реформы... при самодержавии» и

---

[98] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 195.

[99] «Молва», 1880, № 313; 1881, № 1; А. Градовский. Соч. Т. 8. СПБ. 1907, стр. 517, 519 (статьи, опубликованные в 1880 г. в газете «Голос»); «Вестник Европы», 1880, № 10, стр. 755; № 11, стр. 374; ЦГИАМ, ф. 569, дд. 52, 105 и др.; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 308, и др.

[100] ЦГИАМ, ф. 569, д. 52, л. 40. В 1875 г. А. Кошелев утверждал: «В России конституционализм невозможен» («Общая земская дума в России». Берлин. 1875, стр. 16). Б. Чичерин также считал, что конституция непригодна для России («Конституционный вопрос в России»).

[101] ЦГИАМ, ф. 569, д. 105, л. 12.

[102] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 500.

[103] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 234.

[104] Катков считал возможным сформировать экспертное учреждение по типу созданного Бисмарком в Пруссии «Совета по делам народного хозяйства». («Московские ведомости», 1881, № 53). Эту идею одобрял и Аксаков («Русь», 1881, № 27, стр. 14).

[105] К. Берьманский. Конституционные проекты царствования Александра II. «Вестник права», 1905, № 9.

[106] ОРБЛ. М. 8098.

[107] ЦГИАЛ, ф. 851, д. 15.

[108] «Красный архив», 1928, № 6 (31), стр. 121—129.

считали, что их «опасно откладывать», так как «неудовольствие будет расти... наконец могут последовать взрывы» [109].

Если либеральный «конституционализм» вырос на базе оппозиционности буржуазии, ее стремления пододвинуться к власти, то сановно-бюрократический реформизм был обусловлен невозможностью сохранить в неизменном виде господство царизма и желанием путем незначительных уступок упрочить власть, удержать за собой командные позиции. «Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России» [110], а когда классовая борьба обострялась и революционный натиск усиливался, оно обращалось к реформам, которые должны были обмануть народ, отвлечь общество от мыслей о конституции, прикрыть абсолютизм обманчивыми формами лжепредставительных учреждений. Именно в таких исторических условиях и для таких целей был выдвинут в докладе Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. проект реформ.

С целью привлечения общественных сил «для дальнейшей борьбы с крамолой» [111] предлагалось при Государственном совете создать «временные подготовительные комиссии» [112] из чиновников и назначенных экспертов и «общую комиссию», в которую должны были войти все члены подготовительных комиссий, а также выборные от губернских земств и дум крупнейших городов и назначенные из губерний, не имевших земства. Выборное начало допускалось только при формировании общей комиссии, но и в ней было обеспечено преобладание членов по назначению. Комиссии привлекались лишь на стадии разработки законопроектов, причем вся реальная деловая работа сосредоточивалась в подготовительных комиссиях. Комиссии были обречены на роль подсобной экспертной организации при совещательном Государственном совете, а законодательная инициатива и утверждение законов оставались за верховной властью. Комиссии должны были обсудить финансово-экономические и административные вопросы, намеченные в программе сенаторской ревизии и в январском докладе Лорис-Меликова. Слухи о проектируемой реформе широко распространились, и сразу же на основе иллюзий либералов и опасений реакционеров родилась легенда о лорис-меликовской «конституции» [113], которая на протяжении целого исторического периода использовалась либералами в качестве оружия в борьбе против революции.

Вторая революционная ситуация заставила царизм в целях самосохранения сделать незначительный шаг в направлении буржуазной эволюции. В условиях развития капиталистических отношений и обострения классовых противоречий эта эволюция приобретала специфический бонапартистский характер. «Бонапартизм,— указывал В. И. Ленин,— есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране» [114]. В основных чертах лорис-меликовского режима

---

[109] ЦГИАЛ, ф. 851, д. 15, л. 2.

[110] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 287.

[111] «Былое», 1918, № 4—5, стр. 165.

[112] Идея «подготовительных комиссий» созрела еще в первой половине 1880 г. и была выдвинута в записке Лорис-Меликова по поводу сельскохозяйственных съездов, в его отношении к Макову об особой комиссии при министерстве внутренних дел, в записке Батьянова, в докладе 26 июля 1880 г. о ликвидации Верховной комиссии и III отделения (ЦГИАЛ, ф. 1318, оп. 1, д. 16, л. 1; ЦГИАМ, ф. 569, дд. 54, 84; ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 70).

[113] ОРСІЦ, F. IV, 861, л. 351; ОРБЛ, ф. ГВМ-10, стр. 531; ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 22, л. 114; А. Плансон. Былое и настоящее. СПБ. 1905, стр. 282; Ф. Терпер. Указ. соч., стр. 110; А. Суворин, принципы которого определялись щедринской формулой «Чего изволите?», писал 7 февраля 1881 г.: «Вверху, в самом верху идут толки о конституции и земском соборе... Я совсем теряюсь, за что держаться». (ИЛПД, ф. 3, оп. 4, д. 588).

[114] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 245; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 215—216; т. 18, стр. 254—256.

обнаруживается тенденция к бонапартизму и проявляются элементы бонапартистских приемов и методов в решении социальных и политических вопросов. Царизм, стремясь приоткрыть клапан, ослабить напряженность обстановки, был вынужден прибегнуть к социальной демагогии о «благе» народа, о «защите» интересов крестьян и рабочих, заигрывать с либеральным обществом, эквилибрировать между крепостниками и либералами. Лорис-меликовская диктатура была диктатурой «кнута и пряника», полицейского террора, политического обмана и социальной демагогии.

Реформистско-бонапартистское маневрирование царизма вызывалось отнюдь не влиянием либеральных просьб и ходатайств, не развитием конституционной идеи, не реформистскими увлечениями в сановно-бюрократических кругах, а объективными условиями восходящего развития второй революционной ситуации. «...Осуществление лорис-меликовского проекта,— писал В. И. Ленин,— м о г л о б ы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что̀ пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия» [115]. Натиск общественных сил заставил правительство сделать первый шаг к реформе (проект создания комиссий), но он не достиг такого размаха и такого уровня, чтобы отрезать самодержавию возможность вернуться к открытой реакционной политике.

Проект правительственного сообщения, состоявший из вступительной части январского доклада и 12 резолютивных пунктов журнала особого совещания, утром 1 марта 1881 г. был одобрен Александром II, который, выразив опасение, не будут ли комиссии русскими «генеральными штатами» [116], приказал до опубликования сообщения еще раз обсудить этот вопрос 4 марта на министерском совещании [117]. В марте 1881 г. вопрос практически состоял еще не в том, чем станет общая комиссия, а в том, будет ли она создана. Размах, масштабы и реальность реформ, задуманных и одобренных во второй половине 1880 г. и начале 1881 г., в конечном счете зависели от соотношения сил в процессе дальнейшего развития кризиса.

Таким образом, февраль 1880—март 1881 г. можно считать периодом высшего подъема второй революционной ситуации.

Народовольцам, несмотря на ощутительные удары, нанесенные революционному подполью (процесс «16», арест А. И. Желябова и др.), удалось 1 марта 1881 г. убить Александра II. Но этот акт народовольцев ясно обнаружил полную политическую бесплодность террористической тактики. «Что всех беспокоит,— писал в мартовские дни А. Куломзин,— это то, как отнесутся к этому страшному событию крестьяне» [118]. Среди крестьян распространялись слухи, что царя убили помещики, не желавшие исполнить его волю о передаче им земли, и что новый царь хочет восстановить крепостное право. С середины мая 1881 г. эти слухи сменились толками о предстоящем черном переделе [119]. В среде имущих классов и в правительственных кругах в ближайшее время после 1 марта более

---

[115] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 5, стр. 39.

[116] ОРБЛ, ф. Белог., д. 2/5, л. 3. Очевидно, к Лорис-Меликову восходит версия А. Леруа-Болье о том, что Александр II будто бы на каком-то совещании назвал общую комиссию «генеральными штатами» («L'empire des tsars et les Russes». Vol. II. Paris. 1893, pp. 609—610).

[117] Лорис-Меликов позже рассказывал: «Вернувшись 1 марта с одобрением.... я при Н. Абазе... сказал: «Вот, милый, прочитай» и, перекрестясь, невольно сказал: «Господи, сохрани его жизнь до среды по крайней мере» (ИЛПД, ф. 134, оп. 1, д. 52, лл. 36—37).

[118] ОРБЛ. М. 9803/5, л. 24.

[119] ЦГИАМ, ф. 583, оп. 1, д. 22, л. 157; С. В а л к. После 1 марта 1881 г. «Красный архив», 1932, № 2; И. П о л о с и н. Мужицкий отклик на 1 марта. «Каторга и ссылка», 1926, № 3; И. Т а р а з и н. Отголоски 1 марта в Воронежской губернии. «Известия Воронежского краеведческого общества», 1926, № 7—12, и др.

всего опасались, не вызовут ли взрывы на Екатерининском канале в порядке детонации более страшный и опасный взрыв народной революции. «Целых два месяца Россия была в каком-то страшном смущении и оцепенении», «одни тогда страстно ждали революции, другие смертельно боялись ее же» [120]. Но ни надежды одних, ни опасения других не сбылись: «Больше ничего не было — ни баррикад, ни революции» [121].

Внутриполитическая обстановка после 1 марта 1881 г. характеризуется прежде всего тем решающим фактом, что народные массы не поднялись, да никто их и не поднимал на активную революционную борьбу. Революционно-народнические организации были разгромлены. «...Революционное движение шло на убыль и падало» [122]. В этих условиях обнаружилось полное политическое бессилие либерализма. «Горячее стремление к большему обеспечению порядка, спокойствия и безопасности» [123] воодушевляло либеральную оппозицию, которая верноподданнически просила «мирных» реформ и созыва земских представителей [124]. Либералы считали, что создавшееся положение грозит «гибелью не только правительству, но и всему общественному строю» [125], что Россия «стоит над пропастью» [126]. Главная беда и главная опасность, по мнению либералов, заключалась в том, что «народ под влиянием голода... может обратиться в дикого зверя» [127], что имущим классам грозит «пугачевщина», особенно опасная, если, как писал А. Градовский, «два течения (революционная партия и движение народных масс) встретятся» [128]. Все либеральные прожектеры исходили из того, что общая комиссия, или представители земства в Государственном совете, или земская дума укрепят самодержавную власть и вольют «новые и свежие силы в одряхлевший правительственный механизм» [129].

Необходимость реформ аргументировалась во всех выступлениях, статьях, проектах и записках классически-либеральной альтернативой: или «откроем осторожно все шлюзы», или «доведем страну до революции» [130]. На первый взгляд казалось: либерализм в то время представлял внушительную общественную силу. Более 250 столичных и провинциальных газет и журналов ходатайствовали о реформах[131]. Либерализм, готовый пойти на сделку с самодержавием («солидарное» правительство, возглавляемое Лорис-Меликовым, Милютиным, Абазой, и совещательное представительство), в обстановке спада революционной волны создавал благоприятные условия для маневрирующего отступления царизма в сторону реакции, попятного движения от Лорис-Меликова через Н. Игнатьева к Д. Толстому.

В этой обстановке ярые сторонники самодержавия сплачиваются, выставляют свои требования, противопоставив трусливому торгашеству

---

[120] А. Кошелев. Указ. соч., стр. 255; «Минувшие годы», 1908, № 4, стр. 274.

[121] В. Дмитриева. Тени прошлого. «Каторга и ссылка», 1926, № 3/24, стр. 64.

[122] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 312.

[123] В. Скалон. Мнение земских собраний о современном положении России. Берлин. 1883, стр. 55.

[124] Таков был тон всей либеральной печати. См. «Порядок», 1881, № 61; «Страна», 1881, № 3; «Неделя», 1881, № 11, и др.

[125] Б. Чичерин. Задачи нового царствования. Сборник «Победоносцев и его корреспонденты». Т. I. М.-Птгр. 1923, стр. 105.

[126] А. Кошелев. Где мы? Куда и как идти? Берлин. 1881, стр. 30.

[127] Г. де-Волан. Свободное слово о современном положении России. Берлин. 1881, стр. 161—162.

[128] «Конституция Лорис-Меликова». СПБ. 1906, стр. 24.

[129] Г. Евреинов. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПБ. 1905, стр. 39.

[130] Г. де-Волан. Указ. соч., стр. 161.

[131] Д. Мордовцев, обозревая русскую печать первых мартовских недель, дает интересную статистику: из 288 газет и журналов лишь 8 (в Москве — 3, Петербурге — 2, провинции — 3) стояли на охранительно-реакционных позициях, а остальные 280 выражали те или иные оттенки либерального общественного мнения (См. «Неделя», 1881, № 16, стр. 559—561).

либералов тактику политического наступления. Газета Каткова изо дня в день требовала отказа от всяких уступок, от какой-либо идеи представительства, от малейших попыток социальных реформ. Самодержавная власть, как защитница дворянских интересов и «стомиллионный только ей покорный народ», «очень сильные люди, люди дела, а не фразы» во главе правительства, способные повести против революции «жестокую, неумолимую, кровавую борьбу, не жалея... ни денег, ни наград, ни казней, ни пыток..., ни белых своих рук» [132],— такова программа реакционного лагеря. Лидеру охранительной публицистики вторил И. Аксаков, требовавший беспощадных репрессий и объявлявший их «священным делом власти», кликушески призывавший «поскорбеть всем народом» и предлагавший для сего дела созвать земский собор. «Русь» звала царя и правительство вернуться и в прямом и в переносном смысле в Москву [133].

Внутриправительственная борьба, ход и исход которой были следствием и признаком наметившегося перелома в развитии революционной ситуации, закончилась победой сторонников реакции. В течение двух месяцев (март—апрель) правительство колебалось и стояло на распутье, а Александр III вопреки своим убеждениям [134] не решался перейти к открытому реакционному курсу. Первое открытое столкновение фракций в правящих кругах произошло на заседании Совета министров 8 марта 1881 года. Из 15 участников совещания 8 высказались в пользу лорис-меликовского проекта, 5 — против, двое заняли «буферную» позицию. Лорис-Меликов и его группа противопоставили открытой реакционной демагогии Победоносцева столь же демагогическое рекламирование «попечительных» мероприятий и реформ. Страх перед возможностью (в условиях еще не определившейся обстановки) взрыва народной революции, а не забота о народе звучал в речах и сторонников и противников реформ [135].

Весь ход событий показал, что реальность даже одобренных в принципе реформ зависела не от мнения и поддержки большинства министров, а от наличия «серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться» [136]. Вследствие того, что такой силы не было (это становится особенно очевидным в конце апреля), компромисс, казалось, достигнутый на министерском совещании 21 апреля, оказался непрочным и очень скоро был опрокинут закулисными действиями реакции. Вечером 28 апреля на третьем совещании министров Лорис-Меликов и его сторонники неожиданно для себя узнали о написанном Победоносцевым и подписанном царем манифесте о решимости сохранить незыблемость самодержавия. Манифест был обнародован на следующий день — 29 апреля. Вслед за манифестом разразился неслыханный доселе «министерский кризис» — отставка Лорис-Меликова, Абазы, а затем и Милютина.

В реакционном лагере манифест и уход «либеральных» министров были встречены как крупная политическая победа. «Мы только что пережили,— писал катковский журнал,— исторический момент, представляющий некоторое сходство с тем, какой решил судьбу королевской власти во

---

[132] «Московские ведомости», 1881, №№ 69, 114; «Победоносцев и его корреспонденты». Т. I, стр. 216. В это время сторонники реакции широко использовали для давления на правительство и придворную камарилью записки, проекты, письма (ОРБЛ, ф. И. Воронцова-Дашкова, В-Д/II, 50/10, 50/12, 50/14 и др.). Система реакционных взглядов того времени изложена Д. Губаревым в книге «Что нужно народу». Штутгарт. 1881.

[133] «Русь», 1881, №№ 17, 18, 20, 21.

[134] На донесении П. Сабурова из Берлина, в котором он сообщал, что Бисмарк считает путь реформ для России опасным, новый царь написал: «Это до того верно, что, дай бог, чтобы ...министры наши... не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом» («Красный архив», 1927, № 3, стр. 250).

[135] Е. Перетц. Дневник, стр. 38; ОРБЛ. К-8, л. 241; «Каторга и ссылка», 1926, № 4, стр. 135.

[136] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 41.

Франции. К счастью, провидение хотело, чтобы исход правительственного решения у нас был другой» [137]. Лорис-Меликов и его друзья уходили с правительственной сцены под слезливое грустно-похоронное причитание либералов, вынужденных расстаться со своими иллюзорными надеждами на «солидарную» деятельность правительства и общества на благо «российского политического прогресса» [138]. «Второй раз, после освобождения крестьян,— писал В. И. Ленин,— волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось р е а к ц и е й, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать» [139].

Апрельский манифест и майская отставка трех министров явились началом постепенного поворота правительственной политики. Однако было бы ошибкой утверждать, что с этого времени «начался постоянный курс внутренней политики нового царствования, мало изменившийся до самой смерти Александра III» [140]. Лорис-меликовский режим, порожденный объективными условиями подъема революционной ситуации, был заменен режимом Н. Игнатьева (назначенного 4 мая 1881 г. министром внутренних дел), имевшим своей целью «прикрыть отступление правительства к прямой реакции» [141] в обстановке нисходящего развития кризиса и прогрессирующей стабилизации царизма. Некоторые подготовленные при Лорис-Меликове и осуществленные при Игнатьеве меры (обязательный выкуп, снижение выкупных платежей, первые акты фабричного законодательства и др.) должны были создать видимость «народной» экономической политики, отвлечь крестьян от борьбы против помещичьего землевладения, внести успокоение в среду рабочих. Вместе с тем правительство усилило борьбу против революционного движения. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденное 14 августа 1881 г., вводило систему полицейских репрессий и карательных мер на основе принципов «усиленной и чрезвычайной охраны» [142].

Игнатьев начал игру в совещания местных людей, в помещичьи парламенты [143], созывая «сведущих лиц» из числа предводителей дворянства, председателей земских управ и гласных для обсуждения вопроса о выкупных платежах, питейного и переселенческого вопросов. Он хотел использовать реакционную славянофильскую идею Земского собора для укрепления веры в «хорошего» и «всесословного» царя, для укрепления авторитета и власти абсолютизма. Игнатьевская идея Земского собора [144] при всем своем отличии возникла на той же основе, что и лорис-меликовская идея общей комиссии. «Успокоить народ» и «уничтожить смуту» [145] — такова была цель авторов этой затеи, считавших, что «это ведь последняя ставка, пропади она, выйди fiasco, спасения мирного более нет» [146]. Сам Игнатьев сознавался, что «пошел на собор... потому только, что не надеется справиться с движением к черному переделу» [147]. В письме к царю, когда уже вся затея была опрокинута Победоносцевым, он под-

---

[137] «Русский вестник», 1881, № 6, стр. 769.

[138] «Голос», 1881, № 124; «Порядок», 1881, № 123; «Биржевые ведомости», 1881, № 162; «Вестник Европы», 1881, № 6, стр. 799—800 и др.

[139] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 41.

[140] Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 299.

[141] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 42.

[142] III ПСЗ. Т. I, № 350.

[143] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 314

[144] Материалы, связанные с подготовкой этого проекта, опубликованы в «Русском вестнике» (1905, №№ 2, 3), в «Русском архиве» (1913, №№ 1, 2), в книге «Победоносцев и его корреспонденты». В фонде Игнатьева (ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. XIV—22) хранится вся документация.

[145] ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. XIV—22, л. 18.

[146] «Русский архив», 1913, № 1, стр. 162.

[147] ОРБЛ, ф. Б-Д/II, 51/3.

черкивал, что надеялся при помощи собора добиться «благоприятного поворота в настроении умов» [148].

Реформы и вся политика Игнатьева в условиях нисходящего развития кризиса обеспечили мобилизацию и укрепление реакционных сил и переход царизма к открыто реакционному курсу внутренней политики. Этот поворот ознаменовался назначением в мае 1882 г. министром внутренних дел Д. Толстого, отставка которого два года назад рассматривалась либералами как начало «новой эры прогресса». Лишь через год после апрельского манифеста 1881 г., когда революционная ситуация исчерпала себя, кризис верхов был преодолен, царизм перешел к открытой и прямой реакционной политике.

Следовательно, март 1881 — май 1882 г. может быть охарактеризован как период нисходящего развития революционной ситуации, когда революционное движение шло на убыль, соотношение сил резко изменялось в пользу реакции, одержавшей в конечном счете полную победу. В рамках этого этапа март—апрель 1881 г. были переходным временем от восходящей к нисходящей линии развития кризиса.

★

В. И. Ленин обобщил уроки второй революционной ситуации, раскрыл соотношение и взаимозависимость основных элементов в процессе ее возникновения и развития [149]. Обострение нужды и бедствий угнетенных классов и значительный подъем их активности были основными социальными факторами, определившими характер и развитие общественно-политической борьбы и кризиса политики господствующего класса в 1879—1881 годах. Обострение классовой борьбы привело в действие весь «механизм» параллельного развития основных элементов, составивших в своей совокупности революционную ситуацию. Стихийное движение народных масс и борьба революционной демократии объективно были направлены на уничтожение помещичьего землевладения и самодержавно-бюрократического государственного строя. Реформистская же программа и соглашательская тактика либерализма в условиях общенационального кризиса создавали благоприятные предпосылки для маневрирования царизма, облегчая в конечном счете победу реакции.

Самодержавие под влиянием обостряющейся классовой борьбы «пытается по-новому решить... навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, но оно не может их решить» [150]. Процесс эволюции самодержавия проходил отнюдь не путем плавного и мирного нарастания «прогрессивности» царизма, а в результате обострявшихся и усиливавшихся социально-политических конфликтов, как равнодействующая двух враждебных и боровшихся тенденций исторического развития. Не либерализм и не борьба внутри правящей верхушки, как это изображает буржуазная историография, были движущей силой политического прогресса, не они были источником реформ, не ими определялись «тематика», объем и реальность реформ. История возникновения и развития второй революционной ситуации показывает глубокую истинность ленинского положения о том, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических

---

[148] ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. XIV—22, л. 4. П. А. Зайончковский в своей статье «Попытка созыва Земского собора и падение министерства Н. П. Игнатьева» («История СССР», 1960, № 5), правильно отмечая реакционный характер проекта Земского собора, не раскрыл, однако, его своеобразия и его связи, как и всей политики Игнатьева, с лорис-меликовским курсом, и особенно с кризисом верхов в условиях нисходящего развития второй революционной ситуации.

[149] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 61.

[150] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 201.

преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований» [151].

Историческое значение второй революционной ситуации, не разрешившей социально-политических противоречий, на базе которых она сложилась, заключается в том, что она показала новую группировку классов, обнаружила социальную сущность пореформенного абсолютизма, открыла перспективу дальнейшего вызревания буржуазно-демократической революции. Отступление к реакции после второй революционной ситуации произошло в условиях нового этапа общественного развития. В. И. Ленин подчеркивал, что «и в 80-х годах был «шаг назад» к дворянству, но это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента» [152].

Вторая революционная ситуация была важным этапом дальнейшего размежевания «русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX в., все больше оформлялось в 1861—1904 годах» [153]. Реакционность политических течений и их программ определялась в это время не стремлением к полной реставрации крепостнических отношений, а отстаиванием развития «капитализма по юнкерскому типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения нового, более прочного фундамента под здание самодержавия» [154]. В условиях второй революционной ситуации проявилась реакционность либерализма и неспособность его к самостоятельному и решающему прогрессивному историческому действию.

Вторая революционная ситуация составляет важный этап в истории русского освободительного движения. Если первая революционная ситуация связана с появлением и деятельностью на общественной арене нового поколения революционеров-разночинцев, то для периода конца 70-х — начала 80-х годов характерен кризис революционно-демократического течения в его народнической форме. Самоотверженная борьба народников — блестящей плеяды революционеров 70-х годов — против царизма в условиях обострившейся нужды и усиливающегося натиска низов приобрела значение существенного фактора революционной ситуации. Но правительство и имущие классы опасались не столько непосредственных действий революционеров, сколько того, что их борьба может разжечь пламя народной революции. «Народная воля», рождение, расцвет и упадок которой приходятся на период второй революционной ситуации, не могла возглавить растущее движение угнетенных классов и превратить его в единый и организованный революционный натиск. В докладе о революции 1905 г. В. И. Ленин говорил о народовольцах: «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть» [155].

Вторая революционная ситуация подвела итоги народническому движению, обнаружив несостоятельность его доктрины и программ, ошибочность его тактики.

Начало борьбы русского пролетариата совпало по времени с завершающим этапом демократически-разночинского периода революционного движения. «Борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской исто-

---

[151] В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 178.
[152] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 366.
[153] Там же, стр. 449.
[154] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 339.
[155] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 235.

рии...» [156]. Опыт политической борьбы периода второй революционной ситуации, идущее в гору рабочее движение были теми решающими факторами, которые создали почву для быстрого распространения, а затем и победы марксизма в России. Русское рабочее социалистическое движение, преодолев и идейно разгромив народничество, подняло на новую высоту революционные демократические традиции и «наследство» русского освободительного движения.

Вторая революционная ситуация, так же как и первая, не перешла в революцию, ибо и к этому времени революционные классы еще не обладали достаточной силой, чтобы «сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» [157]. Однако стихийное движение угнетенных классов подтачивало самодержавно-помещичий строй, объективно ставя вопрос о самом его существовании, но в это время «захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения» [158]. К этому времени еще не созрел тот субъективный фактор — революционный пролетариат,— выступление которого могло бы увенчать революционную ситуацию революцией.

Вторая революционная ситуация, будучи узловым моментом в развитии классовой борьбы на перевале русской истории от 1861 г. до революции 1905 г., стала преддверием последнего периода освободительного движения, когда общенародную борьбу за новую Россию возглавил русский рабочий класс. После второй революционной ситуации общественное развитие России пошло чрезвычайно ускоренными и прогрессивно нарастающими темпами. Созданная В. И. Лениным марксистская партия возглавила пролетариат России, воспитала, подготовила и организовала его как руководящую и ведущую революционную силу. Через четверть века после второй революционной ситуации русский рабочий класс повел все народы России к первой русской революции. Еще через 10 лет буря народной революции опрокинула царизм. А спустя всего 8 месяцев Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории нашей Родины и всего человечества.

---

[156] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 91.
[157] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 190.
[158] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 257.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА

Академик В. В. Струве

Буржуазная историография, отвергающая в истории Востока наличие рабовладельческого периода, извращает тем самым и вопрос о времени зарождения в странах Востока феодального строя. Действительно, отрицая в истории обществ Востока времена господства рабовладельческого способа производства, она тем самым утверждает извечность восточного феодализма начиная с момента появления государства.

Для советских же историков одним из существеннейших вопросов, связанных с проблемой периодизации процесса развития восточных обществ, является определение времени зарождения здесь феодального общественного строя, пришедшего на смену рабовладельческому, наличие которого в истории развития обществ Востока советские исследователи доказали в ряде своих работ [1].

Вместе с тем не все вопросы данной обширной темы уже разрешены. В первую очередь необходимо обратить внимание на интенсивное изучение общественного строя эллинистического Египта, давшего науке более, чем прочие эллинистические государства, богатый исторический материал — бесчисленные греческие папирусы и немалое количество демотических документов. Строго говоря, вопрос об общественном строе эллинистического Египта в советской историографии, по существу, еще не разрешен [2], хотя от разрешения его зависит установление периодизации истории древнего Средиземноморья, а тем самым, как я надеюсь, и выработка некоторого критерия, приложимого в конечном счете к периодизации истории Среднего и Дальнего Востока.

---

[1] Уже в 1941 г. Ю. П. Францев, будучи ответственным редактором учебного пособия «История Древнего Востока», мог заявить на стр. 459 указ. соч.: «В настоящее время советской наукой установлено определение общественно-экономической формации стран древнего Востока как рабовладельческой».

[2] Действительно, у нас до сих пор нет даже учебного пособия, не говоря уже об учебнике, по истории эллинизма. Правда, имеется посмертно изданная монография безвременно ушедшего от нас проф. А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль» (М.-Л. 1950). Этот труд насыщен богатым конкретным содержанием, но сам автор заявлял, что его «монография — не учебник, не курс истории, не справочник и не «история эллинизма» (стр. 6). Мы не найдем ни в нем, ни в другой монографии того же автора «Восточные провинции Римской империи в I—III вв.» (М.-Л. 1949), ни в его статьях («Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии». «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1947, № 2, стр. 28 сл.; «Александр Македонский и греческие города Малой Азии», «ВДИ», 1947, № 4, стр. 57 сл.) четкого определения того способа производства, который был господствующим на Ближнем Востоке в эпоху эллинизма. Из исследований, посвященных специально эллинистическому Египту, на наш взгляд, лучшей работой, способствующей правильному определению производственных отношений в государстве Птолемеев и дающей это определение, является еще и в настоящее время опубликованное в 1935 г. исследование О. О. Крюгера «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте» («Известия» ГАИМК, вып. 108, стр. 7—114). В 1955 г. был издан макет II тома «Всемирной истории» (далее —«ВИ»), в VI главе которого, посвященной эллинистическим государствам Восточного Средиземноморья, был применен термин «полурабские издольщики» (прилагавшийся В. И. Лениным к освобожденным черным рабам Юга США) к арендаторам царской земли в Египте Пто-

Переходя к решению вопроса об общественном строе эллинистического Египта, надлежит в первую очередь подвергнуть критике упрощенное решение этого вопроса, предлагавшееся в свое время в советской историографии,— попытку объяснения своеобразия социально-экономических отношений государства Птолемеев из факта завоевания. Данное объяснение противоречит уже тому, что историки не располагают ни одним официальным документом, в котором Птолемей I или кто-либо из его преемников упоминал бы о Египте как о стране, захваченной силой оружия. В противоположность Птолемеям Ахемениды, их предшественники в господстве над Египтом, не останавливались перед тем, чтобы назвать себя завоевателями Египта. Дарий I, отнюдь не одобрявший свирепую политику Камбиза по отношению к завоеванной стране, тем не менее заявляет в своей надписи у Суэцкого канала: «Говорит Дарий царь. Я — перс. Из Персии я завоевал Египет» [3].

Ахемениды могли столь открыто заявлять о том, что они завоевали Египет, поскольку их опорой были «копье персидского мужа» [4] и Персида, а не Египет. Птолемеи же находились в ином положении. Их главной опорой был Египет, и поэтому вряд ли было разумным с их стороны раздражать подобными заявлениями жречество и знать ливийско-египетского военного правящего класса. Поэтому Птолемей I решил пойти по стопам Александра Македонского, который с помощью оракула Амона в далеком ливийском оазисе пытался доказать миру, что «новая монархия обязана своим возникновением не столько греко-македонскому оружию, сколько божественному велению» [5]. Птолемей I официально объявил себя продолжателем политики своих предшественников, будучи еще сатрапом [6]. «Эту политику продолжал и он и его преемники, изображения которых в виде фараонов встречаются на стенах храмов и на стелах в огромном количестве» [7].

Птолемеи, будучи преемниками фараонов Саисской династии, не стремились создавать в своем государстве социальную организацию и административную систему управления заново, а использовали старую

лемеев. Правда, в окончательном издании II тома «ВИ», опубликованного в 1956 г., этот термин не был использован (гл. IX). Следует также отметить в качестве положительного момента, что здесь в разделе о социальном и политическом кризисе эллинистических государств (гл. X) не противопоставляются отношения II и I вв. до н. э. (в качестве эпохи, когда рабский труд в сельском хозяйстве эллинистического Египта отступал на задний план) III веку до н. э. К сожалению, в обстоятельном труде К. К. Зельина «Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э.» (М. 1960) мы находим подобное утверждение о ничтожном значении труда рабов в сельском хозяйстве названного времени. Мы встречаем здесь (стр. 95) и вышеуказанное обозначение арендаторов царской земли в эллинистическом Египте термином «полурабские издольщики». С некоторыми другими положениями названного труда я также не могу согласиться (см. ниже). Вместе с тем я считаю приятным долгом заявить, что взятый в целом обстоятельный труд проф. К. К. Зельина должен быть оценен вполне положительно, так как он покоится на использовании всех доступных нам источников и литературы предмета. В особенности надлежит подчеркнуть в качестве весьма положительного момента, что К. К. Зельин, будучи специалистом по истории классической Греции, использовал со всей тщательностью египетские источники (как иероглифические, так и демотические тексты). Поэтому в моем исследовании, поскольку уже имеется столь тщательная сводка соответствующих источников и литературы, позволительно обратить все внимание на анализ лишь тех источников, которые, по моему мнению, могут послужить решению вопроса об общественном строе эллинистического Египта.

[3] Перевод В. И. Абаева в «Хрестоматии по истории древнего мира» (т. I. М. 1950, стр. 274, № 272).

[4] См. Накширустемскую надпись А, строки 43—45. Здесь Дарий горделиво заявляет: «Персидского мужа копье далеко проникло».

[5] Б. А. Тураев. История древнего Востока. Т. II. Л. 1935, стр. 204.

[6] См. его знаменитую стелу, так называемую «стелу сатрапа», от 7-го года правления царя Александра II из храма Буто. Лучшее издание: K. Sethe. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig. 1904, S. 11—12.

[7] Б. А. Тураев. Указ. соч., стр. 212.

социальную организацию, созданную их предшественниками и столь восхваляемую греческими историками и философами. Так, по утверждению Аристотеля, «не теперь и не недавно политическим мыслителям стала известна та истина, что государство должно быть разделено на отдельные классы и что военный класс должен быть отделен от класса земледельческого. В Египте, а также и на Крите, такой порядок существует еще и по настоящее время, причем, как говорят, в Египте он был установлен соответствующими узаконениями Сесостриса, а на Крите — Миноса»[8]. В дальнейшем Аристотель подчеркивает, что «время правления Сесостриса значительно предшествует времени царствования Миноса»[9].

Я полагаю, что Птолемей I, написавший ценную историю походов Александра Великого[10], был начитан в греческой литературе и был знаком, во всяком случае, с трудами Аристотеля, учителя Александра, и с тем, что говорил величайший ученый античности об Египте. Он поэтому вполне сознательно стремился получить при разделе империи Александра долину Нила в свое правление[11]. Об идеализации Птолемеем I общественного строя Египта свидетельствует, по моему мнению, и труд историка Гекатея из Абдеры, жившего при дворе Птолемея I[12].

Действительно, тот общественный строй Египта, который сложился в начале I тысячелетия до н. э., являлся реально существующим прообразом описываемого греческими философами и историками «наилучшего государственного строя»[13]. Военный класс, который восходил к ливийским наемникам, захватившим власть в долине Нила, был наследственно закреплен и замкнут, а тем самым отделен непроходимой пропастью от народа, от земледельцев и ремесленников[14].

Для Аристотеля же была неоспоримой, как мы видели выше, «истина, что военный класс должен быть отделен от класса земледельческого».

Наряду с воинами в состав господствующего класса входило жречество, которое также являлось тогда наследственно замкнутым сословием. Аристотель, говоря о классе жрецов в своем рассуждении о наилучшем государственном строе, включает жрецов во второй постулируемый им правящий класс — законовещательный[15]. Жрецы играли роль советников при фараонах XXII династии, поскольку последние опирались не только на своих ливийских воинов, но и на жречество Мемфиса, а затем и Фив[16].

Положение же египетского народа — земледельцев и ремесленников,— противостоящего наследственно замкнутому господствующему классу воинов и жрецов, соответствовало тому положению, которого требовал Аристотель для ремесленников и земледельцев в своем «наилучшем государстве». Действительно, в Египте, согласно свидетельству Ге-

---

[8] «Политика» Аристотеля (перевод С. А. Жебелева). М. 1911, стр. 320—321 (кн. VII, гл. 9, 1).

[9] Там же, кн. VII, гл. 9, 4.

[10] В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Пг. 1915, стр. 175.

[11] E. Bevan. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London. 1927, p. 18.

[12] В. П. Бузескул. Указ. соч., стр. 209.

[13] Ср. слова К. Маркса («Капитал», т. I, Госполитиздат. 1955, стр. 374—375): «Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собою лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя».

[14] Об общественном строе Египта начала I тысячелетия до н. э. см. Б. А. Тураев. Указ. соч., т. II, стр. 20—25; Ed. Meyer. Gottesstaat, Militärherrschaft und Ständewesen in Ägypten. Zur Geschichte der 21. und 22. Dynastie («Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Phil.-hist. Klasse. Bd. XXVIII. 1928); «ВИ», т. I, 1955 (здесь главы по истории Египта написаны на основании исследований Ю. Я. Перепелкина).

[15] «Политика», VII, 8, 6. Надлежит подчеркнуть, что Аристотель еще более сблизил свое «наилучшее государство» с общественным строем позднего Египта, заменив «философов» идеального государства Платона «жрецами».

[16] См. Б. А. Тураев. Указ. соч., т. II, стр. 23—25.

родота (II. 167), положение ремесленников было приниженным по сравнению с воинами, а земледельцы были или рабами [17], или же свободными лицами, но не ливийского происхождения, то есть египтянами [18].

Такова была та социальная организация, которая, сложившись в начале I тысячелетия до н. э., просуществовала до прихода войск Александра Македонского в Египет. Она была в основных своих чертах воспринята Птолемеями, которые, по существу, внесли изменения только в положение военного класса. В самом деле, положение потомков ливийских воинов, которых греки называли «махимой», то есть «бойцы», в государстве Птолемеев резко ухудшилось по сравнению с их положением в предшествующие столетия. Согласно свидетельству Геродота (II. 68), в его время «махимой» владели наделами в 12 арур (то есть несколько более, чем 3 гектара) [19]. Подобный надел плодородной земли Египта должен быть оценен как сравнительно хорошее обеспечение воина. Но Птолемеями эти наделы были значительно уменьшены. Уже папирусы III в. до н. э. говорят о «махимой» с наделами в 7 и даже в 5 арур [20], свидетельствуя тем самым о проведении Птолемеями частичной конфискации земель воинов, потомков ливийских бойцов. У части «махимой» Птолемеи, кажется, отобрали их земельные наделы и выдавали им необходимое иждивение из царской казны [21]. Эти мероприятия были обусловлены желанием Птолемеев иметь необходимые земельные фонды, чтобы испоместить македонских и греческих воинов, которые могли быть более надежной опорой, нежели потомки ливийских воинов. Тяжеловооруженная македонская и греческая пехота, организованная в фалангу, решала судьбу сражений, и поэтому египетско-ливийские «махимой» должны были уступить часть земли новым пришельцам. Только часть «махимой», и, несомненно, наименьшая, так называемые «избранные» (epilektoi), продолжала владеть наделами в 10 арур [22], то есть наделами, лишь на 2 аруры меньшими, нежели те, которыми «махимой» были обеспечены в доптолемеевское время. Положение «избранных» в экономическом отношении было сносным, но положение всех прочих «махимой» было крайне бедственным. Последнее засвидетельствовано яркими словами в уже упоминавшемся парижском папирусе № 63 от 164 г. до н. э. Правительственный декрет, увековеченный им, относится к Египту во всем объеме и утверждает в самом подлинном смысле этого слова нищенское положение «махимой» наряду с большинством населения

---

[17] См., например, текст, изданный Ж. Легрэном и переведенный и комментированный А. Эрманом в «Zeitschrift für ägyptische Sprache», Bd. XXXV, 1897. Русский перевод текста дан И. М. Лурье в «Хрестоматии по истории древнего мира», т. I, стр. 121 сл. Текст повествует о покупке сыном царя около 185 гектаров земли и 35 рабов и рабынь.

[18] О сословии-касте земледельцев в позднем Египте, засвидетельствованной греческими писателями, см. A. Wiedemann. Herodot's zweites Buch. Leipzig. 1890, S. 573. О положении ремесленников и земледельцев в «наилучшем государстве» Аристотеля см. «Политика», VII, 8, 5.

[19] Арура равнялась 2 756 кв. м. См. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Leipzig — Berlin. 1912, S. LXXII.

[20] См. I том издания тебтунисских папирусов (London. 1902, p. 36), прим. к строке 44 знаменитого декрета 118 года.

[21] О подобных лицах, внесенных в списки воинов, сообщает нам парижский папирус № 63 (см. издание U. Wilcken. Urkunden der Ptolemäerzeit. Leipzig. 1922, № 110), столб. IV, 103—105. Ниже я процитирую указанные строки.

[22] По моему мнению, парижский папирус № 63, столб. IV, 20 сл., перечисляющий machimoi, «избранных», семиарурников и пятиарурников, свидетельствует о том, что «избранные» тождественны египетско-ливийским воинам, владевшим наделами в 10 арур. Текст Pap. Tebtunis (I, § 5, 44), упоминающий об «избранных», слишком разрушен, чтобы дать точное определение их. Во всяком случае, следует подчеркнуть, что Птолемей IV Филопатор для похода 217 г. до н. э. включил в македонскую фалангу не всех machimoi, а только «избранных». Ср. свидетельство Полибия (кн. V, гл. 82, 2) о наличии в войске и Птолемея и Антиоха «избранных, вооруженных македонским образом». Избранные войска Антиоха, согласно свидетельству Полибия (кн. V, гл. 85, 10), не выдержали натиска фаланги Птолемея.

египетских деревень. Дело в том, что декрет 164 г. до н. э. запрещает передавать в принудительную аренду оставшуюся невозделанной царскую землю беднейшему населению, а также «немалому количеству тех, которые внесены в списки воинов и имеют едва необходимое иждивение в том, что им выдается из царской казны, или же большинству из «махимой», которые не могут даже обрабатывать свои наделы, но должны зимой в счет арендной платы за свой надел за чрезмерные проценты одалживать деньги», то есть, как разъясняет декрет, «все люди, которым даже, если бы они сами пожелали арендовать царскую землю, нельзя было бы доверить доставку посевного зерна на поле» [23].

Судя по последним словам цитаты из папируса, птолемеевское правительство даже боится доверить «махимой» и прочим беднякам деревни получение посевного зерна, очевидно, из опасения, что они с голоду используют его не на посев, а в пищу. Правда, некоторые исследователи готовы предположить, что устанавливаемое декретом 164 г. до н. э. бедственное положение «махимой», как и большинства населения египетских деревень, было обусловлено только что имевшим место вторжением Антиоха IV в Египет. Но я полагаю, что общий контекст только что процитированных строк декрета 164 г. до н. э. противоречит подобному предположению [24]. Очевидно, декрет 164 г. ссылался в этом своем разделе на твердо установившееся положение, что к аренде царской земли могли привлекаться лишь имущие люди. Поэтому надо признать, что бедственное материальное положение египетских воинов, засвидетельствованное декретом 164 г. до н. э., было явлением обычным, наблюдаемым и в годы до похода Антиоха IV. Положение в 164 г. до н. э. было необычным лишь в том отношении, что большая часть царской земли оставалась необработанной, ибо обычные арендаторы царской земли обеднели в результате вторжения сирийцев и не могли взять на себя обработку царской земли в прежнем объеме. Поэтому птолемеевское правительство и решило привлечь «всех» к принудительной аренде царской земли, подразумевая, конечно, под «всеми» лишь «имущих» и в первую очередь самих чиновников. Так как чиновники по вполне понятным причинам не пожелали этого понять, то декрет 164 г. до н. э. им и разъясняет, что принудительная аренда не должна быть возложена на все население долины Нила, а лишь на тех, которые «могут» взять на себя обработку земли [25]. «Махимой» же по своей бедности «не могли» брать на себя обработку царской земли.

Таким образом, в декрете 164 г. до н. э. открыто признавалось тяжелое положение египетско-ливийского военного класса. В III в. до н. э. положение «махимой», надо полагать, было еще более плохим, ибо после волнений в среде туземного военного класса, возникших на рубеже III — II вв. до н. э.[26], птолемеевское правительство должно было принять

[23] Парижский папирус № 63, строки 103—111.

[24] Надлежит указать на условия, которые вызвали появление декрета 164 г. до н. э. Декрет был издан в целях ликвидации одного из тяжелых последствий сирийского вторжения, а именно запустения царской земли. Он требовал привлечения «всех» к принудительной аренде оставшейся необработанной царской земли. Чиновники в номах поняли это постановление буквально и привлекли все население, как имущих, так и более бедных, к принудительной аренде. Против подобного истолкования чиновниками правительственного постановления выступает данный декрет. Желая довести до полного абсурда нелепое толкование своего решения, царь ставит риторический вопрос: «Кто столь неразумен и слаб в размышлении и в установлении различия условий, что он даже этого понять не может», что работников царских монополий (то есть людей, обеспечивающих своим трудом важную отрасль государственного хозяйства), бедняков, живущих поденным трудом, и machimoi нельзя причислять ко «всем людям», которым можно было бы дать в аренду царскую землю? См. парижский папирус № 63, столб. III, 94 и столб. IV, 113.

[25] Парижский папирус № 63, столб. IV, 119—120.

[26] О волнениях в среде machimoi в конце III в. до н. э. свидетельствует известная правительственная инструкция конца III в. до н. э. начальнику номовой финансовой организации, эконому, упоминаемому в тебтунисском папирусе № 703. См. «Хресто-

меры, чтобы успокоить волнующихся «махимой» некоторым улучшением их положения [27].

Пожалуй, еще более тяжелым было положение масс египетского народа, производителя материальных благ, ибо в птолемеевском Египте, как и в других эллинистических государствах Востока, господствующий класс, в состав которого входили македоно-греки, а также туземное жречество и знать, эксплуатировал и туземные народные массы. Последние назывались греками laoi — «люди» [28], хотя этот термин, как мы увидим ниже, обнимал собой не только эксплуатируемые и угнетенные народные массы долины Нила. Основная масса «лаой» была связана так или иначе с обработкой царской земли.

Вопрос о связи этих «людей» («лаой») с обрабатываемой ими землей не нашел до сих пор, как я полагаю, в советской историографии своего правильного решения. Так, в макете II тома «Всемирной истории», издаваемой Академией наук СССР, давалось в § 3 шестой главы, посвященной возникновению эллинистических государств, неправильное определение социально-экономического положения тех из «лаой», которые тем или другим образом были связаны с обработкой земли, не принадлежавшей им по праву собственности. Правда, автор главы проявил первоначально свою методологическую зрелость, отвергнув характерное для многих буржуазных историков применение свойственного капитализму понятия «аренда» и «арендаторы» к условиям землевладения и землепользования в эллинистических государствах. Но вместе с тем автор главы счел возможным применить к людям, связанным в эллинистическом Египте с обработкой не принадлежавшей им земли, термин «полурабские издольщики» [29], примененный В. И. Лениным по отношению к неграм — арендаторам на бывшем рабовладельческом Юге США [30].

матия по истории древнего мира» Т. II. М. 1951, стр. 273: «Следи за тем, чтобы все вопросы, касающиеся туземных воинов, были устроены согласно составленной нами инструкции о людях, покинувших работу и... моряках... Все эти люди, попадающие в твои руки, должны содержаться вместе для доставки в Александрию».

[27] В только что указанной инструкции эконому, которая посвящена преимущественно царскому хозяйству, со стороны эконома требуется бережное отношение к земледельцам царской земли: «Во время обследовательского объезда стремись обходить всех по отдельности, подбадривать их и подымать их настроение. А это делай не только словами, а также, если кто-нибудь из них жалуется на писца или начальника деревни относительно вопросов, связанных с земледелием, разбирай это и по мере возможности простанови» («Хрестоматия по истории древнего мира». Т. II, стр. 271). В инструкциях же, связанных с вопросами обороны страны, указывалось на бережное отношение к египетско-ливийским воинам, волнения среди которых могли создать большие затруднения государству Птолемеев.

[28] См. определение данного термина Е. Бивеном в его «A History of Egypt under the Ptolemaic dynasty», p. 166: «Греческое слово для обозначения понятия «народ» — laoi обычно употреблялось для туземного населения».

[29] «ВИ», т. II, стр. 205—206. Использование подобного термина, примененного В. И. Лениным к социальному слою, возникшему в южных штатах США в результате освобождения негров, для социального слоя, сложившегося в Египте в рабовладельческий период истории человечества, грозит возрождением концепции циклизма, аргументы которой еще и в настоящее время, как и лет пятьдесят тому назад, усердно используются враждебной нам идеологией. Во избежание подобных рецидивов я считаю целесообразным коснуться этой антиисторической установки, переносящей безоговорочно отношения, сложившиеся в одном периоде истории человечества, в другой период, отделенный от первого тысячелетиями. Я тем более был обязан это сделать, поскольку К. К. Зельин на стр. 95 своего труда продолжает настаивать, как я отметил выше, на данном сопоставлении социальной категории капиталистического периода с социальной категорией рабовладельческого периода истории человечества. Подобное сопоставление К. К. Зельин впервые провел в 1953 г. в «Вестнике древней истории» (№ 4. «Основные черты эллинизма»). Таким образом, это мнение высказывается К. К. Зельиным уже в течение ряда лет.

[30] В исследовании В. И. Ленина «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», являвшемся первой частью его труда «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Оно было опубликовано впервые в 1917 г. (В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 13).

С нашей точки зрения на историю восточных обществ эпохи эллинизма, применение термина «полурабские издольщики» к непосредственным производителям эллинистического Египта недопустимо. Дело в том, что термин «полурабские издольщики» [31] был применен В. И. Лениным к тем неграм, которые продолжали обрабатывать на Юге США чужую землю и после гибели здесь рабовладельческого строя [32]. В странах же Востока в эпоху эллинизма, согласно утверждению самого автора главы о возникновении эллинистических государств, произошла не смена рабовладельческой формации феодализмом, а, наоборот, период эллинизма являлся для областей Переднего Востока «периодом распространения более высоких форм рабовладения» [33].

Кроме того, использование по отношению к непосредственным производителям эллинистического Египта термина «полурабские издольщики» в вышеуказанном значении является как бы подтверждением концепции Ростовцева — Вилькена, согласно которой эллинизм уничтожил крепостничество, имевшее до того место в странах Ближнего Востока, и тем самым якобы содействовал до некоторой степени освобождению народных масс Египта и Передней Азии от эксплуатации [34]. Нужно помнить, что «полурабские издольщики» бывшего рабовладельческого Юга США пользовались, конечно, большей свободой, нежели черные рабы плантаций до гражданской войны 1861—1865 годов.

Надлежит отметить, что термин «полурабские издольщики» нельзя применять по отношению к «лаой» эллинистического Египта еще и потому, что последние были не издольщиками, а платили определенное число мер зерна с каждой аруры земли, которой они владели в качестве арендаторов [35].

Автор раздела о государстве Птолемеев из II тома «Всемирной истории» (в окончательном оформлении) отказался от имевшегося в макете сопоставления людей, связанных с обработкой царской земли в эллинистическом Египте, с «полурабскими издольщиками», то есть с неграми-«арендаторами» Юга США после отмены там рабства. Согласно его определению, «основными работниками в сельском хозяйстве были лаой, или «царские земледельцы», как их называли в Египте», и этих людей он уже не сравнивает с какой-либо социальной категорией, сложившейся в условиях другого периода истории человечества [36].

Оценивая положительно этот отказ от сопоставления разных социальных явлений, восходящих к двум различным историческим периодам, я вместе с тем должен выразить сожаление, что данный автор безоговорочно сопоставляет «лаой» с «царскими земледельцами» и, таким образом, ставит знак равенства между ними. На самом же деле не все «лаой» являлись «царскими земледельцами», ибо далеко не всем «лаой» можно было доверить аренду царской земли, поскольку они отнюдь не

---

[31] Надлежит отметить, что В. И. Ленин характеризует этих негров-«арендаторов» следующим образом: «Перед нами вовсе не арендаторы в европейском, культурном, современно-капиталистическом смысле. Перед нами преимущественно полуфеодальные или,— что́ то же в экономическом отношении,— полурабские издольщики» (В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 13). Стало быть, В. И. Ленин называет негров-«арендаторов» южных штатов прежде всего «полуфеодальными», а уж затем «полурабскими издольщиками». Я полагаю, что В. И. Ленин хотел отметить тем самым происшедшую смену формаций.

[32] В. И. Ленин (Соч. Т. 22, стр. 14) цитирует соответствующие данные из используемого им американского статистического сборника: «Развитие арендной системы всего более бросается в глаза на юге, где большие плантации, в прежнее время обрабатывавшиеся рабским трудом, во многих случаях были разбиты на маленькие участки (парцеллы), сдаваемые арендаторам».

[33] Макет «ВИ», т. II, стр. 203.

[34] U. Wilsken. Grundzüge... S. 276—277 M. I. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig—Berlin. 1910, S. 33.

[35] U. Wilcken. Grundzüge..., S. 274.

[36] «ВИ», т. II, стр. 239.

были однородной в экономическом отношении массой. Среди них имелись наряду с людьми имущими, которые могли быть поэтому арендаторами царской земли, и люди бедные, которые добывали себе хлеб насущный трудом поденщика [37]. Автор говорит, правда, в дальнейшем о поденщиках, но он их не называет «лаой», создавая тем самым впечатление, что поденшики не входили в состав «лаой». Подобное впечатление подкрепляется и всем контекстом данного отрывка, в котором наряду с противопоставлением арендаторов царской земли бедняку-поденщику проводится противопоставление «сравнительно зажиточных» катэков бедным египетским воинам («махимой») [38]. Действительно, поскольку катэки, в громадном большинстве своем греки, входили в состав господствующего класса [39], а бедные слои египетских воинов к последнему не принадлежали, постольку можно было и арендаторов царской земли и поденщиков причислить к двум различным классам. Не вполне четкое определение «лаой» мы находим, к сожалению, и в обстоятельном вышеназванном труде К. К. Зельина, так как, согласно его определению, «лаой не рабы, они не являются чьим-либо имуществом. Они сами владеют обычно имуществом и некоторыми средствами производства» [40]. Подобное определение социального понятия «лаой» может вызвать возражения, как и приведенное выше определение из II тома «Всемирной истории», своей однобокостью. Действительно, согласно К. К. Зельину, в состав «лаой» входили люди, которые владели обычно «некоторыми средствами производства», то есть землей. Здесь же автор разъясняет характер связи этих людей с землей: это аренда, которая в эллинистическом Египте «является выражением зависимого положения лаой» [41].

Те «лаой», которые являлись арендаторами царской земли, действительно не были рабами, поскольку они владели средствами производства. Тем не менее приведенное выше утверждение автора, что «лаой не рабы», не совсем соответствует истине, являясь, как я уже сказал, однобоким. Дело в том, что оно не считается с наличием в эллинистическом Египте «поденщиков» (ergatai), которые также, согласно свидетельству парижского папируса № 63 от 164 г. до н. э., были включены в число «лаой» [42], а поденщики — это, несомненно, временные рабы. Правда, автор противопоставляет «труд свободных арендаторов и поденщиков» рабскому труду [43], но с этим положением я никак не могу согласиться. Сам же автор, объявляющий здесь и арендаторов и поденщиков свободными, на другой странице своего труда подчеркивает, что «аренда в эллинистическом Египте является выражением зависимого положения лаой и никак не может быть сопоставлена, например, с капиталистической арендой» [44]. Вполне соглашаясь с данным положением автора, я поэтому никак не могу согласиться с утверждением, что «поденщики» (ergatai) были свободными людьми. Они являлись временными рабами, поскольку были в противоположность арендаторам царской земли лишены средств производства, и вместе с тем по отношению к ним применялось внеэкономическое принуждение, так как раньше условленного срока они не имели права уйти с места работы. В отношении внеэкономического принуждения «поденщики» (ergatai) находились в таком же

[37] См. ниже, где я буду говорить специально о laoi, лишенных средств производства.

[38] «ВИ», т. II, стр. 240.

[39] Согласно К. К. Зельину (стр. 208 сл.), во II в. до н. э. имеет место дальнейшее развитие прав катэков. По отношению к другим категориям клерухов подобное расширение прав не может быть засвидетельствовано. Автор называет катэков «клерухами-эллинами», и в качестве таковых они с момента установления македоно-греческого владычества вошли в состав господствующего класса Египта.

[40] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 110—111.

[41] Там же, стр. 111.

[42] Парижский папирус № 64, строки 100—104.

[43] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 157.

[44] Там же, стр. 114, конец второго абзаца.

положении, что и «царские земледельцы», арендный договор которых, как известно, обусловливал их совершенно зависимое существование [45]. В дальнейшем я остановлюсь еще на одном важном вопросе: являлись ли «поденщики» (ergatai) редким или частым явлением в эллинистическом Египте? А сейчас следует поставить вопрос о правильном определении этих «лаой», которые играли столь большую роль в сельском хозяйстве эллинистического Египта. Для решения данного вопроса мы должны осознать положение «лаой» на основании того материала, который мы находим в сравнительном изобилии в папирусах птолемеевского Египта. Привлекая указанные источники, можно установить, что «лаой» являлись египтянами, составлявшими основное население деревень долины Нила, но в имущественном отношении они не представляли собой однородную массу. Как уже говорилось выше, основная масса была так или иначе связана с обработкой царской земли. Связь их с царской землей находила свое выражение в том, что представителям этой части «лаой» передавались участки царской земли, и эти «лаой» становились тем самым georgoi basilikoi, то есть «царскими земледельцами».

«Царские земледельцы» также, в свою очередь, не были равны между собой в экономическом отношении. Они не могли быть таковыми уже по одному тому, что в состав их входили и представители господствующего класса — жрецы, воины и чиновники [46]. Среди «царских земледельцев», арендовавших крупные участки земли, были не только греки, но и египтяне [47]. Египтянин Петебастис, арендовавший 265 арур земли, то есть участок примерно в 88 гектаров, принадлежал, очевидно, к богачам деревни, и с ним поэтому был заключен индивидуальный арендный договор в противоположность менее обеспеченным лицам, которым отдавалась земля на основании коллективного договора. Так, Аполлоний, всесильный вельможа Птолемея II, передавал большие участки дарованной ему царем земли коллективам «царских земледельцев» соседних деревень [48].

Хотя эти «царские земледельцы», получавшие в аренду царскую землю на основании коллективных договоров, и не принадлежали к слою богачей египетских деревень, они тем не менее не являлись и неимущими, которые, несмотря на свою бедность, получали все же основное богатство государства — землю. Дело в том, что они получали царскую землю лишь после представления залога, который мог обеспечить интересы государства в случае невыполнения «царскими земледельцами» их обязательств [49]. Вполне понятно, что птолемеевское правительство, для

---

[45] См. «ВИ», т. II, стр. 239; К. К. Зельин, стр. 111 (здесь в неясном контексте говорится о внеэкономическом принуждении в связи с арендой в эллинистическом Египте).

[46] M. I. Rostovtzeff. A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C. A Study in Economic History. Madison. 1922, p. 82—83.

[47] Там же, стр. 83.

[48] См. C. C. Edgar. Selected Papyri from the Archives of Zenon (папирус № 40), «Annales du Service des antiquités de l' Egypte. La Caire. 1925—1931; см. также M. I. Rostovtzeff. A Large..., pp. 44, 56. Латифундии сановников птолемеевского Египта, которые им давались царем, управлялись подобно царской земле. О сдаче в аренду царской земли коллективам «царских земледельцев» можно предполагать на основании свидетельства тебтунисских папирусов № 61в, 194 сл., № 72, 110 сл.

[49] О предоставлении залога со стороны «царских земледельцев» свидетельствует одно из первых постановлений неоднократно упоминавшегося царского указа об амнистии от 118 г. до н. э. Царь Птолемей VII и его соправительницы прощали недоимки, кроме тех, которые накопились за арендаторами, «давшими залог». См. тебтунисский папирус № 5, 10—13. В папирусе того же года (тебтунисский папирус № 61в, 369—378; № 72, 369—380) сообщается о том, каким образом забирался на практике залог у «царских земледельцев», не выполнивших своих обязательств. Документ повествует о том, что стратег Фаний прибывает в деревню Керкеосирис, чтобы удостовериться в успешном ходе уборочной кампании: «Фаний тогда прибыл в деревню и, посетив поля, установил, что обработка их была в плохом состоянии и что урожай еще не был собран. Но во избежание гибели того, что могло бы быть спасено, он заставил земледельцев приступить к делу, собрать урожай и принести его на ток. Было установлено

которого плодородные земли долины Нила были условием благополучия государства, прилагало все усилия к тому, чтобы обеспечить за собой при любых условиях без каких-либо потерь урожай своих полей. Оно поэтому могло рекрутировать «царских земледельцев» лишь из тех представителей населения деревень, которые могли представить залог, обеспечивающий ему во всех случаях получение причитающихся мер зерна с царской земли. Стало быть, все «лаой», арендовавшие царскую землю на основании как индивидуальных, так и коллективных договоров, входили в состав имущих слоев населения египетских деревень.

Наряду с имущими людьми, которые владели землей или могли ею владеть путем аренды, существовали в египетских деревнях эллинистической эпохи и бедняки в подлинном смысле этого слова, не имевшие своего самостоятельного хозяйства и жившие поденным трудом. Наличие подобных людей в деревнях Египта того времени свидетельствует о далеко зашедшем процессе разрушения сельских общин в эллинистическом Египте. Этот процесс, приведший к обнищанию большого числа представителей сельских общин, начался в Египте еще до господства Птолемеев — в Саисский, а может быть, и в Ливийский периоды. Бурные события, предшествовавшие воцарению Саисской династии, обусловили ослабление мощи Египта, и поэтому Псаметих I вынужден был возложить на население непосильные подати, которые не могли не разорять людей. О катастрофическом положении одного из египетских храмов в царствование «благочестивого царя» Псаметиха I свидетельствует один из столбцов знаменитого демотического папируса, содержавший так называемое прошение некоего Петесе[50].

Если даже храмы подвергались жестоким поборам со стороны государства, то мы можем представить себе, сколь невыносимым являлось тогда, в Саисскую эпоху, экономическое положение сельских общин. Саисскую династию сменило господство персов. Ахемениды, наверное, ввели и в Египте весьма разорительную для народных масс откупную систему[51] и тем самым способствовали дальнейшему обнищанию сельских общин. Установление господства Птолемея I и его преемников не принесло никакого облегчения многострадальному народу Египта. Наоборот, безжалостное выжимание налогов новым македоно-греческим правительством нанесло окончательный и смертельный удар сельским общинам, которые лишь с внешней стороны продолжали сохранять тогда

на основании последующей оценки, что подати, возложенные на землю, не могут быть полностью выплачены, но он (стратег) приложил старания, и (урожай) был (полностью) выплачен в казну, и недоимки, которые были покрыты залогами, с трудом были таким образом погашены».

[50] Документ был издан в труде F. L. Griffith. Catalogue of the Papyri in the John Rylands Library. T. I—III. Manchester — London. 1909. В этом документе некий Петесе, сын Эссемтауи, повествует на 9 году правления Дария I сатрапу Египта о судьбах своей семьи начиная со времени Псаметиха I. В столбце VI, 8—9 рассказывается, что один из предков Петесе (Петесе, сын Иртероу), будучи сановником Псаметиха I, прибыл в Таудзаи, небольшой город вблизи Гераклеополя, чтобы ознакомиться с положением местного храма. «Он вошел в храм и осмотрел все помещение храма в Таудзаи. Он нашел, что храм в Таудзаи был воздвигнут, как очень большое здание. Но случилось, что он был лишен людей. Он не нашел в храме ни одного человека, кроме одного старого жреца и привратника». Старый жрец указал сановнику Петесе на причину, вызвавшую запустение храма: «Когда наступили те плохие времена, то и на большие храмы Египта были возложены поборы. Этот город должен был платить многочисленные подати, но люди не могли уплатить налоги, которые возложили на них. Они ушли. Большие храмы Египта освобождены (теперь) от податей, но до сих пор (еще) приходят к нам и говорят: платите подати».

[51] См. В. В. Струве. Аренда податей в государстве Ахеменидов. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии». 1935, стр. 245 сл. Правда, в последние годы было высказано в специальной литературе несогласие с этим моим положением, но я надеюсь в дальнейшем доказать закономерность утверждения о наличии в Вавилонии времен Ахеменидов откупной системы при взимании податей. Я даже полагаю, что откупная система Птолемеев была унаследована ими от Ахеменидов. Они лишь видоизменили ее.

свою старую организацию[52]. Птолемеи, владевшие и тучной пахотной землей долины Нила и плодородной областью Кирены, достигли абсолютного господства на зерновом рынке Средиземного моря, а поэтому усилили эксплуатацию сельских общин своей державы. Развитие сельского хозяйства и частновладельческих отношений разрушало без остатка последние рудименты древнего патриархального строя. Злоупотребления чиновников и откупщиков, принудительная аренда царской земли, оставшейся невозделанной, содействовали обеднению и обнищанию части имущих слоев сельских общин[53].

О разрушении сельских общин и ничтожном их значении уже в конце III в. до н. э. свидетельствует, как я полагаю, ряд поручительств, чаще всего за одного, реже — за 2—3 царских земледельцев. Подобные поручительства сохранили нам греческие[54] и демотические папирусы[55]. В доптолемеевскую эпоху подобные поручительства нам не известны. Я полагаю, что это не случайно. В предшествующие века не было нужды в особых поручителях за отдельных царских земледельцев, поскольку сельская община отвечала за каждого своего представителя. В птолемеевскую эпоху, когда сельская община находилась в состоянии сильнейшего разрушения, поручители должны были заменить для государства или частного лица гарантию, которая в прошлом предоставлялась им сельской общиной. Это мое предположение находит себе подтверждение в появлении института поручительства в Вавилонии при I Вавилонской династии[56], когда, согласно свидетельству законов Хаммурапи и частноправовых документов того времени, сельская община стала уже разлагаться. Поэтому я считаю себя вправе рассматривать появление института поручительства в птолемеевском Египте как определенный признак потери сельскими общинами своего былого значения в результате обнищания большого числа их представителей, превратившихся из самостоятельных хозяев в жалких поденщиков.

О количественном соотношении между имущей и неимущей частями населения египетских деревень в середине II в. до н. э. можно судить на основании свидетельства неоднократно упоминавшегося парижского папируса № 63 от 164 г. до н. э. Согласно данному документу, содержавшему всеегипетский указ птолемеевского правительства, число неимущих было очень большим, так как указ запрещал передавать даже для принудительной аренды оставшуюся невозделанной царскую землю тем

---

[52] См. В. В. Струве. Марксово определение раннеклассового общества. «Советская этнография», т. III, 1940, стр. 14 сл. Здесь (стр. 16) подчеркивается, что сельские общины Египта тогда, в птолемеевскую эпоху, лишь с внешней стороны были близки по своей организации индийским общинам, описанным К. Марксом. Почти полное тождество аппарата египетской общины и аппарата индийской общины указывало, однако, с несомненностью на то, что в далеком прошлом община Египта была весьма близка по типу сельской общине в Индии.

[53] Какие опасности таила в себе для благополучия даже привилегированного члена общества птолемеевского Египта аренда земли, показывает во всей конкретности один из папирусов Колумбийского университета. В данном документе был подготовлен материал для процесса против трех задолжавших арендаторов вышеупомянутого сановника Аполлония. Все три должника были македонцами — отец и два сына, арендовавшие 100 арур и успевшие за пять лет задолжать Аполлонию 2 506 артаб. Поскольку арендаторы являлись македонцами, то их лишь через пять лет решили предать суду. С арендаторами-египтянами, конечно, не церемонились, и они уже после первого года задолженности, надо полагать, становились жертвами жестокого долгового права. См. W. L. Westermann. Papyri from the Columbian University (греч. серия. № 3, 1927, № 54, стр. 134 сл.).

[54] См. издание папирусов архива Зенона из Каирского музея в «Annales du Service des antiquités de l'Egypte. T. XX. 1920, №№ 47, 49, 53. Ср. «Известия» ГАИМК № 108, стр. 108. Здесь дан перевод одного из таких документов.

[55] См. K. Sethe. Demotische Bürgschaftsurkunden zum ägyptischen Bürgschaftsrecht («Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften». Leipzig. 1920, №№ 1—3, 6—8); W. Spiegelberg. Die demotischen Urkunden des Zenon-Archives, № 6.

[56] P. Koschaker, A. Ungnad. Hammurabis Gesetze. Bd. VI. S. 20—33.

«очень многим (pleistoi) в деревнях живущим «лаой», которые из-за недостатка в необходимом должны себе как поденщики добывать нужное для жизни»[57].

Правда, К. К. Зельин в своем труде пытается дать другое толкование только что приведенным строкам названного папируса. По его мнению, указанные слова свидетельствуют лишь о том, что ergasia являлась средством подработать и что эти ergateuontes, по-видимому, все же сидели и работали на земле. Они становятся ergatai — «dia ten ton deonton spanin», то есть «из-за недостатка в необходимом», из-за того, что, очевидно, им не хватает их заработка. Этот заработок мог поступать лишь от земли, так как, если его не было вовсе, пришлось бы говорить не о скудости ton deonton, а о полном отсутствии «средств к существованию»[58]. Я привел столь обширную цитату из труда К. К. Зельина, чтобы аргументация его толкования приведенных мною строк названного источника была отражена с максимальной полнотой.

В этой аргументации в пользу его толкования цитированных мною строк парижского папируса № 63 вызывает мое сильнейшее сомнение указание автора на то, что названные люди становятся поденщиками «из-за того, что, очевидно, им не хватает их заработка». Дело в том, что в источнике нет ни слова о каком-либо заработке, помимо поденной работы, а имеется лишь указание на то, что эти очень многие в деревнях живущие «лаой» «из-за недостатка в необходимом должны себе, как поденщики, добывать нужное для жизни». Такие бедняки египетских деревень могли иметь при своих жалких хижинах, сооруженных из глины и тростника, крошечный огород; кроме того, они могли в этой стране лотософагов получать еще добавочное питание использованием дикорастущих растений[59]. Конечно, подобное «собирательское» добывание средств пропитания и урожай с микроскопического огорода ни один экономист, я полагаю, не решится назвать «заработком»; поэтому и нельзя сделать из вышеприведенных строк парижского папируса № 63 вывода, что у поденщиков египетской деревни был «заработок», который поступал «от земли». Таким образом, единственным закономерным выводом из процитированных строк папируса является положение, что у названных «очень многих в деревнях живущих» «лаой» не было никакого другого заработка, кроме «заработка от поденщины»[60]. Я, конечно, говорю здесь лишь о тех «лаой», которые становились поденщиками из-за недостатка в необходимом, а не о тех ergatai, которые, будучи жителями деревень, находившихся по соседству с крупными владениями en dorea,

---

[57] Папирус № 63, 100—104. Я уже отмечал выше несостоятельность предположения, что бедственное положение большинства населения египетских деревень было обусловлено только что имевшим место вторжением в долину Нила внешнего врага. Здесь я хотел бы только отметить, что «несчастное население деревень, и machimoi, и другие маломощные люди», которых царский указ повелевал «пожалеть» (строки 131—133 папируса), являлись, очевидно, экономически более крепкими machimoi и теми «царскими земледельцами», которые обычно арендовали царскую землю, но в настоящий момент, вследствие вторжения врага, не были в состоянии взять на себя эту тяготу.

[58] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 103.

[59] Как известно, античные писатели объясняли многочисленность населения в Египте баснословной дешевизной тамошней жизни.

[60] Если же К. К. Зельин указывает, что процитированные строки из парижского папируса № 63 лишь свидетельствуют о «недостатке в необходимом, а не о полном отсутствии средств к существованию», то из этого, конечно, нельзя сделать вывод, что у очень многих laoi, живущих поденщиной в деревнях, был наряду с поденщиной еще какой-то другой заработок, поступающий от земли. На самом деле столь чреватый последствиями вывод никак нельзя сделать из приведенных слов указа 164 г. до н. э., поскольку из этих слов со всей очевидностью следует, что эти laoi «из-за недостатка в необходимом должны добывать себе как поденщики нужное для жизни». О «полном же отсутствии средств к существованию» в Египте при наличии дикорастущих съедобных растений говорить не приходится.

привлекались, иной раз целыми деревнями, к работам в этих крупных владениях. О таких ergatai нам сообщает архив Зенона, управляющего у Аполлония, всесильного временщика при дворе Птолемея II Филадельфа [61].

Мое положение, что указанные строки парижского папируса № 63 свидетельствуют о том, что люди деревень, страдающие из-за недостатка в необходимом, имели лишь один заработок, а именно свою поденщину, находит себе подтверждение в следующих постановлениях указа от 164 г. до н. э. Последний говорит еще о двух категориях людей, которые, подобно поденщикам, не должны были из-за бедности привлекаться к принудительной аренде пустовавшей царской земли. В первую из этих двух категорий входили многочисленные люди, которые были внесены в списки воинов и в качестве таковых получали выдачи из царской казны, с помощью которых они с трудом добывали себе необходимую пищу. Стало быть, и они, подобно поденщикам, имели только один «заработок», а именно свою службу воинов, обеспеченную не наделом, а одним лишь пайком. Вторая из указанных двух категорий обнимала собой тех «махимой», которые, обладая небольшими клерами, не имели средств, требовавшихся для их обработки, а поэтому сдавали их в аренду и жили зимой (до получения арендной платы) займами под высокие проценты. Следовательно, эти «махимой» имели лишь один «заработок», а именно доход, получаемый за сдачу в аренду своего небольшого клера [62].

Подводя итог всему вышесказанному о содержании строк 100 сл. парижского папируса № 63, я имею право сказать на основании свидетельства этого указа 164 г. до н. э., что те «лаой», которые жили в деревнях поденщиной, не имели никакого другого «заработка», кроме того, который давала им поденная работа. Из этого же источника, относящегося ко всему Египту, а не к какому-либо отдельному ному, следует также сделать тот вывод, что число людей в деревнях Египта, которые из-за недостатка в необходимом жили поденщиной, было уже в первой половине II в. до н. э. значительным.

К услугам господствующего класса птолемеевского Египта и была эта беднейшая часть египетского населения, из среды которого могли рекрутироваться не только поденщики, но и рабы-должники. В качестве поденщиков бедняки египетских деревень использовались на самых различных работах. Мы находим их на грандиозных мелиорационных работах, предпринятых Птолемеями в Фаюме [63]. Мелиорация поглощала большое количество рабочей силы, тем более что Птолемеи разрешали своим вельможам на их землях расширять систему каналов [64]. Большого количества поденщиков требовало сельское хозяйство и в крупных владениях Аполлония. Мы находим их на расчистке земли от кустарников, распашке, прополке [65], ночной охране виноградников [66]. Часто мы встречаем поденщиков в качестве жнецов [67]. Они засвидетельствованы как вязальщики снопов [68] и как молотильщики [69]. Они не отсутствуют и на работах, связанных с овцеводством [70]. В мелких хозяйствах также использовались поденщики, как об этом свидетельствует демотический

---

[61] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 103.
[62] Там же, стр. 102.
[63] См. M. У. Rostovtzeff. A Large..., p. 60; «Jourial ef Egyptian Archaeology», t. IX, 1923, p. 81 ss.
[64] «Annales du Service des antiquités», t. 24, 1924, p. 33.
[65] См. M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 74, 82, 83. 98, 117, 177 и названную работу О. О. Крюгера в «Известиях» ГАИМК № 108, стр. 7 сл.
[66] «Annales du Service des antiquités», t. 20, 1920, № 51, p. 25.
[67] «Известия» ГАИМК, № 108, стр. 81.
[68] «Annales du Service des antiquités», t. 24, 1924, № 98, p. 28 ss.
[69] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 85, 87—88.
[70] «Annales du Service des antiquités», t. 24, 1924, № 107, p. 42—44.

остракон Берлинского музея [71]. Поденным трудом обслуживался транспорт в лице носильщиков [72] и матросов [73]. Поденщиками являлись помощники каменщиков [74] и изготовителей кирпичей [75]. Путем привлечения всего изданного до сих пор материала можно еще более ярко и рельефно выявить значение поденного труда в обществе эллинистического Египта уже в III в. до н. э. Значение поденщины в связи с дальнейшим разрушением сельских общин должно было во II в. до н. э. еще более возрасти, как об этом свидетельствует парижский папирус № 63. Варрон же (116—27 гг. до н. э.) указывал в своем труде «De re rustica» (I, гл. 27, 2) для I в. до н. э., что поденщики играли существенную роль в сельском хозяйстве Египта [76].

Вознаграждение поденщиков, состоящее из «ситометрии» (выдачи натурой) [77] и так называемого «опсониона» (выдача деньгами) [78], достигало бо́льших размеров при оплате жнецов [79], как это вполне понятно. Но и оплата труда последних была очень небольшой по сравнению с возрастающей ценностью рабочей силы во время страды. Поэтому и жнецы привлекались к работе в принудительном порядке. Вместе с ними посылались и отряды «махимой», которые должны были держать жнецов в повиновении [80]. Для других работ поденщики также посылались в принудительном порядке [81]. В демотических папирусах упоминаются большие партии людей, которые направлялись, очевидно, на работу [82].

Поденщики, работавшие у частных лиц в птолемеевском Египте, конечно, никак не могут быть отождествлены со свободными наемными рабочими периода капитализма, ибо первые, несомненно (подобно рабам), пребывали по отношению к своему хозяину, нанявшему их, в условиях внеэкономического принуждения. Уйти до истечения обусловленного срока поденной работы они не могли; тем самым разница между рабами и ими была лишь в том, что те были пожизненными, а они — лишь временными рабами. Для греков Египта эти их поденщики, рекрутируемые из туземного населения деревень долины Нила, соответствовали так называемым фетам Эллады, которых греческое общество сближало с рабами [83]. Поэтому для рабовладельцев эллинистического Египта сливались в одну недифференцированную массу и рабы и поденщики. Так же, как и рабам, господствующий класс птолемеевского Египта не доверял поденщикам, рассматривая их как своих потенциальных врагов [84].

---

[71] W. Spiegelberg. Vertrag über Dienstvermietung. «Sitzungsbericht der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-Historische Klasse, 1928, № 2, S. 49 ff.

[72] «Catalogue des antiquités égyptiennes du Musée de Caire»; C. Edgar. Zenon Papyri. T. I—IV, № 59013; W. L. Westermann. Papyri from the Columb. University (греч. серия, № 3), № 44.

[73] «Annales du Service des antiquités», t. 24, 1924, № III, p. 49—52.

[74] C. Edgar. Zenon Papyri. La Caire, 1925—1931, № 59176.

[75] W. L. Westermann. Указ. соч., № 37.

[76] U. Wilcken. Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien. Bd. 1. 1899, S. 698.

[77] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 67.

[78] Там же, стр. 67, 89. Демотическим эквивалентом греческого opsonion, согласно свидетельству документа № 20, строки 5 и 26 издания W. Spiegelberg (Demotische Urkunden des Zenon-Archives), является термин hebes — «одежда». Надлежит отметить, что в № 59100 издания греческих папирусов архива Зенона в Каирском музее opsonion противопоставляется выдаче одежды.

[79] См. о значении рабочей силы во время жатвы: В. В. Струве. История древнего Востока. М. 1941, стр. 87.

[80] B. P. Grenfell, A. S. Hunt. The Hibeh Papyri, № 44 (Fayum Towns and their Papyri. London, 1900).

[81] M. J. Rostovtzeff. A. Large..., p. 128; «Известия» ГАИМК № 108, стр. 82.

[82] H. Sottas. Papyrus démotiques de Lille, t. I, Paris, 1921, № 32.

[83] См. Pauly-Wissowa Realenzyklopädie der Altertumskunde (далее — Pauly), слово Theten.

[84] См. «Известия» ГАИМК № 108, стр. 82. Условия рабовладельческого общества превращали наймита-поденщика во временного раба со всеми вытекающими из этого положения последствиями.

Что же касается значения рабского труда в эллинистическом Египте, то надлежит внести весьма существенное исправление в утверждение У. Вилькена о том, что рабский труд не играл никакой роли в экономике долины Нила эллинистического периода [85]. Дело в том, что после первой мировой войны стал известен новый архив, содержащий ценные указания на значение рабского труда в сельском хозяйстве. Это архив некоего Зенона, бывшего управителем владений Аполлония, всесильного временщика царя Птолемея II Филадельфа. Архив сохранил нам обильные данные о рабочей силе, которая создавала хозяйственные ценности названному крупнейшему землевладельцу. Документы, известные ранее, как, например, папирусы неоднократно упоминаемого писца деревни Тебтуниса, отражали главным образом производство в сравнительно мелких сельских хозяйствах, в которых рабский труд, конечно, не мог играть значительной роли.

Мы располагаем, кроме того, и несколькими текстами, отражающими законодательство о рабах, и они дают нам возможность установить термины, применявшиеся по отношению к рабам в эллинистическом Египте. В известном папирусе № 29 собрания Лилля [86] мы находим те 4 термина, обозначающие рабов, которые встречаются и в греческих текстах эллинской эпохи: oiketes (букв. «домочадец»), soma (букв. «тело»), doulos (слово, восходящее, может быть, к вавилонскому «dullu») и andropodon (букв. «человеконогое»). В частноправовых документах мы находим термин pais (букв. «мальчик») для раба [87]. Служат терминами для обозначения раба, по мнению некоторых исследователей, и производные от слова pais — «paidarion» [88] и «paidiske», каковыми терминами обозначались люди, трудившиеся в хозяйстве Аполлония [89]. В иероглифических текстах мы находим для раба древнее слово «хем». В демотических папирусах рабы называются «бек» (букв. «слуга», «работник») и «хем — хель» [90].

Дошедший до нас материал не дает нам возможности судить об общем количестве рабов в птолемеевском Египте, но подобные данные нам неизвестны и по отношению к другим обществам древнего мира. Во всяком случае, мы не должны иметь преувеличенное представление о числе рабов даже в античных обществах, которые мы рассматриваем как высокоразвитые рабовладельческие общества [91]. Согласно известному свидетельству Платона в его «Законах», наличие 50 рабов в руках одного лица было громадным количеством (pampolloi), а поэтому и 16 ра-

---

[85] См. его «Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien», S. 681 ff. Этот свой тезис Вилькен повторяет в 1912 г. в своих «Grundzüge...» (S. 27) столь же категорически: «Рабы в этой стране не играли никакой роли». Любопытно, что Миттейс привел в своей хрестоматии по папирологии, связанной с правом, опубликованной также в 1912 г., один документ, противоречащий тезису Вилькена.

[86] U. Wilcken. Chrestomathie..., № 39.

[87] Например, в № 27 того же Лилльского собрания (там же, № 199), содержащем податную декларацию воина Липтина, перечисляются вслед за его сыновьями и дочерью, его paides, то есть «рабы».

[88] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 177; R. Taubenschlag («Zeitschrift der Savigny-Stiftung», Römische Abteilung, Bd. 50, 1930, S. 150). Во всех тех случаях, когда упоминаются одни лишь paidaria в качестве рабочей силы, я их без колебания причисляю к рабам, ибо нельзя предположить, чтобы трудоемкие работы выполнялись одними лишь подростками.

[89] Это слово служит лишь обозначением для рабыни, например, в папирусе № 59142 Каирского музея. См. издание Каирских папирусов архива Зенона, выполненное Эдгаром, т. I.

[90] См. W. Spiegelberg. Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg. 1921, S. 236, слово hm-hal.

[91] Так, вопрос о количестве рабов в Аттике стал предметом тщательного исследования A. W. Gomme. The population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Oxford. 1933. Автор приходит к выводу, что число рабов в Аттике равнялось немногим больше одной трети всего населения ее. Указанием на эту книгу я обязан любезности С. Я. Лурье.

бов, которыми владел один зажиточный воин птолемеевской армии, было числом отнюдь не маленьким [92]. В ряде дошедших до нас завещаний упоминаются среди объектов имущества и рабы, большей частью мужчины [93]. Если в других завещаниях не упоминаются рабы, то отсутствие их в завещаниях еще не всегда дает право умозаключать, что рабов не было среди объектов собственности завещателя. Дело в том, что в некоторых из завещаний говорится лишь суммарно о том, что принадлежит завещанию: «Я оставляю все принадлежащее мне такому-то (или такой-то)» [94].

Если же в нескольких завещаниях, перечислявших объекты имущества, рабы не упоминались, то, конечно, из наличия нескольких хозяйств среднего достатка, лишенных рабов, нельзя сделать выводы о незначительной доле рабства в птолемеевском Египте. С подобным же явлением мы сталкиваемся и в рабовладельческом обществе Аттики [95]. Очевидно, афиняне среднего достатка, не владевшие рабами, пользовались услугами фетов, то есть поденной рабочей силой. Подобной же рабочей силой пользовались, как мы выше видели, и зажиточные семьи греческого и египетского происхождения в эллинистическом Египте.

Здесь следует остановиться на основном положении О. О. Крюгера в его исследовании, которое было упомянуто выше в перечне литературы. Это исследование подтверждает известное положение о том, что главным признаком рабства в отличие от крепостничества является отсутствие у работника средств производства при наличии применяемого по отношению к нему внеэкономического принуждения. Я полагаю, что с данным положением нельзя не согласиться, и напрасно К. К. Зельин его оспаривает, указывая на пример обедневших «лаой». Дело в том, что последние превращались во временных рабов в тот самый момент, когда они становились поденщиками. Иной раз, когда их работа в качестве поденщиков продолжалась длительное время, они, подобно постоянным рабам, входили в состав семьи, как об этом свидетельствует, например, податная декларация от 240 г. до н. э. некоего Асклепиада, в которой наряду с членами его семейства перечислены 6 georgoi mistoi (то есть наемных сельскохозяйственных рабочих), 1 пастух овец и 1 пастух крупного рогатого скота [96].

Было высказано предположение, что подобные «наемные рабочие» являлись нанятыми рабами, которые полученную ими плату отдавали своему господину в виде apofora. Доказательством служила ссылка на папирус IV в. до н. э., свидетельствующий о найме рабов для обработки полей [97]. В данном случае по отношению к «наемным рабочим» названного Асклепиада я полагаю, что это предположение вполне закономерно. Большинство из 6 «наемных сельскохозяйственных рабочих» имели

---

[92] U. Wilcken. Chrestomathie..., № 199: здесь содержится податная декларация (III в. до н. э.) воина Лептина. Здесь перечислены 13 рабов (мужчин), живущих в доме Лептина, а кроме них, упомянуты еще другие его рабы, которые пребывали в Негоop, находившемся вблизи города (вероятно, Крокодилополя). Число этих рабов было не менее трех (дальнейший текст папируса погиб).

[93] Они перечислены у Pauly, VI дополнительный том, столб. 932—933: 5 входят в состав издания папирусов Петри; 1 из них издан у L. Mitteis. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Leipzig — Berlin. 1912, № 302.

[94] Там же.

[95] При перечислении объектов имущества того или другого афинского гражданина среднего достатка в судебных речах IV в. до н. э. оказывается, что в некоторых семьях не имелось рабов; так, например, некий Менекл, имевший собственность на сумму в 70 мин, не владел рабами; или же другой гражданин Афин, с имуществом в 3 таланта 4 тыс. драхм, также обходился без рабов. См. примеры, перечисленные в VI дополнительном томе Pauly, столб. 911.

[96] О. О. Крюгер высказал это положение в своем исследовании «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте» (стр. 64). К. К. Зельин полемизирует с данным положением (стр. 128—129). О податной декларации Асклепиада см. U. Wilcken. Chrestomathie..., № 198.

[97] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 62.

семитические имена [98] и являлись, вероятно, военнопленными, захваченными во время войн Птолемея III. Какие-то военнопленные становились, очевидно, и государственными рабами [99], которые отдавались в некотором числе за оброк частным землевладельцам.

О значении и ценности сирийских рабов для имущих классов птолемеевского Египта свидетельствует декрет царя Птолемея II Филадельфа от 261 г. до н. э. о скоте и рабах в Сирии и Финикии [100]. Царь в декрете запрещает превращать свободных представителей местного народа в рабов путем купли или похищения. Декрет требует поэтому декларации всех рабов и угрожает в случае неповиновения конфискацией их и наложением штрафа в 6 тыс. драхм за каждого раба. Рабовладельцы сохраняли только тех рабов, которых они купили уже в состоянии рабства. «И в будущем,—постановляет царский декрет,—никому не должно быть разрешено каким-либо образом покупать или брать в залог свободных представителей местного народа» [101]. Из этого декрета со всей определенностью следует, что воины и чиновники птолемеевского Египта включали в большом количестве свободных сирийцев и финикиян в число своих рабов [102]. Ведь лишь при условии массовости подобного явления мог появиться специальный декрет царя, запрещающий куплю «свободных представителей местного народа» в Палестине и Финикии. Как известно, сирийские рабы ценились в странах древнего Средиземноморья во все времена. Воины и чиновники Птолемея II Филадельфа скупали, наверное, сирийцев и финикиян не только для своего хозяйства, но и для перепродажи в Египет.

Во всяком случае, я полагаю, что при наличии данного декрета царя от 261 г. до н. э. нельзя уже говорить о второстепенном значении рабства в птолемеевском Египте. Тем более, что данный декрет заставляет нас иными глазами смотреть на достоверность фактов, упоминаемых в так называемом Псевдо-Аристеевом письме и во 2-й главе XII книги «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Декрет Птолемея II Филадельфа об освобождении иудейских рабов, приведенный в обоих указанных источниках, чрезвычайно близок декрету 261 г. до н. э. [103]. Можно поэтому предположить, что иудейскому автору рассказа об освобождении Птолемеем II пленных иудеев был известен этот декрет, и он включил его свободную передачу в свой рассказ [104]. У. Вилькен даже полагает, что декрет Псевдо-Аристеева письма является подлинным документом [105]. Если иудейский автор II в. до н. э. [106] располагал столь

---

[98] Согласно Вельгаузену, некоторые из этих имен являлись идумейскими или набатейскими. См. U. Wilcken. Chrestomathie..., № 198 (S. 231, Bem. 4).

[99] О государственных рабах я скажу несколько слов ниже.

[100] H. Liebesny. Ein Erlass des Königs Prolemaios II Philadelphos über die Deklaration von Vieh und Sklaven in Syrien und Palästina. «Aegyptus», Bd. XVI, 1936, S. 237 ff.

[101] II столб., строки 15—18 папируса. О других постановлениях декрета я буду говорить ниже.

[102] См. «Aegyptus», Bd. XVI, S. 272.

[103] См. «Aegyptus», Bd. XVI, S. 290. Вызывает удивление, что К. К. Зельин в своем обстоятельном анализе исторического ядра письма Псевдо-Аристея (стр. 152—157) не указывает на возможность отражения в этом памятнике наряду с псевдоэпиграфической литературой, датируемой рубежом II—I вв. до н. э., также и указа Птолемея II Филадельфа от 261 г. до н. э. Я полагаю, что после издания этого последнего не может быть никакого сомнения в том, что в письме Псевдо-Аристея нашли свое отражение не только события II в. до н. э., но также и события III в. до н. э.

[104] См. интересную статью L. Westermann. Enslaved persons who are free. «American Journal of Philology», t. LIX, p. 9 ss. На эту статью мне любезно указал П. В. Ерштедт.

[105] «Archiv für Papyrusforschung», Bd. XII, 1937, S. 221—223. Эту статью Вилькена я цитирую по вышеуказанному исследованию Вестерманна, который здесь (стр. 23 сл.) полемизирует с положением Вилькена.

[106] Этим временем с большой долей вероятности датируется составление Псевдо-Аристеева письма.

хорошими источниками для своего повествования, то становится весьма вероятным, что предание о большом количестве иудейских рабов в начале птолемеевской эпохи соответствует действительности. О немалом количестве рабов во всем Египте, а не только в Александрии свидетельствует один из папирусов Гамбургского собрания, автор которого считает нужным сообщить, что во время междоусобных войн между Птолемеями VI и VII в 167 г. до н. э. рабы захватывались воюющими сторонами и становились добычей воинов [107].

Рабы имелись, конечно, не только в греческих семьях. О наличии рабов в средних имущих кругах египетского общества свидетельствует следующая формула демотического брачного договора III в. до н. э.: «Я сделал тебя своей женой. Детям, которых ты мне родишь, принадлежит все, что мне (сейчас) принадлежит и что я (еще) приобрету в поле, храме, городе: дом, строительный участок, пахотная земля, стена, остров, раб («бек»), рабыня («беке»), всякий документ» [108]. Соответствующая формула брачного договора II в. до н. э. гласит: «Детям, которых ты мне родишь, принадлежит все, что мне (сейчас) принадлежит и что я приобрету: дом, пашня, двор, строительный участок, виноградник, сад, стены, довольствие, раб («бек»), рабыня («беке»), быки, ослы.., всякий мелкий скот, всякая вещь» [109]. Данная формула демотических брачных договоров свидетельствует с несомненностью о том, что рабы являлись обычным и существенным элементом имущества египетской семьи среднего достатка.

О том же свидетельствует и одна из клаузул демотических частных арендных договоров, в которой арендаторы обязуются полученный ими участок «заполнять скотом, посевным зерном, людьми, утварью всякой земледельца... зимой и летом» [110].

В ряде арендных договоров мы находим ту же формулировку данной клаузулы. В некоторых договорах она несколько изменена: «И я обрабатывал пашню моим скотом, моими людьми, моей сельскохозяйственной утварью, моим посевным зерном» [111].

Любопытный вариант клаузулы дает один из сиутских арендных договоров, в котором арендатором выступает греческий воин, определяющий свои обязательства по обработке арендной земли следующими словами: «Я буду обрабатывать ее (то есть арендованную землю) и заполню ее 19 коровами, пшеницей, людьми, сельскохозяйственной утварью всякой и зимой и летом для моего мужа свободного — немху (nmh)» [112]. Очевидно, «свободный муж» был управляющим у греческого воина, помогавшим последнему в наблюдении за обработкой арендованной земли. Очевидно также, что ни греческий воин — арендатор сиутского договора, ни его «свободный человек» не являлись непосредственными работниками, поскольку они распоряжались «людьми». Распоряжались «людьми» арендаторы и в прочих арендных договорах, и часть из этих людей являлась, несомненно, рабами в подлинном смысле этого

---

[107] № 91 Гамбургского собрания. Я, к сожалению, его могу цитировать лишь по энциклопедии Pauly, VI дополнительный том, столб. 930.

[108] W. Spiegelberg. Die demotische Urkunden..., № 30601, S. 2.

[109] Там же, № 30607, стр. 30.

[110] Папирус № 140 (строка 11) Московского музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. См. В. Струве. Значение некоторых демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина для истории и культуры птолемеевского Египта. («Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М. 1956, стр. 26).

[111] J. Partsch und K. Sethe. Demotische Urkunden zum ägyptischen Bürgschaftsrechte vorzüglich der Ptolemäerzeit. «Abhandlungen der philologisch-historische Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften». Bd. XXXII, 1920, S. 170.

[112] См. H. Thomon. A Family Archive from Siut from Papyri in the British Museum. Oxford. 1934, папирус № 10597, строки 7—8. Транскрипция текста дана на стр. 74 издания, а перевод — на стр. 75.

слова. Большим числом рабов обладала, конечно, знать, как греческая, так и египетская. Архив Зенона сохранил нам немало указаний на наличие рабов в хозяйстве временщика Аполлония [113]. Часть рабов входила в состав его свиты (например, рабыня, игравшая на кифаре [114], или евнухи и сирийские юноши, подаренные Аполлонию шейхом аммонитян Тувией) [115]. Рабы из свиты и обслуживающего персонала Аполлония были настолько многочисленны, что вельможа при своих разъездах по номам Египта оставлял часть их в Александрии [116]. Многочисленных рабов имела и египетская знать. В одной из надписей гробницы Петосириса, бывшего верховным жрецом Тота (бога Гермополя) на рубеже персидского и македонского периодов истории Египта, указывается на большое число рабов у верховного жреца бога Тота: «Его рабы («хем») [117] столь многочисленны, что число их неизвестно; его рабыни («хеме») столь многочисленны, что число их неизвестно» [118]. Знать Египта была при своих выходах из дома окружена рабами, как, например, красавица Табубу в повести о злоключениях царевича Хаэмуаса: «Несколько рабынь шли за ней, 2 раба (букв. «человека-тела») их дома [119] были причислены к ней» [120].

Бóльшую часть своих рабов крупная рабовладельческая знать использовала, конечно, в своем хозяйстве. Они часто применялись в качестве посыльных [121]; подобная роль некоторых рабов была отчасти обусловлена тем, что последние в качестве постоянной рабочей силы пользовались со стороны своих хозяев бóльшим доверием, чем временные рабы, то есть поденщики. Так, в одном из папирусов архива Зенона упоминается, что сено, оставшееся без надзора, было расхищено населением соседних деревень [122], очевидно, теми, которые зарабатывали себе хлеб насущный поденным трудом. Рабов поэтому использовали для охраны складов [123] в качестве доверенных лиц [124]. Конечно, не все рабы пользовались таким доверием. Положение рядовых рабов было тяжелым и унизительным. Их кормили ячменем наравне с собаками, и в ведомости выданного зерна расход на рабов соседствует с расходом на собак [125].

Рабы использовались для различных сельскохозяйственных работ.

---

[113] Многие из них перечислены Вестерманном в дополнительном, VI томе Pauly, столб. 932. На основании их автор насчитывает около 30 рабов, но подобный арифметический вывод является, конечно, крайне наивным. Дело в том, что ни один из сохранившихся папирусов архива Зенона не содержит полного списка рабов во владении Аполлония. С другой стороны, несомненно, что содержание архива Зенона не исчерпывается дошедшими до нас папирусами. Наконец, список сохранившихся папирусов архива, перечисленных Вестерманном, отнюдь не является полным.

[114] C. C. Edgar. Selected..., № 59028.

[115] Там же, № 59076.

[116] Там же, № 59027 (258 г. до н. э.). Там говорится об уплате так называемого opsonion рабам (somata), оставленным в Александрии во время пребывания Аполлония и Зенона в Фаюме.

[117] К. К. Зельин (стр. 134) указывает, что издатель текстов гробницы Петосириса Лефевр переводит египетский термин «хем» (hm) словом «serviteur»; но «слугами» в рабовладельческом обществе были рабы. «Хем-нутр» (hm-ntr), титул высшего разряда жречества, переводимый на греческий язык словом «пророк» (prophetes), обозначал буквально «раб бога».

[118] G. Lefebvre. Le tombeau de Petosiris. Vol. I. La Caire. 1924, p. 82.

[119] То есть семьи, родителей Табубу.

[120] W. Erichsen. Demotische Lesestücke. Th. I. Literarische Texte. № 1. Leipzig. 1937, S. 14, столб. IV, строка 39 повести.

[121] См., например, папирус № 59148 папирусов Зеноновского архива Каирского музея.

[122] C. C. Edgar («Annales du Service des antiquités», т. XX, 1920, p. 204, папирус № 63, строки 25—26).

[123] Так, рабы (paides) охраняли склад с маслом, согласно свидетельству папируса № 15 (т. I зеноновских папирусов греческой серии № 3 издания папирусов Колумбийского университета).

[124] Там же, № 39, стр. II.

[125] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 83.

Так, труд рабов засвидетельствован для прополки полей [126], для посадки оливковых деревьев, создания сада [127]. О. О. Крюгер доказал с большой долей вероятности, что молотильщики из берлинского папируса № 1507 являлись рабами [128]. Рабовладельцы стремились повысить качество труда своих рабов. Так, в хозяйстве Аполлония 4 раба обучались уходу за милетскими овцами [129].

Часть рабов, использовавшихся в сельском хозяйстве Аполлония, не являлась собственностью последнего. Например, молотильщики, упомянутые в вышеуказанном берлинском папирусе, являлись частновладельческими рабами, а рабы, занятые прополкой, принадлежали государству.

В архиве Зенона мы находим упоминания об эргастериях. Еще в 1922 г. М. Ростовцев обратил внимание на наличие в хозяйстве Аполлония ткацкой мастерской, в которой трудились рабыни (paidiskai) [130]. Мастерская, находившаяся в Мемфисе, перерабатывала шерсть милетских овец, вывезенных в Фаюм [131]. Мы имеем в архиве Зенона свидетельство о существовании пекарни, в которой использовался труд рабынь[132]. Тот же архив сообщает нам о двух горшечных мастерских в Гераклеополе и в деревне Филадельфии. В них работали ergatai («работники») [133] и hyperetai («слуги»). Одна из этих групп, несомненно, включала рабов [134]. Неесис, заведующий этими мастерскими, сообщает Зенону, что он послал из Гераклеополя в Филадельфию 4 «слуг» и 6 «работников» и оставил некоторое количество денег в Филадельфии, «чтобы эргастерий не бездействовал» [135]. Любопытно отметить, что те же термины («эргастерий» и «бездействовать») мы встречаем у Демосфена по отношению к подлинной рабовладельческой мастерской [136].

Говоря о крупном рабовладении, надлежит остановиться на храмовом рабовладении. О храмах как крупных рабовладельческих хозяйствах в эпоху Нового царства свидетельствует большой папирус Харрис [137], и это свое значение египетские храмы сохранили и в эллинистическую эпоху, судя по указу Птолемея VII от 140—139 гг. до н. э. Этот указ, защищавший доходы какого-то храма от посягательств посторонних лиц [138], сохранился плохо, и мы поэтому не можем определить тот храм, доходы которого защищал царь, но это, пожалуй, и неважно. Доходные статьи, перечисленные в указе, не являлись специфическими только для данного храма, и это тем более очевидно, что Птолемей VII, защищая права этого храма, ссылается в строках 40 сл. своего указа на предшествовавший указ общего характера, имевший целью защитить доходы храмов вообще. Среди храмовых доходов, перечисленных в настоящем постановлении царя, названы поступления, вносимые храмовыми рабами (гиеродулами) с торговли, ремесла и платы за найм [139]. Очевид-

---

[126] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 177.
[127] Там же, стр. 178.
[128] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 88.
[129] C. C. Edgar, № 59195.
[130] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 115—116.
[131] C. C. Edgar, №№ 59142, 59195.
[132] См. «Annales du Service des antiquités», t. XXI, 1921, p. 89 ss., № 65.
[133] Термин, применяемый в классическом языке обычно по отношению к рабам.
[134] Зеноновский папирус № 52 III тома греческой серии папирусов Колумбийского университета.
[135] Указанный папирус № 52, строки 7—8.
[136] См. F. Passow, V. Ch. F. Rost, F. Palm. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig. 1841—1857. Bd. I, S. 381, слово «argeo».
[137] См. кандидатскую диссертацию Д. Г. Редера «Большой папирус Харрис», защищенную в Ленинградском университете в 1938 году.
[138] Издание тебтунисских папирусов, I, № 6. Об этом папирусе см. В. В. Струве. Развитие храмового иммунитета в птолемеевском Египте. «Журнал министерства народного просвещения», 1917.
[139] Строка 25 разбираемого папируса.

но, храмовые рабы были отпущены на оброк в качестве торговцев, ремесленников и поденщиков.

Подобная хозяйственная самостоятельность рабов, казалось бы, не соответствует положению, свойственному рабам; но вспомним о сходном положении рабов в Афинах в V—IV вв., в развитом рабовладельческом обществе [140]. Учитывая экономическую самостоятельность храмовых рабов в птолемеевском Египте, нам, может быть, придется причислить к храмовым рабам и тех многочисленных земледельцев, которые упоминаются в демотических папирусах в качестве рабов («бек») того или другого бога [141]. Надлежит также указать на то, что, согласно указанному постановлению Птолемея VII, в египетских храмах, как и в некоторых храмах Греции, играли большую роль рабыни, занимавшиеся проституцией [142].

Крупным рабовладельцем наряду с храмами являлось государство. Если можно согласиться с М. И. Ростовцевым, что «пайдариа», связанные с хозяйством Аполлония (см. выше), были рабами, то часть их принадлежала государству, которое отпускало их на оброк [143].

Может быть, государственными рабами являлись те азиатские «наемные земледельцы», которых мы выше встретили в хозяйстве грека Асклепиада [144]. Я уже высказал выше предположение, что азиатские работники Асклепиада были добычей воинов Птолемея III. Войны же Птолемея II привели в долину Нила тех сирийцев, которые с женами и детьми работали на полях Аполлония [145]. Последние, наверное, являлись государственными рабами. Таковыми же были, несомненно, и те военнопленные, которые работали в ужасных условиях в золотых рудниках Нубии [146], поскольку горное дело являлось царской монополией [147].

Рабы получали натуральное обеспечение в виде зерна, и притом не пшеницы, а ячменя [148]. Они получали также масло [149], и им выдавалась одежда [150]. Наряду с натуральным обеспечением им выплачивалась небольшая сумма денег, так называемый opsonion [151]. Например, его получали вышеупомянутые сирийцы [152]. Аминта, который являлся правителем домашнего хозяйства и слуг Аполлония, пишет Зенону, правителю

---

[140] Так, мы находим среди 135 рабов, отпущенных на волю в течение 340—322 гг., 28 рабов и рабынь, которые занимались торговлей. Среди них трое были даже emporoi, то есть купцами, ведущими большие торговые дела. См. Pauly, VI доп. том, столб. 913. Общеизвестно большое количество в Афинах рабов-ремесленников, отпущенных на оброк, так называемых choris oikountes. Сдача в наем рабов в Афинах нам также достаточно хорошо известна.

[141] W. Erichsen. Demotische Lesestücke... Bd. II (Glossar). Leipzig. 1940, S. 190—191, слово «bk».

[142] См. комментарий к строке 29 папируса № 6 издания тебтунисских папирусов, т. I, стр. 64. Здесь же приведено свидетельство Страбона о большом числе подобных рабынь в коринфском храме Афродиты.

[143] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 177.

[144] U. Wilcken. Chrestomathie..., № 198.

[145] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 63.

[146] Диодор, III, гл. 12—13. Ср. слова К. Маркса («Капитал», т. I, стр. 240—241) о чрезмерном труде в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме со ссылкой на указанные главы Диодора.

[147] Конечно, в случае необходимости привлекались и низы свободного населения; но и в Аттике работали в рудниках Лавриона наряду с рабами свободные люди из числа метеков и даже граждан. См. F. M. Heichelheim. Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Bd. I. Leiden. 1938, S. 403.

[148] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 83. В издании папирусов архива Зенона Каирского музея (№ 59292, строка 52 сл.) приведена ведомость выдачи ячменя сирийцам.

[149] «Annales du Service des antiquités», t. XIX, 1920, p. 22—23.

[150] Издание зеноновских папирусов Каирского музея, т. III, № 59398, 7—8. Цитирую по Вестерманну (т. I, стр. 31, прим. к 40-й строке, № 5 издания).

[151] Об opsonion я уже говорил выше в связи с проблемой оплаты труда поденщиков.

[152] «Известия» ГАИМК № 108, стр. 63—64.

всего хозяйства Аполлония: «Рабы (somata) беспокоят нас, требуя «опсонион», и теперь просят, чтобы им что-нибудь дали, если желают выполнения их работы» [153]. О выплате «опсониона» рабам, оставленным в Александрии, идет речь и в письме от 258 г. до н. э. казначея Аполлония, Аристея, своему хозяину [154]. Выдача рабам наряду с натуральным обеспечением и денег свидетельствует о сравнительном развитии денежного хозяйства в птолемеевском Египте. В римскую эпоху рабы также получали «опсонион» [155].

Одним из основных источников рабства было наряду с войной приобретение рабов в азиатских владениях Птолемеев. Рабы покупались и самим Аполлонием [156] и его агентами [157] покупались в одиночку [158] и целыми партиями [159]. Торговля принимала иной раз характер обмена дарами, как, например, посылка в дар Аполлонию 4 мальчиков и евнуха шейхом аммонитян Тувией [160]. Главным рынком для вывоза рабов был город Тир [161]. По мнению одного из исследователей, рабы были даже одним из главных предметов вывоза с Сирийского побережья [162]. Несомненно, уже в птолемеевское время рабы вывозились в Египет с побережья Восточной Африки, как об этом свидетельствует для начала римской эпохи анонимный перипл, составленный в I в. н. э. [163].

Вывоз из Египта рабов был запрещен царским декретом III в. до н. э. [164], что свидетельствовало о ценности рабов для хозяйства долины Нила в птолемеевскую эпоху. Государство Птолемеев учитывало наряду с прочим имуществом своих подданных и рабов, принадлежавших последним. До нас дошел (правда, в сильно фрагментированном виде) закон об откупе налога на владение рабами [165]. Мы находим в нем постановление об обязательной декларации каждого раба и конфискации раба, не декларированного владельцем [166]. В случае спора между откупщиком и рабовладельцем дело решалось специальным судом. Из закона же мы узнаем о существовании специальных писцов по делам рабов [167].

Я полагаю, что наличие специального закона об откупе налога на рабов, сложного аппарата для осуществления декларации рабов, особых судов и писцов по делам рабовладения говорит о существовании в Египте немалого количества рабов.

Государство требовало налога за продажу рабов, равнявшегося обычно 20% цены раба, хотя в ряде случаев он менялся. Поэтому

---

[153] Там же, стр. 64.

[154] Издание папирусов архива Зенона Каирского музея, №№ 59027, 59022 и 59059. Поскольку речь идет о рабовладельческом периоде, то слугами могут быть только рабы.

[155] См. свидетельство, приведенное в «Известиях» ГАИМК, № 108, стр. 64.

[156] Издание папирусов архива Зенона Каирского музея, № 59003.

[157] Там же, в № 59011, мы находим среди расходов торгового агента, разъезжавшего между сирийским побережьем и Александрией, расход в 112 драхм за раба (pais).

[158] См. папирус, приведенный Ростовцевым (A Large..., p. 30).

[159] См. издание папирусов архива Зенона Каирского музея, № 59015, от 258 г. до н. э. Там ведутся переговоры о возвращении 3 беглых рабов из целой партии рабов, купленных в Идумее.

[160] Там же, № 59076.

[161] См. Pauly, VI доп. том, столб. 936.

[162] C. C. Edgar («Annales du Service des antiquités», t. XVIII, 1919, p. 164).

[163] М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань. 1907, стр. 90.

[164] L. Mitteis..., № 369. Ср. Westermann в Pauly, VI доп. том, столб. 939. Судя по вышеуказанному периплу начала римской эпохи, из Египта был разрешен вывоз рабов и рабынь («рабов, знающих музыку, и красивых девушек для наложничества») для гаремов царей Востока (см. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 175, прим. 3), то есть рабов и рабынь, не имевших иной хозяйственной ценности.

[165] U. Wilcken, Chrestomathie..., № 259.

[166] О декларации рабов трактовало, как мы выше видели, приведенное постановление царя Птолемея II о превращенных в рабов свободных сирийцах и финикийцах.

[167] U. Wilcken, № 259, строки 7—8 лицевой стороны.

установлению размеров налога при различных условиях продажи рабов было посвящено обширное постановление о рабах («андрапода»), фрагмент которого сохранился [168].

При вывозе рабов из азиатских владений Птолемеев взимались особые пошлины, и лишь после уплаты их выдавалось разрешение на вывоз. Так, агент Аполлония доставил рабов и товары в Тир для отправки в Египет, «не объявив мытарям и не имея разрешения на вывоз рабов. Когда же мытари узнали, они лишили его рабов и товаров» [169].

В птолемеевском Египте, как и в любом рабовладельческом обществе, противопоставлялись рабы и свободные. Так, в большом папирусе собрания университета в Галле они наказывались за один и тот же поступок различно: свободный должен был платить штраф, а раб карался ударами [170]. Правда, папирус из Галле отражал правовые нормы Александрии, и поэтому можно предположить, что подобное противопоставление свободных и рабов было характерным для Александрии, являвшейся, по существу, греческим городом, но не для самого Египта, для так называемой «хора». Но О. О. Крюгер доказал в одном из своих докладов, что противопоставление свободных и рабов имело место и в постановлениях, дошедших из номов Египта; например, постановление, запрещавшее вывоз хлеба из Среднего Египта, заканчивается следующими словами: «Желающие донести на нарушителей этого постановления пусть обращаются к стратегам соответствующего нома. Доносчик получит из подлежащего конфискации имущества (преступника) одну треть; если же он раб, то он получит свободу и одну шестую вдобавок» [171].

От птолемеевского Египта сохранилось свидетельство о наличии здесь рабского права, более детального и точного, нежели соответствующее законодательство Аттики V—IV вв. до н. э. [172]. Одним из папирусов, сохранивших нам некоторые из норм рабского права птолемеевского Египта, является уже упомянутый мной папирус № 29 Лилльского собрания [173]. Мы находим здесь: 1) определение ответственности рабовладельца, раб («андроподон») которого проиграл судебный процесс; 2) запрещение купли рабов для вывоза их и клеймения; 3) правила использования рабов в качестве свидетелей; 4) ответственность рабовладельца за преступления его рабов. Очевидно, на рабское право эллинистического Египта оказало влияние, судя по этому документу, право Аттики. Дело в том, что запрещение документом клеймить рабов противоречит практике, применявшейся в Египте Нового царства по отношению к рабам и военнопленным [174]. В другом же правовом документе эллинистического Египта (в уже упомянутом папирусе № 1 собрания университета в Галле) мы находим некоторое противоречие с соответствующим законодательством Аттики предшествующего времени. Действительно, в городских законах Александрии, сохраненных назван-

[168] К сожалению, издания этого текста не имелось в моем распоряжении. Он был издан Вестерманном в монографии «Upon Slavery in Ptolemaic Egypt». New York 1929 (№ I греческой серии папирусов Колумбийского университета). См. замечание Вестерманна в Pauly. VI доп. том, столб. 939 и его же статью в «American Journal of Philology», p. 10—11.

[169] C. C. Edgar (издание папирусов зеноновского архива Каирского музея, № 59093).

[170] Pauly, VI доп. том столб. 938. Подобное же явление устанавливается в законах хеттских царей. См. В. В. Струве. О «гуманности» хеттских законов. ВДИ, 1947, № 4, стр. 11 сл.

[171] См. «Хрестоматию по истории древнего мира», т. I, 1936, стр. 226, № 130. Папирус датируется 50/49 гг. до н. э. Он, как и прочие папирусы, был переведен здесь О. О. Крюгером. Перевод этого папируса оставлен без изменений и во втором издании хрестоматии: см. т. II, 1951, стр. 283, № 147.

[172] Pauly, VI доп. том, столб. 938.

[173] См. L. Mitteis. Grundzüge..., S. 277 ff., и его «Chrestomathie...», № 369.

[174] См. H. Kees. Aegypten («Handbuch der Altertumswissenschaft»). München. 1939, S. 169, Bem. 3. Автор подчеркивает, что, подобно скоту, работникам выжигали клеймо того или другого управления.

ным папирусом, отсутствуют постановления, защищавшие рабов от случаев немотивированного насилия со стороны свободных [175].

Наконец, в эллинистическом Египте была создана стройная система мер защиты рабовладельца от бегства его рабов [176]. Подобные меры были отчасти вызваны многими возможностями бегства рабов в таком большом государстве, каковым являлся птолемеевский Египет. В папирусах нередки упоминания о беглых рабах [177].

О бегстве рабов и о мероприятиях, направленных на их поимку, сообщают нам египетские папирусы эпохи Нового царства [178].

Рабы, будучи ценным имуществом, появляются неоднократно в папирусах эллинистического Египта в качестве залога за долг [179]. В случае неуплаты долга они продавались с публичного торга [180]. В более бедных семьях, не имевших рабов, заложниками становились сами должники или члены их семьи. Тем самым мы переходим от рабства в узком смысле этого слова к рабству-должничеству, которое играло немалую роль в Египте под властью Птолемеев.

Залог детей засвидетельствован уже в архиве Зенона [181], который выступал в качестве подлинного ростовщика [182]. В архиве Зенона мы встречаемся с так называемой paramone, то есть с договором, согласно которому должник предоставляет заимодавцу в качестве залога рабов, детей, жену или самого себя с обязательством, что заложник останется (paramenein) у него (то есть у заимодавца). Своей работой труженик погашал лишь проценты с долга [183]. Уже в III в. до н. э. государством продавалась в полное рабство некоторая часть таких лиц, которые не платили своих налогов. В неоднократно упоминавшемся декрете Птолемея II о декларации рабов и скота в Сирии и Финикии разрешается покупать «тех, которые были переданы управлением сирийских и финикийских государственных дел для публичного торга и против которых имеется налицо взыскание с тела (he praksis ek tou somatos), как это записано в законе об откупе налогов» [184]. Из последней клаузулы указанного постановления следует, что не все государственные должники подлежали продаже с публичного торга в рабство. Очевидно, привилегированные слои населения были освобождены от этого. Что касается представителей низов народа, то они за долги государству продавались не только в Сирии и в Финикии, но и в самом Египте [185]. Зато государство в указанном документе, датированном III в. до н. э., запрещало кому-либо покупать или брать себе в залог [186] «свободных представителей местного народа каким-либо образом» [187], то есть частные лица за частные долги не имели права лишать свободы подданных царя.

---

[175] Pauly, VI доп. том, столб. 938.

[176] Там же, столб. 940.

[177] Издание папирусов архива Зенона Каирского музея, № 59015 (от 258 г. до н. э.). Перевод в изд. ГАИМК («Античный способ производства». Л. 1933), № 70; Westermann, папирусы архива Зенона, № 3 греческой серии папирусов Колумбийского университета, и др.

[178] См., например, папирус Анастаси V. 19,2—20,6. Транскрипцию см. A. H. Gardiner. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles. 1937, p. 66—67. Перевод см. A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Leipzig. 1923, S. 252 ff.

[179] См. M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 161. Раба-заложника упоминает папирус № 5 издания H. Sottas. Papyrus démotiques de Lille. Paris. 1921, pp. 22 ss., tabl. II.

[180] См. «Aegyptus». Bd. XVI, S. 281, Bem. 1.

[181] Pauly, VI доп. том, столб. 931.

[182] M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 161.

[183] См. P. Koschaker. Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus («Abhandlungen der Sachs. Akad. Wiss.», phil.-hist. Klasse, Bd. XLII, № 1, 1931, S. 16 ff.).

[184] Строки 18—22 правого столбца папируса.

[185] «Aegyptus», Bd. XVI, S. 282—283.

[186] Paramone (см. выше), очевидно, не рассматривалась в качестве залога.

[187] Строки 16—18 правого столбца папируса.

Поскольку мы выше видели, что дети брались в залог и в III в. до н. э., то запрет из указанного царского постановления касался, очевидно, лишь отдачи взрослых людей в залог. В дальнейшем этот запрет был снят по отношению к некоторым разрядам свободного населения. В уже названном постановлении о рабах («андрапода») от начала II в., изданном Вестерманном [188], разрешалось свободным людям продавать себя в рабство за частные долги [189].

Самопродажа свободных людей в рабство могла оформляться различными способами (ср., например, договор от 42—41 гг. до н. э., по которому женщина из Оксиринха нанималась на 99 лет [190]). Даже граждане Александрии могли быть превращены в рабов (очевидно, в результате задолженности) [191]. Во II в. до н. э. запрещалась продажа в рабство за частные долги арендаторов царской земли и прочих лиц, занятых в царском хозяйстве. Подобный запрет мы находим в царском указе от 118 г. до н. э., который должен был своими постановлениями облегчить тяжелое положение населения Египта, обусловленное предшествовавшими годами длительной гражданской войны. Правительство постановило, «чтобы чиновники, взимающие частные долги [192], не арестовывали ни арендаторов царской земли, ни работающих в царских монополиях, ни прочих, относительно которых было запрещено предшествующими указами передавать их в рабство кому-либо» [193].

Подобное постановление в царском декрете 118 г. до н. э. доказывает, что в бурные годы царствования Птолемея VII долговое рабство угрожало и людям, работавшим в царском хозяйстве и даже состоявшим в царской армии. Об этом свидетельствует петиция к царю от 141 г. до н. э. некоего греческого воина, преследуемого своим заимодавцем. Обремененный долгами воин прямо заявляет царю, что он находится «в опасности потерять свободу и сделаться рабом» [194].

Если опасность потери свободы угрожала даже греческому воину, то тем более реальной становилась угроза потерять свободу для рядовых работников царского хозяйства. Во всяком случае, дошедший до нас папирологический материал свидетельствует о крупном значении долгового рабства в обществе эллинистического Египта.

Наряду с рабами-должниками мы находим в птолемеевском Египте еще один вид несвободных людей, вообще оторванных от средств производства, то есть рабов по существу. Я имею в виду государственных узников — «десмотов». Архив Зенона сохранил нам ряд свидетельств о применении узников в хозяйстве [195]. Они привлекались к работам в

---

[188] Издатель датирует документ около 198—197 г. до н. э. См. «American Journal of Philology», t. LIX, p. 10.

[189] Правда, фрагментированное восстановление данного параграфа постановления Вестерманном в его труде «Upon Slavery in Ptolemaic Egypt» (ed. cit.) было весьма убедительным. Поэтому ряд исследователей принял безоговорочно это восстановление и его интерпретацию. Выдвинутые же против него возражения (например, Koschaker, op. cit., S. 58—59) теперь отпадают, ибо изданное в 1936 г. постановление Птолемея II о декларации рабов и скота в Сирии и Финикии блестяще подтверждает указанное восстановление.

[190] Ср. Pauly. VI доп. том, столб. 930—931.

[191] См. папирус № 1 собрания университета в Галле, строки 219 сл. Цитирую по Pauly, VI доп. том, столб. 931.

[192] Таков, несомненно, смысл названия этих чиновников: hoi ton ksenikon praktores. «Чужими» являлись частные долги по отношению к царскому хозяйству. См. комментарий издателей I тома тебтунисских папирусов, стр. 56.

[193] Издание тебтунисских папирусов, 1, № 5, строки 224 сл. О правильном понимании этих строк см. «Aegyptus», Bd. XVI, S. 283.

[194] Издание папирусов собрания Рейнаха, № 7, строка 4. О реальности подобной опасности см. Woess. Das Asylwesen Aegyptens in der Ptolemäerzeit. München. 1923, S. 84.

[195] См. M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 162—163; C. C. Edgar. Издание папирусов архива Зенона Каирского музея, № 59296, строки 34—35; Westermann. Издание папирусов Колумбийского университета (греческая серия № 3), № 58 и комментарий на стр. 157 и пр.

каменоломнях, золотых рудниках и т. д. В золотых рудниках узники работали в цепях, под надзором военной стражи, как об этом свидетельствуют греческие историки [196].

Таковыми были условия работы, вероятно, для большинства тех десмотов, которые привлекались большими партиями к работам, требовавшимся в государственном хозяйстве. Но наряду с привлечением многолюдных партий государственных узников имело место использование труда отдельных узников для государственных, а также для частных работ. В подобных случаях нельзя было создавать громоздкий аппарат охраны для одного или двух десмотов, и поэтому государство прибегало здесь к институту поручительства. До нас дошел ряд таких поручительств за узников (см. демотические папирусы собрания Лилльского университета) [197]. Другие два поручительства за узников нашлись среди демотических папирусов Каирского музея [198]. Сотта, издатель лилльских демотических папирусов, полагает, что лица, бравшие на себя поручительства за узников, делали это не без выгоды для себя, так как они за это пользовались трудом узников [199]. Наличие подобных поручительств за узников свидетельствует об их использовании и в частном хозяйстве.

На основании всего вышеприведенного материала о применении труда поденщиков, рабов, рабов-должников и узников мы можем определенно сказать, что труд людей, оторванных от средств производства и вместе с тем временно или постоянно несвободных, играл весьма существенную роль в экономике Египта эпохи Птолемеев.

Для того, чтобы исчерпать рассмотрение всех известных нам категорий непосредственных производителей в эллинистическом Египте, мне остается сказать еще несколько слов о так называемых hypoteleis, то есть о тех людях, которые были заняты в царских монополиях птолемеевского Египта. Эти люди жили в деревнях наряду с арендаторами царской земли [200], но в противоположность этим последним большое число

---

[196] Диодор, III, гл. 12. Ср. сказанное нами выше.

[197] H. Sottas. Papyrus demotiques de Lille, NN 1—4. Поскольку данное издание является редким, я решаюсь привести полный перевод последнего из перечисленных папирусов, № 4. В своем переводе я не буду отмечать те восстановления текста, которые являются бесспорными. Папирус датируется пятым месяцем 247 г. до н. э. Контрагентами сделки, зафиксированной папирусом, является, с одной стороны, арендатор царской земли (из деревни бога Собка) по имени Арсиноя, Дзео, сын Псодзадза и Гериэ (его мать), а с другой — Филоксен, начальник стражи участка Фемиста (то есть одного из трех участков, на которые делился Фаюмский ном). Дзео заявляет названному греческому чиновнику: «Я ручаюсь за арендатора царской земли Гильесе, сына Тотемхеба, мать его Патемуне, который арестован тобой. Ты мне его доверил, и я представлю его тебе или твоему уполномоченному в деревню бога Собка, по имени Арсиноя, названного участка, начиная с 38 года, который соответствует 39 году (то есть отмечается наряду с годом правления царя и финансовый год, начало которого совпадало с началом солнечного года), с вышеназванного двадцатого дня пятого месяца в любой срок, в который ты будешь обследовать названный участок. Если ты потребуешь его, я приведу его в то место, которое ты мне укажешь в Арсинойтском номе в течение пяти дней после твоего требования, которое ты заявишь, и в любой срок, в который ты будешь обследовать названный участок, и он должен быть вне храма бога, алтаря царя, места клятвы или места защиты (то есть вне различного рода азилей). Если ты потребуешь, а я не приведу его в то место, которое ты мне укажешь в названном номе, в течение пяти дней после требования в любой срок, в который ты будешь обследовать названный участок, то я выполню любое дело, которое ты скажешь мне от имени его (то есть лица, за которого ручается Дзео) своим приказом в день, который следует за этими названными днями, обязательно и без промедления. Всякое имущество, которое принадлежит мне и которое я приобрету, будет залогом за право, устанавливаемое названным документом, пока я не выполню все согласно ему». Затем следуют формулы, характерные и для заемных грамот; стало быть, поручитель являлся с точки зрения закона должником.

[198] K. Sethe. Demotische Urkunden..., №№ 7 и 8.

[199] H. Sottas. «Journ. Asiatique», t. XI de série (t. II), p. 172; его же. Издание лилльских демотических папирусов, стр. 17.

[200] См. M. I. Rostovtzeff. A Large..., p. 51.

работников царских монополий (например, работники масляной монополии, так называемые elaiourgoi) трудилось, подобно рабам, с чужими орудиями труда и средствами производства [201]. Если мы, кроме этого, примем во внимание, что они не имели права оставлять место работы, то их по существу рабское положение становится вполне очевидным. Действительно, в эргастерии, где вырабатывались монополизированные масляные продукты, доставлялась рабочая сила наравне с сырьем [202]. Поэтому работники масляной монополии должны рассматриваться в качестве инвентаря тех эргастериев, в которых они трудились, то есть в качестве рабов.

Подводя итог всему сказанному о положении непосредственного производителя в эллинистическом Египте, я имею полное право отвергнуть тезис (высказанный в одной книге, касавшейся Египта эпохи Птолемеев) «о существовании барщинных отработок» в крупном землевладении того времени [203]. Действительно, характер хозяйственной системы птолемеевского Египта резко противоречит «основным чертам барщинного хозяйства», столь четко определенным В. И. Лениным: «Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками» [204].

В эллинистическом же Египте мы видим совершенно другое. Царские земледельцы обрабатывали свои переданные им в аренду наделы царской земли, отдавая за них арендную плату царю или вельможе (Аполлонию). На земле, которая обрабатывалась непосредственно царским хозяйством или крупными землевладельцами, трудились наряду с рабами поденщики. Во время сельскохозяйственных работ царские земледельцы не должны были отрываться от своих наделов царской земли. Поэтому никак нельзя назвать общественно-экономический строй эллинистического Египта полукрепостническим, в котором господствовала система барщинного хозяйства. Надлежит определить общество эллинистического Египта в качестве своеобразного рабовладельческого общества, в котором, как и во всех рабовладельческих обществах, имелись налицо мелкие (царские) землевладельцы, а наряду с ними многообразные разновидности людей, оторванных от средств производства и вместе с тем подневольных, то есть рабов и главным образом поденщиков, являвшихся временными рабами [205].

Проф. К. К. Зельин, очевидно, приравнивает положение поденщиков в Египте II—I вв. до н. э. к положению последних в период капитализма, поскольку он называет их «свободными», когда заявляет в своем труде: «Мы почти не знаем указаний в известиях II—I вв. до н. э. относительно применения на полях в Египте труда рабов. При этих условиях мы имеем право сделать вывод, по крайней мере, в такой форме, что если рабский труд и применялся в сельском хозяйстве, то его при-

---

[201] Некоторая часть этих hypoteleis была в хозяйственном отношении более самостоятельной, как, например, пчеловоды. Ср. «Annales du Service des antiquités», t. 24, 1924, № 106, p. 41—42.

[202] О положении работников масляной монополии см. U. Wilcken. Grundzüge..., S. 242.

[203] А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М. 1935, стр. 126.

[204] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 157—158.

[205] О других категориях подневольных людей я не буду говорить здесь, поскольку они по сравнению с поденщиками играли сравнительно незначительную роль.

менение отходило на задний план перед применением труда свободных арендаторов и поденщиков» [206].

Как я уже сказал, поденщики эллинистического Египта не могут быть определены в качестве «свободных людей»: ведь они были оторваны от средств производства и временно находились под гнетом внеэкономического принуждения, так как раньше определенного срока они уйти от своего работодателя не могли. В данном отношении положение поденщика в эллинистическом Египте вполне сходно с положением арендатора земли в эллинистическом Египте, а аренда эта, согласно самому же К. К. Зельину, «является выражением зависимого положения лаой и никак не может быть сопоставлена, например, с капиталистической арендой» [207]. Таким же образом и наем поденщика в эллинистическом Египте является выражением зависимого положения поденщика и никак не может быть сопоставлен с наймом в капиталистический период. Вызывает мое недоумение и уверенность К. К. Зельина в праве сделать вывод ex silentio дошедших до нас источников о ничтожном значении во II—I вв. до н. э. труда рабов в сельском хозяйстве Египта. Дело в том, что такой эрудит в области историографии, как проф. К. К. Зельин, прекрасно знает, что М. И. Ростовцев и для III в. до н. э. указывал (вместе с У. Вилькеном) еще до открытия архива Зенона на малое значение рабского труда в сельском хозяйстве того времени. Интенсивная же работа над документами названного архива заставила его видоизменить свой взгляд на значение рабского труда и отметить использование широкой массы рабов в крупных имениях эпохи Птолемея II Филадельфа [208]. Поэтому вполне возможно, что открытие какого-нибудь нового архива, датируемого II или I в. до н. э., заставит историков, не ослепленных предвзятой концепцией, пересмотреть положение о незначительной роли труда рабов в узком смысле этого слова в сельском хозяйстве Египта поздней эпохи эллинизма. Во всяком случае, сейчас я имею основание утверждать, что во II—I вв. до н. э. в сельском хозяйстве эллинистического Египта играли весьма значительную роль наряду с арендаторами царской земли и поденщики, то есть люди, оторванные от средств производства и пребывавшие под внеэкономическим принуждением.

Дело изменилось в Египте коренным образом лишь в римскую эпоху, когда процесс пауперизации деревень в долине Нила еще более углубился. Действительно, уже во II в. н. э. египетская деревня настолько обеднела, что источники этого времени свидетельствуют нам о существовании таких деревень, которые не имели ни одной головы даже мелкого рогатого скота [209]. В III в. н. э. обеднение деревенского населения достигло столь чудовищных размеров, что стало невозможно найти лиц, обеспеченных земельным наделом или каким-нибудь другим имуществом и которым следовательно, можно было бы доверить обработку государственной земли [210]. Тогда государство заменило организацию «государственных (resp. царских) землевладельцев» организацией hoi apo tes komes, обнимавшей все население деревни, имущее и неимущее [211]. Этой последней организации, включавшей всех жителей деревни, предостав-

---

[206] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 157. Я и здесь даю обширную цитату из этого труда, чтобы установка автора была отражена с максимальной полнотой.

[207] К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 111.

[208] Я на это указывал, используя на предыдущих страницах моей статьи данное существенное наблюдение М. И. Ростовцева. Это же отметил и К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 114. Здесь же он приводит критику данного положения М. И. Ростовцева со стороны Вилькена и Вестерманна, поскольку данная его установка противоречила столь дорогой буржуазной историографии концепции циклизма.

[209] U. Wilcken. Ostraka..., Bd. I, S. 191, Bem. 1.

[210] См. выше. См. также издание тебтунисских папирусов, т. I, №№ 61 и 72.

[211] Эта организация существовала уже во II в. н. э.; о ней см. U. Wilcken. Grundzüge..., S. 43, 292.

лялась обработка государственной земли, и она, в свою очередь, распределяла участки земли между немногими имущими и большой массой неимущих, наблюдая за тем, чтобы обработка земли бедняками действительно производилась. Таким образом, имеет место заслуживающий внимания факт прикрепления людей, лишенных средств производства, к земле. Человек, оторванный в рабовладельческий период от средств производства, принадлежавших ему когда-то по древнему праву, по которому каждый свободный имел свой кусок земли, позднее снова прикрепляется к земле, но уже (по воле господствующего класса) в качестве крепостного.

В заключение надлежит отметить, что папирусы птолемеевского Египта в такой же степени способны пролить свет на общественный строй государств эллинистического Востока, как шумерийские таблички хозяйственной отчетности III династии Ура на доминантный общественный уклад в государствах Ближнего Востока конца III тысячелетия до н. э. Если мое истолкование указанных папирусов окажется правильным, то генезис феодализма в области Средиземноморья следует датировать не последними веками I тысячелетия до н. э., а несколькими веками позже. Поскольку между общественным строем эллинистического Египта и общественным строем древних государств Среднего и Дальнего Востока на рубеже нашей эры имелись определенные черты сходства, полагаю, что вывод о датировке генезиса феодализма в ближневосточных государствах первыми веками нашей эры следует учитывать и при разрешении соответствующей проблемы в исследованиях по средневосточным и дальневосточным странам.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Е. Б. Черняк

В современной ожесточенной борьбе коммунистической и буржуазной идеологий, являющейся отражением «в духовной жизни человечества исторического процесса перехода от капитализма к социализму»[1], большое место занимает изучение и освещение узловых проблем общественного развития в новое и новейшее время.

Классовые корни буржуазной фальсификации истории заключаются в прямой заинтересованности монополистического капитала в ложном освещении закономерностей общественного развития, иначе говоря, в отрицании исторической неизбежности гибели капитализма и замены его социалистическим строем. Философские корни этой фальсификации кроются в субъективном идеализме, составляющем методологическую основу современной буржуазной историографии. Попытки части западных буржуазных историков вырваться из тупика субъективизма не меняют общей картины и не могут привести к успешному результату, поскольку не выходят за рамки буржуазной идеологии и философского идеализма[2]. При исследовании частью буржуазных ученых политически наиболее острых вопросов (история международного революционного движения, колониальной политики, второй мировой войны и т. д.) бессознательная фальсификация, которая является следствием классовой ограниченности, порочной методологии, нередко переплетается с вполне продуманным и систематическим извращением исторической правды в интересах империалистической реакции. «Труды» подобного рода «ученых» создаются под фальшивыми лозунгами антикоммунизма — главного идейно-политического оружия империализма[3]. В то же время среди буржуазных ученых множится и число тех, которые критикуют, хотя и непоследовательно, различные стороны политики империализма и выступают против реакционного «переписывания» истории под диктовку монополистического капитала.

Наша историческая литература за последние годы сделала немало в области критики реакционной историографии. Можно наметить два основных направления этой критики: во-первых, вскрытие порочности субъективно-идеалистической философской основы современной буржуазной историографии и, во-вторых, разоблачение буржуазных фальсификаторов истории по конкретно-историческим вопросам. Совершенно недостаточно внимания еще уделяется третьему, не менее важному направлению критической работы — выявлению и характеристике методов и приемов, с помощью которых буржуазная наука извращает как процесс исторического развития в целом, так и важнейшие его проблемы.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат. 1961, стр. 51.

[2] См. И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; его же. Буржуазная философия истории в тупике. «Вопросы истории», 1960, № 12.

[3] См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

В настоящей статье мы касаемся некоторых из этих методологических приемов, а именно трактовки в современной реакционной историографии нового и новейшего времени следующих вопросов: влияния способа производства на характер общественного развития; роли классовой борьбы и социальных революций в истории; места современного буржуазного государства в жизни общества; вопроса об историческом прогрессе, тесно связанного с названными проблемами [4].

★

Буржуазная историография широким фронтом ведет наступление на марксистско-ленинское понимание определяющего влияния способа производства на процесс развития человеческого общества. Можно наметить несколько главных направлений, по которым ведется это наступление.

Буржуазная историография искаженно отражает всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость явлений, оказывается бессильной правильно осветить борьбу противоположностей, соотношение сущности и явления, содержания и формы, отделить существенные от несущественных причин исторических событий. Все это приводит к тому, что она не дает объективного, научного обоснования закономерной смены социально-экономических формаций как основы сложного, диалектически противоречивого, прогрессивного процесса развития.

Многие буржуазные историки софистически используют существование всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений для того, чтобы принизить роль существенных причинных связей, а также фальсифицировать представление о том, что каждое историческое событие служит причиной других исторических явлений. О том, как использует-

ся реакционерами этот «метод», открывающий дверь для любых произвольных «концепций», можно судить на примере положения известного английского социолога и историка Д. Брогена, который утверждает, что если Французскую буржуазную революцию конца XVIII в. считают (и совершенно справедливо) фактором, способствовавшим воссоединению Германии и Италии, то возможно объявить ее также ответственной... за современный милитаризм или первую и вторую мировые войны, развязанные германскими империалистами [5]. Эту «возможность», о которой говорил Броген, известный западногерманский реакционный историк Г. Риттер и другие буржуазные исследователи с готовностью превратили в «действительность» [6].

Игнорирование существенных причинных связей и выпячивание несущественных связей является одним из приемов отрицания решающей роли способа производства в историческом процессе. Этот прием тесно смыкается с попытками принизить значение «экономики» с позиции эклектической «теории факторов», согласно которой в различные периоды каждый фактор якобы может становиться решающей силой общественного развития. Так, по распространенному среди буржуазных и реформистских историков взгляду, экономика, возможно, играла решающую роль в XIX в. или в предшествующие ему периоды, но никак не в новейшее время [7]. «Теория факторов» часто переплетается с волюнта-

[4] При этом, естественно, в нашу задачу не входит всесторонняя оценка взглядов упоминаемых ниже буржуазных авторов. Цель статьи — анализ ведущих реакционных тенденций новейшей буржуазной историографии в целом. Положения и выводы отдельных работ подвергаются рассмотрению и критике лишь постольку, поскольку они служат конкретным выражением этих общих тенденций.

[5] D. Brogan. The Price of Revolution. London. 1952, p. 18.

[6] G. Ritter. Das Problem des Militarismus in Deutschland. «Historische Zeitschrift», 1954, Bd. 177, S. 26; C. Hayes. Modern Europe to 1870. New York. 1953, p. 519.

[7] R. H. S. Crossman. Government and the Governed. A History of Political Ideas and Political Practice. London. 1958, pp. 231—233.

ристской интерпретацией истории. Нередки, например, попытки представить победу Великой Октябрьской социалистической революции как результат не объективной исторической необходимости, а случайного стечения обстоятельств, «фанатизма» коммунистов и т. п.[8]. Отсюда делается вывод, будто решающим в нашу историческую эпоху является не способ производства, а политические действия[9]. Наряду с волюнтаризмом буржуазная историография широко использует подмену реальных исторических закономерностей «законами», выведенными по аналогии с естественнонаучными (физическими, химическими, биологическими), геополитические построения, мальтузианские объяснения исторических событий и т. п.

В полной мере сохраняется в буржуазной историографии идущее от Г. Риккерта, М. Вебера, А. Допша отрицание объективного существования общественно-экономических формаций. Реакционные историки используют здесь то обстоятельство, что в обществе нет и не может быть «чистых» явлений. Марксистская диалектика показала, что «самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть п р и м е с и то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь»[10]. Спекулируя на отсутствии «чистых» формаций, буржуазная историография силится представить несуществующими сами формации, изобразить их в виде абстракции, не имеющей ничего общего с реальной действительностью.

Не менее широко используется и еще один метод принижения подлинной роли способа производства в системе исторических явлений, а именно отрыв производительных сил от производственных отношений. Ряд буржуазных ученых уверяет, будто бы по уровню развития производительных сил можно механически судить об уровне общественного развития и материального благосостояния всего населения. Создав таким образом «критерий», игнорирующий общественный строй данной страны, буржуазные историки объявляют, что социалистические страны, где развертывается индустриализация, находятся на том этапе развития, который США и Западная Европа переживали в XIX веке. Далее делается еще один фальсификаторский вывод, что социалистическим странам якобы свойственны те же пороки, которые наблюдались в западноевропейских странах и США в прошлом столетии (эксплуатация трудящихся, внешнеполитическая агрессия и т. д.) и от которых последние якобы избавились в новейшее время.

Тот же фальсификаторский метод, то есть отрыв производительных сил от производственных отношений, нередко используется буржуазной историографией и для того, чтобы изобразить борьбу революционного пролетариата, национально-освободительное движение, конфискацию помещичьей земли и распределение ее среди крестьян и т. д. реакционными явлениями, поскольку они иногда ведут к временному «разрушению» производительных сил и нарушению экономических связей. В. И. Ленин, опровергая идейных предшественников современных буржуазных теоретиков, в этой связи писал: «В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла п о з а д и 1860-го года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на т а к о м основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историче-

---

[8] См., например, M. C. S w a b e y. The Judgment of History. New York. 1954, p. 158; «Journal of the History of Ideas», October-December 1960, p. 545.

[9] S. H o o k. Was hat uns Karl Marx heute noch zu sagen. «Politische Studien». München. Juni 1960, Hf. 122, S. 366.

[10] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 21, стр. 210.

ское, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»[11].

Известный американский историк и экономист (ныне председатель Планового совета госдепартамента США) У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста»[12] взялся обобщить и привести в единую систему свойственные буржуазной историографии тенденции «отрывать» производительные силы от общественного строя. Эта работа, демонстративно названная «Некоммунистический манифест», была шумно разрекламирована в буржуазной печати. Американская пресса, сравнивая работу Ростоу по ее значению для буржуазного общества с апологетическими экономическими трудами Кейнса, писала, что эта книга вызвала самую оживленную научную дискуссию последних лет в капиталистическом мире и что «политические лидеры приняли терминологию», предложенную У. Ростоу[13]. Американский журнал «Life» посвятил Ростоу восторженные статьи, а солидный лондонский «The Economist» даже перепечатал в несколько сокращенном изложении автора всю книгу еще до ее выхода в свет.

Все докапиталистические «стадии» Ростоу объединяет под рубрикой «традиционное общество» только лишь по тому признаку, что во всех них преобладало сельское хозяйство и богатство было сосредоточено у получателей земельной ренты. Объединять первобытнообщинную, рабовладельческую и феодальную формации, имеющие коренные отличия, значит с помощью пустых, антинаучных «генерализаций» скрывать суть дела. Подводя совершенно разнородные формации под понятие «традиционное общество», Ростоу лишь демонстрирует полную бессодержательность этого термина.

Развитие от «традиционного общества» к следующей стадии — «переходному обществу» — происходит, по мнению Ростоу, в результате деятельности не народных масс, а небольшой верхушки, готовой рисковать своими капиталами, способной использовать научные изобретения и обеспечить «дисциплину» и руководство крупным и постоянно изменяющимся производством и торговлей. При этом главной причиной перехода от первой стадии ко второй Ростоу объявляет воинствующий национализм, шовинизм. Люди ликвидируют «традиционное общество» для того, чтобы прежде всего спастись от унижения со стороны соседей. В этом стремлении объединялись купцы, помещики, солдаты, чиновники. Так обстояло дело, утверждает Ростоу, в Германии и России в XIX веке[14]. Народ, классовая борьба трудящихся против эксплуататоров, ликвидирующая старые формы эксплуатации, исчезают в теории Ростоу.

Следующая после «переходного общества» стадия — «скачок» — длится примерно 2—3 десятилетия. Англия, по теории Ростоу, пережила этот «скачок» в 1783—1802 гг., Франция — в 1830—1860, США — в 1843—1860, Германия — в 1850—1873, Россия — в 1900—1914 годах и т. д.[15]. Уже одно сопоставление этих дат свидетельствует о несостоятельности «схемы» Ростоу, на основании которой сравниваются Англия первых десятилетий промышленной революции, когда английский промышленный пролетариат только еще формировался, и Россия эпохи империализма, где были уже монополии, финансовый капитал, развитое рабочее движение, возглавляемое революционной марксистской партией.

В сконструированной Ростоу четвертой стадии — «путь к зрелости» — сравниваются Англия времен расцвета домонополистического капитализма (1851—1873 гг.) и Советский Союз в 30—40-х годах XX ве-

---

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 51.
[12] W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge (Mass). 1960.
[13] «Life». International. April 11, 1960, p. 77.
[14] W. W. Rostow. Указ. соч., стр. 20, 26—27 и сл.
[15] Там же, стр. 38.

ка. В развитии СССР, по «схеме» Ростоу, нет ничего принципиально отличного от путей развития передовых капиталистических стран в прошлом столетии, а имеются лишь «национальные особенности». «Доказательства» Ростоу очень просты: и в Англии XIX в. и в СССР XX в. быстро росла промышленность; в Англии было проведено фабричное законодательство (10-часовой рабочий день, ограничение детского труда), и в СССР ныне «тоже» сокращают рабочий день, «тоже» улучшают условия труда и жизни рабочих [16] — такова его «логика».

Антинаучные отождествления социалистического Советского Союза с капиталистической Англией на том «основании», что и в той и другой стране происходила «индустриализация», можно найти не у одного Ростоу. С целью придать хоть какое-либо правдоподобие своим выводам буржуазные историки сознательно идентифицируют понятия «индустриализация» и «промышленная революция». В Англии промышленная революция, то есть замена ремесла и мануфактуры крупным фабричным производством и формирование двух основных классов современного общества — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата, произошла в столетие между 1760 и 1860 годами. Осуществление промышленного переворота в Англии означало вместе с тем индустриализацию, то есть превращение страны из аграрной в индустриальную. В царской России промышленная революция произошла в XIX веке. Индустриализация же осуществлялась в нашей стране уже после победы социалистической революции и носила социалистический характер. Капиталистическая индустриализация привела в Англии к окончательному разорению непосредственных производителей и превращению их в пролетариев, к сосредоточению всех средств производства в руках буржуазии, к жестокой эксплуатации рабочих и обострению классовой борьбы. Социалистическая индустриализация в СССР наряду с коллективизацией сельского хозяйства была органической частью процесса строительства нового, социалистического общества, в котором ликвидирована эксплуатация человека человеком, обеспечены условия для расцвета свободной человеческой личности и созданы все необходимые предпосылки для осуществления заветной мечты человечества—построения коммунизма.

Роль способа производства, производственных отношений в общественном развитии сознательно игнорируется и проповедниками теории «второй промышленной революции». Главное стремление сторонников этой теории — отделить современный капитализм от его прошлого. Как известно, апологетическая теория «второй промышленной революции» утверждает, будто бы в наше время бурное развитие техники само по себе, без ликвидации капитализма, способно решить все социальные проблемы и привести к всеобщему процветанию. Марксистская критика вскрыла всю несостоятельность этой теории. Промышленная революция, происходившая в передовых капиталистических странах в XVIII—XIX вв., была не только техническим, но и социальным переворотом, она привела к возникновению основных классов капиталистического общества — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата. Технические же изменения в наши дни, напротив, не создают в буржуазных странах никаких новых классов. Эти изменения вопреки утверждениям буржуазных апологетов приводят не к смягчению, а к обострению внутренних противоречий капиталистического общества, к появлению и развитию в дополнение к основному антагонизму между пролетариатом и буржуазией противоречий между монополиями и мелкими и средними предпринимателями, между финансовой олигархией и мелкими акционерами и т. д. Конфликт между характером производительных сил и капиталистическими производственными отношениями

[16] Там же, стр. 71—72.

приобретает невиданную остроту и властно требует исторически неизбежной ликвидации капитализма.

К перечисленным выше фальсификациям примыкает и извращение буржуазной историографией отношений, существующих между базисом и надстройкой. При современном уровне развития исторической науки невозможно отрицать воздействие базиса на надстройку. Буржуазные историки поэтому стремятся не прямо отрицать, а крайне сузить это влияние, утверждая, что оно будто бы может существовать или не существовать в различных обществах и т. д. Изложение исторических событий строится с таким расчетом, чтобы доказать ненаучный тезис о полной самостоятельности надстройки и ее определяющей роли в процессе исторического развития.

На этой основе строится «методологический прием», красной нитью проходящий через современную реакционную историографию новейшего времени: «отделение» от сущности современного капитализма как социального строя всех порождаемых им явлений, таких, как кризисы и нищета масс, колониальный гнет, политическая реакция, милитаризм и войны [17].

★

Одна из наиболее явственно проступающих тенденций буржуазной историографии — маскировка классовой природы исторических явлений. С этой целью буржуазные историки (вслед за социологами) рисуют общество разделенным не на классы, а прежде всего на многочисленные группы, объединяемые по профессиональному, образовательному или возрастному цензу, месту жительства, вероисповеданию, национальности и т. д.

Для этого используется и психологизм в объяснении общественных явлений. Видный американский историк Д. Перкинс (повторяя в этом отношении многих английских либеральных историков прошлого века, в частности Маколея) объявляет, что либерализм коренится «в желании людей улучшить социальный порядок, в благоприятной оценке способностей человеческой личности». Источником же политического консерватизма, по Перкинсу, служит стремление «подвергнуть тщательному и критическому анализу любые предложения об изменениях, учитывать людскую непримиримость и способность ко злу, признание тактических сложностей, связанных с любым проектом реформы» и т. д. [18]. На основе подобных рассуждений буржуазные ученые пытаются доказать, что политические течения также нередко возникают как выражение психологических особенностей людей — сторонников привычного или поклонников изменений существующих порядков и т. п. [19] (таким же образом доказывается, что двухпартийная система, существующая в Англии и США, соответствует «природе человека»).

Нередко осуществляется и другая подмена: на основании анализа психологии, имущественного положения или социального происхождения того или иного деятеля выискиваются «корни» его политики (Л. Намиер и его школа в Англии и т. д.). Между тем «в политике не так важно, к т о отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то,

---

[17] Американский «критик» марксизма Д. Смит использует этот излюбленный метод буржуазной историографии, когда объявляет, что отрицательные явления, о которых сказано в ленинской работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»,— милитаризм, политическая реакция и т. д., якобы «не вытекают прямо из капиталистической промышленности». Следовательно, заявил Смит, можно утверждать: «Не капитализм виновен, а кто-то другой». (D. G. S m i t h. Lenin's «Imperialism». A Study in the Unity of Theory and Practice. «Journal of Politics», 1955, November, p. 563—564.)

[18] «American Historical Review», January 1957, p. 308.

[19] A. L e i s e r s o n. Parties and Politics. New York. 1958, p. 45; J. H. R a n d a l l. Nature and Historical Experience. New York. 1958, pp. 104—108.

кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»[20]. Ясно, что изыскания буржуазных историков лишь уводят в сторону от главного — от классовых корней и классовой сущности политики того или иного исторического лица.

Игнорирование классовой природы различных социальных явлений служит для буржуазной историографии прежде всего средством для отрицания или извращения роли классовой борьбы в развитии общества. Для этого используется и целый ряд других приемов.

Буржуазная историография игнорирует связь классов с определенным конкретным способом производства, утверждает, что классовое деление связано с экономическим строем лишь в некоторых, но далеко не во всех обществах[21]. Многие буржуазные историки а) антиисторически раздвигают хронологические рамки существования классов капиталистического общества (античная «буржуазия» и т. п.); б) отрывают классовую борьбу в буржуазном обществе от противоречий, заложенных в природе капиталистического способа производства; в) пытаются утопить основной антагонизм капиталистического общества — между пролетариатом и буржуазией — в массе других социальных конфликтов и отрицать антагонистический характер главного противоречия; г) утверждают, что классовая борьба, как и сами классы, исчезает по мере развития капиталистического общества или что классовая борьба — вечная категория (противоположный, но в равной мере ложный тезис), и в связи с этим клеветнически говорят о борьбе «антагонистических классов» в СССР и других социалистических странах; д) заявляют, что классы не являются самостоятельно действующими историческими силами, а лишь «материалом», который постороннее влияние может направить по тому или иному пути; е) подменяют классовую борьбу противоречиями между различными профессиональными, религиозными, кастовыми группами и т. п.

С особой настойчивостью буржуазная историография пытается доказать, что не классовые противоречия порождают национальные противоречия, а, наоборот, национальные конфликты являются причиной классовых конфликтов. Она пытается извратить опыт новейшей истории, и в особенности истории стран социалистического лагеря, одним из величайших достижений которых является подтверждение «на практике марксистско-ленинского положения о том, что вместе с падением антагонизма классов падает антагонизм наций»[22].

Типичный метод буржуазных историков — изображать классовые действия буржуазии в виде национальной политики, а борьбу рабочего класса, которая направлена на защиту коренных интересов всей нации, как действия, продиктованные якобы интересами только пролетариата (или даже «меньшинства» этого класса).

Подчас буржуазная историография подменяет историческую роль одних классов и социальных слоев ролью других (например, систематически утверждается, что в буржуазно-демократических революциях 1905 и 1917 гг. в России руководящую роль играла якобы интеллигенция, а не рабочий класс)[23].

Нередко многие виды классовой борьбы изображаются в буржуазной историографии как классовое сотрудничество. Известно, что некоторое ограничение рабочего дня в капиталистических странах «является

---

[20] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 33.

[21] «The Social Sciences in Historical Study. A Report of the Committee on Historiography». «Social Science Research Council Bulletin». № 64. New York. 1954, p. 48.

[22] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», М 1960, стр. 21.

[23] S. Tomkins. The Russian Intelligentsia. Makers of the Revolutionary State. Norman. 1957, p. 78; M. Fisher. Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia. Suracuse. 1958, p. 199; V. Leontovitsch. Geschichte des Liberalismus in Russland. Francfurt a. M. 1957.

продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»[24]. Между тем буржуазные историки рисуют социальное законодательство, например, в Англии как результат не классовой борьбы пролетариата, а соглашательской тактики реформистских руководителей тред-юнионов и филантропических устремлений буржуазии[25].

Для буржуазной историографии характерна также фальсификация классового анализа: отрицание реальных классовых и внутриклассовых различий (пролетариат и рабочая аристократия, бедняки и кулачество, национальная буржуазия и компрадорская буржуазия и т. д.) и изобретение мнимых принципиальных различий (например, между отдельными монополистами, наиболее активно поддерживающими фашизм, и остальной частью финансовых магнатов).

В центре современной эпохи стоит международный рабочий класс, великой исторической миссией которого является ликвидация капитализма и построение коммунистического общества. В новейшее время происходило и происходит огромное увеличение численности пролетариата, растет его зрелость, классовая сознательность, организованность, культурность, небывало усиливается революционная энергия рабочего класса. Этот важнейший факт современной эпохи буржуазная историография пытается исказить и обратить в его противоположность с помощью уже упомянутых выше способов фальсификации роли классов и классовой борьбы в развитии общества. «Концепция» буржуазных историков сводится к утверждению, что появление современного пролетариата якобы связано не с возникновением промышленного капитализма, а со специфическими условиями генезиса буржуазного общества (промышленная революция, политика «свободной торговли» и т. д.), исчезающими по мере развития капиталистического строя. Вместе с ликвидацией этих условий, разъясняют буржуазные историки, происходит «исчезновение» и самого пролетариата[26]. Как же пытаются буржуазные историки доказать эту фантастическую «теорию»?

Последнее столетие — время непрерывно идущего процесса классового сплочения пролетариата. В современную эпоху несравненно быстрее, чем на предшествующих этапах истории буржуазного общества, капитализм с каждым шагом своего развития увеличивает число пролетариев, сплачивает, организует, просвещает их. Однако все это отнюдь не означает, что в результате развития капитализма пролетариат отделяется каменной стеной от других слоев общества. «Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.;— если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»[27].

Жонглируя подобными фактами, и строят свою фальсификацию буржуазные историки. Прежде всего они «незаметно» вкладывают в понятие пролетариат «свое» содержание, чтобы проложить путь к лживой теории «исчезновения пролетариата». Буржуазные историки бессильны доказать, что в капиталистических странах «исчезли» сотни миллионов людей, добывающих себе средства к жизни исключительно

---

[24] К. Маркс. Капитал. Т. I, М. 1955, стр. 304.

[25] «The British Labour Party». Ed. by H. Tracey. Vol. I-III. London. 1948; R. Roberts. The Trade-Union Congress. 1868—1921. London. 1958.

[26] «Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche». Roma. 1957, pp. 603 — 606.

[27] В. И. Ленин. Соч., Т. 31, стр. 55.

путем продажи своей рабочей силы, то есть пролетариат. Они подразумевают под «пролетариатом», не объявляя прямо об этом, обязательно забитого, полуграмотного, живущего в грязных трущобах, вынужденного работать на фабрике по 12—14 и более часов в сутки, лишенного политических прав рабочего, который был типичен для западноевропейских стран в эпоху промышленного переворота. Рисуя на основе фальсифицированной буржуазной статистики в розовых красках современное положение рабочих в капиталистических странах, буржуазные историки и заявляют об «исчезновении» пролетариата. Подтасованные данные о материальном положении рабочих, извращенное изображение «новых» форм капиталистической эксплуатации (интенсификация труда в результате внедрения системы Тейлора, автоматизации и т. д.), наконец, факт завоевания рабочими в упорной борьбе определенных уступок у монополистического капитала — все это пытаются использовать буржуазные идеологи для доказательства «исчезновения» пролетариата.

Лейбористский политический деятель и историк Р. Кроссмен пытается доказать, что в XX в. исчезло единство интересов рабочего класса в международном масштабе и даже в рамках отдельных стран. Уровень жизни рабочих, по Кроссмену, стал зависеть от места, которое занимает «их» (буржуазное) государство на международной арене, и они должны защищать «свою» (капиталистическую) страну во время ее военных конфликтов с другими державами, так как поражение в войне означает катастрофу не только для капиталистов, но и для рабочих. «К концу 1919 г.,— пишет Кроссмен,— прежнее единство рабочего класса полностью исчезло и было заменено запутанным переплетением привязанностей к различным социальным группам и интересам определенных районов»[28]. Измышления о якобы возникшей необходимости для рабочих защищать буржуазное отечество в империалистической войне уже давно опровергнуты. Кроссмен здесь просто повторяет фальшивые «доводы» английских, германских и других социал-шовинистов периода первой мировой войны. Отметим лишь характернейшую для буржуазной историографии попытку изобразить цеховые интересы пролетариата (представленные к тому же в крайне тенденциозном виде) как единственные, а его коренные классовые интересы объявить вообще не существующими в современную эпоху. Полное освобождение от капиталистической эксплуатации, в чем жизненно заинтересованы рабочие независимо от профессии, места работы и т. д., возможно лишь путем социалистической революции, которую в состоянии осуществить рабочий класс, а не отдельные группы пролетариев. Ясно, что «промышленные рабочие,— писал В. И. Ленин,— не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего иногда сносно-мещанского положения»[29]. Это не значит, конечно, что рабочие определенной профессии не должны бороться за свои профессиональные интересы. Напротив, рабочие обычно с помощью профсоюзов ведут такую борьбу, которая оказывается, как правило, особенно эффективной, если руководящая роль в профсоюзах принадлежит последовательным пролетарским революционерам.

Таким образом, утверждение буржуазной историографии о «распадении» рабочего класса на профессиональные группы, интересы которых нередко сталкиваются, прямо противоположно действительному ходу исторического процесса.

Не лучше обстоит дело и с попытками буржуазных историков использовать связи рабочего класса с мелкой буржуазией, чтобы «дока-

---

[28] R. H. S. Grossman. Указ. соч., стр. 262—263.
[29] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 129.

зать», что взамен классов якобы образуются «межклассовые» социальные группы. В действительности же в современную эпоху эти связи способствуют тому, что рабочий класс, интересы которого совпадают с жизненными интересами всех трудовых слоев, угнетаемых крупным капиталом (крестьянства, городской мелкой буржуазии, трудовой интеллигенции), становится во главе народных масс, борющихся против монополий.

Некоторые буржуазные историки, оставив в стороне теорию «распадения» пролетариата, объявляют, что в новейшую эпоху происходит процесс слияния рабочего класса с классом капиталистов вследствие «демократизации богатств». Этот изобретенный еще в конце XIX в. апологетический вымысел «базируется» на увеличении числа владельцев акций промышленных предприятий и банков. Но, во-первых, общеизвестно, что отмечаемый буржуазной статистикой рост числа акционеров на деле скрывает нечто обратное: небольшая кучка капиталистов скупает акции сотен и тысяч компаний. В статистических же отчетах нередко каждый из крупных капиталистов засчитывается за столько лиц, во скольких компаниях он состоит акционером. Однако если даже рост числа акционеров происходит на деле, то, как разъяснил еще в 1902 г. В. И. Ленин, «доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному»[30]. Число рабочих—владельцев акций относительно невелико. Даже в США только 3% рабочих являются акционерами, при этом одна семья миллиардеров Дюпонов имеет в 10 раз больше акций, чем все американские рабочие, взятые вместе[31]. В 1946 г. в США, по данным министерства финансов, 0,8% населения владели 300 млрд. долл.— половиной национального богатства. В Англии 10% населения в возрасте старше 25 лет владеют 80% всего частного капитала, 1% населения — половиной частного капитала[32]. Чего же стоят после этого утверждения буржуазных историков о том, «что широкие круги рабочих социологически ныне уже, если не считать остающихся еще некоторых отличительных черт, в значительной мере принадлежат к буржуазии»[33].

Буржуазная историография систематически извращает также вопрос о соотношении классового и политического деления общества, классов и политических партий. Как известно, конкретно-исторические формы этого соотношения часто весьма сложны. «Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «на границе» основных делений, неизбежны...»[34]. Надо учитывать также, что определенный класс (и даже его прослойка) может быть представлен различными, порой остро сталкивающимися между собой партиями. Господствующий класс может использовать в своих целях партии других классовых групп (так монополистический капитал нередко осуществляет свою политику при посредстве кулацких, правосоциалистических партий и т. д.). С другой стороны, истории известны партии, отражавшие интересы блока нескольких классов (что особенно типично для периода борьбы против феодализма, а также антиколониальных движений в современную эпоху). Имеются исторические примеры, когда партии, которыми руководили представители какого-либо определенного класса, защищали интересы других классов (например, английские виги, бывшие, по выражению К. Маркса, аристократическими представителями буржуазии[35] и т. д.).

---

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 77.
[31] В. Перло. Империя финансовых магнатов. М. 1958, стр. 30.
[32] Д. Харвей и К. Худ. Британское государство. М. 1961, стр. 8:
[33] H. Shwab-Felisch. Weimar, Hitler und die Folgen. «Neue Deitsche Hefte». April 1960, Hf. 69, S. 50.
[34] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 329.
[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 356.

Социальный состав партий господствующих классов в эпоху империализма как в условиях буржуазно-демократического строя, так и при фашистских режимах резко отличается от классового характера этих партий и проводимой ими политики. С помощью всех видов экономического, политического и идейного принуждения господствующим классам удается вовлечь в «свои» партии отсталые слои трудящихся, хотя существо политики этих партий противоречит коренным интересам народных масс. Наконец, наряду с главным классовым делением общества существуют деления по национальному, религиозному и т. п. признакам, которые также нередко служат основой для объединения в партию. Порой партии создавались из весьма разнородных элементов, для чего использовались такие факторы, как националистические или реваншистские настроения, влияние какого-либо политика и т. п. Нельзя забывать также, что классовая сущность многих партий изменялась в ходе исторического развития.

Все это широко используется буржуазной историографией для извращения сущности политики различных партий, имеющей всегда в конечном счете классовые корни. Буржуазная историография признает классовый характер партий только в тех случаях, когда ей это выгодно. Буржуазные ученые извращают сущность партий, выдавая партии монополий за выразителей интересов народа на том основании, что в них состоит часть трудящихся. С другой стороны, большинство реакционных историков отрицает, что фашистские партии являются исполнителями воли наиболее агрессивных кругов монополистического капитала, и тем обеляет финансовую олигархию. С помощью подобных приемов грубо искажается вся политическая история новейшего времени, и капитализму выдается еще одно фальшивое свидетельство о невиновности в безработице и нищете масс, в войнах, колониализме и других «отличительных чертах» буржуазного строя.

В новейшей буржуазной литературе протаскивается даже мысль, что каждый класс порождает как демократическое (умеренное), так и «экстремистское» течение, «все равно» революционное или контрреволюционное. При этом демократические течения различных классов якобы имеют значительно больше общего между собой, чем демократическое и «экстремистское» течения в одном общественном классе. Так же якобы обстоит дело и с экстремистскими течениями, которые куда более родственны между собой, чем два противоположных течения одного класса [36]. Ясно, какие фальсификаторские «возможности» открывает перед буржуазными исследователями эта лжетеория. «Уничтожается» классовая борьба как основа политической борьбы. Взамен реальных классовых противоречий появляются внутриклассовые антагонизмы, порождаемые идеологическим конфликтом. С целью оправдания подрыва правыми социалистами единства рабочего класса подводится «научная» база под сотрудничество правосоциалистических и буржуазных партий, возводится клевета на «левых экстремистов», то есть коммунистов, которые изображаются как «родственники» правых экстремистов.

★

С фальсификацией исторического места классовой борьбы переплетается «традиционное» для буржуазной историографии извращение роли социальных революций в общественном развитии. Искажение соотношения между революцией и эволюцией, принижение исторической роли первой и приписывание всех элементов прогресса эволюционному развитию, изображение многих революционных скачков в виде эволюционного процесса и т. п.— все это хорошо известные тенденции буржуазной исто-

[36] S. M. Lipset. Political Man. The Social Bases of Politics. New York. 1960.

риографии. Своеобразие многих революций заключается в обилии «обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового... Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений...» [37]. Всяческое выпячивание только этого разрушительного значения революций при замалчивании ее великой созидательной роли также принадлежит к «традиционным» средствам фальсификации, применяемым буржуазной историографией.

Некоторые реформистские писатели, фальсифицируя марксизм, и поныне отождествляют революцию с жестокими, а эволюцию — более гуманными формами преобразований, как это делает, например, Ф. Штернберг [38]. Это отождествление лживо от начала до конца. Общеизвестно, что революция может протекать мирным путем, то есть без вооруженной борьбы. «Эволюционный» же путь, на который толкнула социал-демократия германских трудящихся после 1918 г., обошелся в конечном счете германскому народу и другим народам Европы в миллионы человеческих жизней, загубленных нацизмом.

Кому не известно, что политика предательства революции, политика антикоммунизма и сотрудничества с реакционными силами, которую проводила в тот период социал-демократическая партия Германии, расчистила гитлеризму дорогу к власти и создала для германского империализма возможность развязать вторую мировую войну.

Рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинские партии стремятся осуществить социалистическую революцию мирным путем, без гражданской войны. Это соответствовало бы интересам рабочего класса и всего народа, общенациональным интересам страны, говорится в Программе КПСС. Вместе с тем «в условиях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду возможность немирного перехода к социализму... Степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм» [39].

Ранее буржуазная историография прославляла мирные революции (типа английского переворота 1688 г., проведенного без активного участия народа). Теперь, пытаясь доказать «устарелость» революции, буржуазные историки нередко впадают в другую крайность, отрицая факт революции, если она протекала в мирной форме (то есть без вооруженной борьбы). Отрывая эволюционное развитие от революционного скачка, они клеветнически именуют «отказом от революционности» и переходом на позиции реформизма борьбу коммунистических и рабочих партий за защиту экономических и политических интересов трудящихся в рамках капитализма — борьбу, являющуюся составной частью борьбы за социализм. Буржуазные историки часто называют революцией контрреволюционные перевороты или путчи, независимо от того, стараются ли эти историки скрыть реакционный характер событий (например, захвата фашизмом власти в Германии, который и гитлеровцы именовали «национальной революцией», а также фашистского путча в Венгрии в 1956 г. и т. д.). Кроме того, нередко проповедуется «теория», что будто бы в XX в. пролетарские революции препятствуют общественному прогрессу [40].

---

[37] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 243.

[38] F. Sternberg. Marx und die Gegenwart. Köln. 1955, S. 17.

[39] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 40.

[40] R. Aron. L'opium des intellectuels. Paris. 1955, p. 53; A. Shklar. After Utopia The Decline of Political Faith. Princeton. 1957, p. 150.

Чтобы всячески умалить закономерности и значение революции, буржуазная наука искажает важную проблему революционной ситуации. Как правило, складывание революционной ситуации дается в отрыве от основных классовых антагонизмов в стране, вытекающих из конфликта между характером производительных сил и производственными отношениями. Но это — лишь начало фальсификации. Как известно, для революции недостаточно одного существования объективных причин, необходимо наличие субъективного фактора, то есть способности революционного класса на решительные сознательные действия, могущие сломить сопротивление защитников старого строя. Возможность революции часто не превращалась в действительность из-за незрелости субъективного фактора. Во всех этих случаях буржуазные историки утверждают, что отсутствовали не только субъективные предпосылки, но и объективные условия для революции. С помощью подобного метода история ряда стран изображается в виде плавного, эволюционного процесса, не прерываемого даже угрозой революционных потрясений. Этот тезис проводится, например, в курсах английской истории Тревельяна, Темперлея, Галеви и десятках других.

Для революции обычно недостаточно, чтобы низы не хотели жить по-старому, нужно, чтобы верхи не могли управлять по-старому, чтобы существовал кризис верхов. Односторонне подчеркивая порой значение кризиса верхов, буржуазные историки пытаются объяснить его случайными причинами (вроде неспособности к управлению отдельных политических деятелей) и таким образом отрицать закономерность революции, происходившей якобы лишь в силу неожиданно возникшего «политического вакуума». Так, в частности, многие буржуазные историки изображают Великую Октябрьскую социалистическую революцию (Е. Карр, У. Чемберлин, М. Флоринский, Фон Раух и др.).

Попытки «опровергнуть» гениальную ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую предпринимаются в реакционной историографии по разным линиям. Реакционные историки уверяют, например, будто бы органичными всегда являлись только буржуазно-демократические задачи революции, что лишь «чрезвычайные условия» (главным образом последствия войны, «фанатизм коммунистов», мнимое «советское вмешательство» и т. п.) приводили к перерастанию буржуазно-демократической революции в «коммунистический переворот», который, таким образом, объявляется не связанным с внутренними противоречиями капитализма и антагонизмом буржуазии и пролетариата [41]. Для «аргументирования» своих фальсификаций буржуазные историки используют и то обстоятельство, что в истории не бывает «чистых» социалистических революций, как не существует «чистого» капитализма, без остатков докапиталистических форм хозяйства, и поэтому социалистическая революция походя решает и задачи буржуазно-демократической революции там, где они не были решены.

Одним из распространенных методов фальсификации является отрицание социалистического характера пролетарских революций и уверение, что последние якобы имели объективной задачей лишь индустриализацию слаборазвитых стран.

Нередко искаженно изображается и буржуазно-демократическая революция эпохи империализма; игнорируется гегемония в ней пролетариата. Руководящей силой буржуазно-демократической революции изображаются кулацкие и мелкобуржуазные элементы и партии, которые часто являлись лишь временными попутчиками революции, переходившими по мере ее развития в контрреволюционный лагерь.

---

[41] D. Mitrany. Marx against the Peasant. North Carolina University Press. 1952, p. 75, 227, 235; F. Gross. The Seizure of Political Power in the Century of Revolution. New York. 1958, p. 241 a. o.

★

Искажение значения классовой борьбы и революций в буржуазной историографии смыкается с фальсификацией исторической роли и характера государства. Буржуазные историки уверяют, что государство якобы имеет классовый характер лишь в определенные периоды исторического развития, в частности во время раннего капитализма. В современную же эпоху государство в капиталистических странах будто бы является надклассовым институтом. Буржуазное государство в изображении этих авторов будто бы контролируется профсоюзами, кооперативами, объединениями государственных служащих и т. д. Во многих буржуазных исторических работах создается миф о постепенном превращении в новейшую эпоху западноевропейских государств из буржуазных в «пролетарские», то есть действующие в интересах рабочего класса и вообще трудящихся масс [42]. Государство, уверяет С. Хук, уже не является аппаратом господствующего класса, «оно становится аппаратом или орудием любого класса или классовой коалиции, которые в процессе демократической борьбы получают преобладание» [43]. Поэтому передача управления в руки правосоциалистических министерств, в особенности если они (подобно лейбористам в 1945 г.) располагали большинством в парламенте, оценивается как якобы состоявшийся переход власти в руки рабочих. Все эти тенденциозные выдумки не имеют ничего общего с действительностью. Достаточно вспомнить о всемогуществе финансовой олигархии, в руках которой находится подавляющая часть национального богатства в капиталистических странах. Так, в Англии, например, 1% населения владеет половиной всей собственности, принадлежащей частным лицам, во Франции 100 трестов господствуют в экономике страны и т. д. [44]. Буржуазное государство полностью подчинено монополиям, которые используют его для подавления и ограбления народных масс.

Буржуазной историографии свойственно абсолютизировать различие форм одного и того же капиталистического типа государств. Реакционные ученые выводят основы политики не из типа, а из формы государства (например, объясняют агрессивность ряда капиталистических государств существованием там монархической формы правления). Многие буржуазные исследователи хотели бы не замечать, что эти силы лишь осуществляют волю капитала, и объявить их ответственными за многие пороки капиталистического строя или переложить всю вину на остатки феодализма, умалчивая, разумеется, что последние сознательно консервируются правящей буржуазией для борьбы против пролетариата.

В изображении буржуазной и реформистской историографии капиталистическое государство является силой, которая будто бы в состоянии изменять и даже уже изменила законы развития капиталистического строя. Таким путем буржуазные ученые пытаются обосновать уже упоминавшуюся выше лжетеорию «старого и нового капитализма», которая лежит в основе реакционной интерпретации всей истории XX века.

Первый этап общего кризиса капиталистической системы превращается под пером реформистских авторов типа Ф. Штернберга [45] в переходный период не от капитализма к социализму, а от капитализма к капиталистическому «строю благоденствия».

Лейбористский идеолог Д. Стрэчи в книге «Конец империи» пытается доказать, что капитализм развивался по «старым» законам примерно до первой мировой войны. Эпоха общего кризиса капитализма предстает

---

[42] J. Plamenatz. German Marxism and Russian Communism. London-New York, 1954, p. 169.

[43] «Politische Studien», Juni 1960, Hft. 122, S. 367.

[44] «Проблемы мира и социализма», 1958, № 2, стр. 45.

[45] F. Sternberg. Die militärische und die industrielle Revolution. Berlin. 1957, S. 184 u. a.

в изображении Стрэчи как период постепенного изменения законов капиталистического развития с помощью государственного вмешательства. После второй мировой войны начался новый этап этого благотворного вмешательства буржуазного государства (в изображении Стрэчи уже превращенного с помощью избирательной урны в орудие трудящихся) в экономическую жизнь. Альтернативой империализму (в смысле политики экспансии), поискам внешних рынков и сфер приложения капитала явилось якобы осуществленное в буржуазных странах расширение внутреннего рынка за счет роста потребления «не капиталистических $^{9}/_{10}$ населения»[46]. Чтобы «доказать» этот фантастический вымысел, Стрэчи пришлось отвлечься от таких явлений, как фашизм, борьба империалистов за передел мира, вторая мировая война, усиление ограбления колоний на первом этапе общего кризиса капитализма, наконец, чудовищная нищета народов колониальных и зависимых стран — подавляющего большинства населения нашей планеты, эксплуатируемого горсткой империалистических государств.

Однако действительное положение трудящихся даже в «избранных» империалистических странах не имело и не имеет ничего общего с картиной, нарисованной Стрэчи. Тщетны потуги идеологов реакции приукрасить капиталистическую действительность. «Сотни миллионов людей видят,— указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза,— что капитализм — это строй экономической анархии и периодических кризисов, хронической безработицы и нищеты масс, хищнической растраты производительных сил, строй, постоянно несущий угрозу войн»[47].

★

Воинствующий антиисторизм — характерная черта современной буржуазной исторической науки. Буржуазные философы и историки нередко открыто пытаются ниспровергнуть идею историзма. Однако теоретическое отрицание этой идеи совмещается у реакционных историков с попытками использовать ее на практике в фальсифицированном виде. Метод лжеисторизма ранее применялся буржуазными учеными преимущественно для выведения фальшивой родословной восхваляемых ими реакционных событий, учреждений и лиц. В наше время этот метод широко используется и в других целях.

Во-первых, для проведения несуществующего принципиального различия между капиталистическим строем XIX (а также отчасти начала XX в.) и современным капитализмом, для «доказательства» ложного утверждения, будто открытые марксизмом-ленинизмом законы развития капиталистического общества не действуют в современную эпоху.

Во-вторых, с помощью лжеисторизма, ссылок на «условия эпохи» буржуазные историки пытаются оправдать любые злодеяния, порожденные капиталистическим строем, колониализмом, клерикализмом и т. д. Апелляция к «условиям эпохи» превратилась у буржуазных историков в средство оправдания идеологии и политики реакции, которые к тому же преподносятся как факторы, не сдерживавшие, а продвигавшие вперед развитие общества.

Метод лжеисторизма является орудием, с помощью которого буржуазная наука пытается нарисовать в корне ложную картину исторического развития в новое и новейшее время и обосновать пресловутую теорию «старого и нового капитализма».

Фальшивая картина общественного развития в XIX—XX вв., создаваемая буржуазной историографией, основывается на целом ряде «от-

[46] J. Strachey. The End of Empire. London, 1959, p. 117 a. o.
[47] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 35.

казов» буржуазии от собственного прошлого. Вначале это был «отказ» от буржуазных революций, позднее, в эпоху общего кризиса капитализма, последовал отказ от «старого» капитализма XIX века. Наконец, в наши дни буржуазные идеологи отрекаются от капитализма периода 1918—1939 гг., якобы принципиально отличного от капитализма середины XX столетия. Буржуазия, ранее открещивавшаяся от своего революционного прошлого, ныне отказывается от всего своего прошлого, тщетно пытаясь представить современный капитализм «строем благоденствия», ничем не похожим на старый, «эксплуататорский капитализм». Этот «отказ» нередко сопровождается одновременным возвеличиванием самых реакционных сторон истории капитализма — империалистической реакции, милитаризма, бонапартизма и т. п.

Буржуазная историография отрекается и от идеи прогрессивного развития общества. Это связано со страхом реакционной буржуазии перед будущим, перед исторически неизбежной ликвидацией капиталистического строя. «Ныне самодовольство XIX в. безвозвратно утеряно,— пишет известный английский буржуазный историк Х. Тревор-Ропер.—Мы уже не чувствуем более, что история является историей прогресса»[48]. Крах в империалистическую эпоху просветительских, фритредерских и либерально-пацифистских иллюзий, возникших в период борьбы против феодального строя, победы и утверждения капитализма, выдается буржуазной историографией за крушение самой идеи общественного прогресса[49].

Буржуазные историки не в состоянии привести сколько-нибудь убедительных доводов против марксистско-ленинского понимания общественного прогресса как последовательной смены одного социального строя другим, более высоким общественным строем. Они лишь голословно утверждают, что К. Маркс якобы заимствовал у современных ему либералов «рационализм» и «веру в прогресс», которая в новом виде стала «верой» в замену капитализма социализмом. Каких только нелепых и демагогических «доводов» не изобретает буржуазная историография, чтобы опровергнуть идею прогресса! Она иногда уверяет даже, что это «европейская» идея, носящая расистский империалистический характер, согласно которой народы всех континентов должны следовать за Европой[50].

Как известно, общественный прогресс не носит прямолинейного характера. Это обстоятельство широко используется реакционными историками для их фальсификаторских ухищрений. В истории наряду с прямым нередки случаи зигзагообразного пути, являющегося следствием компромисса «между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого»[51]. В развитии общества нередки случаи, когда приобщение к активной борьбе новых слоев трудящихся масс, ранее стоявших вдалеке от политики,— приобщение, в конечном счете гарантирующее огромное ускорение социального прогресса, вызывает временный возврат к старому, повторение прежних ошибок[52]. Для многих буржуазных историков это временное возвращение к уже пройденному служит предлогом для отрицания идеи прогресса (а иногда и для прямого воспевания «конструктивных достижений» реакции).

---

[48] H. R. Trevor-Roper. Historical Essays. London. 1957, p. 286.

[49] C. A. Chambers. The Belief in Progress in Twentieth Century America. «Journal of the History of Ideas», April 1958. Vol. XIX, № 2, p. 224; Ср. J. Baillie. The Belief in Progress. London. 1951; C. Becker. Progress and Power. New York. 1949; M. Ginsberg. The Idea of Progress. A Reevaluation. London. 1953; S. B. Fay. The Idea of Progress. «American Historical Review», 1947, January.

[50] «The Concise Encyclopaedia of World History». Ed. by J. Bowle. London, 1958, p. 478.

[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 8—9.

[52] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 318; т. 17, стр. 23.

Нападки на идею прогресса нередко сопровождаются в буржуазной историографии защитой идеи круговорота в общественном развитии. Главным теоретическим поборником этой идеи выступил после первой мировой войны германский реакционер О. Шпенглер, а в наши дни — известный английский историк А. Тойнби. Многотомная работа А. Тойнби «Изучение истории», излагающая его «циклическую» концепцию, оказала очень большое влияние на современную западную историографию [53]. В своих «аналогиях» между процессами, протекающими в различных социально-экономических формациях, буржуазные историки спекулируют на спиралеобразном характере развития.

Для доказательства своей реакционной теории круговорота и других фальсификаторских тезисов буржуазная историография широко использует метод фальшивых исторических аналогий. Исторические сравнения и параллели могут принести немалую пользу при одном, однако, обязательном условии, если они применяются с соблюдением необходимых научных методов. Чрезвычайно полезным может оказаться сравнение истории стран, находившихся или находящихся в основном на одном и том же уровне социально-экономического и политического развития. Подобные сравнения помогают выявить как общие закономерности развития, так и специфические особенности отдельных стран. В. И. Ленин, блестяще владевший сравнительно-историческим методом исследования, сравнивая Россию начала XX в. с Германией и Австро-Венгрией 40-х — 60-х годов XIX в., вскрыл особо контрреволюционный, антидемократический характер политики русской буржуазии [54]. В. И. Ленин неоднократно сравнивал революцию 1905 г. и Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. с буржуазными революциями, происходившими на Западе до эпохи империализма. Эти сравнения помогли выявить наряду с общими чертами характерные особенности буржуазно-демократических революций эпохи империализма. В. И. Ленин проводил исторические параллели между отдельными явлениями в странах, находившихся на самых различных ступенях исторического развития. При этом он указывал на необходимость строгого соблюдения следующего принципа: «Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер» [55].

Это ленинское высказывание вскрывает антинаучный характер «исторических параллелей» между принципиально разнородными явлениями, которые основываются на наличии у этих явлений отдельных внешне сходных (или мнимо сходных) черт. Х. Тревор-Ропер отыскал, например, «параллель» к современному сосуществованию государств с различным социальным строем в «сосуществовании» европейских государств («Европы») и Оттоманской империи в XVI веке. Сравнение нелепо в своей основе: западноевропейские страны и Оттоманская империя не были государствами с различным социальным строем. Между ними не существовало такого принципиального отличия, какое отделяет страны социалистического лагеря, где ликвидирована эксплуатация человека человеком, от капиталистических государств. Сосуществование буржуазно-демократических и феодально-абсолютистских государств в XIX в. также нельзя использовать в качестве исторической параллели с современностью.

---

[53] Е. А. Косминский. Историософия Арнольда Тойнби. «Вопросы истории», 1957, № 1. Статья перепечатана с дополнениями в сборнике «Против фальсификации истории». М. 1959; Э. А. Араб-оглы. Концепция исторического круговорота. Сборник «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». М. 1960.

[54] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 153.

[55] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 52.

Мотивы, которыми руководствовался английский историк при изобретении этой фальшивки, более чем прозрачны. Западная Европа, по мнению Тревора-Ропера, временами хотя и теряла надежду на победу над турками, но в конечном счете последние все же потерпели поражение. «Следовательно», нынешние «неудачи» Запада являются не результатом приближающегося неизбежного крушения капитализма, а временным явлением, после которого может последовать победа над Востоком, то есть странами социализма [56]. Второй причиной появления на свет этой лживой «параллели» было явное стремление оксфордского профессора посильно оклеветать Советский Союз, сравнивая его с культурно отсталой, агрессивной и деспотической Турецкой империей, а современный капиталистический Запад изображая обороняющейся стороной, которая к тому же защищала европейскую культуру. Тенденциозность и вздорность вымысла Тревора-Ропера очевидны.

Правительства Трумэна и Эйзенхауэра в США (а вслед за этим масса публицистов-историков) не раз пытались проводить параллель между политикой мирного сосуществования и... «мюнхенским сговором» Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. Признание политики мирного сосуществования Соединенными Штатами Америки якобы явится «умиротворением» СССР и народного Китая (которых реакционная пропаганда клеветнически обвиняет в «агрессивных намерениях»), и этой политики, следовательно, надо избегать, чтобы не повторять «ошибок Мюнхена». Это пишут те самые люди, которые всемерно поощряют возрождение западногерманского милитаризма и превращение ФРГ, как в свое время гитлеровской Германии, в ударную силу против СССР и других социалистических стран. Действительная, бросающаяся в глаза любому непредубежденному человеку историческая параллель между «мюнхенским сговором» 30-х годов и нынешней политикой США, Англии и Франции, направленной на поощрение агрессивных планов западногерманских реваншистов, игнорируется реакционной историографией, которая с помощью фальшивых «сравнений» стремится утаить историческую правду.

Недавно А. Тойнби занялся сравнением борьбы американских империалистов против СССР... с борьбой Древнего Рима против Карфагена [57], явно навязывая читателю мысль о неизбежности победы «нового Рима» — США. Но у читателя при этом невольно может возникнуть совсем другая «историческая параллель»: между самим Тойнби и известным немецким историком Эдуардом Мейером, который в годы первой мировой войны также усердно сравнивал борьбу Германии против Англии со столкновением Рима и Карфагена. Как известно, Э. Мейер существенно ошибся в своих прогнозах насчет исхода этого столкновения... А ведь у германского «Рима» все же были шансы на победу над Англией, чего никак нельзя сказать об американском «Риме», агрессивным планам которого противостоит непобедимый социалистический лагерь, отстаивающий дело мира и прогресса.

Попытка такого же рода «сравнения», что и у Тойнби, содержится в нашумевшей на Западе книге бывшего французского офицера и американского разведчика, а ныне «историка» А. де Риенкура «Грядущие цезари» [58]. Нагромоздив целую гору вздорных параллелей, Риенкур «доказывает» неизбежность создания мировой американской империи во главе с цезарем в Белом доме.

Признавая «крайности» таких работ, как книга Риенкура, буржуазная историография постепенно вбирает в себя из них то, что объявляется «рациональным зерном», а на самом деле представляет собой такую

---

[56] H. R. Trevor-Roper. Указ. соч., стр. 173—178, 288.
[57] «New York Times Magazine», 15 января 1961 года.
[58] A. de Riencourt. The Coming Caesars. New York. 1957.

же фальсификацию истории, как и другие, отбрасываемые ею «крайние» выводы. Так, сравнение «в общих чертах», а не в деталях античного и современного капиталистического общества, нередкое в буржуазной историографии, ничего не меняет в антиисторической сути проводимой параллели. Подобную сознательную или бессознательную тактику «пропитывания» академической науки заведомыми фальсификаторскими крайностями, которые она формально критикует, можно обнаружить во многих вопросах истории рабочего движения, а также империализма, фашизма, второй мировой войны и других.

Буржуазная историография «вбирает» в себя и многие апологетические выводы других общественных наук, прежде всего экономики, социологии и демографии. Давно опровергнутые марксистской критикой антинаучные выводы буржуазных социологов и экономистов о «стирании классовых граней», о возможности с помощью соответствующей финансовой политики и планирования преодолеть анархию производства и кризисы при сохранении капиталистического строя и т. п. вводятся в работы буржуазных историков в качестве аксиом, нуждающихся лишь в иллюстрации специально подобранным конкретным материалом. Таким образом, буржуазная историография, помимо собственных методологических пороков, воспринимает и воспроизводит всю суть ложных концепций, господствующих в буржуазной экономике, социологии и других смежных научных дисциплинах.

Таковы некоторые из методов и приемов искажения истории XIX и XX вв., широко используемые новейшей реакционной историографией. «Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза.— Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью... Буржуазная идеология переживает глубокий кризис»[59]. Однако нельзя не учитывать, что большая часть человечества, которая находится пока вне социалистической системы, еще не свободна от воздействия буржуазной идеологии. В связи с этим одна из задач советских историков — не ослаблять внимания к идейной борьбе против реакционной буржуазной историографии.

[59] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

ЛИКВИДАЦИЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ФАШИЗМА

Г. Н. Горошкова

В эпоху империализма и особенно с началом общего кризиса капиталистической системы империалистическая буржуазия совершает поворот от демократии к политической реакции. «Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [1]. В силу этих тенденций империалистическая буржуазия ряда стран отказывается от сложившейся ранее государственной формы своего классового господства — буржуазной демократии и устанавливает открытую террористическую диктатуру — фашизм. Приход фашизма к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии другой государственной формой.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что еще в годы первой мировой войны развитие государственно-монополистического капитализма со всеми присущими последнему проявлениями как в экономической, так и в политической жизни шло в Германии быстрее, чем в других капиталистических странах. В. И. Ленин подчеркивал в 1918 г.: «Крупный государственный капитализм Германии соединился с бюрократизмом...» [2]. В годы фашистской диктатуры быстрое развитие германского государственно-монополистического капитализма, протекавшее в условиях общего кризиса капиталистической системы, сопровождалось небывалым усилением политической реакции.

Еще задолго до прихода к власти Гитлер и его сторонники сформулировали свою агрессивную, антидемократическую и антинародную программу и развернули в невиданных размерах ее пропаганду, широко используя социальную демагогию. Программа предназначалась для распространения и укрепления влияния фашистов в массах и носила демагогический характер. Содержание ее свидетельствовало о том, что фашистская партия с самого начала была партией войны и террористической диктатуры. Первый и третий пункты программы содержали требования о «соединении» всех живущих на земле немцев на одной территории «Великогермании» и предоставлении последней колоний для «прокормления» жителей и «переселения избыточного населения». Последний пункт призывал к созданию «сильной центральной власти» [3]. В выступлениях руководящей партийной верхушки еще до захвата фашистами власти и в официальных фашистских изданиях проповедовалась политика организации и применения силы, наступления на бур-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 31.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 62.

[3] H. Fabricius, K. Stamm. Bewegung, Staat und Volk in ihren Organisationen. Führer-Kalender. 1934. Berlin. 1934, S. 9.

жуазно-демократические свободы, парламент с целью уничтожения буржуазной демократии [4].

Как стало известно из опубликованных после войны документов, Гитлер накануне прихода к власти, в 1932 г., вел переговоры о ее будущем характере с крупными германскими монополистами [5]. Программу своего правительства он изложил 27 января 1932 г. в Дюссельдорфе на закрытой конференции промышленников. Уже тогда были конкретно сформулированы мероприятия по уничтожению буржуазно-демократических завоеваний. «Нелепо строить хозяйственную жизнь на авторитете личности, одновременно отвергая этот авторитет в политике и подсовывая вместо него демократию»[6],— заявил Гитлер, требуя сочетания диктатуры капиталистов в области экономики с политической диктатурой и полного отстранения народа от участия в политической жизни.

Гитлеровские планы создания фашистской диктатуры полностью отвечали стремлениям реакционной германской монополистической буржуазии, призвавшей фашистскую партию подавить революционное движение в стране. Своеобразной директивой, или наказом, гитлеровскому правительству следует рассматривать официальное заявление президиума Имперского союза германской промышленности, сделанное 19 января 1933 года. В заявлении говорилось: «Президиум Имперского союза германской промышленности с сожалением констатирует, что состояние политической жизни в стране приносит новые тревоги для экономики и требует установления твердого руководства. Немецкая экономика (читай: ее хозяева.— *Г. Г.*) ожидает от правительства, что оно решительно отклонит все попытки нарушения спокойствия...» [7],— так формулировались цели подавления революционных и прогрессивных сил немецкого народа. Фашисты намеревались сломить сложившиеся формы политической жизни, разоружить рабочий класс и трудящиеся массы, лишить немецкий народ его демократических завоеваний.

Германский пролетариат и все трудящиеся массы в многолетней и трудной борьбе отвоевали у господствующих классов ряд демократических прав и свобод. Наиболее серьезные завоевания буржуазно-демократического характера были достигнуты в результате Ноябрьской революции 1918 года. В социальной области было удовлетворено давнишнее требование рабочего движения — законодательным путем установлен восьмичасовой рабочий день. В области политической трудящиеся Германии добились распространения всеобщего избирательного права на категории населения, ранее им не пользовавшиеся, свободы печати, собраний и союзов, права рабочих создавать на предприятиях выборные заводские советы. В сельском хозяйстве были устранены исключительные законы против сельскохозяйственных рабочих и полукрепостнический устав о челяди [8]. Все эти завоевания были зафиксированы в «Конституции Германского рейха от 11 августа 1919 г.» [9], вошедшей в историю под названием Веймарской конституции. Несмотря на присущие любой буржуазной конституции недостатки и ограниченность, эта кон-

---

[4] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах. Т. II. М. 1958. стр. 19—22; «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal». Nuremberg. 1947. Vol. II, p. 185; vol. III, p. 521; vol. IV, p. 519; vol. V, p. 379.

[5] «Trial...». Vol. XIII. Nuremberg. 1948, pp. 143—145.

[6] Цит. по: А. Норден. Уроки германской истории. М. 1948, стр. 94.

[7] «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1933». München. 1934, S. 24.

[8] См. «Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland». Thesen des Zentralkomitees der SED zum 40. Jahrestag der Novemberrevolution. «Einheit», 1958, Hf. 10. S. 1396—1397.

[9] Полный текст см.: «Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart». Bd. III. Berlin und München, S. 60—93.

ституция предоставляла немецким трудящимся возможности, хотя и ограниченные, для организации и борьбы [10].

Оценивая сущность буржуазной демократии, В. И. Ленин указывал, что последняя «всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» [11]. Но отмечая коренные недостатки буржуазной демократии, марксизм-ленинизм считает, что непременным условием успеха борьбы рабочего класса за свое освобождение и освобождение других слоев трудящихся от капиталистического ига является обязательное использование тех, хотя и урезанных, прав и свобод, которые эта демократия предоставляет народу [12].

Во времена Веймарской республики германский рабочий класс под руководством Коммунистической партии, опираясь на свои демократические завоевания, создал значительные по численности и боеспособности политические и профессиональные организации. В период прихода фашизма к власти КПГ являлась самой крупной и сильной секцией Коммунистического Интернационала в странах капитала и насчитывала в своих рядах 300 тыс. членов [13].

Когда гитлеровское правительство пришло к власти, в стране существовал рейхстаг, состав которого внушал серьезную тревогу германским монополиям. На парламентских выборах 6 ноября 1932 г. КПГ завоевала 100 мандатов (вместо 89, полученных ею на предыдущих выборах, 31 июля 1932 года). В рейхстаге заседал также 121 депутат от социал-демократической партии (в предыдущем составе было 133) [14]. Таким образом, депутаты этих двух партий насчитывали вместе 221 мандат из общего числа 584, в то время как фашистская партия имела всего 196 мандатов (вместо 230 в предыдущем составе). 30 января 1933 г. было принято решение о роспуске рейхстага [15]. Гитлер объявил существование парламентской системы в Германии «крупной ошибкой» и потребовал от рейхспрезидента ввести управление страной путем чрезвычайных декретов [16]. Рейхстаг был распущен и назначены новые выборы [17]. Таким образом, после захвата власти гитлеровское правительство непосредственно приступило к осуществлению своего архиреакционного внутреннего курса. Основными методами его проведения стали самый беспощадный террор, разнузданная националистическая и шовинистическая пропаганда, а также фашистское законодательство, превращенное гитлеровцами в целую систему продуманного и жестокого наступления, направленного против Коммунистической партии и других политических организаций. Это было общее наступление против буржуазно-демократических прав и свобод.

В январе кабинет принял решение о жестоких репрессиях против Коммунистической партии Германии; власти произвели обыск в доме имени Карла Либкнехта в Берлине, где помещался Центральный Комитет КПГ; 2 февраля были запрещены демонстрации [18].

На основе чрезвычайного декрета рейхспрезидента от 4 февраля с демагогическим наименованием «В защиту немецкого народа» власти получили неограниченные права запрещать и распускать любые собра-

---

[10] См.. Otto Grotewohl. Deutsche Verfassungspläne. Berlin. 1947, S. 25—29.
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 222.
[12] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 38—47.
[13] Walter Bartel. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945. Berlin. 1956, S. 30.
[14] «Egelhaafs Historisch-politische Jahresübersicht für 1932». Stuttgart. 1933, S. 160.
[15] См. Erwin Wickert. Dramatische Tage in Hitlers Reich. Stuttgart. 1952, S. 55.
[16] «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal», Vol. XI. Nuremberg. 1947, pp. 35—36.
[17] «Dokumente der Deutschen Politik». Bd. I. Berlin. 1939, S. 9.
[18] Walter Bartel. Указ. соч., стр. 10.

ния, а также закрывать газеты [19]. Выступая 8 февраля перед руководителями немецкой прессы, Гитлер потребовал резко ограничить свободу печати и подробно остановился на способах борьбы с оппозиционными правительству газетами [20].

Через две недели Геринг издал распоряжение о создании вспомогательных полицейских сил [21]. Вслед за тем 23 февраля был организован новый полицейский налет на помещение ЦК КПГ, а также был произведен обыск и конфискованы все материалы центрального органа КПГ газеты «Rote Fahne» [22].

Поджог фашистами в ночь на 28 февраля здания германского рейхстага был использован гитлеровским правительством не только для организации невиданного массового террора, но и в качестве предлога для уничтожения буржуазно-демократических свобод и лишения немецкого народа его основных прав. Опубликованный через несколько часов после поджога чрезвычайный декрет президента «О защите народа и государства» [23] отменял все статьи Веймарской конституции о свободе личности, слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенности жилища, охране тайны корреспонденции и телефонных разговоров. Власти получали неограниченные права в производстве арестов и обысков, конфискации имущества. Основными наказаниями, предусмотренными этим декретом, являлись смертная казнь и бессрочная каторга. В преамбуле декрета указывалось, что он направлен против коммунистической деятельности.

Тяжелые репрессии обрушились на германское рабочее движение. С 1 марта власти запретили всю коммунистическую прессу, все проводимые КПГ собрания и демонстрации [24]. Коммунистическая партия фактически была вынуждена перейти на нелегальное положение, хотя гитлеровцы еще не решались запретить ее участие в выборах в рейхстаг. Нарушая тайну переписки и телефонных разговоров, власти установили политическую слежку.

Незадолго до выборов в рейхстаг были проведены массовые аресты коммунистов. Только в ночь на 28 февраля было арестовано свыше 10 тыс. коммунистов [25]. 3 марта был брошен в тюрьму вождь Коммунистической партии Германии, верный сын немецкого народа Эрнст Тельман.

В условиях террора и преследований 5 марта 1933 г. состоялись выборы в рейхстаг. Они не принесли гитлеровцам ожидаемых ими результатов. Коммунистическая партия одержала на выборах блестящую победу, собрав 4 847 939 голосов (12,3%) [26], что являлось показателем огромной воли германского рабочего класса и трудящихся масс к борьбе против наступления фашизма и войны.

Напуганное результатами выборов, стремясь парализовать влияние коммунистов в стране, гитлеровское правительство прибегло к крайним мерам и совершило новый акт беззакония и насилия. 9 марта

---

[19] «Reichsgesetzblatt». Herausgegeben vom Reichsministerium des Innern. Teil I. Berlin. 1933, S. 35—41; «Die politische Notverordnungen». Berlin. 1933, S. 46—55. Этот декрет гитлеровцы широко использовали в борьбе против прогрессивных сил в ходе избирательной кампании во время выборов в рейхстаг (см. Конрад Гейден. История германского фашизма. М.-Л. 1935. стр. 296).

[20] «Völkischer Beobachter», 9 февраля 1933 года. Характерно, что фашистская пропаганда при этом не переставала писать о «свободе прессы» в фашистской Германии.

[21] Alan Bullock. Hitler. A Study of Tyranny. London. 1952, p. 237.

[22] «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1933», S. 49.

[23] «Reichsgesetzblatt», 1933. Teil I, S. 83.

[24] «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1933», S. 51.

[25] Отто Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М. 1956. стр. 32.

[26] «Die Wahlen zum Reichstag». Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 434. Berlin. 1935, S. 142.

оно аннулировало все депутатские мандаты КПГ [27], большинство депутатов-коммунистов было арестовано. Это означало, что германский рейхстаг не являлся уже больше избранным конституционным путем представительным органом.

Гитлеровское правительство, протащив закон о чрезвычайных полномочиях, именовавшийся для обмана масс «Законом по устранению бедствий народа и государства»[28], сосредоточило в своих руках всю законодательную власть, принадлежавшую ранее, согласно Веймарской конституции, рейхстагу. Этим решением фактически ликвидировался и самый рейхстаг, а также последние остатки конституционных буржуазно-демократических свобод.

Узурпировав всю полноту центральной власти, гитлеровцы стали поспешно укреплять свои позиции и на местах. Закон правительства от 31 марта 1933 г. «Об унификации земель с рейхом» [29] был также направлен прежде всего на уничтожение демократических завоеваний. Были распущены избираемые населением ландтаги, крейстаги, районные представительства, районные советы уполномоченных, городские муниципалитеты, городские собрания уполномоченных, советы общин и т. д. Новые органы избирались на основе распределения голосов, полученных партиями на выборах в рейстаг 5 марта 1933 года по данной местности. При этом специальные параграфы оговаривали, что «голоса, полученные компартией, не принимаются во внимание» [30]. Таким образом, компартия была поставлена вне закона. Представительства избирались сроком на четыре года. «Выборы» проводились в спешном порядке: в ландтаги — в течение двух недель, во все остальные представительства — в течение одного месяца [31]. В результате органы представительства населения на местах были превращены в фикцию.

Вскоре были ликвидированы профсоюзы и другие массовые организации трудящихся: спортивные союзы, больничные кассы, оказывавшие помощь в случае безработицы и болезни, просветительные общества и т. п. В то же время фашистская партия создала и поставила под свой неограниченный контроль целую сеть рабочих, молодежных, студенческих, женских, спортивных и других союзов, посредством которых она навязывала немецкому народу шовинистическую, расистскую идеологию.

Вслед за законами от 28 февраля и 31 марта 1933 г., фактически поставившими КПГ вне закона и установившими по отношению к ее членам режим полного произвола, 26 мая гитлеровское правительство издало еще один закон, по которому властям предписывалось конфисковать все имущество, принадлежавшее КПГ и примыкавшим к ней организациям [32]. Несмотря на все чудовищные репрессии, которые фашистские власти предпринимали в отношении Коммунистической партии, немецкие коммунисты продолжали вести самоотверженную антифашистскую подпольную борьбу.

Полагая, что деятельность Коммунистической партии прекращена драконовскими законами и террором, гитлеровцы свои следующие удары обрушили на Социал-демократическую партию. Хотя правое руководство СДПГ и стремилось к соглашению с гитлеровским правительст-

---

[27] «Dokumente der Deutschen Politik». Bd. I, S. 62.

[28] Там же, стр. 60—61.

[29] «Reichsgesetzblatt», 1933. Teil I, S. 153—154.

[30] Там же.

[31] Об условиях, в которых проходили эти «выборы», можно судить хотя бы по тому, что незадолго до них во все земли Гитлером были [illegible] рейхскомиссары или полицейские уполномоченные («Dokumente der Deutschen Politik». Bd. I, S. 3, 133).

[32] «Reichsgesetzblatt», 1933. Teil I, S. 293.

вом [33], 23 июня 1933 г. Социал-демократическая партия была объявлена организацией, «враждебной государству и народу», и деятельность ее запрещена [34]. Вслед за этим объявили о самороспуске все буржуазные политические партии Германии [35], интересам которых вполне отвечала проводившаяся гитлеровцами политика. Специальный закон от 14 июля 1933 г. запрещал образование в стране новых партий [36].

В это время фашистская Германия вооружалась для новой войны и приступила к реализации своих агрессивных внешнеполитических планов. Германские представители покинули международную конференцию по разоружению, а 14 октября 1933 г. Германия вышла из Лиги наций. В тот же день был распущен рейхстаг и на 12 ноября 1933 г. назначены новые выборы [37].

Выборы сопровождались самой безудержной демагогией и новой волной погромов и репрессий против демократических сил. В таких условиях выборы явились не чем иным, как фарсом.

Вскоре после выборов в рейхстаг полностью завершается фашизация государственного аппарата. 1 декабря 1933 г. законом «О сохранении единства партии и государства» [38] фашистская партия была объявлена государственной организацией Германии, а члены партии и штурмовых отрядов (СА) подлежали особой юрисдикции. Цепь мероприятий, с помощью которых фашизм уже в первый год своей диктатуры уничтожил демократические завоевания немецкого народа, ликвидировал буржуазно-демократические свободы, разгромил политические партии, профсоюзы и другие организации, лишил трудящихся даже того ограниченного права участвовать в политической жизни страны, которое они имели во времена Веймарской республики, была этим законом как бы завершена. В стране устанавливалась ничем не ограниченная политическая диктатура германского крупного монополистического капитала.

В годовщину прихода гитлеровцев к власти, 30 января 1934 г., под громким наименованием был опубликован «Закон о реконструкции империи», направленный на дальнейшее усиление центральной власти. За ним последовала целая серия приказов и распоряжений, ликвидировавших рейхсрат, уничтоживших права земель в деле назначения местных чиновников [39] и др. Специальным законом, отменявшим имперское избирательное законоположение от 6 марта 1924 г., «фюреру» предоставлялись неограниченные права по своему усмотрению замещать в рейхстаге выбывавших по тем или иным причинам депутатов [40]. Таким образом было уничтожено даже формальное право избрания депутатов.

Те же самые принципы, на которых строилась политическая жизнь, пронизали экономику и социальное устройство страны. Бесчисленное множество законодательных актов, изданных фашистским правительством, отдавало немецких рабочих под безграничную власть капиталистов.

Широкое применение насильственных и административных методов в политической и экономической жизни, непомерный рост полицейских

---

[33] При обсуждении в рейхстаге 17 мая 1933 г. внешнеполитической программы правительства депутаты всех фракций, включая и тех социал-демократов, которые продолжали заседать в фашистском парламенте, одобрили эту программу, направленную на подготовку новой мировой войны («Verhandlungen des Peichstags». Bd. 475, S. 47—54).

[34] «Dokumente der Deutschen Politik». Bd. I, S. 64—66.

[35] Там же, стр. 66—68.

[36] «Reichsgesetzblatt», 1933. Teil. I,S. 479.

[37] «Dokumente der Deutschen Politik». Bd. I, S. 115.

[38] «Reichsgesetzblatt», 1933. Teil I, S. 1016.

[39] «Reichsgesetzblatt», 1934. Teil I, S. 75, 81, 89.

[40] «Die Gesetzgebung des Kabinetts Hitler». Hf. 9. Berlin. 1934, S. 58—59.

функций государства, осуществление перевооружения и военно-хозяйственной мобилизации привели к громадному разрастанию фашистского государственного аппарата. Общее число чиновников и служащих возросло в 1939 г. по сравнению с 1933 г. на 869,5 тыс. чел.[41]. Немецкие монополисты имели теперь то «твердое руководство», к которому они стремились, призвав к власти фашистов.

Единственной партией, последовательно выступавшей в защиту демократии, против фашизма, была Коммунистическая партия Германии. КПГ возглавила борьбу прогрессивных сил страны за демократические права и свободы, против политики произвола и войны, вписав славные страницы в летопись германской истории. Эта борьба неизменно встречала горячую поддержку и сочувствие рабочего класса, коммунистических и рабочих партий всех стран, трудящихся всего мира.

Коммунистическая партия Германии еще до прихода фашизма к власти предупреждала немецкий народ, что фашизм приведет к тому, что буржуазия сбросит то демократически-парламентское покрывало, которым она камуфлировала свое господство в стране[42]. После захвата фашистами власти КПГ в жестоких условиях террора и преследований развернула героическую борьбу против кровавого фашистского режима.

Требования демократических прав и свобод являлись основным элементом тактики КПГ в общей антифашистской борьбе, «главным средством мобилизации народных масс на борьбу против фашистской диктатуры»[43]. Выдвижение этих требований создавало возможности для образования широчайшего боевого фронта против фашизма, поскольку фашистским угнетением и бесправием было затронуто большинство народа[44]. Борьба за демократические завоевания неизменно связывалась Коммунистической партией Германии с борьбой за единство действий рабочего класса и всех трудящихся, за создание единого народного фронта, против фашизма и войны. Эта борьба являлась одной из наиболее действенных форм объединения и сплочения вокруг КПГ всех прогрессивных, антифашистских сил страны.

История становления гитлеровского режима в Германии показывает, что уничтожение демократических завоеваний явилось одним из основных звеньев установления кровавой фашистской диктатуры.

Изучение истории становления фашистского режима в Германии, несомненно, актуально в наши дни. Как отмечается в новой Программе КПСС, современный этап общего кризиса капитализма характеризуется рядом особенностей, к числу которых относится «небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов»[45]. И хотя оголтелый германский и итальянский фашизм потерпел крах, фашистский режим еще сохраняется в одних странах, а в ряде других — возрождается в новых формах. Это говорит о том, что необходима бдительность народов, необходима повседневная борьба за демократию, являющаяся составной частью борьбы за социализм, который открывает единственный путь трудящимся к свободе и благосостоянию.

---

[41] «Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944». München. 1949, S. 32.
[42] См. Эрнст Тельман. Избранные статьи и речи. Т. II. М. 1958, стр. 329.
[43] Вильгельм Пик. Избранные произведения. М. 1956, стр. 138—147.
[44] См. там же, стр. 141.
[45] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 26.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОСПЕКТА МНОГОТОМНОЙ «ИСТОРИИ СИБИРИ»

Первая общесибирская научная конференция историков, состоявшаяся весной 1960 г., поставила на повестку дня задачу — подготовить к 50-летию Великого Октября обобщающий коллективный труд по истории Сибири. Необходимость такого издания определяется все возрастающим у нас и в зарубежных странах интересом к настоящему и прошлому Сибири — края неисчерпаемых возможностей, края, роль и значение которого в экономике, науке и культуре нашей страны неуклонно возрастают. Величественные перспективы развития Сибири в период развернутого строительства коммунизма намечены в решениях XXII съезда КПСС. Наряду с удовлетворением законного интереса широкого круга читателей новый фундаментальный труд призван заполнить пробелы в изучении истории Сибири, поднять его на более высокий уровень и, таким образом, способствовать углублению исследований по отечественной истории в целом.

В середине 1961 г. состоялось расширенное заседание Научного совета при Сибирском отделении АН СССР по проблеме «История Сибири и Дальнего Востока», посвященное обсуждению проспекта пятитомной «Истории Сибири и Дальнего Востока». В работе Научного совета приняли участие историки, археологи, этнографы, лингвисты, философы, экономисты, писатели, литературоведы, архивисты, краеведы, библиографы, искусствоведы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, а также ученые Москвы, Ленинграда, Минска, Свердловска, Калинина, занимающиеся историей Сибири.

Задачи издания многотомной «Истории Сибири», своеобразие и трудности подготовки этого труда были раскрыты в выступлениях председателя Научного совета А. П. Окладникова и заместителя академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР В. И. Шункова. Задуманное издание явится беспрецедентным в историографии Сибири. Это будет первый обобщающий труд советских историков, охватывающий историю всей Сибири: территориально от Урала до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до границ с Монголией, Китаем и Кореей; хронологически — с древнейших времен до наших дней.

В то время как по истории отдельных областей и республик, входящих в состав СССР, ныне уже выработан определенный тип изданий, «История Сибири» явится первым опытом обобщающего труда по истории огромного края, сложного по национальному составу своего населения и в то же время представляющего собой во многих отношениях исторически сложившееся единое целое. Отсюда вытекают две основные задачи: проследить историю Сибири в целом, выявив единство и своеобразие развития отдельных ее частей, и определить место этого огромного района в истории всей страны.

Для решения первой задачи необходимо преодолеть сложившуюся традицию рассматривать крупные проблемы истории Сибири под углом зрения отдельных ее краев, областей, национальных республик и отказаться от попыток подходить к истории Сибири как к простой сумме локальных историй. При подготовке обобщающего труда центр тяжести следует перенести на решение крупных проблем и вопросов на материале всей Сибири, гармонично сочетая это с отражением характерных особенностей отдельных ее частей. Выявление общего и особенного должно стать главным и при решении второй задачи — определении места Сибири в историческом развитии всей страны. Особо почетная и ответственная роль принадлежит авторскому коллективу двух

последних томов, в которых должна быть освещена и обобщена практика социалистического и коммунистического строительства в Сибири.

Говоря о характере издания, все выступавшие отмечали, что многотомная «История Сибири» должна быть глубоко научным исследованием, стоящим на уровне передовых достижений советской исторической науки. Предложения превратить «Историю Сибири» в научно-популярное издание встретили возражения со стороны ряда ораторов.

Участники обсуждения подчеркивали, что в предстоящей работе встретятся большие трудности, обусловленные в первую очередь неизученностью или недостаточной разработанностью многих важных вопросов истории Сибири. Поэтому создание многотомника будет означать не только обобщение накопленного материала, но и кропотливую обработку первоисточников. По словам В. И. Шункова, «История Сибири» в процессе ее подготовки должна обильно «обрастать» исследовательскими статьями и монографиями.

В этой связи заслуживает серьезного внимания поддержанное многими ораторами предложение о необходимости параллельно с подготовкой многотомника принять срочные меры к осуществлению в Сибирском отделении АН СССР серийного издания «Материалов по истории Сибири». Здесь можно будет помещать статьи и монографии по актуальным вопросам истории края, источниковедческие и историографические работы. Издание «Материалов по истории Сибири» окажет неоценимую помощь авторскому коллективу многотомника. Не менее важным является вопрос о привлечении новых источников. Чтобы сделать труд ученых более экономным и производительным, следует всемерно усилить публикацию архивных материалов, особенно по истории социалистического и коммунистического строительства в Сибири, а также издание описей, обзоров фондов, информаций об архивных богатствах и т. п.

Для успешного решения задач, стоящих перед авторским коллективом «Истории Сибири», немалое значение имеет выбор типа издания, так как от этого зависят структура и характер изложения материала. Л. П. Потапов (Ленинград) и Н. П. Липатов предложили взять для «Истории Сибири» за основу тип общесоюзных изданий, например, многотомника по истории СССР, что позволит проследить общую линию развития Сибири и отразить особенности истории всех ее частей и народов. Соответственно должен быть решен и вопрос о структуре изложения материала внутри томов. Подавляющее большинство участников дискуссии высказалось за единое систематическое изложение истории Сибири с выделением в особые главы или параграфы вопросов национального и культурного строительства у народов Сибири.

Из общих вопросов издания подвергся обсуждению также принцип изложения историографии, ибо предстоит решить, будет ли всякий раз историографическая часть излагаться в связи с конкретным материалом данной главы, раздела, проблемы или она выделится в самостоятельный раздел. В первом случае можно наглядно проследить историю изучения данного периода, проблемы. Однако при этом не будет общей картины развития сибирской историографии. Большинство останавливавшихся на этом вопросе высказалось за специальный очерк историографии Сибири. Разумеется, это не должно лишать авторов права на историографические экскурсы при изложении конкретного материала.

На пленарных и особенно на секционных заседаниях Научного совета состоялся широкий обмен мнениями по вопросам, связанным с изучением и раскрытием в многотомнике отдельных периодов истории Сибири.

Проспект предусматривает подготовку пяти томов. В первом томе должна быть рассмотрена дорусская история Сибири с древнейших времен, во втором — история Сибири в составе феодальной России, в третьем — Сибирь капиталистическая, в четвертом и пятом — Сибирь советская. Участники обсуждения, одобрив предложенную составителями проспекта периодизацию, высказали немало полезных замечаний и предложений, которые будут учтены при дальнейшей работе над проспектом и соответствующими томами.

Одной из коренных проблем первого тома является выяснение вопросов этногенеза и расселения народов Сибири. В этой связи отдельные ораторы рекомендовали наряду с археологическим материалом шире использовать данные этнографии, топонимики, антропологии, лингвистики, фольклора. Л. П. Потапов, Л. Р. Кызласов,

Ю. Л. Аранчин (Кызыл) отмечали, что авторы «Истории Сибири» должны излагать историю современной территории Сибири, чтобы, с одной стороны, не брать на себя задачу освещения прошлого соседних с нею республик и государств и, с другой — не упускать из виду отдельные этапы в истории тех или иных районов Сибири и населяющих их народов (например, историю Тувы за 1914—1944 гг.).

В прениях отмечалось, что наряду с крупными достижениями имеются серьезные пробелы в изучении истории Сибири XVI — первой половины XIX века. Необходимо исследовать процесс оседания русского населения в различных районах Сибири, особенности сибирского города, характер и развитие рыночных отношений, аграрную историю XVI—XIX вв., экономическую политику русского царизма в Сибири и т. д. Серьезных усилий исследователей потребует и создание истории Сибири капиталистического периода, так как по этой проблеме имеется немало дискуссионных и неизученных вопросов.

Центральное место на заседаниях Научного совета заняло обсуждение вопросов истории Сибири советского периода.

Говоря о гражданской войне в Сибири, М. И. Стишов отметил, что наряду с показом героической деятельности большевистского подполья надо вскрыть ошибки большевиков-сибиряков и недостатки в их работе. Он, а также А. М. Рогачевский (Новосибирск) и С. Я. Пахаев (Горно-Алтайск) указывали на необходимость более полного раскрытия контрреволюционности эсеро-меньшевистского «Сибирского правительства» и его экономической политики.

Много внимания было уделено обсуждению проблем развития народного хозяйства и социальных процессов в Сибири в годы социалистического строительства. Дискутировался, в частности, вопрос об освещении особенностей периода реконструкции народного хозяйства в Сибири. Участники совещания отмечали, что вопросы формирования и развития рабочего класса должны быть отражены в «Истории Сибири» шире, чем это предлагается авторами проспекта. Следует глубже изучить источники формирования рабочего класса, рост трудовой активности и политической сознательности трудящихся масс, зарождение и развитие различных форм социалистического соревнования, рационализаторства и изобретательства. При этом следует как можно больше показать живых людей — строителей социализма. Не менее серьезные задачи стоят перед исследователями истории сельского хозяйства Сибири. Требуется детально изучить большой круг вопросов, связанных с социалистическими преобразованиями в деревне: материально-технические предпосылки коллективизации и положение в сибирской деревне накануне коллективизации, обеспечение деревни кадрами председателей колхозов и механизаторов, ликвидация кулачества как класса и решение проблемы его дальнейшего трудового перевоспитания.

В обсуждении разделов проспекта, посвященных истории культуры, наряду с историками и этнографами приняли активное участие писатель А. Л. Коптелов (Новосибирск), литературоведы Н. Н. Яновский (Новосибирск), А. А. Богданова (Новосибирск), Б. Л. Беляев (Красноярск), искусствовед Е. В. Гиппиус. Они высказали много полезных практических советов и предложений, которые, несомненно, окажут большую помощь при подготовке «Истории Сибири». История культурного развития Сибири, имеющая не только научно-познавательное, но и большое воспитательное значение, должна занять в многотомнике достойное место.

Плодотворным было обсуждение вопросов истории Сибири периода Великой Отечественной войны, прошедшее под знаком борьбы с лакировкой и поверхностным освещением событий. В ходе дискуссии был поставлен также вопрос о необходимости всестороннего анализа изменений в составе рабочего класса и крестьянства Сибири в годы войны.

А. И. Лизина (Барнаул), З. Г. Карпенко и Г. А. Докучаев (Кемерово), А. П. Окладников, А. И. Крушанов (Владивосток) обращали внимание на особую важность глубокого анализа событий 50—60-х годов, которые в проспекте получили пока лишь фрагментарное освещение. Изучить историю освоения целины, строительства крупнейших гидроэлектростанций на востоке страны, новый мощный подъем промышленного производства, рождение и развитие движения за коммунистический труд — значит не только показать сегодняшний день Сибири, но и заглянуть в ее коммунистическое завтра.

Оживленно дебатировался вопрос о принципах формирования авторского коллектива издания. Большинство участников обсуждения высказывалось за привлечение к работе возможно более широкого круга лиц, поскольку очень многие вопросы не изучены и авторскому коллективу зачастую придется заново исследовать первоисточники. М. Г. Левин и В. Л. Соскин (Новосибирск) предложили построить работу так, чтобы руководило ею небольшое число ответственных за крупные разделы авторов, которые широко привлекали бы исследователей, разрабатывающих отдельные проблемы. Работы последних будут либо включаться непосредственно в текст многотомника, либо публиковаться в «Материалах по истории Сибири» и использоваться авторами, ответственными за разделы многотомника. Эта точка зрения получила поддержку других участников обсуждения.

Для рационального использования сил и возможностей историков-сибиреведов очень важно, чтобы их работа была целеустремленной, хорошо скоординированной, чтобы не было дублирования и излишнего многотемья. Подготовку и обсуждение проспекта «Истории Сибири», как отметил А. П. Окладников, можно считать неплохим началом действительной координации. Следующим практическим шагом должно быть объединение историков-сибиреведов вокруг редакций соответствующих томов «Истории Сибири». Спорные вопросы истории Сибири и отдельные главы, разделы, макеты томов «Истории Сибири» предполагается обсуждать на совещаниях, конференциях, научных советах, а также в периодической печати.

Участники обсуждения отмечали, что сектор истории Института экономики Сибирского отделения АН СССР, призванный стать центром подготовки «Истории Сибири», необходимо укрепить кадрами квалифицированных историков и специалистов по другим общественным наукам, а также организовать в его составе библиографическую и публикаторскую группы.

Обсуждение проекта проспекта показало своевременность постановки вопроса о подготовке обобщающего труда по истории Сибири. Коллектив исследователей приступает к созданию «Истории Сибири» с сознанием высокой ответственности за начатое большое и нужное дело.

А. Н. Копылов

Научно-исследовательская работа в высшей школе

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В конце мая 1961 г. в Московском университете состоялась научная конференция по теме «Проблемы историографии и борьба с современными буржуазными историографическими концепциями». На конференции выступили с докладами профессора и преподаватели МГУ, сотрудники Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института истории АН СССР. В ее работе приняли участие также представители различных университетов страны. Предметом обсуждения участников конференции стали три проблемы: во-первых, критика современных буржуазных исторических концепций, во-вторых, отдельные вопросы советской историографии СССР, новой истории и истории древнего мира и, наконец, в-третьих, некоторые вопросы преподавания курса историографии в высших учебных заведениях.

На конференции была подвергнута обстоятельной критике буржуазная историческая литература по отдельным проблемам истории советского общества [1] и дореволю-

[1] С. Ф. Найда. Основные направления буржуазной историографии советского общества; И. М. Краснов. Американская буржуазная историография советского

ционной России, а также по важнейшим вопросам всеобщей истории. Из 28 докладов, прочитанных на пленарных заседаниях и в секциях, этим вопросам было посвящено 18 докладов. В большинстве из них рассматривались работы ведущих буржуазных историков, вышедшие в последние годы. Такой подход, разумеется, нельзя не приветствовать. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что многие докладчики анализировали работы по наиболее важным вопросам истории советского общества (Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война, строительство советского государственного аппарата и др.), особенно часто подвергающимся фальсификации в современной буржуазной историографии.

Анализируя литературу последних лет, участники конференции отмечали, что буржуазные историки по-прежнему уделяют особое внимание истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Так, по подсчетам С. Ф. Найды (МГУ), с 1945 по 1958 г. только в США и Англии было издано свыше 40 больших работ по истории гражданской войны в СССР. При всем многообразии книг буржуазных авторов по истории Октябрьской революции, подчеркнул в своем докладе Г. Н. Голиков, главной их особенностью является отрицание закономерности Октябрьской революции. Многие буржуазные историки сейчас пишут об ошибках Временного правительства, обсуждают просчеты западных союзников, которые не оказали должной помощи Временному правительству. Социально-экономические процессы, характерные для России 1917 г., остаются вне их поля зрения. Такой же подход к освещению причин Октябрьской революции свойствен, как показал В. И. Салов (Институт истории АН СССР), и для западногерманской историографии. Г. фон Римша в своей «Истории России» (Висбаден. 1960 г.) тщится, например, доказать, что причиной Октябрьской революции была первая мировая война [2].

На конференции отмечалось также, что реакционные буржуазные историки, стремясь очернить советское общество, исказить правду о ходе строительства социализма в нашей стране, широко спекулируют на ошибках, допущенных в период культа личности, пытаясь выдать эти ошибки за нечто характерное для развития социалистического общества. При этом реакционная буржуазная историография преднамеренно замалчивает тот факт, что культ личности был решительно осужден Коммунистической партией Советского Союза, а его последствия полностью устранены. В этом отношении заслуживает внимания доклад Ю. С. Кукушкина (МГУ), который на конкретных фактах разоблачил грубое искажение истории советского государственного аппарата в ряде современных буржуазных работ.

В последнее время в США и странах Западной Европы приобрела особенно широкие размеры фальсификация истории второй мировой войны. П. А. Жилин, подвергнув критике основные направления, по которым ведется эта фальсификация, сделал вывод, что благодаря большой работе, проделанной советскими историками, буржуазные авторы вынуждены ныне отказываться от отдельных положений, грубо искажающих действительность. Так, некоторые буржуазные историки стали теперь признавать несостоятельность утверждений о превентивном характере войны со стороны фашистской Германии. Если в первые годы после окончания войны многие авторы на Западе объясняли поражение фашистской Германии личными качествами нацистского фюрера, то теперь все более очевидным становится тот факт, что подобные суждения не выдерживают критики. Все это не означает, однако, что реакционные буржуазные

общества на службе монополистического капитала; Б. И. Марушкин. Американская буржуазная историография истории советского общества (на примере работ историков Гарвардского университета); В. И. Салов. Западногерманская буржуазная историография истории советского общества; Г. Н. Голиков. Критика буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции; Г. В. Шарапов. Критика буржуазной историографии истории союза рабочего класса с крестьянством в первые годы Советской власти; Ю. С. Кукушкин. Против буржуазной фальсификации истории советского государственного аппарата; П. А. Жилин. Критика буржуазной историографии второй мировой войны.

[2] Подобные идеи высказал и другой западногерманский историк, Е. Хёльцле, в докладе «Проблема войны в русской революции 1917 г.» на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме. См. Ю. А. Поляков, Л. В. Черепнин. Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков. «История СССР», 1961, № 1, стр. 27.

историки перестали искажать исторические факты. Они до сих пор продолжают, например, писать о том, что гитлеровские армии были разгромлены в ходе Великой Отечественной войны только благодаря численному превосходству Советской Армии, климатическим условиям и, наконец, американским военным поставкам Советскому Союзу. Эти и подобные им утверждения тесно связаны с планами тех агрессивных империалистических сил, которые стремятся еще сильнее разжечь антикоммунистическую истерию, развязать новую мировую войну.

В докладах получили освещение и тенденции, которые стали выявляться в последние годы в ряде работ буржуазных авторов по истории советского общества. Эти тенденции находят свое выражение в отказе некоторых буржуазных историков от наиболее грубых фальсификаций. Путем полупризнаний и полуправды стремятся они подправить старые исторические концепции, создать видимость объективности и научности своих исследований. Пытаясь преодолеть крайнюю узость и бедность источниковедческой базы своих работ по истории СССР, буржуазные историки все чаще используют некоторые официальные советские документы и публикации, но сопровождают их, как правило, антисоветскими комментариями. Разумеется, мы не можем усмотреть в этом какой-то поворот к объективному освещению истории нашей Родины. Однако буржуазные историки должны теперь считаться с тем, что широкие круги читателей на Западе хотят знать правду о СССР, понять, как советские люди в короткий исторический срок достигли столь поразительных успехов в развитии экономики и культуры своей страны.

На конференции было заслушано несколько докладов, содержавших критический анализ русской буржуазной и зарубежной реакционной историографии по некоторым проблемам истории России [3]. Докладчики показали, что буржуазные историки часто касаются этих вопросов для того, чтобы провести совершенно нелепые, клеветнические аналогии и параллели в истории царской России и Советского Союза.

Значительная часть докладов, прочитанных на конференции, была посвящена важнейшим вопросам буржуазной историографии всеобщей истории [4]. Оживленная дискуссия развернулась по вопросу об оценке позитивистской историографии. Этому были посвящены доклады Е. В. Гутновой (МГУ) «К вопросу об общих идейно-методологических принципах позитивистской историографии второй половины XIX века» и Л. А. Бендриковой (МГУ) «Борьба марксизма с позитивизмом во второй половине XIX века». Обсуждение указанных докладов велось по линии выявления места и роли позитивизма в развитии исторической науки. Выступавшие в прениях по докладу Е. В. Гутновой И. С. Галкин (МГУ), М. А. Алпатов (Институт истории АН СССР), Б. Г. Вебер (Институт истории АН СССР), С. М. Стамм (Саратов) и другие отметили, что докладчик, сделав акцент на некоторых положительных сторонах позитивистской историографии, недостаточно раскрыл ее реакционную сущность.

Часть докладов, обсужденных конференцией, касалась развития советской историографии.

После XX съезда КПСС советские историки все чаще стали обращаться к ленинскому идейному наследию, к изучению взглядов В. И. Ленина по важнейшим проблемам отечественной и всемирной истории. В этом плане большой интерес представлял доклад И. С. Галкина «В. И. Ленин о проблемах новой истории» [5], в котором были охарактеризованы ленинские взгляды по таким вопросам, как история рабочего движения, история международных отношений и т. д. С обзорными докладами по советской

---

[3] В. И. Бовыкин. Фальсификация истории возникновения первой мировой войны в буржуазной историографии; В. А. Федоров. История революционного движения в России в освещении реакционной буржуазной историографии; В. В. Каргалов. Евразийцы — реакционное течение зарубежной историографии и его антисоветская сущность; В. И. Корецкий. Проблема закрепощения крестьян в России в дореволюционной историографии.

[4] А. Г. Бокщанин. Политические тенденции в новой буржуазной литературе по истории Древнего Рима; Н. Н. Пикус. Реакционная политическая тенденциозность в современной буржуазной историографии Древней Греции и периода эллинизма; Л. П. Лаптева. Проблемы гуситского движения в новейшей американской и английской исторической литературе и др.

[5] Основные положения этого доклада опубликованы. См. «Новая и новейшая история», 1961, № 4.

историографии выступили М. Е. Найденов и В. И. Авдиев. М. Е. Найденов (МГУ) сделал попытку рассмотреть некоторые итоги и общие закономерности развития советской исторической науки за последние пять лет[6]. В. И. Авдиев (МГУ) охарактеризовал достижения советской науки в области изучения древнего Востока.

Серьезного внимания заслуживал доклад В. Г. Сафронова (МГУ) об исторических взглядах Р. Ю. Виппера. Дело в том, что существует мнение (и оно было снова высказано на конференции), что если персонификация истории дворянской и буржуазной исторической науки в какой-то степени оправдана тем, что там имелись определенные исторические школы, то в советской историографии различных школ нет, а поэтому следует якобы обращать главное внимание на изучение проблематики исторических исследований, на развитие исторических знаний по отдельным разделам истории. Вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения. Исследователя советской историографии должны интересовать не только научная проблематика и степень изученности отдельных проблем, но и творчество выдающихся историков. Всех советских историков объединяют единая научная методология, марксистско-ленинское мировоззрение. Однако следует показывать особенности творчества наиболее крупных представителей советской исторической науки, их методику исторического исследования, проблематику, которая их интересовала, вклад, сделанный ими в науку. Глубокое и всестороннее изучение наследия наиболее крупных представителей советской исторической школы — это одна из важнейших задач советской историографии[7].

Большой интерес участников конференции вызвали доклады И. С. Галкина «О построении курса историографии нового времени в университетах СССР» и А. М. Сахарова (МГУ) «Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР». Преподавание этой важной дисциплины в университетах играет огромную научную и воспитательную роль. Между тем по курсу историографии до сих пор нет даже стабильной программы, не говоря уже об учебных пособиях[8]. Вышедшие за последние годы книги и курсы лекций по отдельным разделам этого курса не свободны от ряда недостатков. Среди историков нет единого мнения по важнейшим вопросам преподавания историографии. И. С. Галкин и А. М. Сахаров высказали мнение о двух возможных вариантах построения курса: по отдельным проблемам или путем показа развития исторической мысли в той или иной стране в целом. Известно, что проблемное построение историографических работ позволяет осветить этапы и степень разработки того или иного вопроса в исторической науке. Более того: исследование истории разработки отдельных проблем является одним из важных элементов построения истории исторической науки в целом, определения этапов ее развития. Однако для лекционного курса историографии «по-проблемный» порядок изложения вряд ли приемлем. Историю изучения отдельных проблем целесообразно и необходимо давать в специальных курсах.

Университетский курс историографии целесообразно строить в плане истории исторической науки. Содержание такого курса должно показывать процесс развития исторической мысли на фоне общественно-экономического развития данной страны. Именно так и ведется преподавание курса историографии в большинстве университетов. Такой подход дает возможность глубоко и всесторонне, с одной стороны, раскрыть идейно-политическую сущность и методологию различных школ и направлений в исторической науке и, с другой — показать специфические особенности и закономерности ее развития. В ходе обсуждения точка зрения докладчиков на этот вопрос встретила единодушную поддержку.

Не менее важной и сложной проблемой курса историографии является ее периодизация. Должна ли периодизация истории исторической науки совпадать с общеисторической периодизацией? Оба докладчика и большинство выступавших в прениях отве-

---

[6] Основные положения доклада М. Е. Найденова изложены в его статье «Советская историческая наука накануне XXII съезда КПСС». «Вопросы истории», 1961, № 10.

[7] Опыт постановки таких вопросов имеет группа по истории исторической науки Института истории АН СССР, обсудившая недавно доклад Б. Б. Кафенгауза об исторических взглядах Ю. В. Готье.

[8] Учебное пособие «Историография истории СССР» (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) вышло в свет только в конце 1961 года.

тили на этот вопрос отрицательно. Рассмотрение развития исторической науки немыслимо без точного определения условий и общественных потребностей в изучении истории на определенном этапе. Поэтому участники конференции и, в частности, А. М. Сахаров, И. М. Белявская (МГУ), А. Г. Бокщанин (МГУ) и другие подчеркивали, что важнейшей задачей курса историографии является анализ правительственной политики по отношению к исторической науке, состояния научных учреждений, архивов, публикации исторических материалов и исследований, системы подготовки кадров историков и распространения исторических знаний в разных слоях общества.

При обсуждении принципов построения курса историографии, так же как и при обсуждении других проблем, поставленных на конференции, поднимались и вопросы методики историографических исследований. К числу таких вопросов относятся, в частности, определение критериев для периодизации истории исторической науки, степень персонификации курса, особенности построения курса советской историографии и т. п. По-видимому, назрела необходимость специально обсудить вопросы методики историографического исследования.

В целом конференция свидетельствует о значительных сдвигах, достигнутых в изучении истории отечественной и зарубежной исторической науки, в развертывании научной критики современной буржуазной историографии. Несомненную пользу принесло и обсуждение на конференции вопросов преподавания историографии в университетах. Опыт проведения конференции показывает, что такого рода собрания историков должны стать традиционной формой совместного обсуждения сотрудниками научных учреждений и преподавателями высших учебных заведений важнейших вопросов изучения и преподавания истории как науки.

В. П. Наумов

Обзоры и рецензии

«Всемирная история». Том VIII. Под редакцией И. И. Минца (ответственный редактор), В. Г. Трухановского, Н. И. Саморукова, С. И. Якубовской. Изд-во социально-экономической литературы. М. 1961. 643 стр. Цена 4 руб.

«Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма»[1]. Выходом в свет VIII тома «Всемирной истории»[2] редакция этого многотомного научно-популярного издания начинает знакомить читателя с событиями новой эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму, начатого победой Великой Октябрьской социалистической революции.

В результате Октябрьской революции капитализм перестал быть единственной, охватывающей весь мир системой: рядом с капиталистическим миром на одной шестой части Земли возникло и стало развиваться государство рабочих и крестьян, общество, свободное от эксплуатации человека человеком, основанное на принципах великого учения марксизма-ленинизма. Впервые в истории человечества люди стали на путь сознательного, целеустремленного исторического творчества, конечная цель которого — построение коммунистического общества.

В книге четко поставлены основные проблемы всемирной истории периода 1917—1923 годов. Становление, рост, укрепление

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 3.

[2] Авторы тома: Х. Гарсиа, Г. Н. Голиков, А. А. Губер, П. В. Гурович. А. А. Дризулис, А. М. Зорина, А. Е. Иоффе, Г. А. Конюхов, В. Э. Кунина, Л. Н. Кутаков, Л. П. Лавров, Н. М. Лавров, П. А. Лисовский, Н. С. Луцкая, А. Я. Манусевич, А. Ф. Миллер, И. И. Минц, С. А. Могилевский, С. Ф. Молочков, Ю. А. Писарев, Ю. А. Поляков, В. В. Постников, И. И. Потехин, С. П. Сурат, В. Г. Трухановский, В. М. Холодковский, Я. Б. Шмераль, С. И. Якубовская. «Введение» написано редакционной коллегией.

мира социализма с момента победы первой в мире пролетарской революции является главной, определяющей линией исторического развития. Из этого положения и исходят авторы тома в освещении событий, применяя научную периодизацию всемирной истории: изложение материалов тома начинается с истории Великой Октябрьской социалистической революции. Резкое обострение всех внутренних и внешних противоречий империализма, развитие революционного движения рабочего класса в капиталистических странах, мощный подъем национально-освободительной борьбы угнетенных народов показаны в книге как результат могучего воздействия Великого Октября на ход мировой истории.

В 1957 г., к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Институтом истории Академии наук СССР была выпущена книга «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.», содержащая материалы, вошедшие впоследствии переработанными и дополненными в VIII том «Всемирной истории». Советская научная общественность дала положительную оценку книге. Редакционная коллегия и авторский коллектив VIII тома учли критические замечания по этой книге и использовали последние достижения советской и зарубежной марксистской историографии при работе над томом.

Рецензируемый том начинается с характеристики общенационального кризиса в России осенью 1917 года. В сентябре — начале октября в результате хозяйничанья буржуазии страна оказалась на грани национальной катастрофы: остановились из-за недостатка и отсутствия топлива, сырья и материалов сотни заводов и фабрик, сократилось движение на железных дорогах, над всей страной нависла угроза голода. Временное правительство, являясь послушным орудием в руках крупной буржуазии и помещиков, не только ничего не предпринимало для предотвращения дальнейшего развала экономики страны, а, наоборот, всячески попустительствовало воротилам промышленного и финансового мира в их стремлении задушить русскую революцию «костлявой рукой голода». Правящие классы России — буржуазия и помещики,— будучи не в силах управлять страной «по-старому», встали на путь национального предательства, рассчитывая ценой превращения России в колонию иностранного империализма предотвратить надвигавшуюся пролетарскую революцию. На пути осуществления этих планов стоял революционный народ; в книге приводятся яркие факты и данные, показывающие рост рабочего движения, крестьянских выступлений, подъем национально-освободительной борьбы угнетенных народов России осенью 1917 года. «Кризис назрел»— так характеризовал вождь пролетарской революции В. И. Ленин положение, сложившееся в стране. Только социалистическая революция могла спасти Россию от надвигавшейся общенациональной катастрофы, удовлетворить неотложные требования рабочих и трудящегося крестьянства, вывести страну из разрушительной империалистической войны. Партия большевиков, ее вождь В. И. Ленин выдвинули подготовку и проведение вооруженного восстания как неотложную задачу.

Сжато, но четко и убедительно показана подготовка вооруженного восстания в Петрограде и на местах. Читатель явственно ощущает большой революционный накал, величайшую организованность партии большевиков, рабочего класса, проделавших в кратчайшие сроки, после исторического заседания Центрального Комитета партии 10 октября, гигантскую работу по подготовке вооруженного выступления.

На основе документальных материалов, а также воспоминаний участников и очевидцев Великого Октября воссоздана живая картина легендарных событий октябрьского штурма в Петрограде. В разделе о работе II Всероссийского съезда Советов излагается содержание первых декретов Советской власти — о мире и о земле, о создании Советского правительства. Авторы, учтя критические замечания общественности в период подготовки тома, значительно расширили характеристику исторического значения Декрета о мире, подчеркнули, что основные положения декрета наглядно воплотили ленинское учение о длительном мирном сосуществовании двух различных социальных систем, принцип равноправия больших и малых наций.

Триумфальное шествие Советской власти — установление власти Советов на местах — показано на основе использования данных и материалов новейшей литературы, документальных сборников, изданных в связи с сорокалетием Великого Октября. Сравнительно краткий очерк содержит ряд новых фактов и сведений о победе социалистической революции в Прибалтике, Сибири, дает в целом полную и запоминающуюся картину победоносного шествия власти Советов по просторам огромной страны.

Большое место в книге занимает освещение событий первого периода в жизни Советского государства — от Октября до начала гражданской войны и вражеской интервенции летом 1918 года. Показано, что главное в пролетарской революции — ее созидательное, творческое начало: буквально на другой день после победы вооруженного восстания в Петрограде и провозглашения Советской власти началась работа в области государственного, хозяйственного, культурного строительства. Гениальный план строительства основ социалистической экономики, выдвинутый В. И. Лениным в работе «Очередные задачи Советской власти», вооружил партию и советский народ четкой программой практической деятельности на пути построения нового общества. Утверждение социалистического сектора в ведущих отраслях промышленности, установление монополии внешней торговли, создание первых совхозов и колхозов в деревне, начало преобразований в области культуры— как много было сделано трудящимися Советской России за несколько месяцев мирного строительства, прерванного нападением международного империализма и недобитой внутренней контрреволюции! Эта мысль определяет все изложение материала, и большая заслуга коллектива авторов, на наш взгляд, состоит в том, что они сумели выдержать эту линию в главах по истории советского общества.

В годы иностранной интервенции и гражданской войны в труднейших условиях вооруженной борьбы трудящихся молодой Советской республики против объединенных сил многих капиталистических государств и русской контрреволюции, когда по призыву В. И. Ленина все было подчинено интересам фронта и разгрома врагов, ни на один день не прекращалась работа в области социалистического строительства. Принятие программы на VIII съезде Коммунистической партии в 1919 г., определившей основные задачи в строительстве социализма и наметившей пути их решения, разработка плана электрификации страны, наконец, проведение первых коммунистических субботников — ярчайшие события трудных лет борьбы советского народа, завершившейся полным разгромом интервентов и белогвардейцев.

В освещении военных событий этого периода, деятельности Советского правительства, лично В. И. Ленина, возглавившего всю работу по организации обороны Республики, успешно преодолены трудности, связанные с тем, что нужно было в сравнительно коротком очерке изложить события, получившие глубокую научную разработку в ряде новых исторических трудов, в первую очередь капитальной, пятитомной «Истории гражданской войны в СССР». Не дублируя и не пересказывая последние, рецензируемый том содержит богатый материал по истории гражданской войны, раскрывающий роль Коммунистической партии в организации разгрома врага. Особое внимание уделено военной деятельности В. И. Ленина, сведения о которой существенно расширились после опубликования ряда новых документов.

Полное поражение всех антисоветских сил и победы, одержанные героической Красной Армией, дали возможность Советской стране возобновить мирный созидательный труд и приступить к решению неотложных задач по восстановлению народного хозяйства и выполнению ленинской программы социалистического строительства. Советское государство, отстоявшее свое право на существование в жестокой борьбе с силами мировой буржуазии, последовательно отстаивало принципы мирного сосуществования.

На основе критических пожеланий существенно расширен материал о внешней политике Советского государства в 1921—1923 годах. Более полно дан анализ взаимоотношений с капиталистическими государствами в этот период, охарактеризованы события, связанные с «ультиматумом Керзона». Вместе со специальной главой о международных конференциях в Генуе, Гааге, Москве и Лозанне это дает довольно полную картину внешнеполитической истории Советской республики указанных лет.

После окончания гражданской войны и иностранной интервенции трудящиеся Советской России встретились с огромными трудностями: экономическая разруха, обострение классовой борьбы, непрекращавшиеся наскоки со стороны империалистических держав. В этих условиях особенно важное значение приобрело решение X съезда партии о переходе к новой экономической политике. Обстоятельная характеристика мероприятий Советского государства сочетается с показом первых успехов в осуществлении нэпа, имевших огромное политическое значение.

Большое внимание в томе уделено характеристике ленинского плана построения социализма, основные положения которого были изложены В. И. Лениным в ряде его

последних работ. Индустриализация страны, кооперирование сельского хозяйства, осуществление грандиозной культурной революции на основе всемерного укрепления диктатуры пролетариата — таковы главные задачи строительства социалистического общества в Советской стране, указанные В. И. Лениным.

Завершающим итогом первого пятилетия в истории Советского государства явилось образование Союза Советских Социалистических Республик на I Всесоюзном съезде Советов в декабре 1922 года. Заслуга создания равноправного союза суверенных республик принадлежала В. И. Ленину, показавшему его огромные преимущества по сравнению с другими планами объединения советских республик. Образованию СССР и принятию в январе 1924 г. Конституции Союза ССР предшествовала большая и сложная работа Коммунистической партии и Советского правительства по национальному размежеванию и созданию национальной государственности многочисленных народов страны; интересный и содержательный материал об этом читатель найдет во всех главах по истории советского общества.

Более скупо дается освещение вопросов экономического развития в 1922—1923 гг.: показаны значительные трудности и борьба за их преодоление, но почти ничего не сказано о первых серьезных достижениях в восстановлении промышленности, осуществлении плана электрификации, об успехах и росте сельскохозяйственного производства.

Проблемы культурного строительства также не нашли своего места в томе: рассмотрены лишь некоторые вопросы борьбы против чуждой идеологии сменовеховства, пролеткультовцев и др. Видимо, здесь сказалась недостаточная разработанность истории культурной революции в советской исторической науке.

Пройдя большой и трудный путь — путь борьбы с многочисленными врагами, внутренними и внешними,— преодолев огромные трудности, испытывая лишения, трудящиеся первого в мире социалистического государства под руководством испытанной партии большевиков, гениального стратега пролетарской революции В. И. Ленина совершили Октябрьскую революцию и первыми проложили человечеству дорогу к социализму и коммунизму — таков главный итог, основной вывод, который выносит читатель VIII тома «Всемирной истории».

★

Изложение истории зарубежных стран на первом этапе общего кризиса капитализма подчинено задаче — раскрыть революционную тенденцию в развитии всемирно-исторического процесса. Убедительно показано, как трудящиеся капиталистических государств, дорогой ценой заплатившие за империалистическую политику правящих кругов своих стран, под влиянием событий в России и идей Октября начали подниматься на борьбу за свержение господства империализма. На многочисленных фактах раскрыты внутренние причины подъема революционного движения в странах Европы и Америки (усиление эксплуатации трудящихся, снижение жизненного уровня в годы войны, усталость от войны и т. п.) и глубокое воздействие идей социалистической революции.

Читатель убеждается в том, что социально-экономическое развитие капиталистических стран определило в них созревание предпосылок социалистической революции, однако соотношение классовых сил, степень подготовленности пролетариата к революции и ряд других факторов породили существенные различия в развитии революционного процесса отдельных стран.

В крупнейшей капиталистической стране европейского континента — Германии — революционная ситуация переросла в ноябре 1918 г. в революцию, главное место в которой заняла борьба рабочего класса. Материал главы IV убедительно подтверждает вывод, что Ноябрьская революция в Германии задержалась на буржуазно-демократическом этапе прежде всего в результате «слабости немецкого рабочего класса, его политической неопытности, отсутствия единства... неумения повести за собой широкие народные массы» (стр. 137).

Отметим попутно, что в свое время в книге «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» вопрос о Ноябрьской революции в Германии не получил правильного освещения. Эта революция рассматривалась как пролетарская революция, потерпевшая поражение. В VIII томе «Всемирной истории» учтены последние достижения советской и немецкой марксистской историографии, сделавшей значительный шаг вперед в изучении Ноябрьской революции в Германии и внесшей полную ясность в вопрос о ее характере.

Образование на развалинах империй Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых на-

циональных государств в Европе — Финляндии, Чехословакии, Польши, государства сербов, хорватов и словенцев — показано как итог многолетней борьбы народов за свое освобождение, достигшей наивысшего уровня под воздействием Великого Октября. Революционный подъем в этих странах был составной частью революционного движения в странах Европы, однако борьба народных масс, добивавшихся не только национального, но и социального освобождения, не увенчалась успехом. Только в Венгрии и Словакии на короткий срок победила пролетарская революция, в других же странах революция остановилась на этапе буржуазных и буржуазно-демократических преобразований. Как отмечается в рецензируемой книге, немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что буржуазия и оппортунистические партии умело использовали популярные лозунги национального освобождения для борьбы против развивающегося революционного движения, убеждая народные массы в том, что создание национальных государств разрешит якобы все вопросы, что борьба против «своей» буржуазии может поставить под удар независимость страны. Однако давление со стороны народных масс, и в первую очередь пролетариата, привело к тому, что буржуазия была вынуждена пойти на ряд уступок трудящимся: ввести буржуазно-демократические свободы, провести ограниченные аграрные реформы и т. п.

Иной характер приняло революционное движение в четырех империалистических странах: Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки и Японии,—извлекших наибольшие выгоды из мировой войны 1914—1918 гг., а также в Испании и Италии. Ухудшение положения трудящихся масс, рост безработицы и, с другой стороны, известия о достижениях первого в мире Советского государства вели к росту боевой активности пролетариата этих стран. Трудящиеся Англии, Франции, США, Японии не только боролись за свои классовые интересы, но и выступали против антисоветской интервенции, осуществлявшейся правящими кругами этих стран. Большой материал, приводимый в книге, показывает, что рабочий класс империалистических держав своим решительным вмешательством в вопросы внешней политики, действиями в защиту Советской республики оказал существенную помощь трудящимся нашей страны.

Удачно сгруппировав в одну главу историю Италии и Испании 1918—1923 гг., авторы VIII тома «Всемирной истории» сумели показать, как в этих странах, во многом сходных по своей социально-экономической характеристике, революционный кризис достиг такой степени, что правящие круги вынуждены были прибегнуть к террористическим методам подавления народного движения и установить в Италии фашистскую, а в Испании — военную диктатуру.

Усиление революционной и национально-освободительной борьбы в странах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Перу, Кубе и Мексике) показано как результат развития внутренних классовых противоречий и влияния Великого Октября.

Красной нитью через все главы VIII тома проходит рассказ о возникновении и деятельности коммунистических партий, вокруг которых группировался авангард рабочего класса. Ярко показаны первые шаги коммунистического движения в капиталистических странах, величайшие трудности, которые приходилось преодолевать молодым компартиям, многочисленные жертвы, которые они несли под ударами реакции. Коммунисты показаны как последовательные борцы за интересы трудящихся, руководители классовой борьбы пролетариата.

Удачно найдено место для главы, посвященной образованию Коммунистического Интернационала. Помещенная вслед за главами о Ноябрьской революции в Германии, о Венгерской Советской республике и распаде Австро-Венгрии, глава тесно увязывает рассказ о создании Коминтерна и его роли как центра мирового коммунистического движения с изложением главных событий революционного подъема 1918—1919 годов. Материалы последующих глав, в которых рассказывается о революционных событиях в США, странах Европы, Азии, Латинской Америки, опираются на уже известные читателям сведения об образовании руководящего центра международного коммунистического движения и его деятельности в 1919—1920 годах. В свою очередь, в главе XVII подводятся итоги революционного движения в капиталистических странах за 1918—1923 гг. как периода поисков новых путей и наиболее эффективных методов борьбы за диктатуру пролетариата.

★

Историки-марксисты, как известно, рассматривают всемирную историю человечест-

ва как историю всех народов. Этот принцип последовательно проводится и в рецензируемом томе. В главе XIV изложено, по необходимости кратко, начало новейшей истории большинства стран Азии и Африки (в том числе и колониальной Тропической Африки).

В соответствии с марксистско-ленинским пониманием единства всемирно-исторического процесса авторы подчеркивают в развитии этих стран черты новой эпохи, в которую вступило человечество после Октября, эпохи перехода от капитализма к социализму. Разумеется, в те годы в порабощенных империалистами странах Азии и Африки этот переход непосредственно не мог еще начаться. Однако общий перелом в мировой истории, происшедший после Великой Октябрьской социалистической революции, проявился и в колониальных и зависимых странах. Победа социалистической революции в России наложила глубокий отпечаток и на развитие этих стран. В книге убедительно показано, как уже тогда в них явственно обозначились тенденции, которые в конечном счете привели или приведут к ликвидации не только колониального угнетения, но и всякой эксплуатации.

В рецензируемом томе характеризуются крупные революционные бои, происходившие в Китае, Корее, Индии, Индонезии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке. Показано, что в новейшей истории стран Азии открылась новая полоса — период освободительных революций, являющихся составной частью мирового революционного процесса, открытого Октябрем. Подъем освободительного движения выражал собой кризис колониальной системы, который явился составной частью общего кризиса мирового капитализма.

Вопрос о причинах бурного подъема антиимпериалистической борьбы угнетенных народов вызывает интерес широких общественных кругов во всем мире. Известно, что многие буржуазные историки, касаясь этого вопроса, все еще отдают дань обветшалой клевете о «руке Москвы», об «экспорте революции» из Советской России. Эта антинаучная концепция отражает стремление империалистической реакции убедить народные массы в том, что революционный процесс преобразования человеческого общества, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, является вовсе не закономерным результатом исторического развития, а следствием будто бы пресловутых происков «международного коммунизма».

В VIII томе «Всемирной истории» дано научное объяснение того, почему с началом новейшей истории Азия и Африка вступили в эпоху национально-освободительных революций. Широкий размах освободительного движения в колониальных и зависимых странах был объективно обусловлен самим ходом истории.

В конце XIX и в первые десятилетия XX в. в экономике некоторых стран Азии и Северной Африки в той или иной степени получили развитие капиталистические элементы, возник капиталистический уклад. И хотя экономика этих стран, подчеркивают авторы главы XIV, по-прежнему носила колониальный характер, национальный капитализм, хотя и очень медленно, но неуклонно развивался в этих странах, приводя к глубоким социальным изменениям. Национальная буржуазия, окрепнув в некоторой степени экономически, проявляла большую настойчивость в стремлении освободиться от колониальных пут, мешавших ее развитию. Активизировалась прогрессивная интеллигенция. Громадное значение имел рост рабочего класса. Подвергаясь тройному гнету: империализма, феодализма и отечественной буржуазии,— пролетариат решительно поднимался на борьбу против своих угнетателей. Таким образом, почва для подъема освободительного движения на новую ступень была подготовлена всем ходом экономического и политического развития колониальных и зависимых стран.

Авторы VIII тома «Всемирной истории» показывают, что к концу первой мировой войны в колониальных и зависимых странах резко обострились все основные общественные противоречия: между угнетенными нациями и империализмом, между широкими массами народа и феодально-компрадорской реакцией. Уже только по этим причинам подъем освободительного движения становился неизбежностью. Но вызревание революционного подъема в колониях и зависимых странах происходило в качественно новых условиях общего кризиса мирового капитализма. В рецензируемом томе показано, какое глубокое воздействие оказала победа социалистической революции в России на колониальный мир.

Определяя развитие стран Азии и Африки в новейшее время как единый процесс развертывания национально-освободительной борьбы, авторы отнюдь не сбиваются на схематическую характеристику этого процесса. На страницах книги перед читателем

предстает конкретно-историческая картина революционного движения в разных странах с присущими им особенностями внутренних и международных условий. Справедливо подчеркивается, что они не представляли собой нечто единое по уровню экономического и политического развития. В одних странах, например в Индии, Китае, капиталистический уклад вполне сформировался, хотя и не стал господствующим способом производства. В других появились лишь более или менее значительные элементы капитализма. А в третьих, особенно в Африке, первые ростки капитализма еще только возникали. Соответственно и формирование пролетариата шло неодинаково; имелись различия в процессе формирования буржуазии и интеллигенции; наблюдались особенности в отношениях между национальностями и между различными религиозными общинами внутри отдельных стран; наконец, разнообразными были и формы колониального господства. Поэтому и уровень освободительного движения, степень сплоченности и организованности прогрессивных сил тоже были различными.

В некоторых странах, где капитализм не получил сколько-нибудь заметного развития (Афганистан, Марокко), в борьбе против империалистического господства участвовали и даже возглавляли ее группировки феодалов, вожди племен.

В Индии, Турции, Египте и ряде других стран руководство национально-освободительным движением находилось в руках буржуазии. В рецензируемом томе показана двойственность ее позиции: она стремилась избавиться от засилья иностранных монополий и в то же время страшилась растущей революционной активности народных масс. Поэтому, возглавляя освободительное движение, национальная буржуазия хотела ограничить его масштабы и глубину, держать народное движение в узде, проявляла склонность к соглашательству и наносила тем самым урон движению.

Выход в некоторых странах рабочего класса на арену политической борьбы по-новому поставил вопрос о гегемонии в национально-освободительном движении. В Китае, Индии, Индонезии молодой рабочий класс не только добивался непосредственного улучшения своего экономического положения, но и активно участвовал в борьбе за национальную независимость. При относительной слабости буржуазии колониальных и зависимых стран роль пролетариата как последовательного борца за национальные интересы быстро возрастала.

Рассматривая новейшую историю человечества как эпоху перехода к социализму, авторы рецензируемого тома подчеркивают, что ход «всемирно-исторического развития после Великой Октябрьской социалистической революции создал для колониальных и зависимых стран объективную возможность движения к социализму, минуя стадию капитализма» (стр. 407). В. И. Ленин уже на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. научно обосновал эти новые перспективы общественного развития, возникшие в связи с общим кризисом мирового капитализма. Ослабление империалистической системы, поддержка Советского социалистического государства, выход рабочего класса на арену политической борьбы и превращение его в перспективе в гегемона национально-освободительной революции открывали объективную возможность углубления освободительного движения. Искоренение феодального и колониального гнета расчищало почву и для развития по пути социализма. Внимание читателя с полным основанием приковывается к этому гениальному ленинскому положению.

Еще при жизни В. И. Ленина перспектива некапиталистического развития начала практически воплощаться в одной из самых отсталых в то время в социально-экономическом отношении стран — Монголии. С рассказа о народной революции в Монголии и начинается в рецензируемом томе конкретно-историческое изложение национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки. Такой порядок, впервые встречающийся в общих обзорах начального этапа новейшей истории стран Азии и Африки, представляется нам принципиально правильным. Народная революция в Монголии явилась исторически первым подтверждением того, что Октябрь открыл колониальным и зависимым странам дорогу для быстрого развития по пути социального прогресса, в конечном счете к социализму. С исторической вышки шестидесятых годов нашего столетия еще более отчетливо видно великое значение ленинского учения о некапиталистическом развитии стран, освободившихся от империалистического гнета. В Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, указывается, что при нынешнем соотношении сил на мировой арене и реальной возможности могучей поддержки мировой социалистической системы народы бывших колоний и полуколоний могут избрать

именно такой путь развития. В рецензируемом томе правомерно показано, что тенденции развития в этом направлении возникли уже в начальный период новейшей истории.

★

Коллективом авторов и редакционной коллегией VIII тома «Всемирной истории» выполнена большая и плодотворная работа по созданию книги, освещающей с научной достоверностью и в популярной форме события 1917—1923 годов. Можно пожелать, чтобы в последующих работах по этому периоду были учтены не только положительные стороны рецензируемой работы, но и устранены некоторые недостатки, имеющиеся в изложении ряда вопросов.

В книге отсутствует ряд важных и необходимых положений. Совершенно обойден вопрос о первых шагах Коммунистической партии и Советского правительства в области развития науки: даже не упоминается знаменитый ленинский «Набросок плана научно-технических работ», не говорится о разработке в годы гражданской войны, по инициативе В. И. Ленина, единого плана научно-технических работ в стране (см. стр. 292). Не раскрыто содержание работы В. И. Ленина «О кооперации»: известно, что В. И. Ленин придавал огромное значение последовательности в осуществлении кооперирования крестьянства, указывая, что сначала необходимо показать крестьянам преимущества кооперирования на примере снабженческо-сбытовой кооперации, а затем перейти к производственному кооперированию. Не подчеркнуто положение о том, что именно производственное кооперирование и явилось столбовой дорогой перехода советской деревни на путь социализма (стр. 552).

Вызывает недоумение отсутствие в томе освещения вопросов культуры. Если в главе IX имеется небольшой раздел о культурном строительстве в Советской России в годы гражданской войны и иностранной интервенции, то в последующих главах по истории советского общества и в главах по истории зарубежных стран материал о культуре полностью отсутствует. Это непонятно еще и потому, что в предшествовавших томах вопросам культуры было уделено большое внимание.

Отдельные положения и некоторые выводы чрезмерно кратки и недостаточно разъяснены. Так, слишком сжато дана характеристика причин победы Октябрьской революции: не отмечено даже значение борьбы угнетенных народов России против политики буржуазии. К обстоятельной характеристике нэпа следовало добавить важное положение о том, что новая экономическая политика была рассчитана на длительный срок сосуществования и соревнования социализма с капитализмом в экономике, а ее результатом, подтвердившим правильность этой политики, явилась полная ликвидация капиталистического уклада и построение социализма (стр. 379).

Или возьмем такой вопрос, как роль и значение Советов в ряде европейских стран в период революционного подъема. Внимание читателя акцентируется на том, что руководство в Советах принадлежало оппортунистам, которые стремились отвлечь рабочих от борьбы за власть. Но ведь этим не исчерпывается роль Советов. А почему же так боялись Советов буржуазия и ее агентура, почему они вели такую ожесточенную борьбу против Советов? Ни в одной из глав VIII тома об этом ясно не говорится. А ведь в Германии в первые дни революции позиции правительства Эберта были очень слабы. В. И. Ленин указывал, что вопрос тогда в Германии стоял так: власть Советов или буржуазное национальное собрание, пролетарская или буржуазная демократия? [3]. Правда, авторы главы IV указывают, что первоначально Советы были органами революции (стр. 123), но в дальнейшем, отметив, что оппортунисты захватили большинство в Советах, о революционной роли последних они больше ничего не говорят. С этим нельзя согласиться. Самый факт существования Советов представлял серьезную опасность для капиталистического строя. Их революционной инициативы панически боялась буржуазия и с помощью своей агентуры в рабочем движении стремилась их ликвидировать. О том, что Советы представляли огромную опасность для правящих классов, свидетельствовало создание Баварской Советской республики.

Этот недостаток — слабое раскрытие роли Советов как революционных органов пролетариата — свойствен и другим главам VIII тома. Что дает, например, такая характеристика Советов в Венгрии: Советы «были неоднородны по составу, и в них шла борьба между реформистами и революционными элементами» (стр. 158)? Односторонне характеризуются Советы в Польше (стр. 212). Очень слабо показана рево-

---

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 409.

люционная роль Совета Домбровского бассейна, который не только в течение некоторого времени осуществлял фактическую власть на территории этого крупного промышленного района Польши, но и создал вооруженную силу — Красную гвардию Домбровского бассейна. Только вскользь, мимоходом говорится о Советской республике в Словакии, а ведь это одна из самых ярких страниц в истории революционного подъема трудящихся масс Чехословакии.

Думается, что оппортунистическая тенденция в мировом рабочем движении, весьма сильная в рассматриваемый период, не нашла полного отражения на страницах рецензируемой книги. Довольно подробно раскрывая роль оппортунистов и центристов в истории той или иной страны, авторский коллектив в то же время ограничился весьма беглым, подчас чисто декларативным рассказом о деятельности II и II ½ Интернационалов. Какова тактика этих организаций, их программа, лозунги, с которыми они обращались к пролетариату? Все эти вопросы почти не нашли освещения на страницах VIII тома «Всемирной истории».

Авторы обращают внимание только на одну сторону — на социальную демагогию, широко использовавшуюся оппортунистами и центристами. Но только ли умелой социальной демагогией объяснялось то, что социал-демократии удалось сохранить свое влияние на большую часть рабочего класса капиталистических стран? Позиции социал-демократии в профсоюзах, опора на рабочую аристократию в ряде стран, парламентские иллюзии рабочего класса, его политическая неопытность, наконец, «левые» ошибки молодых компартий, их организационная и идейная слабость — вот основные причины сохранения социал-демократией довольно значительных позиций в международном рабочем движении.

В рецензируемом томе показано, что национально-освободительная борьба в Азии и Африке развивалась неравномерно, глубина, размах революционного движения были в разных странах неодинаковыми. Однако причины этой неравномерности освещены лишь в самой общей форме. Так, читатель не получает достаточно глубокого ответа на естественно возникающий у него вопрос: почему при сходном уровне социально-экономического развития Индии и Китая степень организованности и сплоченности прогрессивных сил в этих крупнейших азиатских странах была уже в то время столь различной?

Правда, характеризуя причины того, почему в Индии национально-освободительное движение возглавила национальная буржуазия, а не пролетариат, авторы верно указывают на ряд факторов, препятствовавших развитию революционного движения: слабость и неорганизованность рабочего класса, политическая раздробленность страны, многонациональный состав населения, наличие каст и других пережитков средневековья (стр. 433—434). Но следовало сильнее подчеркнуть, что буржуазия в Индии в сравнении с другими странами Азии в то время была относительно более развита как экономически, так и политически. Уже накануне первой мировой войны там возникли первые индийские монополии. Буржуазия располагала сложившейся политической партией. В рабочем движении под воздействием английских правых лейбористов получили известное распространение тред-юнионистские идеи.

В Китае же национальная буржуазия была очень слаба. Ее партия — гоминьдан — до соглашения с компартией была аморфной и политически и организационно. Революция 1911 г., которой руководила буржуазия, хотя и свергла монархический режим, не решила основных антиимпериалистических и антифеодальных задач. Передовых борцов за национальную независимость, разочарованных этим, уже не удовлетворяла буржуазная программа. Они жадно искали новых путей, которые и были указаны Октябрьской революцией. Следовало бы также с большей определенностью указать на некоторые особенности условий развития рабочего движения в Китае: высокая степень концентрации пролетариата в небольшом числе крупных промышленных центров, незначительность влияния реформизма, отсутствие раскола в рабочем движении и др.

Следует отметить, что многие недостатки рецензируемой книги обусловливаются, видимо, тем, что ряд важных ее разделов («Великая Октябрьская социалистическая революция — начало новой эры в истории человечества», «Международное рабочее движение в 1921—1923 гг.» и др.) подверглись по сравнению с книгой «Советская Россия и капиталистический мир» чрезмерному сокращению. К тому же VIII том «Всемирной истории» по объему уступает предшествующим томам.

Одним из существенных недостатков изложения ряда глав является декларативность в оценке и показе международного

значения важнейших событий периода. Не пояснено и не раскрыто ленинское положение о значении основных черт и закономерностей Октябрьской революции для международного рабочего движения и всего последующего хода исторического развития современного общества. Авторы ограничились общей фразой и в оценке международного значения нэпа. Следовало бы указать, что осуществление мероприятий, получивших в нашей стране название новой экономической политики, закономерно — с учетом исторических и местных особенностей — для всех стран, вступающих на путь социализма, что уже блестяще подтвердил опыт Чехословакии, Болгарии и других государств мировой системы социализма.

Некоторые положения и формулировки вообще не разъясняются в тексте. Так, на стр. 38 упоминается об уравнительном землепользовании, но сущность его не пояснена; более подробное освещение этого вопроса в следующей главе не снимает с авторов обязанности сделать такое пояснение уже при первом упоминании этого положения. Ни одного слова не сказано в разъяснение значения ленинского декрета о ликвидации неграмотности (стр. 292).

Не вполне четко определяется в книге начало процесса распространения коммунистической идеологии в Китае. Читая параграф «Образование Коммунистической партии Китая», можно сделать вывод, что идеи ленинизма стали распространяться в Китае лишь после «движения 4 мая» 1919 года. Верно, конечно, что значительное развитие процесс получил лишь после этого движения. Но, как известно, его начало относится еще к 1918 году. В рецензируемой книге помещен снимок обложки журнала «Новая молодежь», в котором в 1918 г. была опубликована статья Ли Да-чжао. Но читателю предоставляется самому догадываться о том, что публикация этой статьи и свидетельствовала о проникновении марксизма в Китай.

Имеют место повторения одних и тех же фактов, цифровых данных.

Нельзя не пожалеть, что авторы и редакция VIII тома полностью отказались от тех небольших историографических заметок, которые делались в предшествующих томах «Всемирной истории». Нам представляется, что разоблачение буржуазных и социал-демократических фальсификаций истории Великой Октябрьской социалистической революции и революционного подъема 1917 — 1923 гг., разоблачение клеветы ревизионистов на мировое коммунистическое движение повысило бы идейно-теоретический уровень книги, тем более что авторы могли опираться на ряд работ советских ученых по историографии этого периода. В томе недостаточно использованы результаты исследований советских историков о первых шагах марксизма-ленинизма в Китае, о борьбе между социалистической и буржуазной идеологиями и некоторых других вопросах [4].

Выход в свет VIII тома «Всемирной истории» — большое событие в советской исторической науке. В результате появления ряда обобщающих работ по новейшей истории стало возможным создание рецензируемого труда, охватывающего все направления современнного общественного развития.

Л. А. Березный,
З. В. Степанов,
С. М. Стецкевич

[4] См. «Очерки истории Китая в новейшее время». Глава I. М. 1959.

В. И. СТРЕЛЬСКИЙ. *Основные принципы научной критики источников по истории СССР.* Киев. Изд-во Киевского университета. 1961. 133 стр. Тираж 8 000. Цена 18 коп.

Известно, что научный уровень исторического исследования во многом зависит от методики работы над документальными источниками, от умения правильно анализировать их и обобщать. К сожалению, обобщение методов научной критики документов, разработка вопросов источниковедения пока еще ведется у нас крайне недостаточно. Это объясняется как сложностью указанной проблематики, так и определенной недооценкой источниковедения, укоренившейся в период культа личности.

В последнее время внимание к вопросам источниковедения заметно возросло. Об этом, в частности, свидетельствует недавно вышедшая из печати книга В. И. Стрельского[1]. В ней излагаются главнейшие принципы научной критики источников по истории феодализма, капитализма и первых лет Советской власти, обобщается опыт изучения и использования документальных материалов в научной деятельности, разрабатываются вопросы классификации источников, их анализа, отбора и синтеза. В книге правильно отмечаются имевшиеся ранее недостатки в исследованиях по истории советского общества, вред схематизма и цитатно-иллюстративного способа, подчеркивается необходимость «уделять больше внимания вопросам методологии истории, разработке теоретических проблем источниковедения, историографии, принципов историзма и партийности в работе над источниками» (стр. 5).

Автор делит источники «по способу передачи явлений прошлого» на пять видов: вещественные, этнографические, лингвистические, устные и письменные (стр. 7). Он дает краткую характеристику каждого из этих видов. При этом основное внимание обращается на письменные источники, изучением которых и занимается главным образом источниковедение.

Чтобы более полно представить границы и зависимость источниковедения от других вспомогательных исторических дисциплин, автор в общих чертах характеризует палеографию, хронологию, метрологию, геральдику, сфрагистику, нумизматику, эпиграфику и дипломатику, на достижения которых опирается источниковедение. Убедительно звучит вывод автора о том, что источниковедение — самая широкая из этих дисциплин и занимает среди них центральное место (стр. 20, 21).

В книге критикуются буржуазные принципы источниковедения, формальные приемы критики источников буржуазными учеными. Партийность в анализе источников, изучение источников во всей совокупности и взаимообусловленности — таковы важнейшие положения марксистско-ленинского источниковедения.

Заслуживают внимания определения автором предмета и задач источниковедения. Предметом изучения источниковедения, пишет он, являются исторические источники, закономерности их возникновения и отражения в них объективной действительности (стр. 6). Задачи же этой дисциплины — методика изучения, анализа и использования источников (стр. 19).

В целом предмет и задачи источниковедения автором определены, на наш взгляд, правильно. Однако в этом определении, к сожалению, не отражено, что источниковедение изучает приемы и методы работы над источниками, обобщает эти приемы и методы, разрабатывает теорию критики источников и вооружает ею исследователей. Но и это, на наш взгляд, не все. В источниковедении следовало бы различать общее источниковедение, которое имеет дело со всеми видами источников всех времен, и конкретное источниковедение, в сфере которого находятся источники конкретного вида, определенного периода, отдельной темы. Общее источниковедение занимается теоретическими обобщениями, в том числе классификацией источников, изучением закономерностей возникновения документов, общими приемами и методами их анализа и критики. В задачу конкретного источниковедения входят практические наблюдения над отдельными источниками или их группами, датировка этих источников, установление их авторства и т. д. Конкретное источниковедение находится в тесной связи с общим источниковедением и является как бы базой для развития последнего.

Деление автором источников на пять ви-

---

[1] В 1958 г. В. И. Стрельским была издана книга «Источниковедение истории СССР. Период империализма» (на украинском языке).

дов является относительным, хотя и традиционным. Не следует, по нашему мнению, отделять, например, вещественные источники от этнографических. Те и другие в массе своей являются вещественными памятниками, и поэтому их лучше было бы рассматривать как один тип исторических источников, с соответствующими разновидностями. Мало оправдано выделение лингвистических источников, так как данные истории языка содержатся во многих видах источников: вещественных, письменных и др. Важно было бы также учесть такие виды источников, как кино-фото-фонодокументы и географические карты, которым в наше время отводится заметная роль в исторических исследованиях.

Вызывает интерес наблюдение автора по поводу некоторых отличительных черт исторических источников нового времени, а именно об особенностях графики (почерков), развитии механических способов воспроизведения, особенно машинописи, применении телеграфа, стенографии и т. п. (стр. 35). Эти наблюдения являются новыми для советского источниковедения.

В книге дана классификация исторических источников. Документы периода империализма делятся В. И. Стрельским на две группы: 1) документы и материалы, исходящие от организаций и лиц, выражающих прогрессивные тенденции общественного развития, особенно исходящие из среды пролетариата, его революционной партии, объективно, правильно отражающие события, и 2) документы и материалы идеологов и учреждений реакционных, гибнущих классов, политических и идейных противников пролетариата и его партии, трактующие события и факты с позиций буржуазной идеологии (стр. 40). Такое деление вполне оправдано, оно могло бы быть распространено и на документы новейшего времени.

Далее автор делит документы в зависимости от их происхождения. Этот принцип классификации документов принят в советском источниковедении. Но автор не раскрывает его с достаточной полнотой, ограничиваясь различением служебных (официальных) и личных (фамильных) документов, что, скорее, является формальным принципом классификации. То же следует сказать о делении письменных источников на актовый материал, то есть акты правительственных учреждений и частных лиц, и повествовательные, литературные памятники. Подобное деление более целесообразно после того, как проведена классификация источников по их происхождению. Несколько общи рассуждения автора о делении документов в зависимости от техники и способа их воспроизводства, значения, объема, характера и их формы (беловики, черновики, копии) и т. п.

В нашей литературе уже отмечалось, что в советском источниковедении есть две тенденции в классификации исторических источников: по их видам (А. А. Новосельский, В. К. Яцунский) и по содержанию (Л. В. Черепнин и А. А. Зимин). Автор книги, склоняясь больше к первой тенденции, в то же время справедливо отмечает важность и полезность классификации документов по их содержанию. Хочется добавить к этому, что принцип деления документов по содержанию не противоречит принципу деления документов по видам, если будет строго соблюдаться основной принцип классификации документов — принцип происхождения и авторства.

При классификации и систематизации исторических источников нам представляется более предпочтительной общая схема, предложенная кафедрой источниковедения Московского историко-архивного института и уточненная в 1958 г. В. К. Яцунским [2]. В основу этой схемы положено деление документов по видам, с учетом их содержания и происхождения. В пользу именно такой классификации и систематизации документов говорит и опыт преподавания источниковедения в Ленинградском государственном университете [3].

В рецензируемой книге подробно рассмотрены пути и методы выявления письменных источников, их анализа, в том числе методика установления времени и места их возникновения, выявление авторства и обстоятельств их написания. Большое место в книге — и вполне оправданно — отведено критической работе над текстами источников. Этот раздел является обстоятельным и весьма поучительным, особенно в той части, где речь идет об определении исследователем интерполяций, авторских и цензурных исправлений, расшифровке неясных мест текста, тех или иных терминов, обо-

[2] См. В. К. Яцунский. К вопросу о классификации исторических письменных источников в курсе истории народов СССР. «Труды» Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Т. 11, 1958, стр. 133—139.

[3] См. Р. С. Мнухина. О преподавании источниковедения новой истории. «Новая и новейшая история», 1961, № 3.

значений и т. д. К сожалению, здесь нет подробных ссылок на существующие правила издания документов, где вопросам выбора и передачи текста уделено достаточно много внимания [4].

Серьезным достижением В. И. Стрельского является то, что в его книге значительно подробнее, чем в других работах, разобраны приемы и методы изучения классиками марксизма-ленинизма исторических источников. Автор приводит много примеров скрупулезного, тщательного изучения К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным документов прошлого, показывает, как нетерпимы были они к каким-либо искажениям документов. Но работа классиков марксизма-ленинизма над источниками заслуживает специального монографического исследования, что сознает и автор.

Несмотря на сложность избранной темы, автору удалось довольно доступно и полно изложить ее. Этому, в частности, содействует значительное количество приведенных им примеров, часть которых привлечена В. И. Стрельским впервые.

Хотя рассматриваемая книга рассчитана и на учащихся школ и вузов, однако в ней отсутствуют не только четко выделенные разделы, но и оглавление, не говоря уже об указателях. Читателям будет трудно разобраться в содержании книги и тем более быстро отыскать в ней то, что их может больше заинтересовать. В книге, к сожалению, имеются фактические ошибки и грубые опечатки (см. стр. 4, 39, 42, 80 и др.). Много также стилистических погрешностей и неясностей (стр. 9, 17, 42, 64 и др.).

Хотелось бы, чтобы в дальнейшем В. И. Стрельский больше внимания уделил анализу источниковедческих работ советских авторов, особенно 20—30-х годов, и дал критический разбор современных источниковедческих работ.

Автор, заключая книгу, правильно отмечает необходимость дальнейшего и всестороннего развития источниковедения, особенно источниковедения истории советского общества.

Высоко оценивая работу В. И. Стрельского, хочется пожелать продолжения и расширения ее, в частности за счет большего внимания к архивам страны и их документальным богатствам.

В. А. Кондратьев

[4] «Правила издания документов советского периода». М. 1960, стр. 29—38.

А. А. ДРИЗУЛ. *Латвия под игом фашизма.* Латвийское государственное изд-во. Рига. 1960. 385 стр. Тираж 2 000. Цена 84 коп.

Изучение социально-экономической и политической истории Латвии в 1934—1940 гг. имеет большое значение. Именно в эти годы под руководством Коммунистической партии Латвии сложились те силы, которые летом 1940 г. свергли фашистский режим и восстановили Советскую власть в Латвии. Данный период истории латышского народа, как никакой другой, подвергался и подвергается сейчас особенно грубой фальсификации со стороны буржуазных историков США, Англии, ФРГ, а также латышских буржуазных националистов-эмигрантов. Буржуазные фальсификаторы истории пытаются представить социалистическую революцию 1940 г. в Латвии в искаженном виде [1]. Показать подлинный ход событий в Латвии в 1934—1940 гг., разоблачить фальсификаторов истории — одна из важнейших задач, которую поставил перед собой А. А. Дризул в рецензируемой книге.

В советской историографии первые попытки дать общую характеристику истории Латвии периода фашистской диктатуры были сделаны еще до Великой Отечественной войны [2]. Однако исследование

[1] A. Bilmanis. Latvian-Russian Relations. Documents. Washington. 1944: E. Dunsdorfs. Senie stāsti. Melburnā 1955; B. Meissner. Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln. 1956; J. A. Swattenham. The Tragedy of the Baltic States. London. 1952; «Latvju enciklopēdija». Red. A. Svābe. 1—3 sēj. Stokholmā. 1950—1955; B. Kalniņš. Latvijas sociāldemokratijas piecdesmit gadi. Stokholmā. 1956, и др.

[2] И. Г. Ринг. Латвия. Соцэкгиз. 1936; Л. Каннер. Латвия. Л. 1936; М. Жир-

проблемы с широким привлечением архивных данных, периодической печати и статистических материалов началось только в послевоенные годы. В 1949—1951 гг. были опубликованы брошюры Я. П. Крастыня и А. А. Дризула на эту тему [3].

Общая характеристика истории Латвии тех лет содержится в написанной А. Дризулом VIII главе третьего тома «Истории Латвийской ССР», изданного Институтом истории АН Латвийской ССР в 1958 году. Экономическое развитие буржуазной Латвии исследуется в докторской диссертации А. Лейта и в его монографии [4]. Подверглись специальному рассмотрению и некоторые другие вопросы темы, в частности революционное движение в отдельных областях и городах Латвии [5]. Однако в перечисленных работах события 1934—1940 гг. освещены далеко не полно.

Монография А. А. Дризула является первым обобщенным исследованием периода фашистской диктатуры в Латвии. Написана она на основе документов и материалов, извлеченных из Центрального государственного архива ЛССР, партархива ЦК КПЛ и других архивов. Значительная часть этих материалов впервые вводится в научный оборот. Несомненное достоинство рецензируемой работы состоит в том, что автор проанализировал подпольную коммунистическую литературу периода 1934—1940 гг.: периодические издания «Циня», «Циняс биедрс», «Шкиру циня», «Вперед» и другие, издания Коммунистического союза молодежи Латвии и органов единого антифашистского фронта—комитетов единства. Для характеристики деятельности Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии автор привлек материалы ее печатных органов. В целях разоблачения фашистской диктатуры использована также буржуазная печать. Библиография работы охватывает также статистические и документальные публикации, труды советских ученых и зарубежных историков.

Автор ведет исследование по трем основным направлениям: экономическое положение и внутренняя политика Латвии, ее внешняя политика и, наконец, революционное движение трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией, против фашизма, за восстановление Советской власти в стране.

В начале книги дается подробный анализ последствий кризиса 1929—1933 гг. для Латвии, показан упадок промышленного производства в стране и раскрыта сущность политики буржуазии, пытавшейся смягчить удары кризиса за счет ограбления трудящихся масс.

Наступление буржуазии на жизненные интересы народа привело к обострению классовой борьбы в стране. Компартия Латвии придала революционному движению целеустремленный, боевой характер. Оппортунистическая политика социал-демократии Латвии переживала кризис. В этих условиях латвийская буржуазия, которая была уже не в силах властвовать старыми методами буржуазного парламентаризма, решила перейти к открытой террористической диктатуре путем создания правительства «сильной руки», которое было бы способно расправиться с революционным движением.

Латвийской буржуазии в установлении в стране фашистской диктатуры всячески содействовали западноевропейские империалисты, рассматривавшие Латвию как важный плацдарм для нападения на Советский Союз. Активную поддержку латышской реакции оказывал германский фашизм. Установление фашизма в Латвии в мае 1934 г., делает вывод автор, свидетельствовало о слабости рабочего класса, который, будучи расколот правыми лидерами социал-демократии, не смог использовать благоприятную обстановку и обеспечить революционный выход из кризиса (стр. 42). Пришедшая к власти в результате переворота фашистская клика Ульманиса старательно копировала своих учителей—главарей германского и итальянского фашизма. Так же, как Гитлер и Муссолини, латвийские

мунский. Латвия. М. 1940; М. Марков. Советская Латвия. М. 1940.

[3] J. Krastiņš. Latvijaā fašistiskās diktatūras laikā (1934—1940). Rigā. 1949; A. Drizulis. Cina par fašistiskās diktatūras gāšanu un Padomju Latvijas nodibināšana 1940 gadā. Rigā. 1951.

[4] A. Leits. Buržuāziskas Latvijas ekonomika un saimnieciskie sakari (1929—1939). Rigā. 1958; А. И. Лейт. Иностранный капитал в Латвии (1919—1939 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Рига. 1956.

[5] И. Пинксис, Г. Фрейберг, В. Леинь. Революционная Лиепая. Рига. 1956; А. Спреслис. Рабочее движение в период буржуазно-националистической диктатуры (1920—1940 гг.). «Исторические записки». Т. 45; Г. и Ф. Фридман. Революционная молодежь Латгалии. Рига. 1959; A. Veinbergs. Proletariāta grimšana nabadzibā buržuāziskajā Latvijā Riga. 1959; J. Šteimanis. Cinā pret kapitālu. Rigā. 1959.

фашисты расправлялись с демократическими силами, с народными массами.

К сожалению, при характеристике внутреннего положения в Латвии после фашистского переворота автор не осветил некоторые важные вопросы. Так, следовало бы шире показать контрреволюционную деятельность части профашистски настроенных прибалтийских немцев. В начале 1939 г. в Латвии под различными названиями функционировало 268 немецких фашистских организаций [6], концентрировавшихся вокруг «Немецко-Балтийского объединения в Латвии» («Deutsche-baltische Volksgemeinschaft in Lettland»). Последнее же, в свою очередь, находилось под непосредственным руководством немецкого посольства в Латвии, которое щедро финансировало эти организации. Так, в 1938 г. немецко-фашистские организации получили 467 тыс. лат, не считая денег, выдававшихся различными немецкими фирмами в самой Латвии [7]. Фашистские молодчики из немецких организаций проводили массовые сборища, где открыто ратовали за присоединение прибалтийских стран к Германии. В церквах немецкие пасторы проповедовали фашистские бредовые расовые идеи.

В книге ничего не говорится о захватнических планах польских фашистов, выступавших за передачу Польше Лиепайского порта. 14 апреля 1939 г. в польской газете «Слово» была помещена передовая статья с заголовком «Польский порт Лиепая». В ней доказывалось, что Латвии этот порт не нужен.

Центральное место в монографии А. А. Дризула занимают вопросы рабочего движения и деятельности Коммунистической партии Латвии, ее руководящих центров и местных организаций в годы фашистской диктатуры. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют те страницы книги, где рассказывается о борьбе коммунистов Латвии за создание народного антифашистского фронта. Эта тактическая задача была поставлена и успешно решена коммунистами Латвии в 1938—1940 годах. Значительно слабее показана автором работа Коммунистической партии среди трудовой интеллигенции, в рядах которой изо дня в день росло недовольство фашистской кликой.

Много места в книге отведено анализу экономического положения Латвии в 1934—1939 годах. Оперируя конкретным материалом, А. А. Дризул показал отсталость латвийской промышленности, имевшей устаревшее оборудование, вскрыл причины роста государственно-монополистического капитализма, значение смешанных акционерных обществ, через которые большие суммы государственных средств использовались для «оздоровления» частных предприятий.

Значительное место в работе уделено проникновению иностранного капитала в Латвию. В 1938 г. иностранный капитал составлял в процентах ко всему акционерному капиталу: в химической промышленности — 68,5, в текстильной — 53,8, в деревообрабатывающей — 60,4, в целлюлозно-бумажной — 57,6. Удельный вес иностранного капитала в финансово-банковском капитале составлял 60%. Иностранные капиталовложения, как указывает автор, были гибким инструментом финансового и политического влияния империалистических держав в Латвии (стр. 52).

В книге всесторонне рассмотрен вопрос о большом значении, которое имело для Латвии советско-латвийское торговое соглашение 1939 г., облегчившее ее исключительно тяжелое экономическое положение.

В главе, посвященной внешней политике фашистской Латвии, особое внимание уделено характеристике исторической роли советско-латвийского договора о взаимопомощи от 5 октября 1939 г., а также политике саботажа правительством Ульманиса основных статей этого договора. А. А. Дризул раскрывает тайные пружины империалистического заговора, направленного против СССР и имевшего целью использовать Латвию в антисоветских интригах. Он подробно рассматривает вопрос об оформлении военного союза Латвии, Эстонии и Литвы, о попытках создания конфедерации этих государств. Идея создания такой конфедерации в виде «Балтийских Соединенных Штатов» возникла в феврале 1940 г. и поддерживалась западноевропейскими империалистами (стр. 284).

А. А. Дризул разоблачает авантюризм и рабскую зависимость внешней политики фашистской Латвии от крупнейших западноевропейских держав, ее антисоветскую направленность. Приводимый материал опровергает утверждения тех буржуазно-националистических историков Латвии, которые, находясь в эмиграции, продолжают

---

[6] «Cīņā», 17 июня 1960 года.

[7] V. Kanāle. «Fašistiskās diktatūras sabrukums Latvijā». Rigā. 1960, стр. 28.

фальсифицировать исторические факты, разглагольствуя о якобы самостоятельной внешней политике правительства Ульманиса.

Серьезный научный интерес представляет заключительная часть книги, в которой рассказывается о победе социалистической революции в Латвии летом 1940 года. Глубоко проанализировав внутреннее и внешнее положение в стране, автор делает вывод, что свержение 20 июня 1940 г. фашистского режима и образование народно-демократического правительства явилось началом социалистической революции, которая завершилась восстановлением Советской власти мирным путем, без вооруженного восстания (стр. 338). В сложившейся обстановке пролетариат, учитывая выгодное соотношение классовых сил, в борьбе за дальнейшее развитие социалистической революции широко использовал наличие демократического правительства, проведшего широкие демократические преобразования в стране. Великий пример Советского Союза — первого в мире социалистического государства — воодушевлял трудящихся Латвии на борьбу с диктатурой буржуазии. Идея Советской власти, существовавшей в Латвии в 1917—1919 гг., прочно жила в сознании народных масс. Мудрая внешняя политика СССР спасла трудящихся Латвии от империалистической интервенции и сорвала расчеты контрреволюционной буржуазии на развязывание гражданской войны.

Для успеха социалистической революции в Латвии имело значение также и то обстоятельство, что она совершалась в момент уже начавшейся второй мировой войны, в которой были заняты главные капиталистические государства Западной Европы.

Книга А. А. Дризула содержит историографический обзор, в котором рассмотрены труды советских авторов, дана критика ряда зарубежных изданий. Однако автор почему-то подверг анализу не все работы по этой теме. В частности, остались нерассмотренными книги и статьи историков Эстонии [8].

В целом монография А. А. Дризула — творческий успех автора. Она является значительным вкладом в советскую историческую науку.

В. И. Савченко

[8] См. Ю. Егоров. «Балтийская Антанта» — орудие империалистической политики в Прибалтике (1934—1940 гг.). «Ученые записки» Тартуского государственного университета, № 44, 1956; M. Pesti. Rahvuslik reetmine «rshvusluse» sildi all. Tallin 1960.

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА *

Присоединение Туркмении к России является выдающимся событием в истории туркменского народа. С этого времени его исторические судьбы переплелись с судьбами других народов России, вместе с которыми он совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и за годы Советской власти превратил свою родину в цветущую республику Советского Востока.

Несмотря на очевидную актуальность, тема о присоединении Туркмении к России до сих пор не была монографически исследована советскими историками. Книги дореволюционных русских авторов (В. И. Масальский, Н. И. Гродеков, М. И. Венюков, М. А. Терентьев и др.) носят тенденциозный характер. В них восхваляется колониальная политика русского царизма и освещаются главным образом военная и дипломатическая стороны вопроса, в то время как социально-экономическая история туркменского народа в указанный период игнорируется. Английская буржуазная литература по истории Туркмении конца XIX в. не выдерживает научной критики. Основное ее содержание сводится к ревнивому наблюдению за военными действиями России в Средней Азии и к описанию англо-русской дипломатической борьбы за раздел территорий и сфер влияния в этом районе. Многие английские авторы основываются при этом на ложной концепции об «обороне Индии», которой якобы угро-

* М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. Академия наук СССР. Институт востоковедения. Издательство восточной литературы. М. 1960. 239 стр. Тираж 2 000. Цена 1 руб. 5 коп.

жало завоевание со стороны России. Эта точка зрения, широко распространенная за рубежом и до сих пор, была пущена в оборот для маскировки и оправдания агрессивной политики Великобритании на Среднем Востоке: под флагом «обороны Индии» Англия вела колониальные войны и захватывала чужие территории (захват Сеистана, Белуджистана, войны против Афганистана и т. д.).

Весьма немногочисленные научные статьи в советских исторических журналах далеко не раскрывают всей сложности процесса вхождения туркменских племен в состав Российского государства и не дают полного анализа внутренних и внешних причин этого события. Наиболее удачно вопрос о присоединении Туркмении изложен в «Истории Туркменской ССР»[1]. Однако размеры этого обобщающего труда не позволили авторам осветить данную тему с той полнотой, которой она заслуживает.

В связи с этим нельзя переоценить того факта, что за разработку вопроса о присоединении Туркмении к России взялся крупный советский ученый акад. М. Н. Тихомиров, известный своими трудами по истории средневековой Руси. В 1941—1942 гг., находясь в Ашхабаде, он обстоятельно изучил фонды Центрального государственного архива Туркменской ССР и собрал здесь обильный документальный материал, который и послужил основным источником для исследования. Автор привлек также русскую и иностранную историческую литературу и мемуары участников событий.

Содержание труда М. Н. Тихомирова значительно шире, чем заглавие. В нем рассматривается вопрос о присоединении к России не только Мерва, но и других туркменских земель — Ахал-Текинского и Пендинского оазисов, Иолатана и Серахса, иначе говоря, всех туркменских территорий, вошедших в состав России[2].

Исследование открывается сообщением об истории проникновения России на восточные берега Каспийского моря в середине прошлого столетия и о первых русских поселениях и военных экспедициях начала 70-х годов. Автор внимательно прослеживает пути продвижения русского торгового и промышленного капитала в Закаспий, в частности в сферу нефтяных разработок и концессионных предприятий по добыче серы, соли и других полезных ископаемых. Приводимые в книге факты наглядно иллюстрируют известный тезис В. И. Ленина о развитии русского капитализма вширь.

Начиная с первой главы и на всем протяжении книги прослеживается социально-экономическая жизнь отдельных оазисов Туркмении, тогда еще не представлявшей единого хозяйственного организма. Нередко думают и даже пишут, что туркмены того времени вели исключительно кочевой образ жизни. Академик М. Н. Тихомиров устанавливает, что «большинство туркмен перед присоединением к России не были уже кочевниками в собственном смысле слова», «хозяйство туркмен носило смешанный характер. Его определяли скотоводство и земледелие на поливных и богарных (без искусственного орошения) землях» (стр. 29). Сложной была и социальная структура туркменских племен, каждое из которых имело свои особенности. Отсутствие единой власти создавало политическую раздробленность страны. Исследование внутренней жизни племен позволило автору глубже и ярче выяснить причины, побудившие их войти в состав Российского государства.

Не остается вне поля зрения автора также и международное положение Туркмении этого периода. А оно было очень сложным: на туркменские земли претендовали персидские и другие завоеватели, за спиной которых стояла Англия. Она в то время вела агрессивную войну в Афганистане, стремясь превратить его в свою колонию (вторая англо-афганская война 1878—1880 гг.), и одновременно в прессе и по дипломатическим каналам развернула широкую кампанию по поводу «страшной опасности, будто бы угрожающей британским владениям в Индии со стороны России» (стр. 34). М. Н. Тихомиров решительно опровергает тезис английских авторов о том, что военное наступление Англии в Центральной Азии было ответом на продвижение России в Закаспий. «В действительности,— пишет он,— именно вторая англо-афганская война обострила вопрос об Ахал-Текинском и Марыйском оазисах, ускорив развертывание событий в Средней Азии» (стр. 35).

Центральное место в исследовании М. Н. Тихомирова занимает вопрос о присоединении Ахал-Текинского и Мервского оазисов, особенно последнего. Здесь рассмотрен весь комплекс сложных противоречий как

---

[1] «История Туркменской ССР». Т. I. Кн. II. Ашхабад. 1957.

[2] Чарджуйская область находилась в то время в составе Бухарского эмирата.

внутреннего, так и внешнего порядка. Автор внимательно прослеживает борьбу, которая велась среди туркменских племен и между отдельными социальными группами внутри их за и против присоединения к России. При этом он отмечает, что «присоединение к России мыслилось туркменами не как полное подчинение царской администрации, а как своего рода вассальная зависимость с сохранением некоторых прав и обычаев» (стр. 37). Стремление ряда социальных слоев туркменского народа к ликвидации феодальных отношений обусловило их благожелательное отношение к принятию российского подданства, хотя среди народных масс, конечно, существовали опасения в отношении возможного произвола царской администрации. Агитация английских агентов среди туркменских племен, их обещания о посылке войск и военных инструкторов, а также оружия и денег, подкуп ими родоплеменной верхушки провоцировали некоторых старейшин, работорговцев, а иногда и рядовых туркмен на сопротивление и бегство в Персию, где они попадали в бедственное положение, а нередко и в рабство.

На основе неоспоримых документальных данных автор вполне определенно установил мирный характер присоединения туркмен Мервского и ряда других оазисов к Российскому государству. Процесс присоединения не был событием одного дня, а явился результатом начавшихся торговых и хозяйственных связей, дипломатических сношений и переговоров. Этот процесс был сложным и сопровождался колебаниями и даже сопротивлением некоторых реакционных прослоек, в частности духовенства и ханов ряда племен. Решение Мервского генгеша (собрание старейшин и ханов туркменских племен) от 1 января 1884 г. о присоединении к России было лишь завершающим этапом принятия туркменами Мервского оазиса российского подданства. Этому способствовала и международная обстановка — сосредоточение близ границ Туркмении персидских войск, провокации английских агентов, муссировавших слухи о занятии Герата английскими войсками, и т. д. «Присоединение Мары (Мерва) к России,— констатирует М. Н. Тихомиров,— в конечном итоге было для мервских туркмен наилучшим выходом из того тяжелого положения, в каком Мервский оазис находился в течение ряда лет» (стр. 135).

Автор убедительно опровергает выдуманную английскими историками версию о военном захвате долины р. Теджена русскими войсками и разоблачает ложную концепцию британской историографии и ее немецких последователей о стремлении России к завоеванию Индии.

М. Н. Тихомиров не ограничивает исследование темы только вопросами присоединения туркменских земель к России. На протяжении всей монографии, и особенно в последней ее главе, много внимания уделяется колонизаторской политике русского царизма и раскрываются насильственные методы действий царской администрации, опиравшейся на ханов племен. Вместе с тем выясняются и прогрессивные мероприятия, проведенные Россией в Туркмении, в частности запрещение рабства и аламанства. Сразу же после присоединения все пленные и рабы из соседних и других стран были отпущены на свободу. Это имело огромное значение еще и потому, что «Мервский оазис до его присоединения к России был одним из основных рынков рабства в Азии» (стр. 162). После присоединения к России ускорилось хозяйственное и культурное развитие Туркмении. Этому способствовало проведение Закаспийской железной дороги, улучшение ирригационных сооружений и системы водопользования, развитие хлопководства, строительство новых городов и первых промышленных предприятий. Укреплялись дружеские отношения туркмен с русским и другими народами России. Все это оказало большое прогрессивное влияние на дальнейшую историю туркменского народа.

Во введении к своему труду М. Н. Тихомиров указывает, что он «только в случае необходимости рассматривает вопросы международной политики и дипломатических переговоров между заинтересованными странами, так как эти вопросы требуют особого исследования». Тем не менее в его книге дается, хотя и кратко, четкое освещение международных условий, в которых находилась Туркмения того времени. И все же, на наш взгляд, было бы очень желательно в таком капитальном исследовании, каким является труд М. Н. Тихомирова, шире показать острые противоречия и ту сложную борьбу, которая велась между Англией и Россией из-за южных областей Туркменистана и соседних с ним территорий (Герат, Зульфагарский проход и др.). Как известно, Ф. Энгельс еще в 1857 г. указал на стратегическую важность этого района, дал его описание и высказал пред-

положение, что именно эти места будут предметом «серьезного столкновения между Англией и Россией в борьбе за верховенство в Азии...»[3]. Предвидение Ф. Энгельса оправдалось, и открытый конфликт между двумя колониальными державами «из-за дележа добычи в Средней Азии»[4] произошел в долине реки Теджена, к северу от Герата. Борьба приобрела настолько острый характер, что в 1885 г. «Россия,— по выражению В. И. Ленина,— была на волосок от войны с Англией...»[5].

Исследование акад. М. Н. Тихомирова является ценным вкладом в дело изучения истории народов СССР и в особенности истории Советского Туркменистана. Эту книгу с удовольствием прочтут и используют в своей работе не только специалисты-историки, но и широкие круги читателей, тем более что она написана живым и простым языком.

Книга «Присоединение Мерва к России» написана крупным ученым, известным своими работами по Древней Руси. Обращение акад. М. Н. Тихомирова к сюжету, относящемуся к XIX столетию, свидетельствует не только о широте его научного диапазона, но и о том, как много могут сделать наши ведущие ученые в плане расширения тематики своих исследований, ее большей актуализации. Это — весьма отрадное явление, достойное самого широкого распространения.

Общественность Туркменистана встретила новый труд акад. М. Н. Тихомирова весьма благожелательно. Республиканская газета «Совети Туркменистан» 25 мая 1961 г. сообщила, что монография М. Н. Тихомирова в ближайшее время будет переведена на туркменский язык.

М. В. Попов

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 126.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 116.
[5] Там же. Автор рецензируемой книги приводит это высказывание В. И. Ленина.

«Атлас истории географических открытий и исследований». Главное управление геодезии и картографии МВД СССР. М. 1959. 109 стр. Цена 3 руб.

Давно уже ощущалась необходимость в фундаментальном картографическом издании, где были бы собраны воедино наглядные материалы по истории географических открытий и исследований. Поэтому можно только приветствовать выход в свет первого советского Атласа подобного рода. Издание представляет исключительный интерес не только для специалистов — историков и географов, но и для широких читательских кругов, проявляющих внимание к литературе, связанной с историей путешествий и географических открытий.

Атлас подготовлен к печати большим коллективом научных работников во главе с проф. К. А. Салищевым. Восемьдесят красочных, отлично выполненных карт (не считая множества врезок и схем) дают представление о большом пути, пройденном человечеством в процессе познания формы и размеров нашей планеты, очертаний ее поверхности, в процессе исследования природных условий различных стран. Уже сама система построения Атласа отражает принципиальные, марксистско-ленинские установки советской исторической и историко-географической науки, глубоко чуждой и враждебной европоцентризму, этому уродливому порождению буржуазной, колонизаторской, расистской идеологии; в тех частях рецензируемого издания, где говорится о познании земной поверхности в древности и в средние века, в равной мере наглядно показан вклад, сделанный в географическую науку народами различных частей света; нельзя не упомянуть в этой связи оригинальные карты, показывающие круг земель, известных народам тех или иных стран на определенном этапе их развития (карты 17 и 18, стр. 17). Число таких карт следовало бы, на наш взгляд, умножить. Кроме того, группы небольших схем, подобранных, за малыми исключениями, очень удачно, концентрируют внимание на формировании и развитии географических представлений об определенной части света (стр. 46, 48, 59, 60, 80, 84).

Параллельно и там, где это возможно, синхронно с историей географических открытий и исследований Атлас отображает

эволюцию картографического воплощения познанных человечеством частей планеты: ряд таблиц демонстрирует образцы картографического искусства стран Древнего Востока, Древней Греции и Рима, европейского и ближневосточного средневековья и начала нового времени (стр. 6, 9, 15—16, 24, 30, 42). Большой интерес представляют образцы китайской (стр. 23) и русской (стр. 33, 37, 41, 64) картографии.

Одно из важнейших достоинств Атласа — исключительное внимание и научная добросовестность, с которыми составители отнеслись к показу неоценимого вклада в географическую науку, сделанного на протяжении одиннадцати столетий отважными русскими мореплавателями, землепроходцами и учеными. Достаточно сказать, что из 80 карт, составляющих Атлас, 26 (не считая многочисленных врезок) посвящены отечественным экспедициям и открытиям. Кроме того, маршруты и результаты многих русских экспедиций занимают достойное место на картах общего характера. Отдельные отлично выполненные большие карты раскрывают величие научных подвигов, совершенных крупнейшими русскими путешественниками Н. М. Пржевальским (карты 64 и 64-а, стр. 71) и Н. Н. Миклухо-Маклаем (карты 65, 65-а, 65-б и 65-в, стр. 72). Выразительна красочная карта, показывающая освоение Северного морского пути советскими моряками и исследователями Арктики в 1917—1941 гг. (стр. 87—88).

Атлас венчает великолепная карта исследований Антарктики в 1917—1959 гг.; она читается с особым интересом: здесь впервые в общедоступном издании сконцентрированы итоги советских антарктических экспедиций и тем самым наглядно продемонстрировано огромное историческое значение одного из последних по времени триумфов советской науки.

Бесспорно удались составителям карты, посвященные эпохе великих географических открытий (стр. 25—29). Особенно необходимо отметить карту плаваний Колумба и его ближайших последователей — Охеды, Веспуччи, Бастидаса, Грихальвы и других (стр. 26). На ряде карт (стр. 10—13, 34) нанесены маршруты наиболее значительных посольств средневековья и начала нового времени, что делает рецензируемое издание ценным пособием также и по истории международных отношений и дипломатии.

Атлас, однако, не лишен некоторых недостатков. Известно, что начиная с рубежа XV и XVI вв. исторически прогрессивный процесс познания человечеством поверхности нашей планеты тесно переплетался с колониальным закабалением европейскими державами стран и народов Азии, Африки, Америки и Австралии. Правомерно включая в Атлас материалы и условные знаки, показывающие этот процесс, составители в легендах к картам почему-то старательно избегают (за исключением стр. 25) таких терминов, как «колонии», «колониальные захваты» и т. д. Вместе с тем читатель вправе ожидать отображения в Атласе всемирно-исторического процесса крушения колониализма — процесса, составляющего одну из главных черт нашей эпохи. Здесь, однако, составители явно идут не в ногу с временем.

В Атласе есть и другие досадные пробелы. Так, на стр. 16 и 24 помещено несколько образцов карт средневековой картографии. Однако в числе этих карт почему-то отсутствует карта мира, отражающая так называемую макробиевскую концепцию распределения континентальных масс [1]. На стр. 46 и 48 приводится ряд карт, отображающих развитие географических представлений об американском континенте. Однако среди них не нашлось места для исключительно интересной карты польского картографа XVI в. Яна Стобницкого (Стобнича) [2]. Полиграфическое воспроизведение ряда старинных карт (например, 37-в, стр. 37, 40-а, 40-б, 40-в, 40-г, стр. 41) крайне неудовлетворительно, особенно на фоне отличного качества подавляющего большинства материалов Атласа. Число примеров картографического искусства XIX в. (стр. 64) можно было бы сократить.

Обращает на себя внимание известный разнобой в воспроизведении исторической топонимики. Совершенно очевидно, что географические названия должны соответствовать эпохе, которой посвящена данная карта. Тем не менее на карте 6 (стр. 7), показывающей путешествия греков в VIII—V вв. до н. э., рядом с Херсонесом, Питиунтом, Ольвией, Гемероскопейоном неожиданно встречаются названия гораздо более поздние: Керчь, Марсель, Кадис, Ма-

[1] См. Б. Я. Рамм. «Карты мира» раннего средневековья. Журнал «Природа», 1946, № 9, стр. 65—70.

[2] На этой карте, вышедшей в 1522 г. в Кракове, Северная и Южная Америка впервые были показаны как части единого континента. См. И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М. 1957, стр. 172, 174.

лага. То же (с некоторыми вариациями) повторяется на следующей карте. На карте 28 (стр. 26), относящейся к периоду 1492—1520 гг., совершенно неуместно употребление наименования «Сьюдад-Трухильо», присвоенного в 1930 г. кровавым палачом народа Доминиканской республики Рафаэлем Трухильо старинному городу Сан-Доминго. Приведем еще один пример: на карте 61 (стр. 68), относящейся к периоду до 1917 г., показан в качестве центра так называемого Урянхайского края город Кызыл. Между тем в то время этот населенный пункт носил название Белоцарск.

Среди других ошибок и неточностей укажем на неправильный перевод испанского названия Коста-Рика (карта 28, стр. 26) (Costa Rica — Богатый берег, а не Золотой берег, как отмечено на карте), на употребление (на стр. 34) устарелой и неправильной формы Бекóвич-Черкасский (правильно — Черкасский, Александр Бекович), на то, что в легенде к карте 19 (стр. 17) фигурирует некий Тудельский В., под которым, очевидно, следует подразумевать известного средневекового еврейского путешественника Вениамина из Туделы.

Таким образом, наши замечания носят в основном частный характер и никоим образом не ставят под сомнение ту общую положительную оценку, которую заслуживает первый советский «Атлас истории географических открытий и исследований».

В. Л. Афанасьев

«Новая история». Том третий: 1870—1918. Под ред. И. С. Галкина (ответственный редактор), Н. Е. Застенкера, В. М. Хвостова. М. Соцэкгиз, 1960, 884 стр. Тираж 100.000. Цена 1 руб. 58 коп. (с картами).

Выход в свет данной книги завершил собой издание ряда пособий и учебников по истории нового и новейшего времени — от Английской буржуазной революции до наших дней. Рецензируемая книга является результатом длительной работы большого коллектива авторов[1]. Учебник написан применительно к существующей программе общего курса новой истории для университетов. В нем обобщен обширный фактический материал с учетом ряда важнейших результатов новейших исследований советских и зарубежных ученых.

В основу теоретического анализа исторических явлений авторами положены произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документы КПСС и других коммунистических партий. Учебник в целом дает правильное, марксистско-ленинское освещение истории стран Западной Европы и Америки. Должное внимание уделено раскрытию роли народных масс в историческом процессе, рабочему и социалистическому движению, критике и разоблачению ревизионизма. Авторам в общем удалось сочетать изложение истории отдельных стран и освещение национальных особенностей их развития с выяснением общих закономерностей исторического процесса в рассматриваемую эпоху. В учебнике показано перемещение центра мирового революционного движения в Россию в начале XX в. и рост большевизма как международного политического фактора, разоблачена империалистическая сущность мировой войны 1914—1918 гг., освещен идейный и организационный крах II Интернационала, раскрыто обострение всех противоречий империализма и назревание общего кризиса капиталистической системы. Наряду с разделами курса, освещающими историю крупных стран, учебник содержит ряд глав по истории малых государств, что весьма полезно не только для студентов, но и для преподавателей.

В начале учебника освещена история франко-прусской войны, Парижской коммуны и последних лет существования I Интернационала. Изложение этих вопросов

---

[1] Р. А. Авербух, И. М. Белявская, И. С. Галкин, В. И. Ермолаев, Н. А. Ерофеев, Н. Е. Застенкер, А. А. Зворыкин, Л. И. Зубок, В. Г. Карасев, В. Э. Кушина, Г. Г. Куранов, А. З. Манфред, К. Ф. Мизиано, Ф. И. Нотович, В. В. Похлебкин, Э. Н. Рапп-Лантарон, Н. А. Сальнов, И. Г. Сенкевич, Н. Д. Смирнова, В. К. Фирсанов, В. М. Хвостов, И. Н. Частухин, А. С. Черняев, Ю. Н. Черняков, М. Ф. Юрьев, В. П. Смирнов, Е. Г. Гурари, К. И. Клейменова.

ведется довольно живо и читается с интересом. Далее следует обобщающая глава об экономическом и политическом развитии капиталистического мира в период перерастания «свободного» капитализма в империализм (автор — Н. Е. Застенкер). В главе точно и ясно охарактеризованы образование и рост капиталистических монополий, усиление неравномерности развития капиталистических стран, аграрный кризис в Европе в последней четверти XIX в., вскрыты основные закономерности политического развития капиталистических государств Западной Европы и США в изучаемый период, дана критика буржуазного парламентаризма. Анализ этих вопросов отличается, на наш взгляд, высоким теоретическим уровнем. Более краткая глава посвящена вступлению капитализма в его высшую и последнюю стадию — империализм. Большинство других глав учебника освещает историю отдельных стран в последней трети XIX и в начале XX века. Особенно обстоятельно изложена история Германии, Франции, Англии и США. Следует отметить удачный рассказ о борьбе течений в германской социал-демократии и массовом рабочем движении в Германии (автор — И. С. Галкин). Главы о Франции (автор — А. З. Манфред) отличаются серьезными научными достоинствами и написаны ярко, хотя без надобности перегружены подробностями. Автором разоблачается реакционная политика тогдашних радикальных кабинетов во Франции, раскрывается агрессивная сущность американского империализма, характеризуется стачечная борьба рабочего класса и деятельность «Индустриальных рабочих мира» в США. Главы об Англии, несмотря на ряд погрешностей, отмечаемых ниже, дают в целом правильное представление об основных событиях и процессах социально-экономического и политического развития этой страны. Должное внимание уделено ирландскому вопросу. Оригинальными являются главы по истории Италии, написанные с учетом новейших достижений прогрессивной итальянской историографии. В учебнике освещено влияние революции 1905—1907 гг. в России на рабочее и социалистическое движение в Германии, Австро-Венгрии и Франции. Авторы соответствующих глав в полной мере использовали достижения советской и зарубежной исторической науки в разработке этой проблемы. Определенный шаг вперед представляют главы по истории стран Латинской Америки, в которых освещается реакционная сущность «панамериканизма», пропагандируемого империалистами США. Авторам удалось нарисовать картину крестьянского и рабочего движения и борьбы с пережитками рабства в этих странах. Обращает на себя внимание обстоятельный анализ событий буржуазной революции 1910—1917 гг. и империалистической интервенции США в Мексике, основанный на самостоятельных исследованиях ряда советских молодых ученых. В главах о странах Балканского полуострова впервые в наших учебниках уделено необходимое внимание рабочему и социалистическому движению. Отмечая прогрессивное значение буржуазно-национального освободительного движения против турецкого ига, авторы в то же время вскрывают недальновидность политики буржуазных правительств балканских государств. Много важного, хотя и не всегда тщательно отобранного материала содержится и на страницах, посвященных истории других стран — Польши, скандинавских государств, Швейцарии, Португалии. В учебнике освещена революционно-освободительная борьба кубинского народа за независимость. В тексте по истории Испании обращает на себя внимание подробное изложение хода рабочего движения.

Следует признать удачными главы о II Интернационале. В них освещен процесс распространения марксизма «вширь» в рабочем движении, рассказано о создании II Интернационала, показана выдающаяся роль Ф. Энгельса в борьбе с различными видами оппортунизма, очерчена идеология «двух тенденций» и трех основных течений в тогдашнем рабочем движении, освещено огромное международное значение выступлений В. И. Ленина против ревизионизма и значение возникновения в России пролетарской революционной партии нового типа. Подробно анализируются борьба В. И. Ленина против социал-шовинизма, а также сущность краха II Интернационала.

Большими достоинствами обладают главы по истории международных отношений (автор В. М. Хвостов). Они отличаются продуманным отбором материала, логичностью изложения. В этих главах также учтены результаты ряда новых исследований и показано влияние русской революции 1905—1907 гг. на международные отношения. Отчетливо обрисовано развитие межимпериалистических противоречий, приведшее к первой мировой войне, и показаны захватнические цели Антанты и Тройственного союза. Систематичное изложение истории междуна-

родных отношений позволяет лучше понять общий ход развития исторического процесса. Такие главы являются необходимым элементом курса новой истории.

В разделе о первой мировой войне подчеркнута заинтересованность германского империализма в скорейшем развязывании войны именно в 1914 г.; в то же время показано, что все империалистические правительства виновны в ее возникновении. Правильно раскрыта роль Восточного, русского фронта в войне 1914—1918 годов. Детально освещен ход развития рабочего и социалистического движения в это время. Важное место в учебнике занимает освещение влияния Великой Октябрьской социалистической революции на ход мировой войны и на развитие революционного кризиса в капиталистических странах к концу войны.

Учебник завершается главой об успехах техники и естествознания в 1870—1918 гг., в которой сочетается анализ достижений науки и техники в зарубежных странах с выяснением международного значения деятельности некоторых выдающихся русских ученых и изобретателей. Книга снабжена хронологической таблицей, подробными и тщательно составленными историческими картами и библиографией, отражающей основные результаты новейших исторических исследований.

По своему научному уровню рецензируемый учебник заслуживает в целом положительной оценки. В серии выпущенных за последние годы учебников и пособий по новой истории он является одним из самых удачных. Успех авторов и редакторов объясняется как их собственной значительной работой, так и тем, что из всех разделов новой и новейшей истории период 1870—1918 гг. наиболее обстоятельно освещен в трудах В. И. Ленина и исследован в марксистско-ленинской историографии, на которой благотворно сказалось преодоление культа личности, тормозившего развитие исторической науки.

Наряду с упомянутыми достоинствами учебник имеет и недостатки, преимущественно методического характера. Указать на них особенно важно потому, что они присущи и ряду других учебников по истории. Прежде всего — чрезмерный объем книги. Выработанный за последнее десятилетие тип «пухлых» учебников, с огромным количеством приводимых фактов во многих отношениях не отвечает своему назначению и не достигает цели. Такие труды приближаются к справочникам, книгам для чтения или пособиям и значительно обширнее, чем собственно учебники, которые должны содержать минимум материала, обязательного для усвоения при изучении студентом общего курса новой истории. Изданные в настоящее время три книги учебника новой истории (1640—1918 гг.) вместе составляют почти 2 200 страниц — и это для курса, который изучается в течение одного учебного года и на который отведено в университете всего около 70, а в пединститутах около 100 лекционных часов. Разумеется, освоить комплект учебников такого объема по этому курсу студентам не под силу. На практике подавляющее большинство студентов не в состоянии овладеть всем этим материалом и удержать его в памяти. Многие студенты предпочитают пользоваться при подготовке к экзамену другими книгами. Формально учебник следует программе исторических факультетов, но самая эта программа также крайне растянута и в отводимое на ее прохождение время, по сути дела, не может быть выполнена. Погоня за «толщиной» учебников, перегруженность их мелкими, второстепенными деталями, именами и цифрами при отсутствии, как правило, историографических экскурсов приводит к тому, что эти книги, не исключая и рецензируемой, дают непосильную нагрузку для памяти, а поэтому оставляют мало времени для продумывания студентами самого материала, не будят их творческих способностей, мало развивают научное мышление, умение самостоятельно применять марксистско-ленинскую методологию к анализу исторических явлений. Кроме того, обилие подробностей затрудняет выделение главного в истории, усвоение основных закономерностей исторического процесса в целом. Стремление равномерно осветить *все* этапы и события в развитии *каждой* страны неизбежно приводит к перенасыщенности и одновременно к конспективности изложения даже при значительном объеме учебника, а тем самым еще более снижает его роль в развитии самостоятельных методов работы у студентов. Всеохватывающие обзорные курсы такого рода необходимы в качестве пособий (особенно для преподавателей), но они, на наш взгляд, не являются лучшим типом учебника, отвечающего современным требованиям к подготовке молодых специалистов-историков.

Рецензируемая книга также страдает этими недостатками. И для нее характерна

растянутость, перегрузка подробностями, дробность в изложении, наличие недостаточно связанных между собой 44 глав. Уже просмотр первых трех из них убеждает, что их целесообразнее было бы соединить в одну. Можно было бы проделать то же с главами 27 — 28, 30 — 34 и др.

По нашему мнению, одной из причин указанных недостатков наших учебников по истории является то, что они составляются силами чрезмерно многочисленных коллективов. Такая практика может быть оправдана при написании, скажем, тома «Всемирной истории», охватывающего соответствующие разделы истории СССР, стран Западной Европы, Америки, Азии и Африки, что требует привлечения специалистов по всем этим вопросам. Мы считаем нужным подчеркнуть, что полностью отдаем себе отчет в огромном значении и пользе коллективных, обобщающих трудов по истории, в том числе и учебников. Вполне нормально, когда такие учебники пишутся коллективами в 5—10 человек. Но даже учитывая всю важность и полезность коллективной работы над созданием учебников, вряд ли следует признать необходимым и целесообразным, чтобы учебник по одному разделу истории, на изучение которого отведено 60—70 лекционных часов, писался коллективом в 25—30 человек! Трудность сведения воедино, сокращения и редактирования работ столь большого числа нередко весьма несговорчивых авторов приводит к тому, что учебники разбухают до непомерных объемов, изобилуют повторениями, дробятся на бесчисленные, иногда слабо соединенные вместе главы, остаются перегруженными рядом деталей, приобретают обзорно-конспективный характер. Подобный способ написания учебников вряд ли следует считать достижением, заслуживающим похвалы. Во всяком случае, мы не видим, чтобы таким образом писались учебники по достаточно высоко развитым физико-математическим наукам, химии или геологии. В этих науках коллективной работе уделяется не менее серьезное внимание, чем в области истории, но учебники пишутся далеко не столь многочисленными группами авторов. Нам приходилось слышать от видных специалистов по физико-математическим наукам выражение крайнего изумления по поводу того, что для написания учебника по одному разделу истории (например, по одному периоду новой истории) требуется коллектив из 25—30 человек. Следует признать, что обосновать это действительно трудно. Данная практика, сложившаяся в предшествующие десятилетия, отражает, по-видимому, недостаточное развитие исторической науки в те годы и нередко слишком узкую специализацию наших ученых.

Кроме того, ведущие ученые, как правило, давно уже не читают общих лекционных курсов, что не способствует написанию ими большого числа глав в учебниках и созданию сжатых и стройно изложенных книг-пособий.

Недостаточная разработка многих проблем истории ряда стран, особенно малых государств, наличие по этим вопросам незначительного числа молодых специалистов и отсутствие или небольшое количество соответствующих марксистско-ленинских специальных исследований делали в свое время необходимым создание обзорных курсов силами многочисленных коллективов. Те же причины затрудняли тщательный отбор фактов, необходимых для учебника. Тогда трудно было избежать отмеченных недостатков. Однако теперь положение резко изменилось. Наша историческая наука сильно продвинулась вперед, по истории многих стран выпущены в свет многотомные марксистско-ленинские труды и монографии. Количество «белых пятен» в исторической науке сокращается. Отбор фактов и обобщений, необходимых для учебника, значительно облегчился. Поэтому появились возможности для успешной подготовки гораздо более цельных общих курсов по всем периодам новой и новейшей истории силами менее многочисленных коллективов, по преимуществу из числа лиц, имеющих большой опыт чтения таких курсов. С точки зрения подготовки из молодых специалистов воинствующих историков-ленинцев, выработки у них умения самостоятельно применять марксистско-ленинскую методологию к анализу исторических явлений, активно бороться с буржуазной идеологией, опровергать фальсификаторские измышления буржуазной историографии гораздо целесообразнее иметь не пухлые учебники, для усвоения всего содержания которых нужна огромная затрата времени, а сравнительно короткие общие курсы, выделяющие наиболее крупные вопросы. Важно направить силы студентов не на запоминание необозримого числа фактов, равномерно распределенных по всем эпохам и странам, а на изучение специальных курсов и на самостоятельную работу в семинарах, раскрывающую перед молодыми

специалистами методологию научного исследования значительно полнее, чем это возможно в обзорных учебниках, остающихся конспективными, несмотря на самые обширные размеры. Необходимо поэтому всячески поощрять публикацию оригинальных общих лекционных курсов и, не останавливаясь на достигнутом, стремиться к созданию более сжатых учебников как путем подготовки новых, так и посредством сокращения уже существующих при их переиздании.

Полезно подчеркнуть еще раз, что высказываемые соображения имеют общий характер и касаются вопроса о наиболее совершенном типе учебника по общему курсу новой истории, а не только специально разбираемой нами книги.

Имея в виду дальнейшее усовершенствование, возможное переиздание рецензируемого учебника и его радикальное сокращение, мы считаем необходимым остановиться подробнее на его конкретных недостатках.

Можно легко показать перегруженность учебника ненужными фактами и именами. Надо ли, например, вносить в учебник имена французского реакционера Ореля де Паладина и префекта полиции Валантена (стр. 20); сообщать подробности о не имевших серьезного значения действиях столь отвратительного ничтожества, каким был убийца Пушкина барон Геккерен-Дантес (стр. 23); загружать текст фамилиями таких, в общем, незначительных лиц, как Дюфор, писать о «законе Дюфора» вместо того, чтобы просто сказать о запрещении Интернационала полицией на территории Франции (1872 г.)? Нам представляется, что авторы некоторых глав увлеклись деталями внутренней политической истории буржуазных государств, сменой бесчисленных кабинетов и т. д. Нет никакой необходимости заставлять студентов запоминать при изучении общего курса радикала Гобле, клерикала графа дю Мен, сообщать, что Мелин был кандидатом правых против Лубе на президентских выборах во Франции в 1899 г. (стр. 137) и т. п. Вряд ли нужно подробно излагать детали деятельности кабинетов Ланца и Мингетти в Италии (1869—1876 гг.), упоминать имена турецких феодалов Хаджи-Арифа и Хаджи-Шабана, высланных из Болгарии во время русско-турецкой войны (стр. 230), перечислять многих шведских премьеров (стр. 535), диктаторов Венесуэлы, Никарагуа и Перу (стр. 584, 605 и др.), президентов Аргентины (стр. 615). Во многих местах текст учебника до крайности перегружен датами и цифрами. Например, на стр. 123 мы находим 15 дат, на стр. 204 — 10 дат и 10 цифр. Некоторые страницы трудно читать из-за обилия географических названий (стр. 185, 229, 233, 533 и др.). Следует отметить наличие в учебнике повторений. Так, несколько раз излагается история испано-американской войны 1898 г. и других событий международной жизни.

Учебник нуждается в ряде мест в резком сокращении текста и в освобождении его от повторений, излишних деталей, цифр, дат, имен и географических названий. Было бы желательно в дальнейшем уточнить в учебнике освещение некоторых крупных проблем и прежде всего полнее осветить великое международное значение Октября, ярче показать тяжелое положение народных масс — рабочих и крестьян в капиталистических странах. Более глубокого анализа требуют вопросы колониальной политики. В учебнике мало конкретных фактов об эксплуатации колоний и социально-экономических последствиях этой эксплуатации для метрополий. Нам представляется, что слишком скупо и схематично освещены важнейшие сражения при изложении истории войн. Желательно более резко охарактеризовать реакционную роль Ватикана в рассматриваемый период (стр. 194 и др.).

История латиноамериканских и особенно скандинавских государств нередко излагается описательно, как простая сумма фактов, без глубокого анализа общих закономерностей и национальных особенностей развития этих стран. Отчасти эти недостатки отражают все еще малую разработанность истории ряда стран в нашей историографии.

Мало внимания уделено в учебнике кризису буржуазной идеологии Нигде не раскрыто также понятие второго периода новой истории, не дано его определение.

В некоторых случаях желательно внести в текст учебника ряд уточнений, углубить освещение отдельных фактов. Жаль, что при характеристике причин франко-прусской войны не упомянуты притязания Второй империи на земли по левому берегу Рейна. Более резкой оценки требует антирабочая политика кабинета Вальдека-Руссо в начале XX в. (стр. 138, 381); о случаях расстрела рабочих в Шалоне и на о. Мартинике при этом кабинете почему-то не сказано. Позиция Жореса в отношении дела Дрейфуса излагается как абсолютно

правильная, что вряд ли верно (стр. 137). Англия во время русско-турецкой войны (стр. 92) изображается как защитница Турции, и о захватнических действиях Англии говорится лишь в связи с послевоенными событиями, хотя целью британской политики с самого начала было закабаление и ограбление Турецкой империи. Англо-русский конфликт в Средней Азии следует датировать не 1884 г., а 1884—1885 гг. (стр. 96), и желательно сказать о нем более четко.

Ряд неточностей имеется в главах об Англии. На стр. 103 неверно изложены причины раскола Социал-демократической федерации в 1885 году. Этот раскол был вызван не тем, что Гайндман взял деньги на предвыборную агитацию у консерваторов (факт этот имел место уже после раскола), а нежеланием части членов федерации терпеть диктатуру Гайндмана и его шовинизм [2]. На стр. 354, 356, 357 трижды ошибочно говорится о парламентских выборах в Англии в 1905 году. На деле выборы были в 1906 г., а смена кабинета имела место до выборов. На стр. 356 упоминается, что название «лейбористская» было принято этой партией в 1905 г.; на деле это произошло в 1906 г. (как правильно отмечено в хронологической таблице на стр. 866). Напрасно не сказано о деятельности левого крыла Британской социалистической партии. На стр. 643 ошибочно указана дата заседания Международного социалистического бюро (1906 г. вместо 1908 г.). На стр. 749 сказано, что Социалистическая рабочая партия откололась от Британской социалистической партии до войны; правильнее было бы отметить, что СРП откололась от СДФ в 1903 году. На стр. 361 говорится, что в 1906 г. парламент отменил судебное решение по делу Тафской долины; но парламент в Англии не может отменять приговоры суда; в действительности закон о трудовых конфликтах 1906 г. лишал юридической силы прецедент, созданный решением по делу Тафской долины, а не самое решение суда по этому делу (деньги по соответствующему иску давно были уплачены). Окончательный текст глав об Англии, видимо, был выверен недостаточно тщательно. Конечно, отмечаемые погрешности касаются деталей, а не коренных вопросов истории Англии, но ошибок всегда следует избегать.

В заключение повторяем: несмотря на неточности и другие отмеченные недостатки, рецензируемый учебник по своему научному уровню в целом заслуживает положительной оценки и является ценной работой. Исправление этих недостатков и значительное сокращение книги помогут при переизданиях ее дальнейшему улучшению.

А. Л. Нарочницкий

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 438—440.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Ленин В. И. *О дружбе с народами Востока.* (Введ. В. Я. Зевина). М., Госполитиздат. 1961. 399 стр. 25 000 экз. 62 коп.

Алтай в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925 гг. Ист. очерк. Под ред. А. Н. Лариной. Барнаул. Алт. кн. изд. 1961. 331 стр. 3 000 экз. 75 коп.

Блиев. М. М. *Осетинское посольство в Петербурге.* 1749—1752 гг. Орджоникидзе. Сев.-Осет. кн. изд. 1961. 88 стр. 3 000 экз. 23 коп.

Большевистская печать. Сборник материалов. (В 4-х вып.). Вып. 3. 1907 г.— февраль 1917 г. Сост. А. К. Белков и Б. П. Веревкин. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 620 стр. 7 000 экз. 2 р. 18 к.

Борисов Б. *Севастопольцы не сдаются.* Изд. 2-е, переработ. и доп. Симферополь. Крымиздат. 1961. 191 стр. 30 000 экз. 44 коп. О борьбе севастопольских комсомольцев в годы Великой Отечественной войны.

Бринский А. *По ту сторону фронта.* Воспоминания партизана. Кн. 2. М. Воениздат. 1961. 516 стр. 115 000 экз. 98 коп.

Бурлак В. Н. *Из истории проникновения идей марксизма в Россию в разночинский период освободительного движения.* М. «Высш. школа». 1961. 61 стр. 6 000 экз. 9 коп.

Васецкий Г. С. *Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом.* 1907—1913 гг. М. «Высш. школа». 1961. 328 стр. 5 000 экз. 1 р. 41 к.

Вахабов М. *Формирование узбекской социалистической нации.* Ташкент. Госиздат Уз. ССР. 1961. 587 стр. 15 000 экз. 94 коп.

Веселов И. *Три года в тылу врага.* Записки партизана. Пермь. Кн. изд. 1961.

176 стр. 75 000 экз. 43 коп. Автор — бывший комиссар одной из партизанских бригад, действовавших в тылу гитлеровцев под Ленинградом.

Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей. К 75-летию акад. Н. М. Дружинина. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 434 стр. 1 600 экз. 2 р. 50 к.

Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата. Изд-во Акад. наук КазССР. 1961. 189 стр. 1 200 экз. 1 р. 27 к.

В труде, как в бою. Из истории комсомольско-молодежных бригад в годы Великой Отечественной войны. (Сборник статей). М. Изд. Акад. наук СССР. 1961. 216 стр. 4 000 экз. 33 коп.

Гурина Н. Н. *Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.* М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 588 стр. 1 400 экз. 4 р. 10 к.

Гуревич И. М. и Плаксин А. А. *Город Ломоносов.* (Ист. очерк). К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова и города, носящего его имя. Л. Лениздат. 1961. 135 стр. 10 000 экз. 12 коп.

Духанова З. *Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 году.* Рига. Латгосиздат. 1961. 99 стр. 2 000 экз. 9 коп.

Житомирский областной государственный архив и его филиал в г. Бердичеве. Путеводитель. Житомир. Обл. изд. 1961. 407 стр. 1 250 экз. 1 р. 20 к.

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 5. Крестьянское движение в Молдавии эпохи империализма (1899—1917). Сост. Ю. Г. Иванов и др. Кишинев. «Штиинца». 1961. 599 стр. 1 000 экз. 2 р. 47 к.

Из истории гражданской войны в СССР. 1918—1922. Сборник документов и материалов. В 3-х т. Т. 3. Февраль 1920 — октябрь 1922. Сост. Н. Ф. Кузьмин и др. М. «Сов. Россия». 1961. XX, 875 стр. 10 000 экз. 1 р. 35 к.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов. Сост. Ф. Н. Киреева и др. Под ред. В. Ф. Шахматова и др. Алма-Ата. Изд-во Акад наук. КазССР. 1961. XVI, 743 стр. 1 200 экз. 1 р. 80 к.

Казаченок В. *Когда Родина в опасности.* Записки о Минском подполье. Минск. Госиздат БССР. 1961. 282 стр. 10 000 экз. 51 коп.

Канивец В. *Александр Ульянов.* М. «Мол. гвардия». 1961. 279 стр. 115 000 экз. 59 коп.

Каспарова И. Г. *Меднорудная промышленность дореволюционной Армении и иностранный капитал.* Ереван. Айпетрат. 1961. 231 стр. 2 000 экз. 36 коп.

Кириллов В. *Большевики во главе массовых политических стачек в период подъема революции 1905—1907 гг.* М. 1961. 360 стр. 5 000 экз. 54 коп.

Крестьянское движение в России в XIX—начале XX века. Сборник документов. (В 11 т.). Глав. ред. Н. М. Дружинин. Т. 1. Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сост.: З. И. Кудрявцева, Э. С. Паина и Н. Ф. Сорокина. М. Соцэкгиз. 1961. 1 048 стр. 2 000 экз. 1 р. 72 к.

Лашков И. Г. *Большевики Новониколаевска в борьбе против царизма.* 1895 — февр. 1917 г. Новосибирск. Кн. изд. 1961. 80 стр. 5 000 экз. 11 коп.

Лашук Л. П. *Происхождение народа коми.* Научно-попул. очерк. Сыктывкар. Коми кн. изд. 1961. 40 стр. 1 000 экз. 9 коп.

Лебедева А. и Шишкин А. *Комитеты деревенской бедноты Татарии.* Казань. Таткнигоиздат. 1961. 96 стр. 1 500 экз. 12 коп.

Лысцов В. П. *М. В. Ломоносов — родоначальник русского просветительства.* 1711—1961. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1961. 103 стр. 4 000 экз. 20 коп.

Ляпушкин И. И. *Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.* Археол. разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 383 стр. 1 300 экз. 2 р. 73 к.

Мартовицкий В. И. *Лозунг партии «Лицом к деревне» и его осуществление в БССР в 1924—1925 гг.* Минск. Изд-во М-ва высш. сред. спец. и проф. образования БССР. 1961. 136 стр. 1 400 экз. 44 коп.

Мительман М., Глебов Б. и Ульянский А. *История Путиловского завода.* 1801—1917. 3-е изд. М. Соцэкгиз. 1961. 720 стр. 7 000 экз. 1 р. 81 к.

Мохов Н. А. *Очерки истории молдавско-русско-украинских связей.* С древнейших времен до начала XIX в. Кишинев. «Штиинца». 1961. 214 стр. 1 200 экз. 99 коп.

Огни над рекой. К 50-летию Краснодарского нефтеперерабатывающего завода. (Сборник статей). Краснодар. Кн. изд. 1961. 78 стр. 3 000 экз. 7 коп.

Окатов Н. А. *Тамбовская партийная организация в период восстановления народного хозяйства.* 1921—1925. Тамбов. Кн. изд. 1961. 54 стр. 5 000 экз. 6 коп.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. (Сборник статей). Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 226 стр. 1 300 экз. 1 р. 62 к.

Пассек Т. С. *Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 228 стр. 1 300 экз. 1 р. 63 к.

Пересветов Р. *По следам находок и утрат.* О находках и открытиях искателей и исследователей древних рукописей, о раскрытых тайнах тронутых временем текстов и документов, о новых интересных работах советских ученых, археографов и историков расскажет читателю эта книга. М. «Сов. Россия». 1961. 264 стр. 10 000 экз. 1 р. 13 к.

Петров И. Е. *Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата.* Чебоксары. Чувашгосиздат. 1961. 356 стр. 1 500 экз. 57 коп.

Попов М. Я. *Азовское сидение.* М. «Высш. школа». 1961. 91 стр. 7 000 экз. 14 коп. Исторический очерк о взятии и обороне Азова донскими казаками в 1637—1642 гг.

Советская историческая энциклопедия. (В 12 т.). Глав ред. Е. М. Жуков. Т. 1.

Аалтонен-Аяны. М. «Сов. энциклопедия». 1961. 65 000 экз. 3 руб.

Стенько М. И., Мамыш А. И. и Лисаковский И. Н. *Старейший на юге.* Очерк истории Таганрогского судоремонтного завода. Ростов н/Д. Кн. изд. 1961. 128 стр. 3 000 экз. 33 коп.

Тутаев М. *У истоков русско-китайских революционных связей.* Казань. Таткнигоиздат. 1961. 179 стр. 3 000 экз. 37 коп.

Формозов А. А. *Очерки по истории русской археологии.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 128 стр. 2 500 экз. 40 коп.

Чичерин Г. В. *Статьи и речи по вопросам международной политики* (1918—1928). Вступит. статья Л. И. Трофимовой. М. Соцэкгиз. 1961. 516 стр. 25 000 экз. 78 коп.

Юсуров Х. *Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана.* Фрунзе. Киргизгосиздат. 1961. 80 стр. 2 000 экз. 9 коп.

Всеобщая история

Аврамов К. П. *Это не повторится.* Из истории захвата Австрии гитлеровской Германией в 1938 г. М. Соцэкгиз. 1961. 128 стр. 8 000 экз. 15 коп.

Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии наук СССР. Под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 271 стр. 1 700 экз. 1 р. 80 к.

Африка. 1956—1961. Отв. ред. И. И. Потехин. М. Изд. вост. лит. 1961. 254 стр. 10 000 экз. 60 коп.

Буссов К. *Московская хроника.* 1584—1613. (Пер. с нем.). Вступит. статья И. И. Смирнова. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 400 стр. 1 300 экз. 2 р. 46 к. Публикация одного из наиболее интересных иностранных сочинений о России конца XVI — начала XVII в.

Галл Аноним. *Хроника и деяния князей или правителей польских.* Предисл., пер. и примеч. Л. М. Поповой. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 171 стр. 1 500 экз. 65 коп.

Дьяконов М. М. *Очерк истории древнего Ирана.* М. Изд. вост. лит. 1961. 444 стр. 2 000 экз. 1 р. 90 к.

Земсков И. Н. *Из дипломатической истории второго фронта в Европе. 1941 — 1944.* Докум. очерк. М. Госполитиздат. 1961. 64 стр. 50 000 экз.

Златковская Т. Д. *У истоков европейской культуры.* (Троя, Крит, Микены). М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 168 стр. 22 500 экз. 32 коп.

Иванова М. Н. *Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг.* М. Изд. вост. лит. 1961. 181 стр. 2 000 экз. 70 коп.

Корню О. *Карл Маркс и Фридрих Энгельс.* Жизнь и деятельность. Пер. с нем. Т. 2. 1844—1845. Послесл. И. М. Есина. М. Изд. иностр. лит. 1961. 427 стр. 2 р. 8 к.

Кортунов В. *В единстве — сила трудящихся масс.* М. Госполитиздат. 1961. 159 стр. 20 000 экз. 18 коп. О роли единства трудящихся капиталистических стран Европы и Азии в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Липшиц Е. Э. *Очерки истории византийского общества и культуры.* VIII —первая половина IX в. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 482 стр. 1 600 экз. 2 р. 18 к.

Лундин А. Г. *Южная Аравия в VI веке.* М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1961. 159 стр. 74 коп.

Меликов О. С. *Установление диктатуры Реза-шаха в Иране.* М. Изд. вост, лит. 1961. 124 стр. 2 500 экз. 35 коп.

Мошковская Ю. Я. *Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII века.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 420 стр. 1 500 экз. 1 р. 50 к.

Оруджев М. Г. *Из истории проникновения германского империализма в Турцию.* (С конца XIX в. по 1914 г.). Баку, Азернешр. 1961. 100 стр. 2 000 экз. 19 коп.

Парижская Коммуна 1871 г. Под ред. Э. А. Желубовской и др. Т. 2. М. Изд-во Акад. наук. СССР. 1961. 703 стр. 4 000 экз. 3 р. 90 к.

Петров В. *Финляндия в планах империалистических держав в 1918—1920 годах.* Петрозаводск. Госиздат. Карел. АССР. 1961. 73 стр. 1 000 экз. 9 коп.

Петров Д. *Рабочее и демократическое движение в Японии.* М. Госполитиздат. 1961. 191 стр. 10 000 экз. 24 коп.

Политика США в странах Южной Азии. Индия, Бирма, Индонезия. М. Изд. вост. лит. 1961. 252 стр. 3 000 экз. 1 р. 10 к.

Секкья П. и Москателли Ч. *Монте-Роза спустилась в Милан.* Из истории движения Сопротивления в Италии. (Пер. с итал.). М. Госполитиздат. 1961. 403 стр. 30 000 экз. 66 коп.

Ходош И. А. *Либерия.* М. Изд. вост. лит. 1961. 62 стр. 6 000 экз. 15 коп. Исторический очерк об одной из стран Африки.

Чернов Л. Н. *Международное коммунистическое и рабочее движение на современном этапе.* М. Госполитиздат. 1961. 101 стр. 50 000 экз. 12 коп.

Яковлев Н. Н. *США и Англия во второй мировой войне.* М. Учпедгиз. 1961. 271 стр. 21 000 экз. 47 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Народы Азии и Африки». № 5. 1961. «Проект Программы КПСС и некоторые проблемы национально-освободительного движения народов Азии и Африки»; Л. Н. Чернов. Коммунисты стран Азии и Африки — в авангарде борьбы за свободу и национальную независимость; Ю. Н. Беляев. Преодоление различий в уровнях экономического развития социалистических стран (на опыте социалистических стран Азии); Ю. Н. Попов. О некоторых чертах рабочего движения в Африке (южнее Сахары); И. А. Лебедев. Колониализм и национально-освободительное движение в Океании; Вальтер Марков. Два германских государства — две политики в отношении независимых стран Азии и Африки; Е. И. Долгополов. Колониализм и войны; Г. З. Сорокин. Национально-колониальный вопрос в программных документах Коммунистической партии Советского Союза; Е. А. Гнедин. Колониальная политика социал-реформистского Интернационала между двумя мировыми войнами; С. Е. Толыбеков, Л. А. Рахлис, М. Г. Исаева. Социалистическое переустройство казахских кочевых и полукочевых аулов; Л. П. Делюсин. Аграрная политика Коммунистической партии Китая в годы народно-освободительной войны (1946—1949); Н. А. Халфин. Буржуазная историография о некоторых вопросах взаимоотношений Советского Союза со странами Азии и Африки.

«Советская археология». № 4. 1961. «XXII съезд КПСС и задачи советской археологии»; Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа; Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре; О. Н. Бадер. Балановская культура; Х. И. Крис. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры; М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях; В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве; С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье; Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из с. Тли; Б. Н. Граков. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома; В. Д. Блаватский. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г.; М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э.; А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.); Г. А. Пугаченкова. Мазар Араб-ата в Тирме; С. Н. Орлов. К топографии древнего Новгорода; М. Ю. Брайчевский, П. А. Трохимец. Новые археологические материалы по истории Белой Церкви; Л. С. Бретаницкий, Э. Г. Крупкин, Л. Г. Мамиконов. Мавзолей в сел. Хачен-Дорбатлы.

«Военно-исторический журнал». № 10. 1961. И. Прусанов. Защита социалистического Отечества — священный долг КПСС, всего советского народа; В. Плотников. Вклад трудящихся Курской области в достижение победы под Курском; Ю. Якушев, И. Рябинов. Агрессия против Египта в 1956 году; П. Ильин. Бой за Калач-на-Дону. Документы и материалы: «Операция «Тайфун»; «Агония фашистской клики в Берлине (Из воспоминаний генерала Вейдлинга)».

«Военно-исторический журнал». № 11. 1961. «Величественные итоги и грандиозные перспективы коммунистического строительства в СССР»; В. Соколовский. О советском военном искусстве в битве под Москвой; А. Таралов. Партийно-политическая работа в 3-й армии после падения Перми; Г. Энгман, Р. Бартель. О методах развязывания войн германскими милитаристами. Документы и материалы: «Провал наступления немецко-фашистской армии на Москву»; «Агония фашистской клики в Берлине».

«Вестник истории мировой культуры». № 5. 1961. Ф. М. Бурлацкий. Расцвет социалистической демократии; Э. А. Баллер. Проблема преемственности в развитии культуры; В. И. Михеев. Идеи гуманизма и современность; А. А. Попова. Георгий Раковский и болгарская культура.

«Вестник АН Казахской ССР». № 9. 1961. Т. Балакаев, В. Басин. Нефтяники Казахстана в борьбе за увеличение добычи нефти в годы Великой Отечественной войны.

«Вестник АН Казахской ССР». № 10. 1961. Л. Карасаев. Развитие национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма; М. Джекбатыров. Дальнейшее развитие общественного самоуправления в деятельности местных Советов.

«Исторические науки. Научные доклады высшей школы». № 3. 1961. Н. И. Хренов. Начало практического осуществления мероприятий партии по укреплению связи школы с жизнью и перестройке народного образования (по материалам Ростовской области, Ставропольского края и Чечено-Ингушской АССР); А. М. Лопатин. Деятельность Нижегородской краевой партийной организации по развитию движения рационализаторов и изобретателей в 1930—1932 годах; К. Ф. Шацилло. Закон 21 мая 1912 года о поощрении отечественного судостроения; Н. Н. Степанов. Отношение А. И. Герцена к идеологам буржуазного либерализма во Франции в 30-х годах XIX века; И. Ф. Ушаков. К вопросу о развитии черной металлургии Урала в первой четверти XIX века; М. Н. Шпрыгова. Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» Н. И. Новикова; Г. С. Рабинович. Рынок сбыта соляных промыслов Старой Руссы во второй половине XVII века (к вопросу о влиянии всероссийского рынка на местные рынки); С. С. Григорцевич. Русско-японские отношения в 1906—1907 годах; П. Б. Уманский. К вопросу о месте Ф. Дугласа в аболиционистском движении США; М. А. Казакова. Исторические взгляды А.-Н. Ясинского; Л. Н. Журавлева.

Партизанская война бирманского народа против английского закабаления в 1852—1860 годах; А. Г. Енько. Из истории борьбы империи против светских притязаний папства в начале XIV века (1314—1329 годы); И. Н. Свиридова. Паннонско-долматское восстание 6—9 годов на Дунае.

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук. № 7. 1961. Д. Д. Гаджинский. Возникновение в Баку промыслово-заводских комиссий и их деятельность в 1905 г.; Г. А. Гулиев. Из истории ткачества в Азербайджане (XVII — XVIII вв.) (на азерб. яз.).

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук. № 8. 1961. О. Б. Пириев. Борьба с искривлениями и трудностями в колхозном строительстве в начале сплошной коллективизации сельского хозяйства в Азербайджане (на азерб. яз.); Н. Г. Кадырова. Борьба рабочего класса Азербайджана за технический прогресс в нефтяной промышленности в годы пятой пятилетки; Г. М. Асланов. Археологические раскопки на Торпагкала (на азерб. яз.); Н. М. Агаси. Появление фабрично-заводской промышленности в Иранском Азербайджане.

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук. № 9. 1961. С. Алияров. К вопросу о составе бакинского пролетариата накануне Октябрьской революции (на азерб. яз.); И. М. Гасанов. Захват беками надельных земель государственных крестьян Азербайджана в конце XIX века; Г. Джидди. Раскопки в крепости Гюлистан (на азерб. яз.)

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки. № 8. 1961. А. К. Григорянц. От коммунистических субботников к коллективам коммунистического труда (на армян. яз.); Р. П. Кондакчян. Внешнеторговая экспансия западногерманских монополистов в Турцию (на армян. яз.); А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении.

«Известия АН Киргизской ССР». Серия общественных наук. Т. III. Вып. 2 (История). 1961. Б. Т. Муратталиев. В. И. Ленин о создании материально-технической базы коммунизма; С. И. Ильясов. Ленинский кооперативный план и его осуществление в Киргизии; А. Ф. Лачко. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до победы Великой Октябрьской социалистической революции; К. К. Каракеев. Коммунистическая партия Киргизии в борьбе за подъем народного образования в годы предвоенных пятилеток; Д. Малабаев. К вопросу об организации и деятельности джайлоонных Советов в Киргизии; К. И. Петров. Киргизско-кыпчакские отношения; С. М. Абрамзон. Киргизы Китайской Народной Республики; М. А. Салахетдинова. Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме» Мир-халь ад-дина.

«Известия АН Туркменской ССР». Серия общественных наук. № 4. 1961. Т. Б. Бердыев. Некоторые итоги развития общественных наук за десять лет (1951—1961 гг.); К. Рахманов. О некоторых социально-экономических изменениях в Туркменистане в результате монгольского завоевания; Е. В. Попов. Реформистская сущность праволейбористской концепции социального равенства; Д. Н. Шапкин. Туркменистан — страна древнего хлопководства (к истории развития хлопководства в Туркменистане).

«Историко-филологический журнал АН Армянской ССР». № 1. 1961. Г. С. Дзоценидзе. Славное сорокалетие (на армян. яз.); О. Е. Туманян. Уровень промышленного развития Армении в конце XVIII и начале XIX веков (на армян. яз.); Н. А. Сидорова. О фонде средневековых рукописей Национальной библиотеки Франции и об организации работы в «Школе Хартии» в Париже; С. Гаспарян. 40-летие Советской Армении и зарубежные армяне (на армян. яз.).

«Историко-филологический журнал АН Армянской ССР». № 2. 1961. М. Г. Нерсисян. Гражданская война в США в освещении армянской периодической печати (на армян. яз.); В. Бэнэцяну. Некоторые вопросы этногенеза армян; С. Т. Алиханян. Помощь Советской России армянскому народу (на армян. яз.); О. У. Меликсетян. Репатриация зарубежных армян в Советскую Армению (1921—1925) (на армян. яз.).

«Записки Иркутского областного краеведческого музея. К 300-летию Иркутска». Вып. 2. 1961. Ф. А. Кудрявцев. Иркутску — 300 лет (1661—1961); А. З. Багаутдинов. Иркутск в XVII веке (1661—1701); Б. П. Полевой. Забытое описание Иркутского острога 70-х годов XVII в.; В. И. Дулов. План города Иркутска 1768 г.; Э. П. Зиннер. Город Иркутск в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в.; Б. Г. Кубалов. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860—1862 гг.); А. А. Мухин. Формирование пролетариата в Иркутской губернии и городе Иркутске в конце XIX—начале XX вв.; З. Тагаров. О революционной деятельности И. В. Быкова, И. С. Якутова и А. И. Попова-Коновалова в Иркутске; Н. Д. Овсянникова. Иркутская периодическая печать о ленской забастовке 1912 г.; В. Т. Агалаков. Об организации Советов в Иркутской губернии в 1917—1918 гг.; Л. С. Любимов. Из истории партийно-советской печати в Иркутске (ноябрь 1917—1918 гг.); И. С. Степичев. Роль рабочих Иркутска в социалистической перестройке деревни; И. И. Кузнецов. Иркутск в годы Великой Отечественной войны; Я. П. Тарасенко. От коммунистических субботников к бригадам и предприятиям коммунистического труда; М. И. Рябцовский. Перспективы развития Иркутска; Н. М. Мельхеев. Роль Иркутска в социальном и культурном развитии бурятского народа; Е. М. Даревская. Связи Иркутска с Монголией.

«Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института». Вып. 6. Серия историко-филологическая. 1961. А. В. Краснов. Коммунистическая партия в борьбе за совершенный государственный ап-

парат (1929—1932 гг.); Б. С. Санжиев. Ярослав Гашек — активный участник борьбы за упрочение Советской власти в Восточной Сибири; П. Т. Хаптаев. К вопросу о расслоении крестьянства Забайкалья; И. А. Асалханов. О социально-экономическом развитии деревень и улусов Балаганского округа Иркутской губернии во второй половине XIX в.; С. А. Максанов. Культурно-просветительные учреждения Бурятской АССР в годы послевоенных пятилеток (1946—1958 гг.).

«Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР». V. Вып. 1. 1960 (на груз. яз.). Т. Н. Цхведиани. Кавказское бюро ЦК РКП(б) и борьба за победу социалистической революции в Грузии; М. В. Натмеладзе. Из истории социалистической реконструкции промышленности Тбилиси (1926—1928 гг.); А. Г. Пирцхалаишвили. Из истории городов Грузии за первые 30 лет XIX в.; Э. В. Хоштариа. К вопросу о социальном положении крестьян в Картли XVII—XVIII вв.; Р. К. Кикнадзе. Из истории Тбилиси XI—XIII вв.; М. М. Бердзнишвили. Категории крестьян в Грузии XI—XII вв.; Г. А. Ломтатидзе. Археологическая изученность Тбилиси; И. А. Гзелишвили, О. В. Ткешелашвили. Новые археологические памятники материальной культуры раннефеодальной эпохи из г. Тбилиси; Д. А. Хахутайшвили. Возникновение грузинского рабовладельческого города в свете новых археологических открытий; Г. Г. Гиоргадзе. В вопросу о локализации некоторых областей хеттского царства.

«Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». Т. 10. Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. 1961. Ф. К. Михайлов. Движение за звание бригад и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве Казахстана; Ф. И. Колодин. Реорганизация МТС и дальнейшее укрепление колхозного строя (на материалах Казахстана); Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 годы); Л. А. Пинегина. Из истории строительства Балхашского медеплавильного комбината; Р. Б. Сулейменов. Из истории развития науки в Казахстане (1933—1940 годы); П. С. Белан. Героический труд работников сельского хозяйства Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

«Сообщения Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова АН Союза ССР (Сибирское отделение)». Вып. 13. Геология, химия, биология и история. 1960. В. Г. Щебеньков. Первые инструкции Российской Академии наук об изучении культуры Китая.

«Ученые записки Иркутского государственного педагогического института». Вып. XVIII (4). 1961. П. Ф. Кураков. Разоблачение австрийскими коммунистами реакционной сущности буржуазной теории «народного капитализма».

«Ученые записки Иркутского государственного педагогического института». Вып. XVIII (6). 1961. В. Г. Тюкавкин. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века.

«Ученые записки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького». Т. CXVIII. Труды кафедры истории КПСС. Т. 9. 1961. Б. К. Мигаль. Борьба большевиков Полтавщины за укрепление диктатуры пролетариата на селе в первый год нэпа; А. Д. Мацына. К вопросу о борьбе Харьковской партийной организации за повышение производительности труда в тяжелой промышленности (1926—1929 гг.) (По материалам заводов ХПЗ и ХЭМЗа); М. В. Цуманенко. Идейно-политическая работа Коммунистической партии в войсках 1-го Украинского фронта в период боев за освобождение Киева (сентябрь 1943—6 ноября 1943 г.); В. И. Федоров. Борьба партийной организации Харьковского электромеханического завода за ритмичность производства, за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции в 1956 году; В. И. Булах. Мероприятия Коммунистической партии по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов и борьбе за их осуществление в 1956—1959 гг.; П. М. Фатеев. Новые формы партийного контроля в парторганизации Харьковского завода транспортного машиностроения им. Малышева; З. Г. Лихолобова. Возникновение и развитие соревнования за звание коллективов и ударников коммунистического труда; А. М. Филиппов. Мероприятия партии и правительства по реорганизации системы педагогического образования на Украине в годы первой пятилетки.

Хроника научной жизни

В АРХИВЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР существует уже более столетия и является одним из старейших и богатейших хранилищ документальных источников по отечественной и всеобщей истории (свыше двухсот тысяч единиц хранения) [1].

Если попытаться систематизировать фонды и коллекции архива по принципу их происхождения, то можно объединить их в три основные группы. К первой относятся материалы, поступившие в архив в результате собирательской деятельности Археографической экспедиции (1834 г.), Археографической комиссии (1837 г.) и учреждений, преемственно связанных с этой комиссией (Постоянная историко-археографическая комиссия Академии наук, Историко-археографический институт АН СССР, ЛОИИ). Во вторую группу входят материалы, поступившие в архив из других хранилищ Академии наук в 1931 г. (преимущественно из рукописного отделения библиотеки АН СССР). Некоторые из фондов этой группы хранились в академии со второй четверти XVIII в. (Походная канцелярия А. Д. Меншикова, «Порубежные акты»), другие переданы ей после Великой Октябрьской социалистической революции (фонд Воронцовых). Третью группу составляют материалы, собранные известным палеографом, археографом, историком и искусствоведом акад. Н. П. Лихачевым. Они состоят из двух частей: русской (11 тыс. единиц хранения) и западной, которая легла в основу западноевропейской секции Архива ЛОИИ, насчитывающей свыше 22 тыс. единиц хранения.

Степень использования материалов архива различна. Документы из фондов и коллекций архива Археографической комиссии публиковались в XIX — начале XX в. в таких изданиях, как «Акты, собранные Археографической экспедицией», «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Русская историческая библиотека» и др. [2]. Документы из фондов, хранившихся ранее в рукописном отделении библиотеки Академии наук, издавались гораздо меньше. Здесь можно отметить публикации материалов по истории Северной войны, извлеченных из фонда Походной канцелярии Меншикова, а также сорокатомное издание «Архив кн. Воронцова» (1870—1895 гг.). Однако существование указанных выше изданий не освобождает исследователей и публикаторов от необходимости вновь обращаться к подлинникам давно изданных документов. Так, при подготовке сборников документальных материалов по истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина пришлось снова обратиться к фонду Астраханской приказной палаты, хотя большинство документов этого фонда было опубликовано более ста лет тому назад в «Актах исторических», а при подготовке публикации о восстании Ивана Болотникова — к соликамским актам, изданным в «Актах Археографической экспедиции» [3].

Расширение тематики исторических исследований в советское время, необходимость создания истории народов, населяющих СССР, разработка социально-экономической истории и истории классовой борьбы вызвали потребность в издании новых источников. Материалы Архива ЛОИИ публиковались в «Летописи занятий Постоянной историко-археографической комиссии», в отдельных тематических сборниках, в трудах Историко-археографического института, на страницах «Исторического архива» [4]. В на-

---

[1] Краткий обзор фондов и коллекций архива и необходимые сведения об их составе, объеме, происхождении и использовании см. «Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории». М-Л. 1958.

[2] См. «Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 год». 6-е изд. Птгр. 1918.

[3] См. «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Т. I. Сборник документов. М. 1954; «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы». М. 1959.

[4] «Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год». Вып. 1(34), 1927; «Крепостная мануфактура в России». Ч. I—III. Л. 1930—1932; «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». М. 1935; «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века». Л. 1936; «Материалы по истории кресть-

стоящее время подготовлены к публикации вотчинно-хозяйственные книги XVI в. (приходо-расходные, ужинно-умолотные, сбора оброка и др.). Первый том нового издания будет содержать в себе книги вотчин Волоколамского монастыря, в основном хранящиеся в Архиве ЛОИИ, второй том — книги Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого и Краснохолмского монастырей, находящиеся как в ЛОИИ, так и в других архивах.

Однако использование источников, хранящихся в Архиве ЛОИИ, не могло ограничиться только опубликованными материалами; сотни исследователей работали в нем непосредственно над рукописями. Акад. Б. Д. Греков в своих работах, посвященных истории феодального землевладения и крестьянства на Руси, широко пользовался материалами архива, превосходно знал его, принимал участие в его описании и публиковал документы из его коллекций. Акад. Е. В. Тарле привлек документы Походной канцелярии Меншикова в своей книге «Северная война и шведское нашествие на Россию»; К. Н. Сербина на основе тщательного изучения материалов Тихвинского Успенского монастыря написала капитальное исследование «Очерки из социально-экономической истории русского города (Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.)»; Н. В. Устюгов пользовался документами Чердынской воеводской избы для характеристики солеваренной промышленности Соли Камской; А. Г. Маньков, статистически обработав данные, содержащиеся в приходо-расходных книгах монастырей, использовал их в работе о ценах XVI в. и т. д.[5].

Содержание фондов ЛОИИ, уже изучавшихся исследователями, раскрывается другими своими гранями при постановке новых проблем. Например, фонд Тихвинского монастыря, столь обстоятельно разработанный К. Н. Сербиной в части, касающейся истории посада, использован Р. Б. Мюллер и Т. В. Старостиной для работ, освещающих антифеодальную борьбу крестьян Карелии в XVII в., А. С. Жербиным — для изучения переселения карел в Россию в том же столетии[6]; материалы того же фонда опубликованы в недавно вышедшем сборнике документов «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке» (М.-Л. 1960). Дальнейшее изучение фонда, несомненно, даст еще много ценных материалов по истории Карелии и крестьянства северо-восточных районов России. То же самое можно сказать и о фонде Спасо-Прилуцкого монастыря. В работе Л. С. Прокофьевой «Вотчинное хозяйство в XVII веке (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря)» этот фонд использован очень широко. Однако один из типов документов указанного фонда явился темой специального источниковедческого исследования В. М. Панеяха «К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря»[7]. Из этого же фонда почерпнула материал Н. А. Горская для работы «Земледельческие орудия в центральной Руси XVI—XVII вв.»[8].

Перспективы, открываемые Архивом ЛОИИ перед теми, кто изучает историю феодального общества, очень велики. Фонды или части фондов монастырей (Антониева-Сийского, Александро-Свирского, Иверского-Валдайского, Успенского-Тихвинского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого); фонды приказных изб (Олонецкой, Белозерской и др.), коллекции Н. П. Лихачева, В. О. Ключевского, Н. Г. Головина и др., фонды помещиков дают возможность для всестороннего изучения истории крестьянства и других групп феодально зависимого населения, их экономического и юридического положения, а также истории классовой борьбы. Они дают возможность исследовать хозяйство феодальной вотчины и проследить историю землевладения в некоторых районах России.

Все эти проблемы в настоящее время разрабатываются рядом историков. Обильный материал из фонда Иверского монастыря и Астраханской приказной палаты черпает А. Г. Маньков для монографии, посвящен-

---

янской промышленности XVIII — первой половины XIX в.». Т. 1. Л. 1935; «Материалы по истории Казахской ССР». Т. IV. М.-Л. 1940; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке XVIII в.». М. 1948, и др.

[5] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М. 1957; А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М-Л. 1951.

[6] Р. Б. Мюллер. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем. «Исторические записки». Т. 43. 1953; Т. В. Старостина. Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-х годах XVII века. «Ученые записки» Петрозаводского университета. Т. VII, вып. 1, 1957; А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск. 1956.

[7] «Проблемы источниковедения». Т. V. М. 1956.

[8] «Материалы по истории земледелия СССР». Т. III. М. 1959.

ной развитию крепостного права во второй половине XVII в.; этими же материалами пользовался А. Л. Шапиро для своих работ («Бобыльство в России в XVI—XVII вв.»[9] и др.); документы Кирилло-Белозерского монастыря анализировал А. Х. Горфункель в ряде статей, подготовленных к печати («О термине «бобыль» в источниках XVII века» и др.). Материалы Архива ЛОИИ по истории крестьянства не ограничиваются рамками XVI—XVII вв., а имеются в большом количестве и за XVIII — начало XIX века. Но они пока значительно реже попадают в поле зрения историков[10]. Фонды монастырей и в особенности приказных изб (Белозерской, Новгородской и др.) содержат в себе богатые материалы по истории местного управления России; ими пользовался В. Г. Гейман, подготовивший к печати большое исследование, посвященное воеводскому управлению XVII в.[11], их изучает Н. Е. Носов, пишущий работу о местном управлении второй половины XVI века.

Материалы Архива ЛОИИ широко освещают историю народов Советского Союза. Разработка истории Карелии XVI—XVIII вв. невозможна без материалов Олонецкой приказной избы, Тихвинского монастыря, фонда Воронцовых; для изучающих историю Сибири необходимы фонды Якутской, Верхотурской, Иркутской и других приказных изб; история народов Нижнего Поволжья освещается документами Астраханской приказной палаты (закончено недавно научное описание этого фонда, насчитывающего свыше 15 тыс. единиц хранения). Материалы по истории народов Средней Азии и Дальнего Востока есть в фонде Воронцовых, по истории Украины — в коллекциях Киевской казенной палаты, Н. П. Лихачева, в фонде А. А. Скальковского и др.

Материалы о внешней политике Русского государства XVII — начала XIX в., а также материалы об экономических связях России с другими странами широко представлены в богатом, но слабоизученном фонде «Порубежных актов» (в настоящее время документы фонда подвергаются реставрации), в коллекции С. В. Соловьева, Псковской и Новгородской приказных изб[12], в фондах Астраханской приказной палаты, Нерчинской и Иркутской воеводских изб, Воронцовых, в коллекции донесений нидерландских дипломатических представителей, в фонде Походной канцелярии Меншикова и др. Материалы по истории русской экономической мысли и экономической политики, по истории торговли и промышленности имеются в фондах Воронцовых[13], Астраханской приказной палаты, Архангелогородской губернской канцелярии, Холмогорской таможенной избы, Чердынской приказной избы; в ряде коллекций: документов конца XVII — начала XVIII в. (к. № 105), по истории русского флота (к. № 95), И. Х. Гамеля, и др.

Материалы по истории русской общественной мысли XVIII — первой половины XIX в. имеются в фонде Воронцовых. Рукописи А. Н. Радищева, находящиеся в нем, уже опубликованы. В настоящее время по основной рукописи из этого собрания сотрудники ЛОИИ подготавливают к печати многотомную «Историю Российскую» В. Н. Татищева; из этого же фонда в вышедшем недавно в свет издании «Проекты и записки М. Сперанского» использованы две рукописи Сперанского. Для изучающих события начала XIX в. интересен фонд петербургского военного губернатора Балашова, частично использованный в работе С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов».

Материалы Архива ЛОИИ предоставляют богатейшие возможности для исследователей, работающих в области русской палео-

---

[9] «История СССР», 1960, № 3.

[10] Фонды Иверского монастыря и Меншиковых использованы в статьях А. Л. Шапиро «Крестьянские отходы и крестьянский наем в Петровское время» («Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени Покровского». Т. V, вып. 1. 1940), «Крестьянская торговля и крестьянские подряды в Петровское время» («Исторические записки». Т. 27. 1948), фонд Воронцовых — в книге Е. И. Индовой «Крепостное хозяйство в начале XIX в. по материалам вотчинного архива Воронцовых». М. 1955.

[11] Небольшой отрывок этой работы опубликован. См. В. Г. Гейман. Сочение следа в Белозерском уезде XVII в. «Труды ЛОИИ». Вып. 2. М.-Л. 1960.

[12] Обзор материалов Архива ЛОИИ по русско-скандинавским отношениям см. Э. Д. Рухманова и Ю. В. Курсков. Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда. «Скандинавский сборник». Т. III. Таллин. 1958.

[13] История и обзор фонда Воронцовых. См. В. А. Петров. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР. «Проблемы источниковедения». Т. V. 1956. Характеристику фонда Холмогорской таможенной избы см. В. М. Неклюдов. Обзор актов Холмогорской таможенной избы XVII в. «Проблемы источниковедения». Т. III. 1940.

графии, дипломатики, сфрагистики и др. Здесь находятся фонды Н. П. Лихачева, А. А. Гераклитова и других специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам. Документы приказных изб, имеющиеся в архиве, могут служить для изучения местного делопроизводства XVII—XVIII вв.; широкие территориальные и хронологические рамки документов, хранящихся в архиве, дают простор для палеографических наблюдений. К сожалению, эти возможности еще слабо используются историками. Ждет своего опубликования работа А. А. Гераклитова о водяных знаках бумаги XVII в., подготовленная к печати С. А. Клепиковым. Материалы коллекции Н. П. Лихачева, фонда Воронцовых, Екатерины II, Походной канцелярии А. Д. Меншикова использованы С. А. Клепиковым и М. В. Кукушкиной для палеографических исследований, посвященных бумажным водяным знакам «Pro patria» и «Шут». Над вопросами русской сфрагистики X—XV вв. работал в Архиве ЛОИИ В. Л. Янин.

Кроме историков, материалами Архива ЛОИИ (фондом Воронцова, коллекциями Н. П. Лихачева, планов и карт, рукописных книг и др.) широко пользуются специалисты по истории искусства и литературы. Характерно, что исследователи, работающие над этой тематикой, в 1960 г. составляли треть всего числа посетителей архива.

Не менее широкие возможности для историков открывают документы и материалы западноевропейской секции Архива ЛОИИ. Часть коллекции Н. П. Лихачева, лежащая в основе этой секции, благодаря самому характеру ее комплектования превратилась в одно из немногих собраний, в которых хранятся материалы почти всех стран Европы и некоторых стран Америки и Азии. В западноевропейской секции архива имеются документы по истории Италии и Франции, Германии и Австрии, Испании и Португалии, Фландрии и Нидерландов, Англии, Швеции и Дании, Польши, Чехии и Венгрии, Сербии и Хорватии, Индии и Египта, Бразилии и Мексики, США и Канады. Большое место занимают здесь итальянские материалы (почти 10 тыс. единиц хранения), за ними следуют французские, немецкие и т. д. Кроме того, в состав секции входят материалы по истории папства и католической церкви, коллекция греческих рукописей, шифров XV—XVIII вв., бумаги и пергамена, материалы по истории библиотек и собрания автографов и, наконец, иностранные материалы о России.

Разработка архивных материалов западноевропейской секции Архива ЛОИИ началась еще до революции, однако это были почти исключительно публикации и исследования самого Н. П. Лихачева [14] и немногих допускавшихся к его коллекции ученых. В 1902 г. Анри Омон воспроизвел в Париже по единственному экземпляру, находящемуся в ЛОИИ, «Dictionnaire d'abréviations latins publié à Brescia en 1534».

После Великой Октябрьской социалистической революции и перехода архивных материалов в собственность государства работа по публикации и исследованию материалов значительно расширилась. В 1924 г. вышла работа Н. П. Лихачева из серии статей, относящихся к вспомогательным дисциплинам («Датированные византийские печати»). Западноевропейская секция Архива ЛОИИ в целом может служить прекрасной базой для изучения латинской и в определенной степени греческой палеографии [15], дипломатики, сфрагистики и других вспомогательных исторических дисциплин. Крупнейший советский знаток латинской палеографии, член-корреспондент АН СССР О. А. Добиаш-Рождественская еще в 20-х годах обучала слушателей университетского семинара расшифровке и анализу наиболее ценных актов западноевропейской секции архива и в первую очередь Кремонских актов X—XIII веков. Результатом этой работы явилась не только подготовка издания этих документов, но и воспитание квалифицированных кадров

---

[14] Н. П. Лихачев. Печати патриархов константинопольских. М. 1899; его же. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. СПБ.-М. 1911; его же. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПБ. 1911; Рукопись, принадлежавшая патриарху Феодосию Терновскому. «Известия» Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. X, кн. IV. СПБ. 1905; его же. Une lettre de Nicolas Eymerici. СПБ. 1910; его же. Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 81. СПБ. 1906; его же. К истории дипломатических отношений с папским престолом при царе Борисе Годунове. «Известия» Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XI, кн. 1. СПБ. 1906.

[15] См. Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. «Византийский временник» («В. В.»). Т. XVI, 1960.

советских палеографов. Эта работа была продолжена Т. В. Луизовой, изучавшей в Архиве ЛОИИ летописные рукописи XI—XIII вв. и написавшей ценное исследование о происхождении готического письма [16], и другими учеными. Однако материалы архива для учебной работы по палеографии и вспомогательным историческим дисциплинам используются пока крайне незначительно, главным образом в рамках архивной практики студентов Ленинградского университета.

Советские медиевисты и историки нового времени сделали уже первые шаги в области публикации наиболее ценных материалов западноевропейской секции Архива ЛОИИ. С. А. Аннинским были подготовлены с использованием материалов семинария О. А. Добиаш-Рождественской и под ее руководством опубликованы в 1937 г. «Акты Кремоны X—XIII веков», дающие ценнейший материал по экономической истории Италии [17]. Недавно вышла в свет публикация «Актов Кремоны XIII—XVI веков», подготовленная сотрудниками ЛОИИ. Некоторые акты, хранящиеся в западноевропейской секции архива, опубликованы в 1948 г. в сборнике раннефеодальных документов, вышедшем в Лондоне [18]. Сотрудниками ЛОИИ подготавливается по материалам архива публикация «Города Италии XIII—XV веков». Можно отметить также отдельные публикации, такие, как письма Медичи, вышедшие в 1939—1941 гг. в качестве приложения к статьям М. А. Гуковского, его же публикация о наброске Микеланджело, биографические материалы Вольтера, Руссо, Беранже, Жорж Санд, Шатобриана, помещенные в 29—34-м томах «Литературного наследства», булла папы Пасхалия II, опубликованная польским ученым Александром Гейштором в 1957 г., и др. [19].

Необходима, конечно, более широкая публикация западных материалов Архива ЛОИИ. Из его фондов и коллекций может в значительной степени черпаться материал для издаваемой Институтом истории АН СССР серии «Средневековые документы в архивах СССР». Например, III том этой серии составят документы по истории итальянских городов в период наивысшего экономического расцвета средневековой Италии. В последующих томах, несомненно, могли бы найти место такие компактные коллекции, как большой конволют актов Падуи XIII—XIV вв., которые уже намечены для публикации, документы Бергамо XVI—XVII вв., сохраняющиеся в двух рукописных сборниках, материалы коммуны Монте Сан Джованни в Кампании XVI—XVII вв. (более 300 актов и писем). Из французских материалов большой интерес могут представить нотариальные записи XIV в. о земельных сделках и других сторонах жизни города в Лангедоке (компактный материал такого рода, относящийся к столь раннему времени, является большой редкостью). Предварительная подготовка этого материала к публикации уже начата работниками ЛОИИ. Научным сотрудником ЛОИИ Л. Г. Катушкиной подготовлена весьма ценная публикация писем Мабильона — одного из основоположников западной палеографии. Не менее интересной могла бы стать небольшая публикация архивных документов, связанная с деятельностью Ришелье (письма, подписанный им договор о постройке дворца для него, королевский патент Людовика XIII, утверждающий Ришелье в звании кардинала).

Историки нового времени имеют возможность подготовить небольшой сборник документов и писем периода Французской буржуазной революции XVIII века. Сюда могли бы войти официальные документы революционных учреждений, в частности декрет о создании специального трибунала для суда над Людовиком XVI, письма Бабефа, Эбера, донесения генералов Келлермана, Моро, Нея, приказы, относящиеся к походу в Египет, записки Наполеона и др. (всего около 200 документов). Можно подготовить для издания наиболее интересную часть документов папской нунциатуры в Испании. В 7 больших томах этого фонда, охватывающего всего пять лет семидесятых годов XVII в., насчитывается более 2 тыс. документов. Эта публикация могла бы осветить не только роль и деятельность папства в масштабе всей Европы, и прежде всего в Испании, но и выяснить

---

[16] Т. В. Луизова. Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма. Сборник «Средние века». Вып. V. 1954.

[17] «Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР», М.-Л. 1937.

[18] Love. Codices Latinae antiquiores. London. 1948.

[19] М. А. Гуковский. Набросок Микеланджело в собрании Института истории АН СССР. «Сообщение Института истории искусств АН СССР», № 8. М. 1957; A. Gieysztor. Une bulle de Pascal II retrouvée. Bulletino dell' «Archivio Paleografico italiano», nuova serie, II—III, parte I, Roma. 1957.

некоторые вопросы международных отношений указанного времени. Небезынтересной была бы публикация документов папской канцелярии XII—XX вв. (676 булл, 171 бреве и т. п.), а также фондов кардиналов Просперо Санта Кроче (более 200 документов XVI в.) и Джованни Мороне (более 600 документов XVI в.). Вполне закономерной была бы подготовка сборников, писем и материалов ученых, писателей и художников Италии (более 300 документов), Франции (более 400 документов), Германии (более 300 документов). Достаточно назвать такие имена, как Лоренцо Валла и Полициано, Муратори и Виллари, Гельвеций и Гаспар Монж, Деламбер и Шамполь-он, Гюго и Золя, Лютер и Эразм Роттердамский, Гумбольдт и Гейне, чтобы понять, насколько интересными были бы такие публикации, несмотря на свою фрагментарность.

Наиболее существенной трудностью при подготовке перечисленных выше публикаций является палеографическая сложность архивных материалов средневековья, что еще раз напоминает о насущной необходимости овладения медиевистами и историками нового времени знаниями по палеографии и другим вспомогательным дисциплинам. В то же время публикации, снабженные фотокопиями документов, представляют собой как пособия для студентов, так и реальную базу для новых исследований. Примером может служить названный уже том «Актов Кремоны X—XIII веков», на базе которого О. Н. Цыбенко в 1954 г. во Львове была написана и защищена в качестве кандидатской диссертации интересная работа «Феодальное землевладение епископской церкви и положение крестьян в Кремоне XI—XII веков».

Непосредственное обращение к материалам Архива ЛОИИ дает возможность, не дожидаясь выхода в свет публикаций, подготовка которых требует многолетнего скрупулезного труда, создавать серьезные научные исследования. Так, еще в 30-х годах вышла работа С. А. Аннинского о дипломе Оттона I и о пребывании царского посольства в Италии в 1656 году. В конце 30-х — начале 40-х годов на основании итальянских документов М. А. Гуковским была написана работа «Заметки и материалы по истории рода Медичи», а в 40—50-х годах — серия ценных статей Е. В. Бернадской, А. Х. Горфункеля и др. по аграрной истории Италии и истории итальянских городов. Материалы архива по той же тематике использовала в своих работах Л. М. Брагина. В 1957 г. в сборнике, изданном в честь прогрессивного итальянского ученого Армандо Сапори, были помещены две статьи советских ученых по истории торговли и промышленности и по истории сельского хозяйства, также основанные на материалах западноевропейской секции Архива ЛОИИ [20].

Можно без всякого преувеличения сказать, что на основании материалов Архива ЛОИИ или с привлечением их могут быть написаны многие работы по истории западноевропейских стран. Кроме того, изучая отдельные ценные документы, представляющие собой первоклассные материалы для небольших специальных исследований, могут совершенствовать свои знания по вспомогательным историческим дисциплинам и умение работать с архивными источниками студенты-дипломники и аспиранты. Назовем в качестве примера несколько тем, которые можно исследовать на базе материалов западноевропейской секции Архива ЛОИИ. Некоторые стороны деятельности нидерландских правителей времени буржуазной революции XVI в.

---

[20] Е. В. Бернадская. Из истории итальянского крестьянства XV—XVI вв. (по материалам архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР). Сборник «Средние века». Вып. XI. М. 1958; ее же. К истории аграрных отношений Северной Италии XIV—XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары). Сборник «Из истории трудящихся масс Италии». М. 1959; E. V. Bernadskaja. L'imposizione di tributi ai contadini dell' Italia settentrionale nei secoli XV-e — XVI-e. Studi in onore di A. Sapori. Milano. 1957; Л. М. Брагина. Сельские коммуны Северо-Восточной Италии и подчинение их городу в XIII—XIV вв. Сборник «Средние века». Вып. VII. 1955; А. Х. Горфункель. Из истории экспроприации итальянского крестьянства (аграрные отношения в Коринальдо во второй половине XV в.). «Ученые записки» Ленинградского государственного университета № 192 Серия исторических наук. Вып. 21. 1956; М. А. Гуковский. Заметки и материалы по истории рода Медичи. «Ученые записки» ЛГУ. № 39. Серия исторических наук. Вып. 4. 1939; № 86, вып. 12. 1941; В. И. Рутенбург. Маркс о ростовщичестве и итальянские ломбарды XV века. «Ученые записки ЛГУ», № 130, серия исторических наук. Вып. 18. Л. 1951; его же. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. М.-Л. 1951; его же. Чомпи и гранды. Сборник «Из истории трудящихся масс Италии». М. 1959; его же. La compagnia Uzzano. Studi in onore di A. Sapori. Milano. 1957. и др.

Маргариты Пармской и Александра Фарнезе могут быть изучены по письмам из Пьяченцы, в которых идет речь о капиталах наместницы испанского короля в банках Венеции и о состоянии ее итальянских владений. Более 600 документов Виченцы и ее округи представляют безусловный интерес для тех, кто занимается историей XVIII века. Французские материалы дают возможность исследовать счета королевской тюрьмы Бастилии за 1766—1767 гг. и многочисленные финансовые документы XV—XVIII вв., в том числе два мемуара о финансовом положении страны в середине XVIII века. Среди английских материалов остается неисследованным письмо Марии Стюарт к Карлу IX, среди фландрских — акты об имущественных делах Эгмонта и Горна, среди шведских и немецких — документы периода Тридцатилетней войны, среди австрийских — письма графа Миттровского (1806—1807 гг.) о моральном разложении французских войск в Польше и о состоянии русской армии в начале XIX века. Кроме того, материалы папской канцелярии и орденов (иезуитов, мальтийского, францисканского, Калатравы) и другие компактные комплексы рукописей, независимо от подготовки последних к публикации, также ждут своих исследователей.

В славянских фондах Архива ЛОИИ насчитывается более 800 польских документов, около 30 чешских, около 20 сербских и хорватских. Бумаги семейного архива, судебные дела о земельных владениях, чертежи владений, «угодовые листы», податные квитанции из фонда Малаховских рисуют колоритную картину жизни польского поместья XVI—XVIII веков. Политическая история Ливонии нашла отражение в документах XIII—XVIII вв. из архива князя Сапеги (более 200 документов). Письма чешских ученых и политических деятелей Ганки, Палацкого, Шафарика, Пуркине, Копитара могут дать ценные сведения по истории чешской культуры.

Безусловный интерес для исследователей истории колониализма представляют немногочисленные документы, отражающие один из моментов борьбы Индии против английских колонизаторов под руководством Типу-султана и взаимоотношения Англии, Франции и Голландии в связи с этим в конце XVIII века.

Среди западных документов о России следует выделить индульгенции Ливонского ордена с отпущением грехов за борьбу против России (XVI в.), письмо к гр. Валевскому с оценкой реформы 1861 г. в России, письма о политике Петра I на Востоке, о Екатерине II и ее внешней политике, о событиях в Петербурге в 1762 г., записные книжки французского ученого, монтаньяра Жильбера Рэмма, воспитателя г. Строганова, так же как «Voyage en Crimée» 1786 г. и «Observation de Russie», составленная в 1780 году.

Одной из задач коллектива ЛОИИ, как и всех советских историков, работающих над проблемами истории нашей Родины, а также западных стран, является возможно более широкое использование этого ценного собрания архивных материалов.

Р. И. Козинцева, В. И. Рутенбург

Хроникальные заметки

◆ В Тбилиси состоялась объединенная юбилейная сессия АН СССР, академий наук Грузинской, Азербайджанской и Армянской союзных республик, посвященная 40-летию установления Советской власти в Грузии и образования Коммунистической партии Грузии. На пленарном заседании были заслушаны выступления президента АН СССР акад. М. В. Келдыша, президента АН Арм. ССР акад. В. А. Амбарцумяна, президента АН Азерб. ССР действительного члена АН Азербайджанской ССР Ю. Г. Мамедалиева. С докладом «Наука Грузии за 40 лет Советской власти» выступил президент АН Грузинской ССР акад. Н. И. Мусхелишвили. На заседаниях секций прочитано около 140 докладов.

◆ Музей Революции СССР отметил 75-летие со дня рождения Г. К. Орджоникидзе. Работавший долгое время вместе с Григорием Константиновичем в Наркомате тяжелой промышленности С. З. Гинзбург во вступительном слове охарактеризовал жизнь и работу выдающегося деятеля партии, одного из крупнейших организаторов социалистической промышленности. С воспоминаниями выступили старые коммунисты Г. С. Кривов и Н. Н. Колесникова, а также Е. А. Джапаридзе, Е. Э. Весник и другие. Музей подготовил экспозицию, посвященную памятной дате.

◆ В Житомире, на родине Ярослава Домбровского, было торжественно отмечено 125-летие со дня рождения выдающегося

польского революционного демократа, прославленного генерала Парижской коммуны. В Житомирском областном краеведческом музее открылась выставка, посвященная Домбровскому. На торжественном вечере трудящихся города был заслушан доклад о жизни и деятельности Домбровского, сделанный кандидатом исторических наук Г. П. Булкиным.

◆ При кафедре истории Кемеровского педагогического института работает группа по подготовке двухтомной «Истории Кузбасса». Группой составлен и обсужден проспект книги. Первый том охватит историю области с древнейших времен по февраль 1917 года. Второй том будет посвящен советскому периоду и по объему составит две трети издания. Коллективом авторов I тома (М. Г. Елькин, З. Г. Карпенко, А. И. Мартынов, Н. Я. Савельев, У. Э. Эрдниев и др.) в 1960 г. был составлен первоначальный вариант первой части I тома — с древнейших времен до 1861 г., получивший положительную оценку научной общественности. Заканчивается составление первоначального варианта второй части I тома, охватывающей период с 1861 по февраль 1917 года. Сектор истории Института экономики Сибирского отделения АН СССР утвердил главным редактором I тома А. П. Окладникова и главным редактором II тома И. М. Разгона и принял решение обсудить в 1962—1963 гг. оба тома на своих выездных заседаниях в Кемерове и Новокузнецке.

◆ В Вильнюсе состоялась конференция ученых Прибалтики и Белоруссии, посвященная 20-летию Великой Отечественной войны. С докладом об основных проблемах первого этапа Великой Отечественной войны выступил научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Н. А. Фокин. Участники конференции прослушали доклады генерал-майора В. Карвялиса о боевом пути Литовского соединения Советской Армии, сотрудника Института истории АН ЭССР П. Ларина о борьбе Эстонского национального соединения Советской Армии против фашистских захватчиков, представителя Института истории АН Латвийской ССР В. Шевченко об участии Латвийского соединения Советской Армии в ликвидации одной из групп немецко-фашистских войск. На конференции были прочитаны также доклады о партизанском движении, о дружбе народов в борьбе против общего врага.

◆ После изгнания белогвардейцев с берегов Дона в марте 1920 г. армянская секция Ростов-Нахичеванской организации РКП(б) приступила к изданию своего органа — газеты «Банвори крив» («Борьба рабочего»). До последнего времени считалось, что вышло всего 32 номера газеты. Они хранятся в Армянском филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, несколько номеров имеется в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. В процессе организации газетного фонда Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина обнаружен 33-й номер газеты. В номере опубликованы материалы по актуальным вопросам того времени, освещается обстановка, сложившаяся в те исторические дни. Большое место в газете отведено вопросам культурно-просветительного строительства.

◆ Второй год при секторе востоковедения АН Армянской ССР работает курдоведческая группа, которая изучает историю, этнографию, литературу и фольклор курдского народа. Разрабатываются, в частности, темы: «Участие трудящихся курдов в социалистическом преобразовании деревни в Советской Армении», «Из истории формирования и развития курдского народа». Много внимания уделяется изучению национально-освободительного и демократического движения курдов. Ведется подготовка работ «Курдский вопрос в Иране» (Г. Акопов) и др. Группа тесно связана с курдоведческим кабинетом Ленинградского отделения АН СССР.

◆ В Ленинграде состоялось выездное заседание Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР, на котором обсуждался вопрос о создании коллективного труда, посвященного истории Ленинграда. С сообщением выступил и. о. заведующего Ленинградским отделением Института истории АН СССР Н. Е. Носов. Тома, характеризующие дореволюционную историю Ленинграда, уже вышли в свет. Сейчас завершена работа над томом, посвященным истории города в период с Великого Октября до 1941 года. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции намечено подготовить и издать двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде».

◆ В Новосибирске на чердаке одного из зданий обнаружены революционные брошюры и листовки 1905—1906 годов. Здесь оказались брошюра В. И. Ленина «Нужды деревни» («К деревенской бедноте»), изд. 1903 года, труды Г. Плеханова, П. Лафарга, А. Бебеля и многие другие. Среди 14 политических листовок — «Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами», «О манифесте 17 октября», «Клевета на свободу». Листовки и брошюры распространялись по заданию Новониколаевской группы РСДРП среди рабочих преподавателями воскресной школы, существовавшей при Обском железнодорожном училище.

◆ В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится архив Н. А. Добролюбова. После смерти великого русского революционера-демократа архив находился у Н. Г. Чернышевского, подготовлявшего к печати издание сочинений и материалы для биографии Добролюбова. В 1904 г. архив был передан Литературному фонду, откуда документы поступили частично в Публичную библиотеку, частично в Пушкинский дом Академии наук. Архив содержит статьи, заметки и рецензии Добролюбова для «Современника», труды и материалы по фольклору, в том числе предания о Пугачеве, собранные преимущественно в Нижегородской губернии, и другие материалы. В архиве имеется также портрет Добролю-

бова с запрещенной цензурой надписью: «И делал я благое дело среди царюющего зла». Сохранились биографические заметки о Добролюбове, некролог и другие материалы к его биографии, принадлежащие перу Н. Г. Чернышевского.

◆ Более 1 000 ценных памятников культуры Гродненщины хранят фонды Ленинградского Эрмитажа. В основном это археологические находки на берегах Немана, собранные еще в начале нашего века. Изучены древние селища Новогрудского района, собран богатый материал о первых поселенцах окрестностей Лиды, Дятлова и других мест. Издательству Академии наук СССР вручена рукопись работы Ф. Д. Гуревича «Древности белорусского Понеманья». Это первый опыт научного обобщения археологических находок на Гродненщине. Автор делает вывод, что на берегах Немана славяне появились значительно раньше, чем предполагалось до сих пор,— еще в первой половине первого тысячелетия нашей эры.

◆ На заседании военно-исторической секции Ленинградского дома ученых имени М. Горького был заслушан доклад Ф. А. Забелина «О порубежной крепости Изборск на северо-западной границе Новгород-Псковской земли в XIII веке». В прениях по докладу выступили профессор ЛГУ П. М. Горшков, кандидат военно-исторических наук Г. Н. Караев, научный сотрудник Военно-инженерного музея, кандидат исторических наук М. В. Люшковский и другие. Докладчик и выступавшие в прениях говорили о состоянии, изучении и мерах сохранения этого редкого исторического памятника архитектуры и военно-инженерного искусства древней Руси.

◆ В ноябре 1861 г. на почве жестокого обращения помещиков с их бывшими крепостными возникло волнение в Ярваском уезде (ныне Тапаский район) Эстонии. Оно выразилось в неповиновении помещикам и местным властям. Волнение было подавлено, а четыре руководителя крестьянского выступления приговорены к каторге и ссылке. В ознаменование столетия со дня крестьянского волнения в Ярваском уезде в Араветском Доме культуры Тапаского района состоялся слет эстонских краеведов. В слете приняли участие научные работники Института истории Академии наук ЭССР. В Доме культуры была организована выставка материалов об истории крестьянских волнений в Эстонии.

◆ В Свердловском государственном архиве хранится рукопись выдающегося русского исследователя «Описание камчатского народа, учиненное по сказыванию камчадалов студента Степана Крашенинникова. 1740 год июля 7-го дня». Несколько лет молодой ученый выполнял данное ему задание «исследовать и описать наиболее полно» слабо изученный в те времена полуостров. Крашенинников изъездил весь край, изучал его природу и быт населения. Возвратившись в Петербург, он представил полный отчет о путешествии. Рукопись Крашенинникова попала в Свердловский архив вместе с другими архивными материалами из Нижнего Тагила, из библиотеки П. П. Демидова.

◆ Исполнилось сто лет со дня первого издания «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» — замечательного памятника древнерусской литературы. В связи с этой датой в Ленинграде, в Институте литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, состоялось специальное заседание, которое открыл вступительным словом чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев. В заседании приняли участие ученые из разных городов страны, а также зарубежный гость — проректор Краковского университета В. В. Якубовский, работающий над переводом «Жития» на польский язык. Были заслушаны доклады об истории первого издания книги, цензурных материалах о ней, о проблемах издания текста, и другие.

Обзоры и рецензии

Ц. НИКОЛОВ. *Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. 1917—1922.* София. «Издателство БКП». 1960. 223 стр.

Ц. НИКОЛОВ. *Деятельность БКП в защиту Советской России в 1917—1922 гг.*

За последнее десятилетие значительно усилился интерес болгарских исследователей к изучению истории болгаро-советских отношений. Об этом свидетельствует появление ряда работ, как специально рассматривающих, так и косвенно затрагивающих данную проблему [1]. Этой теме посвящена и книга молодого болгарского историка Цанко Николова, в основу которой положена кандидатская диссертация, защищенная автором в Москве в 1958 году [2].

На значительном материале (в том числе архивном) Ц. Николов освещает борьбу Болгарской коммунистической партии в защиту Советской России, против антисоветских происков международной и болгарской контрреволюции.

Когда под давлением командования оккупационных войск Антанты правительство Болгарии начало передачу запасов болгарского оружия Деникину, болгарские коммунисты активно выступили против оказания помощи белогвардейцам. Под руководством БКП рабочие срывали погрузку оружия деникинцам и даже частично экспроприировали его (стр. 78—82). БКП развернула коммунистическую пропаганду среди находившихся в Болгарии русских военнопленных, препятствуя попыткам правительства и оккупационных властей использовать военнопленных в антисоветских целях.

Летом 1920 г. в связи с наступлением Врангеля и Польши на Советскую Россию по всей стране прокатилась волна массовых митингов под лозунгом «Мир и дружба с Советской Россией!». Портовые

---

[1] См. Д. Косев. Борбата на българския трудов народ под ръководството на БКП (т. с.) в защита на Съветска Русия през 1919—1922 г. («Исторически преглед», 1954, кн. 5); В. Хаджиниколов. Борбата на съветското правителство за мир непосредствено след Октомврийската революция и партията на тесните социалисти («Исторически преглед», 1957, кн. 5); его же. Помощта на българския народ за пострадалите от глада в Поволжието през 1921 г. («Исторически преглед», 1952, кн. 3); его же. Отношенията между България и Съветския Съюз след Октомврийската революция до нормализирането им през 1934 г. («Исторически преглед», 1954, кн. 4); его же. Стопански връзки и отношения между България и Съветския Съюз след Октомврийската революция до Девети септември. София. 1956; Хр. Христов. Борбата на българския народ в защита на Съветска Русия и против подпомагането на Деникиновата контрареволюционна армия («Исторически преглед», 1957, кн. 5); его же. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София. 1957; Д. Даскалов. Борбата на българския народ под ръководството на БКП против заговора на Врангел през 1922 г. («Военно-исторически сборник», 1956, кн. 2); Цв. Алексиева. Дейността на БКП (т. с.) за защита на младата съветска република в борбата ѝ срещу чуждестранната военна интервенция («Известия» Висша партийна школа «Станке Димитров» при ЦК на БКП. Отдел история. Вып. 4. София. 1959), и др.

[2] Кроме рецензируемой книги, автором опубликованы две статьи по той же тематике. См. Ц. Стоянов (Николов). Деятельность Болгарской коммунистической партии в защиту Российской советской республики (1919—1920 г.). «Ученые записки» Академии общественных наук. Вып. 45. М. 1958; Ц. Николов. Борбата на българската комунистическа партия за установяване на мирни дипломатически и икономически връзки със Съветска Русия (1917—1922 гг.). «Известия на Института по история на БКП». Вып. 7. София. 1960.

рабочие срывали отправку военных грузов для Врангеля; ящики с патронами они заменяли ящиками с песком (стр. 95—96). В трудные для Советской республики дни, подчеркивает Ц. Николов, болгарские коммунисты стали на ее защиту и, срывая планы международной реакции, выполнили свой интернациональный долг.

Автор подробно останавливается на том времени, когда БКП развернула кампанию по организации помощи голодающим Поволжья (1921 г.). Трудящиеся Болгарии отчисляли в фонд голодающих свой однодневный заработок, собирали одежду, обувь, продовольствие. Солидарность с трудящимися России и сочувствие к ним болгарских народных масс были столь велики, что правительство А. Стамболийского издало постановление об освобождении от всяких пошлин вывозившегося в Россию продовольствия. До июля 1922 г. кооператив «Освобождение», созданный по инициативе БКП, преодолевая противодействие реакции, закупил и отправил в Советскую Россию 1 600 вагонов продовольствия (стр. 141). Ц. Николов приводит и другие интересные факты об экономической помощи трудящихся Болгарии советскому народу. Следует отметить, что (по оценке различных международных организаций) сбор средств в помощь голодающим был лучше всего организован именно в Болгарии (стр. 147).

Важное место в книге занимает описание деятельности БКП по разложению остатков врангелевских войск, борьбы за изгнание белогвардейских штабов с территории Болгарии. Автор подробно говорит о работе, которую развернули болгарские коммунисты среди 20 тысяч врангелевских солдат (устная политическая агитация, распространение различных листовок, газет с постановлением ВЦИК об амнистии) (стр. 160—169). В Варне, где находилась база для забрасывания белогвардейских резидентов в Советскую Россию, была создана специальная конспиративная боевая группа БКП.

Весной 1922 г., пишет Ц. Николов, коммунисты Болгарии сорвали планы реакции, намеревавшейся с помощью врангелевцев свергнуть правительство Земледельческого народного союза.

В результате работы БКП в 1922 г. были созданы «Союз возвращения на родину» и «Крестьянский союз». Эти организации, которым оказывали большую помощь коммунисты Болгарии и представители Российского общества Красного Креста, сыграли важную роль в репатриации бывших врангелевцев на родину. В конце 1922 — первой половине 1923 г. из Болгарии в СССР выехало 9,5 тыс. репатриантов (стр. 204).

Отметим недостатки рассматриваемой работы. Одним из существенных, на наш взгляд, пробелов является ее некоторый схематизм. В книге мало места отведено данным о деятельности отдельных коммунистов — борцов за болгаро-советскую дружбу. Более широкое привлечение архивных документов, материалов местной печати, воспоминаний участников событий [3] при одновременном сокращении перегружающих книгу общих мест помогло бы автору нарисовать более яркую и живую картину героической борьбы болгарских коммунистов в защиту Советской России. Ц. Николова можно упрекнуть и в том, что он не сказал о ряде работ виднейших деятелей БКП (Д. Благоева, Г. Киркова, В. Коларова, Г. Димитрова, Х. Кабакчиева и др.) и их публичных выступлениях, посвященных пропаганде идей Великого Октября, защите молодой Советской республики от клеветы со стороны международной и болгарской реакции и оппортунистов [4]. Думается также, что автору, подчеркивающему братское отношение БКП к Советской России, следовало бы вместе

---

[3] Например, Б. Атанасов. Как бяха разкрити у нас плановете на враговете на Октомврийската революция през 1922 г. (Спомен). «Вечерни новини», 25 июня 1957 г.; Вл. Власковски. Из историята на Троянската партийна организация. София. 1955; Г. Гологинков. Край Днестър София. 1958; Ф. Иглев. Из моя миньорски живот. София. 1959; В. Мавриков. Из моя живот. София. 1955; Хр. Гюлеметов. Страници из революционното движение в Брацигово. 1878—1925. София. 1955; «17-та година. Спомени на български революционери за Октомврийската революция и отражението ѝ у нас». София. 1957, и др.

[4] См. Д. Благоев. Три години от революцията. «Ново време». 1920, кн. 5; Г. Кирков. Призрак. «Избрани произведения». Т. 1. София. 1956; В. Коларов. Болшевишка Русия. София. 1919; его же. За установяването дипломатически връзки със Советска Русия. «Избрани произведения». Т. 1. София. 1954; его же. Срещу заговора на врангелистите и реакционерите. София. 1922; Г. Димитров. Предисловие к брошюре «Ленин към работниците в Европа и Америка». Съчинения. Т. 5. София. 1952; Х. Кабакчиев. Четвъртата годишнина на руската революция. «Работнически вестник». 2 ноября 1921 года.

с тем рельефнее раскрыть позицию других болгарских партий по отношению к стране Советов. Добавим, что автором не использована некоторая специальная литература, вышедшая в Болгарии к моменту издания работы[5]. Недостает в книге и характеристики изученных автором источников и литературы.

В изложении ряда фактов встречаются неточности, недоговоренность. Так, не указано, где проходили собрания, созванные тесняками в защиту первых мероприятий Советской власти (стр. 36). Во многих случаях отсутствует точная датировка событий (стр. 50, 52, 58, 67, 70, 72, 89, 95, 106—108, 125, 170, 182, 192, 198, 200, 202, 207). При перечислении мелкобуржуазных партий, входивших в состав дважды реорганизованного в октябре — ноябре 1918 г. болгарского правительства, почему-то не названа партия радикалов (стр. 34). Реорганизация кабинета Тодорова, о которой рассказывается на стр. 42, происходила не в апреле, а в начале мая 1919 года.

Некоторая нечеткость в разграничении материала (например, между I и II главами) привела к повторениям (стр. 26—28 и 43; 34 и 42; 35—36 и 44—46; 42 и 48; 82—84 и 157—158; 159 и 164—165).

Оценивая книгу в целом, можно сказать, что автор создал полезную работу, посвященную чрезвычайно важному вопросу истории болгаро-советских отношений.

М. А. Бирман

[5] Например, Цв. Алексиева. Указ. соч. (см. примечание 1-е).

A. VANDENBOSCH. *Dutch Foreign Policy since 1815. A Study in Small Power Politics*. The Hague. «M. Nijhoff». 1959, 318 p.

Э. ВАНДЕНБОС. *Голландская внешняя политика с 1815 года. Исследование политики малого государства.*

Попытки дать обзор голландской внешней политики в ее историческом развитии встречаются в литературе довольно редко. Отчасти это объясняется тем, что господствующие классы Нидерландов — особенно выдвинутая ими каста, ведавшая дипломатическими сношениями страны,— старались держать свои деяния в глубокой тайне, поскольку внешняя политика буржуазных Нидерландов в XIX—XX вв. была рассчитана на сохранение нейтралитета среди борющихся за господство крупных держав и часто представляла собой секретные сговоры то с одной, то с другой стороной.

Характерно, что в то время, как в двадцатых и тридцатых годах XX столетия почти все государства издавали серии довоенных дипломатических документов, голландское правительство от этого воздержалось. Предшественниками публикуемых голландским министерством иностранных дел «Ежегодников» являлись лишь так называемые «Оранжевые» и «Белые» книги, представляющие для историка малый интерес. Основная масса соответствующих источников лежала в архивах, и это во многом затрудняло работу по изучению истории внешней политики Нидерландов. Помимо ряда небольших книг, посвященных отдельным вопросам истории дипломатии, до второй мировой войны по данной проблематике увидели свет лишь отдельные исследования[1]. Наиболее значительным из них, несомненно, является труд погибшего в фашистском концлагере видного голландского марксиста А. С. де Леу «Голландия в мировой политике», охватывающий первые 35 лет нашего века. Автор был вынужден пользоваться главным образом иностранными дипломатическими документами о голландской внешней политике, в связи с чем в повествовании имеются белые пятна и разрывы.

Отсутствие капитального марксистско-ленинского исследования по данной теме особенно чувствуется именно сейчас, при чтении книги «Голландская внешняя политика с 1815 года», содержащей большое ко-

[1] H. L. Asser. De buitenlandsche betrekkingen van Nederland 1860—1889. Haarlem. 1899; J. A. van Hamel. Nederland tusschen de mogendheden. Amsterdam. 1918; A. S. de Leeuw. Nederland in de wereldpolitiek. Zeist. 1936.

личество сведений о малоизвестных ранее фактах. Ее автор, Эмри Ванденбос, американец голландского происхождения, директор Паттерсоновского института дипломатии и внешней торговли Кентуккского университета (США), получил доступ к правительственной документации и государственным архивам Нидерландов. Его перу принадлежит ряд работ по новой и новейшей истории страны [2]. В рецензируемой книге Ванденбос опирался на некоторые исследования, опубликованные после второй мировой войны голландскими авторами, в том числе Б. Краненбурхом, П. Шмидтом и К. Смитом, а также на публикации официальных документов.

Книга Ванденбоса охватывает империалистическое «бабье лето» голландского капитализма с его историческим прологом и эпилогом—с 1815 г. по 1950-е годы. Она построена в виде отдельных очерков по важнейшим событиям истории внешней политики Нидерландов, в отрыве от их социально-экономического развития (исключением являются главы XIV и XV, повторяющие работу Ванденбоса, изданную в 1942 году). Основная сюжетная линия книги такова: с 1815 по 1830 г. Голландское королевство, включавшее в себя и Бельгию, служило Англии в качестве буферного государства на подступах к разгромленной в 1815 г. Франции. С отделением в 1830 г. Бельгии оно лишь частично утеряло эту функцию, и вплоть до 1870 г. в его внешней политике мало что изменилось. Затем голландская буржуазия благодаря интенсивной эксплуатации колоний накопила огромные богатства, что несколько ослабило ее зависимость от банков Сити; одновременно страна все более втягивалась в орбиту германского империализма. Это влияние в начале XX в. быстро росло. В 1940 г. Нидерланды были оккупированы гитлеровскими войсками. Освобождение их в 1945 г. вернуло стране политическую независимость, но экономическую независимость голландской буржуазии уже не удалось восстановить: главный источник обогащения — Индонезия — был для нее практически потерян; международные монополии все больше перекачивали голландский национальный капитал в карман более крупных партнеров Нидерландов по «западному лагерю». Былое влияние Англии на голландскую экономику и политику еще более заметно тает. В послевоенные годы — период «западноевропейской интеграции» — Нидерланды, формально сохраняя свою политическую независимость, фактически все более утрачивают ее.

Политическая позиция автора, в начале книги близкого к «объективизму», резко меняется по мере приближения к современности. Очерки, посвященные колониальной политике Нидерландов (гл. XI, частично XIV и XV), представляют собой обычную для буржуазной историографии апологетику «благодеяний» метрополии по отношению к жителям колоний. Великое освободительное движение, охватившее после второй мировой войны Юго-Восточную Азию, нашло в этих главах лишь превратное, искаженное отображение. Симпатии Ванденбоса явно не на стороне народов, борющихся за свободу и независимость. Политическое лицо автора в немалой степени характеризует также замалчивание им роли движения Сопротивления в Нидерландах времен второй мировой войны (гл. XVII—XVIII) или симптоматичные для него клеветнические высказывания о «нападении» СССР на Финляндию в 1939 г. (стр. 286) и т. п.

Основной вопрос, которому уделяет внимание Ванденбос,— господствующее влияние на внешнюю политику Нидерландов той или иной великой державы на каждом этапе их истории в XIX—XX столетиях и попеременная смена влияния Франции, Великобритании и Германии. В то же время Ванденбос недостаточно подчеркивает, что главную угрозу независимости страны представляла германская агрессия. Ведь на протяжении всего XIX в. звучат немецкие призывы к захвату Нидерландов и постоянно слышатся предостерегающие об опасности голоса самих голландцев. Постепенно отношения с Германией стали центральной проблемой существования независимых Нидерландов, поскольку из Германии все время слышались призывы аннексировать устье Рейна и Мааса. Еще в начале XIX в. немецкий литератор Эрнст Арндт писал, что существование независимых Нидерландов является «возмутительным нарушением естественных границ Германии» (стр. 272) [3]. В 1844 г. известный голланд-

[2] «Neutrality of the Netherlands during the World War». Grand Rapids. 1927; «The Dutch East Indies». Berkeley and Los Angeles. 1942; «The Government of the Netherlands». Lexington. 1947; «Southeast Asia among the Powers» (совместно с R. Butwell). Lexington. 1957.

[3] Датируя это высказывание 1803 г., Ванденбос допускает неточность. Свою пангерманскую агитацию Арндт начал с

ский педагог Сиккама с тревогой отмечал, что в Германии говорят о дельте Рейна как о своей территории. В 1847 г. против германских претензий выступал проф. Боссха. В 1866 г., после захвата немцами Шлезвиг-Гольштейна, он же писал: «Для нашего народа имя немецкого премьер-министра есть синоним грубой силы: будто Аттила и его гунны стоят у наших границ». Крупный голландский политический деятель Г. Хрун ван Принстерер в открытом письме своим берлинским друзьям в 1867 г. заявил: «Откровенно говоря, мы видим, что вы хотите уничтожить нас, но мы не желаем быть уничтоженными».

Любопытны данные о попытке Бисмарка во время так называемого «Люксембургского дела» (план Наполеона III купить у голландского короля Великое Герцогство, 1866 г.) спровоцировать войну на западных границах Германии. Именно с того времени «объединенная Германия сменила Францию как главная потенциальная угроза голландской безопасности» (стр. 69). Эта точка зрения Ванденбоса справедлива. Сложившееся к 1880-м годам положение было так охарактеризовано Ф. Энгельсом в его письме голландскому революционеру Ф. Домел-Нивенгейсу: «В будущем году исполнится сто лет со времени первого разбойничьего похода пруссаков на Голландию, и Бисмарку ничто не доставило бы большей радости, чем возможность отпраздновать столетний юбилей этого «подвига» его повторением. Аннексионистские вожделения, которые пока еще являются безвредным и бессильным желанием, могли бы тогда легко принять более осязаемую форму»[4]. После начала англо-бурской войны 1899—1902 гг. правящие круги Нидерландов меняют свое отношение к германской экспансии и сами уже ищут поддержки у кайзера Вильгельма II по всем «европейским вопросам». Однако боязнь за свои колонии, которые в то время Нидерланды могли сохранить лишь с помощью Англии, заставила голландское правительство действовать весьма осторожно.

В 1908 г., в условиях резко усилившегося англо-германского морского соперничества, в Берлине была подписана «Конвенция стран Северного моря», участники которой обязывались сохранять в зоне моря статус-кво. Приводимые автором документы проливают новый свет на вопрос о целях, преследовавшихся в то время Германией как инициатором этой конвенции. Отметим письмо на имя канцлера Бюлова, в котором посол Германии в Лондоне писал, что конвенция, во-первых, доказывает «несостоятельность» разговоров о пангерманских стремлениях к аннексии, во-вторых, укрепляет выгодный для Германии нейтралитет Нидерландов в случае войны и, в-третьих, все равно не является препятствием к более широкому использованию Германией голландских портов и устий рек в будущем, когда Нидерланды сами сделают шаг в этом направлении. Не случайно голландское правительство пошло на укрепление портового города Флиссингена в устье Шельды, причем необходимая артиллерия была заказана заводам Круппа. В ответ последовали резкие протесты со стороны Бельгии и Франции, а также запросы из Англии. Немецкая пресса утверждала, что никто не собирается нападать на Бельгию и что поэтому Германия совершенно не заинтересована в укреплении устья Шельды (стр. 104). В этой связи можно вспомнить, что как раз в начале XX в. начальник генштаба германской армии фон Шлиффен разработал план нападения на Бельгию и Францию, предусматривавший нарушение голландского нейтралитета, а затем его преемник фон Мольтке изменил этот план в соответствии со старым лозунгом Бисмарка «Голландия аннексирует сама себя»[5]. В годы первой мировой войны политические силы в стране оставались в равновесии. Поэтому в 1914—1918 гг. Нидерланды сохраняли нейтралитет. Этот нейтралитет был выгоден как Германии, так и Англии. Характерной была позиция тогдашнего лидера голландской социал-демократии Питера Трульстра, известного оппортуниста в рабочем движении. Как указывает Ванденбос, Трульстра во время войны взял интервью у заместителя министра иностранных дел Германии Циммермана относительно «полюбовного соглашения» Нидерландов с Германией в случае победы последней и использовал его в партийных политических целях (стр. 130).

Интересны данные о деятельности в 1914—1918 гг. так называемого НОТ (Nederlandsche Overzee Trustmaatschappij). Эта организация, созданная крупными капита-

---

памфлета «Рейн — немецкая река, а не немецкая граница», изданного в 1815 году.

[4] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 515.

[5] «Politiek en Cultuur». 1936, blz. 436.

листами для «регулирования внешней торговли», фактически функционировала как правительственный орган и вскоре встала «над правительством». Действия НОТ явились в истории империалистических стран одним из первых примеров того, как монополисты сами берут в свои руки бразды правления государством.

В 1920 г. Германии был предоставлен заем в 200 млн. гульденов. Уже в 1931 г. около трети голландского импорта шло из Германии, на долю которой в 1934 г. приходилось также около четверти всего голландского экспорта (стр. 275). Экономическое влияние Германии на Нидерланды возрастало. С 1933 г. традиционный голландский нейтралитет подвергался нараставшей угрозе. В 1934 г. фашистская пропаганда открыто начала кричать о том, что границы третьего рейха должны проходить по берегам Северного моря. Напомним заявление английского премьер-министра Болдуина 30 июля 1934 г. в парламенте: «Думая о защите Англии, нам следует иметь в виду не скалы Дувра, а берега Рейна. Там находятся наши границы»[6]. Крупные империалистические державы стремились задушить «Нидерландскую деву» в своих объятиях. Когда же Нидерланды пали жертвой гитлеровской агрессии, королевский двор и часть правительства эвакуировались в Англию, где «правительство в эмиграции» вплоть до возвращения на родину в мае 1945 г. действовало в качестве «воюющей стороны». Однако в своем первом обращении по радио его премьер де Хээр призвал народ оккупированной страны к «послушанию фактической власти» (то есть немецким оккупантам), но в связи с этим ему пришлось уйти в отставку «по болезни» (стр. 288). Новое правительство во главе с Хербранди окончательно порвало с традиционным «нейтралитетом», всецело подчинившись английскому, а впоследствии американскому влиянию. Ванденбос крайне осторожно характеризует позицию лиц, фактически бывших готовыми продать свой народ оккупантам, и почти ничего не пишет о предателях, свивших гнездо в самих Нидерландах. Между тем коллаборационисты были там весьма сильны. В 1840 г. Ян де Куай (позднее премьер-министр) писал: «...Сотрудничество с Германией было жизненно необходимым для Нидерландов до войны, остается таковым во время войны и явится жизненной необходимостью и после этой войны»[7].

Голландских эмигрантов в Лондоне особенно занимал вопрос о послевоенном устройстве государства. Устами министра иностранных дел ван Клеффенса «правительство в эмиграции» обещало демократические преобразования; одновременно оно подготовляло почву для антидемократических реформ — ликвидации парламента и др.— и даже заранее составило ряд соответствующих законопроектов, о чем Ванденбос умалчивает[8]. В лондонской эмиграции влияние крупных нидерландских монополистов на голландское правительство стало особенно заметным. Представители монополистических кругов открыто говорили об установлении своей неограниченной власти после войны и помогали концерну Филипса, производившему в Голландии вооружение для немцев, получать необходимое сырье и дефицитные материалы из США. Как отмечал орган Коммунистической партии Нидерландов, «голландские крупные монополии являются международными организациями без родины, легко игнорирующими национальные интересы, когда это в их собственных интересах»[9].

Ванденбос, начав работу над своей книгой в 1937 г., поставил перед собой цель доказать неприемлемость для Нидерландов политики нейтралитета, в то время практически означавшей поддержку германского империализма. Война прервала работу, а когда Ванденбос возобновил ее в 1957 г., ситуация изменилась, и он поспешно принялся придавать книге иную направленность. Если первоначально книга должна была служить предупреждением голландцам о фашистской опасности, то теперь от прежних намерений мало что осталось. У Нидерландов появились новые, заокеан-

---

[6] «House of Commons Parliamentary Debates». Vol. 292. Col. 2339, p. 278.

[7] G. Maas. Kroniek van de Februaristaking 1941. Amsterdam. 1961, blz. 132.

[8] H. P. L. Wiessing. Bewegend Portret. Amsterdam. 1960, pp. 428 ff., 470 ff. «Лондонская» часть этих мемуаров дает много ценных сведений о закулисной борьбе среди голландских эмигрантов и их взаимоотношениях с англичанами. Автор, крупный журналист, бежал от оккупантов, но в Англии едва не был заключен в концлагерь для «немцев и коммунистов». До 1941 г. он был безработным, потом стал членом редколлегии «Фрей Недерланд», органа голландского правительства в Лондоне. На этом посту он оставался, пока не выступил с манифестом «Против неофашистских законопроектов» голландского кабинета.

[9] «Politiek en Cultuur», 1957, blz. 155.

ские хозяева. Причем партийная принадлежность Ванденбоса (он является видным деятелем Демократической партии США) бросается в глаза. В целом же автор одобряет, что «правительство Нидерландов всячески печется о европейской интеграции», и восхваляет западноевропейские империалистические и монополистические союзы под эгидой США: Европейское экономическое сообщество, политический блок Бенилюкса, Объединение угля и стали, Европейское общество по атомной энергии, НАТО и «общий рынок» шести стран. В качестве исходного этапа «интеграции» Ванденбос выдвигает «план Маршалла» и всячески подчеркивает «заслуги» США в деле империалистического объединения Западной Европы (стр. 301—305). Умалчивая о противоречиях между «интегрированными» державами и об их малопопулярных внешнеполитических совместных планах, Ванденбос считает необходимым одобрить действия всех послевоенных правительств в Нидерландах, малом партнере «великого блока» западных государств. Напоминая о тех временах, когда Нидерланды не принадлежали себе, Ванденбос полагает, что повторяющее отчасти историю нынешнее растворение независимости малой страны в рамках империалистического лагеря, называемое им «реинтеграцией» (стр. 306), оправдано и благодетельно. Автор позабыл лишь об одном моменте — нежелании голландских трудящихся считаться с мнением ванденбосов и их покровителей.

М. Глен

A. NADOLSKI, A. ABRAMOWICZ, T. POKLEWSKI. *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomirsku pod Lodzią*. Lódź. 1959. 175 str., 124 tabl., 5 pl.

А. НАДОЛЬСКИЙ, А. АБРАМОВИЧ, Т. ПОКЛЕВСКИЙ. *Могильник XI в. в Лютомирске под Лодзью.*

При раскопках крупного могильника у г. Лютомирска (Польская Народная Республика) в 1949—1955 гг. были обнаружены важные памятники славянской материальной культуры. Они представляют большой интерес для изучения русского и польского раннего средневековья. Посвященная им книга[1] — серьезное, тщательно выполненное научное исследование. Значимость работы подчеркивается тем, что ее выход был приурочен к празднованию тысячелетия Польского государства. В книге подробно описаны ход раскопок (гл. 1), планировка могильника и обряд погребения (гл. 2), вещи, найденные в погребениях (гл. 3), произведенный антропологами, металловедами и специалистами по тканям анализ находок (гл. 4). Исследование завершается общим заключением и выводами (гл. 5). Текст сопровождается большим количеством чертежей, схем и фотографий; в приложении помещен перечень находок.

Лютомирский могильник, датированный концом X — первой половиной XI в., насчитывает 150 погребений. Богатые захоронения с обилием оружия принадлежали обычно конным воинам. На окраинах могильника обнаружены погребения пеших бойцов; здесь не было найдено конского снаряжения, оружие чаще всего состояло из одного боевого топора. В общем, из 133 сохранившихся в непотревоженном виде и археологически изученных могил в 32 похоронены вооруженные мужчины. Таким образом, каждый четвертый носил оружие. Для раннего средневековья это очень высокий коэффициент военизации общества. По-видимому, здесь была погребена феодальная дружина, представлявшая общество с далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциацией.

Авторы книги обратили внимание на ряд черт, отличающих лютомирские захоронения от современных им польских: большой процент погребений по обряду трупосожжения, крупные размеры некоторых могильных сооружений, наличие во многих захоронениях конского снаряжения и многочисленных непольских, привозных вещей. В военном быту лютомирской дружины большое значение имели кони; в комплексе вооружения преобладали копья (у 75% воинов), затем идут топоры (у 25% воинов), мечи и стрелы. Сре-

[1] См. также статьи руководителя раскопок К. Яждже вского в «Materiały wczesnośredniowieczne». T. 1, 1951; t. 2, 1952.

ди изученных польских раннефеодальных памятников неизвестны могильники со столь значительным числом конных копейщиков. Поиски аналогий лютомирскому могильнику приводят нас в некрополи Киева и Чернигова, где прослеживается много захоронений конных копьеносцев X века. Среди вещей из могильника авторы выделяют много предметов, импортированных из Руси (топорик-чекан, конская упряжь, седла, некоторые виды стремян, отдельные женские украшения и пр.), Прибалтики и Скандинавии. Добавим, что лютомирское оружие, помимо общеевропейских аналогий, весьма сходно с древнерусским. Это относится к мечам, копьям ланцетовидной и удлиненно треугольной формы, двушипным стрелам, топорам с вырезным обухом и удлиненным книзу лезвием.

Анализ вещевых находок и обряда погребения выявил много непольских и вообще незападнославянских черт лютомирского могильника. Все эти наблюдения правомерно привели авторов книги к мысли о том, что лютомирская дружина является русской или русско-варяжской по происхождению[2]. По-видимому, лютомирские поселенцы пришли в Польшу из Руси и мирно осели в центре страны, на скрещении важных торговых путей в лодзинской земле. В составе пришельцев, по мнению авторов, были, видимо, и местные жители (пешие ратники, женщины). Воинственный облик лютомирцев, социальное неравенство среди них говорят об их службе в качестве дружинников у пястовских феодалов. Для конца X — первой половины XI в. в условиях, когда русско-польские отношения были весьма разнообразны, появление в Польше русского военного отряда (может быть, дружины князя-изгоя), по каким-то причинам покинувшего родину, весьма вероятный, хотя археологически и неожиданный факт. По нашему мнению, лютомирские всадники, по-видимому, происходят из Южной или Юго-Западной Руси, где конники-копьеносцы занимали в войске с конца X в. значительно большее место, чем на севере страны.

Таким образом, открыты следы существования на территории Польши небольшой, но всей вероятности, русской конной дружины. Часть своих вещей, в том числе вооружения, пришельцы могли принести еще со своей земли. Если последнее верно, то мы имеем едва ли не единственный случай массового обнаружения русских военных древностей за границами нашей Родины. Раскопки в Лютомирске важны для изучения русско-польских культурных и военных связей в период раннего средневековья. Исследование этого могильника существенно обогатило историю и археологию двух братских славянских народов новыми интересными сведениями.

А. Н. Кирпичников

[2] Сходное мнение высказывает видный польский археолог В. Генсель (W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa. 1956, str. 427, 455).

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Társadalmi szemle». Budapest, 1961, № 7.

Л. Хай. Выравнивание экономического уровня социалистических стран и развитие Венгрии; Т. Элек. Проблемы мировоззрения в преподавании физических наук в университетах; Л. Шалго. К сорокалетию Коммунистической партии Китая; Л. Кахулич. Дискуссия по вопросу об обнищании рабочего класса в капиталистических странах; Я. Гостони. Социалистическое воспитание кооперированного крестьянства.

«Társadalmi szemle», 1961, № 8—9.

Э. Кальман. По ленинскому пути партийных программ; И. Хусар. Изменение демографических условий Венгрии; А. Шипош. Новые признаки монополистического развития в сельском хозяйстве США; Я. Авар. Изменения в западной «помощи» слаборазвитым странам; П. Пинцеши. Об агрессивных западногерманских монополиях.

«Társadalmi szemle», 1961, № 10.

И. Вертеш. Основной закон передового отряда советского народа; В. Мейснер. Германский вопрос и мир в Европе; А. Хегедюш. Система материальной заинтересованности и технический прогресс; Э. Чизмадья. Современная организация производства в социалистическом сельском хозяйстве; И. Лукач. Развитие науки и современное богословие.

«Századok», *Budapest*, 1961, № 4—5.

Д. Секель. К вопросу об идеологии крестьянской войны Дожа; Г. Перйеш. «Методизм» и антагонизм Зриньи — Монтекукколи; Й. Боруш. Дембинский как верховный главнокомандующий в феврале 1849 г.; Г. Г. Кемень. Политика Лайоша Мочари по национальному вопросу и сербы (Часть I.); Й. Киш. Степень капиталистического аграрного развития и некоторые его черты в комитате Сольнок в последнем десятилетии XIX в. (Часть I.); Ф. Пелешкеи. Раскол «партии независимости» и распад коалиции (1909 г.); Д. Ранки. Римский тройственный пакт и германская внешняя политика; П. Ханак. Отклики в Венгрии на освободительную войну Гарибальди в 1860 г.; Э. Каршаи, М. Синаи. История захвата немцами имущества Манфреда Вейс; И. Барта. Кто написал сочинение Кельчеи «Защита Вешеленьи»?; А. Р. Варконьи. Поэзия куруцев и позитивизм; М. П. Ким. Существо и исторические этапы культурной революции в СССР.

«Nghiên cứu lich su'». Hà-nôi, 1961, № 33.

Чан Хьюи Льеу. Вопрос о советской власти; К итогам обсуждения деятельности Хо Кюи Ли и Нгуен Чыонг То; Хоанг Хынг. К вопросу о понимании эпохи бронзовых мечей Тхиеу-дыонга, провинция Тханхоа; Ли Тхюи Лыонг. Лу Синь и историческая наука; И. С. Кон. Буржуазная философия истории в тупике; Тю Тхиен. Некоторые вопросы промышленности и торговли в период правления Нгуенгов.

«Unsere Zeit». Berlin, 1961, № 1.

Г. Матерн. Национальное значение основания СЕПГ; П. Флорин. Пролетарский интернационализм — краеугольный камень политики СЕПГ; Х. Браш. СЕПГ — ведущая сила Национального фронта демократической Германии; Х. Лефельд, И. Цельт. Мирное сосуществование и идеологическая борьба; К. Биттель. Движение за единство действий и единую партию в Бадене в 1945 г.; Г. Гентшке. На пути к единству рабочего движения в Берлине.

«Unsere Zeit», 1961, № 2.

Г. Бертш. О положении обоих германских государств; В. Бартель. Западногерманский реваншизм угрожает миру в Европе; Г. Ханге. О капитулянтском курсе группы Венера — Брандта в СДПГ; Ч. Пилиховский. Проблемы польских северных и западных земель; К. Биттель. Движение за единство действий и единую партию в Бадене в 1945 г. (продолжение).

«Unsere Zeit», 1961, № 3.

Э. Диль. О состоянии и задачах исторического исследования после 1945 г.; Х. Липски. О развитии движения активистов в 1948 г.; Г. Ник. О характере народного достояния на первом этапе народно-демократической революции в ГДР; В. Бартель. К характеристике работ по истории Германии, вышедших в ГДР в 1959 — 1960 гг.

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität». Leipzig, 1961, Heft 5.

В. Мюллер. Наука и свобода в обоих германских государствах; Г. Бойер. 10 лет научно-социологических исследований в университете имени К. Маркса в Лейпциге; И. Вагнер. О предмете научного коммунизма; Э. Шмидт. Народные акционерные общества — предприятия агрессивных монополий; Г. Смолинский. Значение социалистического сотрудничества на предприятиях; Г. Бойер. Проблемы развития социалистического сознания в сельскохозяйственном кооперативе «Целина» в Шнадице; Г. Риделъ. Задачи вычисления себестоимости в народном предприятии; Г. Кулька. Руководство в области психологии труда; Г. Берч. ХДС/ХСС — монополии и союзы; К. Мунфорд. Пуэрто Рико — свободное государство или американская колония? Л. Готтберг. Физиократ Делагранж; В. Лох. Политика германского империализма в Китае (1898 — 1901).

«Wojskowy Przeglad Historyczny», *Warszawa*, 1961, № 3.

С. Ланевский. Участие седьмой пехотной дивизии в Будищинском сражении (20.IV — 5.V — 1945 г.); Б. Гиллебрандт. Боевая деятельность польских партизанских отрядов на территории Волыни, Полесья и Любельщины; А. Скаржинский. Некоторые вопросы деятельности Бюро информации и пропаганды командования Армии Крайовой; Т. Равский. Итало-греческая кампания 1940—1941 гг.; Т. Юрга. Армия «Модлин» в сентябрьской кампании 1939 г.; Т. Круликевич. Создание Германией военно-воздушных сил после первой мировой войны.

«Historický Časopis», *Bratislawa*, 1961, № 1.

О. Балаж. Развитие сельского хозяйства Словакии в 1949 — 1960 годах; Я. Шольц. Путь словацких партизан к февралю 1948 г.; З. Голотикова. О деятельности и идеологии клерикально-фашист-

ских профсоюзов среди словацкого рабочего класса в 1939 — 1945 гг.; Л. Липтак. Подготовка конференции на высшем уровне и причины ее срыва; Я. Млинарик. К критике буржуазной статистики забастовок.

«Historický Časopis», 1961, № 2.

Б. Граца. О возникновении и борьбе КПЧ в домюнхенской Чехословакии; М. Стрган. К вопросу об экономическом развитии Словакии в 1918 — 1938 годах; В. Плевза. Словацкий аграрный вопрос в домюнхенской Чехословакии; Л. Липтак. Развитие словацкой буржуазии в домюнхенской Чехословакии; Я. Гоусер, В. Урфуё. Политическое управление Словакией в период буржуазной республики.

«Historický Časopis», 1961, № 3.

П. Раткощ. О развитии феодальной ренты в Словакии; А. Гачова. Историография феодального города в Словакии; Я. Тибенский. Проблемы изучения возникновения и развития словацкой народности при феодализме; Б. Варсик. Значение исследования заселения восточных районов Словакии для разработки вопроса о возникновении словацкой народности; Р. Марсина. Издание источников по истории Словакии периода феодализма.

«Historie a vojenstvi». Praha. 1961, № 4.

Я. Кучера. Новые документы КПСС и задачи военной истории; А. Шнейдарек. Процесс ремилитаризации Западной Германии; В. Крал. Великобритания и чехословацкое движение Сопротивления; Я. Ерсак. Некоторые проблемы движения Сопротивления польского народа в 1939 — 1945 гг.; Э. Янска. Начало археологических работ в кремле Сион.

ОБЗОРЫ ЖУРНАЛОВ
«HISTORIA MEXICANA», MEXICO

Начиная с 1920-х годов в Мексике выходит ряд периодических изданий, в той или иной мере освещающих историю страны. Однако вплоть до начала 50-х годов в стране не было специального центрального исторического журнала. Поэтому создание в 1951 г. первого в Мексике систематически выходящего журнала общенационального масштаба, посвященного исключительно исторической тематике, «Historia Mexicana», явилось важным событием в научной жизни страны. В прошлом году журнал отметил десятилетие своего существования. Журнал является органом «El Colegio de Mexico», крупного национального центра научно-исследовательской и издательской деятельности, а также подготовки кадров в области истории. «Historia Mexicana» выходит четыре раза в год: 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября. Объем номера — от 9 до 11 печатных листов. Каждые четыре номера составляют том, который включает два последних номера одного календарного года и два первых номера следующего года. Журнал имеет разделы: статей, документации (в этом разделе наряду с документами помещаются сообщения и заметки по различным вопросам), рецензий, хроники. Кроме того, в большинстве номеров публикуются библиографические обзоры, указатели и другие материалы.

Со дня основания и до конца 1959 г. журналом руководила редакционная коллегия, куда входили видный историк Даниэль Косио Вильегас («El Colegio de Mexico»), профессор истории Национального университета Артуро Арнаис-и-Фрег, директор Национального исторического музея и руководитель отдела исторических исследований Национального института антропологии и истории Вигберто Хименес Морено, председатель Исторической комиссии Панамериканского института географии и истории Сильвио Савала, известный ученый-археолог Альфонсо Касо, член Мексиканской академии Агустин Яньес. В начале 1960 г. была проведена реорганизация, в результате которой практическое руководство журналом стал осуществлять новый состав редколлегии из 10 человек. Среди них сотрудники «El Colegio de Mexico» Моисес Гонсалес Наварро, Луис Гонсалес-и-Гонсалес, Гуадалупе Монрой и другие специалисты по истории Мексики. Главным редактором является Д. Косио Вильегас.

Как и мексиканская историография в целом, «Historia Mexicana» освещает исключительно проблемы истории Мексики, совершенно не публикуя материалов по истории других стран. Наряду с гражданской историей в журнале довольно широко представлены социология, историография, история культуры, информационные материалы

(об изучении истории в Мексике, о научных конгрессах, конференциях, сессиях, о фондах документов по истории Мексики, находящихся в зарубежных архивах и библиотеках, и т. д.).

К участию в журнале привлечен широкий круг авторов. Среди них видные мексиканские историки: профессора Национального университета Луис Вильоро, Карлос Бош Гарсиа, Хуан. А. Ортега-и-Медина, профессор Национальной школы антропологии и истории Хосе Миранда, Мария дель Кармен Веласкес («El Colegio de Mexico»), а также Мануэль Гонсалес Рамирес, Франсиско Лопес Камара, Мануэль Каррера Стампа и др. На страницах журнала выступают представители разных направлений в современной мексиканской историографии: консервативно-клерикального (член Мексиканской академии истории Хосе Браво Угарте и др.), прогрессивного (маститый ученый Альфонсо Теха Сабре, писатель и историк Хосе Мансисидор (1895—1956), философ и социолог Эли де Гортари, Марио Хиль) и др. Однако среди многочисленных авторов «Historia Mexicana» нет таких известных прогрессивных историков, как Луис Чавес Ороско, Агустин Куэ Кановас, Висенте Фуэнтес Диас. Политическое и научное лицо журнала определяют в основном представители буржуазно-либеральной, так называемой «объективистской» школы историков, группирующейся вокруг «El Colegio de Mexico».

Довольно часто «Historia Mexicana» публикует статьи иностранных авторов, главным образом историков США. Изредка на страницах журнала встречаются статьи французских и некоторых других зарубежных ученых.

Больше всего журнал публикует материалов, посвященных колониальному периоду истории Мексики, тогда как война за независимость, буржуазная революция и гражданская война 1854—1860 гг., героическая борьба против французской интервенции (1861—1867 гг.), события революции 1910—1917 гг. и вся новейшая история страны находят гораздо меньшее отражение, а рабочее и национально-освободительное движение в XX в., события периода второй мировой войны и послевоенных лет вообще не освещаются на страницах журнала.

Среди статей, опубликованных в 1951 — 1958 гг., значительный интерес представляют работы Л. Вильоро «Идальго: насилие и свобода» (т. II, № 2), Роберта Э. Кирка «Либералы и радикалы в мексиканской революции» (т. II, № 4), Х. Мансисидора «Уэртизм» (т. III, № 1), Хуана Эрнандеса Луны «Духовный мир Идальго» (т. III, № 2) и «Идальго в изображении роялистов» (т. IV, № 1), Д. Косио Вильегаса — общее введение и предисловия к отдельным томам «Новой истории Мексики» (т. IV, № 3; т. V, № 2; т. VII, № 1), а также заключительная глава монографии «Соединенные Штаты против Порфирио Диаса» (т. V, № 4), Л. Гонсалеса-и-Гонсалеса «Асьенда остается нетронутой» (т. VI, № 1) и т. д. Интересны также статьи М. Карреры Стампы (т. II, № 3), Х. Р. Альвареса (т. III, № 1), Ф. М. Фоланд (т. V, № 1), А. Арнаис-и-Фрега (т. V, № 4) и др.

Весьма содержателен специальный номер, посвященный 200-летию со дня рождения национального героя мексиканского народа Мигеля Идальго и 100-летию смерти крупного историка XIX в. Лукаса Аламана (т. III, № 2, октябрь — декабрь 1953 г.).

Большое значение имело появление на страницах «Historia Mexicana» ряда полезных историографических, библиографических и справочных материалов. В течение первых двух лет существования журнала была опубликована серия обстоятельных обзоров о состоянии изучения истории в различных штатах Мексики: Халиско (т. I, № 1), Нуэво-Леоне (т. I, № 3), Мичоакане (т. II, № 1), Оахаке (т. II, № 3). Эти обзоры содержали сведения о преподавании истории в указанных штатах, об имеющихся в них архивах и библиотеках, периодических изданиях, научных учреждениях и обществах по изучению истории, а также перечень трудов на исторические темы, опубликованных там за последние годы. В одном из первых номеров журнала была помещена статья В. Хименеса Морено о развитии мексиканской историографии в первой половине XX века (т. I, № 3). В 1955—1956 гг. Хоакин Фернандес де Кордоба опубликовал интересный обзор «Наши библиографические сокровища в Соединенных Штатах» (т. V, № 1; т. IV, № 1), где приводились подробнейшие данные об источниках и литературе по истории Мексики, хранящихся в государственных и частных библиотеках и архивах США. Начиная с июля 1955 г. (т. V, № 1) под заголовком «Библиография истории Мексики» в журнале систематически помещаются библиографические указатели, содержащие перечень новых книг, а также журнальных и газетных статей по исто-

рии Мексики, опубликованных мексиканскими издательствами и периодическими изданиями.

Следует отметить, что большинство статей и заметок, публикуемых на страницах «Historia Mexicana», выдержано в довольно спокойном «академическом» тоне, с претензией на научную объективность изложения и освещения описываемых исторических событий. Тем не менее на страницах журнала подчас можно встретить острую полемику, разгорающуюся главным образом в связи с рецензированием новых работ.

Наглядным примером такой полемической борьбы является дискуссия, происходившая во второй половине 1955 года. Она началась с опубликования рецензии Х. Мансисидора на первый том серии источников по истории мексиканской революции 1910—1917 гг., изданный в 1954 г. под редакцией и со вступительной статьей М. Гонсалеса Рамиреса (т. V, № 1, стр. 103—108). Дав в целом положительную оценку выпущенному тому, рецензент сделал ряд критических замечаний, главным образом по поводу освещения некоторых проблем мексиканской революции во вступительной статье. Обвиняя автора статьи в субъективном изложении хода революционных событий, Мансисидор указывал на необходимость более глубокого анализа причин революции и ее исторической обусловленности. Он полагал также, что автор должен был вскрыть сущность реакционной диктатуры Диаса, которая, защищая интересы иностранного капитала и препятствуя развитию национальной буржуазии, искусственно прервала исторический процесс перехода от общества феодального типа к буржуазному строю. Возражая рецензенту, Гонсалес Рамирес категорически отрицал субъективность своего анализа мексиканской революции и утверждал, что этот анализ базируется исключительно на изучении объективных фактов. Выступая против «априоризма» некоторых мексиканских историков, Гонсалес Рамирес подчеркивал, что признает лишь «непосредственный анализ» исторических явлений, который он противопоставлял марксистскому методу. Пытаясь доказать «ошибочность» этого метода, он заявлял, в частности, что материалистическая интерпретация истории Мексики побудила якобы известного художника Диего Риверу изобразить мексиканских трудящихся, «готовых осуществить революцию наподобие русской», хотя в действительности мексиканская революция «не является ни копией, ни точным воспроизведением той, которую совершил русский народ». Настойчиво подчеркивая антимарксистский характер своих взглядов, Гонсалес Рамирес спешил заверить читателя в том, что не намерен «слепо применять к мексиканской действительности формулы и схемы исторического материализма» (т. V, № 2, стр. 281—282). В своем вторичном выступлении Мансисидор подверг резкой и убедительной критике утверждения своего оппонента. Он указал, что исследователь, который не применяет научный метод анализа, не может понять сущность изучаемых им исторических событий. Подчеркивая тесную взаимосвязь теории и практики, Мансисидор показал полную несостоятельность тезиса Гонсалеса Рамиреса о том, что он якобы идет от практики к теории, а не наоборот. По поводу упоминавшейся Гонсалесом Рамиресом фрески Диего Риверы Мансисидор заявил, что Гонсалес Рамирес не понял смысла этого произведения, отразившего влияние русской революции как на самого художника, так и на широкие массы эксплуатируемых (т. V, № 2, стр. 287—290). Таким образом, полемика вышла далеко за рамки проблем мексиканской революции и коснулась ряда общеметодологических вопросов.

За последние годы (1958—1961) в журнале «Historia Mexicana» опубликован ряд статей и других материалов, которые дают известное представление о том, над какими проблемами работают и в каком плане их решают современные мексиканские историки.

В методологическом отношении интересна статья Л. Вильоро «Задача историка с мексиканской точки зрения» (т. IX, № 3, стр. 329—339), являющаяся текстом доклада автора на II конгрессе историков Мексики и США, проходившем в г. Остин (Техас) в ноябре 1958 года. Вильоро считает, что мексиканская историография переживает в настоящее время кризис, характеризующийся превращением исторической науки в далекую и оторванную от жизни теорию, которая не играет практически никакой роли в современном обществе. Пытаясь вскрыть причины этого кризиса, автор указывает, что вплоть до середины XIX в. история являлась в Мексике орудием политической борьбы между либералами и консерваторами, выполняя, таким образом, важную общественную функцию. Однако зависимость освещения событий прошлого от идейных и

политических взглядов самих историков неизбежно обусловливала и тенденциозность их оценок. В дальнейшем представители позитивистского направления в мексиканской историографии пытались нарисовать объективную картину исторических событий вне зависимости от субъективной позиции историка. Но эта тенденция привела в конечном счете к полному отрыву исторической науки от жизни и выдвигаемых ею требований. Автор указывает, что довольно широкие круги мексиканских ученых не удовлетворены нынешним состоянием историографии и ищут выхода из переживаемого ею кризиса. Среди тех, кто пытается по-новому осмыслить задачи исторической науки в современных условиях, Вильоро называет как известных мексиканских философов и социологов Леопольдо Сеа и Эдмундо О'Гормана, так и представителей «научно-объективной» школы, которые признают, что историческая наука должна отвечать практическим требованиям общественной жизни и выполнять определенные социальные функции. В качестве примера автор приводит упоминавшийся выше коллективный труд «Новая история Мексики», где, с одной стороны, проявляется стремление оставаться исключительно на почве объективных фактов и свести задачу историка к их разумной классификации и систематизации, с другой — чувствуется желание посредством анализа прошлого объяснить настоящее и скрытое намерение использовать исторические события как материал для практических выводов.

По мнению Вильоро, главной задачей историка является не столько само по себе освещение объективных событий, сколько выявление их социальной подоплеки, то есть позиций и действий людей, которые совершают эти акции и придают им определенный смысл. Соответственно и методы исторического исследования должны обеспечивать показ сознательной деятельности человека. Противопоставляя историю другим научным дисциплинам, автор заявляет, что она в отличие от остальных наук не может носить чисто теоретический характер, ибо призвана выполнять важные практические функции в обществе.

Статья Л. Вильоро свидетельствует о том, что передовая часть мексиканской интеллигенции серьезно задумывается над сложными методологическими вопросами и пытается найти выход из кризиса, переживаемого буржуазной исторической наукой.

В двух номерах журнала опубликована большая статья Сесара Сепульведы «История и проблемы границ Мексики» (т. VIII, № 1, стр. 1—34, № 2, стр. 145—174). Тема статьи, безусловно, важна и актуальна в научном и политическом отношениях. Однако ознакомление с этой работой разочаровывает читателя, ожидавшего найти в ней новые данные или глубокий анализ вопроса. Статья написана на базе опубликованных источников и литературы. Она состоит из двух частей. В первой части («Северная граница») показаны основные этапы территориальной экспансии США на американском континенте в первой половине XIX века. Автор рассказывает о покупке Соединенными Штатами в 1803 г. Луизианы, аннексии ими в 1810—1819 гг. испанской Флориды. Он приводит ряд фактов, свидетельствующих о стремлении США к захвату Техаса и других мексиканских территорий. В результате восстания, поднятого американскими колонистами (число которых уже в 1830 г. достигло 20 тыс.), Техас в 1836 г. фактически отделился от Мексики, а в 1845 г. был официально аннексирован Соединенными Штатами. Вслед за тем США, воспользовавшись экономической и военной слабостью Мексики, а также происходившей в этой стране внутриполитической борьбой, развязали захватническую войну и отторгли более половины мексиканской территории. Изложив почти без комментариев все эти перипетии американской агрессии, Сепульведа заявляет, что дальнейшее развитие территориальной экспансии США в южном направлении было приостановлено гражданской войной 1861—1865 гг., а тем временем положение в Мексике стабилизировалось, что затруднило новые захваты ее территории. Такое объяснение нам представляется недостаточным, ибо автор ни слова не говорит о героическом сопротивлении мексиканского народа иностранным агрессорам, проявившемся особенно наглядно в войне 1846—1848 гг. с США и в борьбе против французских интервентов (1861—1867). Несомненно, что решительный отпор патриотов Мексики чужеземным захватчикам в значительной мере охладил боевой пыл любителей военных авантюр к северу от мексиканской границы.

Ограничиваясь в основном простым изложением фактов, характеризующих экспансию США, автор не дает их научного анализа и оценки, даже не ставит вопрос о влиянии территориальных потерь на последующее развитие Мексики. Он, по существу,

пытается смазать остроту противоречий между Мексикой и США и свести их к второстепенным моментам. Так, напряженность мексикано-американских отношений в последней трети XIX в. Сепульведа склонен объяснять исключительно многочисленными пограничными конфликтами, не пытаясь даже выяснить их истинную подоплеку. Урегулирование этих конфликтов и проблем, возникавших в связи с периодическим изменением русла пограничной реки Рио-Гранде, позволило, по уверению автора, нормализовать положение на северной границе Мексики. Явно идеализируя империалистическую политику США в XX в. и особенно после второй мировой войны, он рисует идиллическую картину якобы добрососедских отношений между Мексикой и США, развивающихся, по его словам, в духе взаимного согласия и понимания. «Рио-Гранде... служит теперь средством связи между двумя соседними странами, которые покончили в конце концов со своими пограничными конфликтами»,— заявляет Сепульведа (т. VIII, № 1, стр. 31).

Во второй части статьи («Южная граница») автор подробно рассматривает конфликт Мексики с Гватемалой, претендовавшей вплоть до конца XIX в. на мексиканские территории Чиапас и Соконуско, а также проблему Белисе (Британский Гондурас) — английской колонии, часть которой ранее входила в состав Мексики. Нельзя не согласиться с Сепульведой, когда он указывает, что проблемы южных границ Мексики гораздо проще, нежели проблемы, связанные с ее северной границей.

Большое внимание «Historia Mexicana» уделяет истории мексиканского революционного движения. В этом отношении показательна статья Х. Басанта «Три мексиканских революции» (т. X, № 2, стр. 220—242), в которой предпринята попытка дать анализ и схему развития революционного процесса в Мексике и определить характер таких крупнейших исторических явлений, как война за независимость 1810—1821 гг., борьба за реформу в 50-х годах XIX в. и революция 1910—1917 гг. (по периодизации автора — 1910—1920 гг.).

Автор считает, что борьба против испанского господства в Мексике была обусловлена исключительно стремлением креолов к ликвидации монополий, запретов и других препятствий, мешавших экономическому развитию колонии. Объединившись вокруг креолов, мексиканский народ выступил против господствующей испанской верхушки: высшего духовенства, колониальной администрации и купечества. Однако в ходе борьбы вскоре выявилось преобладание радикальной народной тенденции, поддерживавшейся массой городского и сельского населения, выдающимися представителями которого были Идальго и Морелос. Тогда креолы, встревоженные перспективой социальной революции, поспешили перейти на сторону испанских колонизаторов. Однако народ продолжал освободительную борьбу, главную роль в которой, по утверждению Басанта, играли метисы. Индейцы же, изолированные от остальных групп населения, оставались, по его словам, в стороне и не участвовали в революционных событиях. Автор заявляет даже, что, поскольку непосредственными эксплуататорами индейцев были креольские помещики и горнопромышленники, индейцы будто бы являлись «естественными союзниками» испанцев, стремившихся противопоставить их своим потенциальным противникам — креолам. События 1821 г., увенчавшиеся провозглашением независимости Мексики, Басант рассматривает как сочетание клерикальной и военно-феодальной контрреволюции с национальной революцией. Независимость, по его мнению, была установлена в результате того, что после революции 1820 г. в Испании высшее духовенство, боясь лишиться своих привилегий, стало добиваться отделения Мексики от революционной метрополии и с этой целью вступило в союз с креолами, стремившимися к освобождению от колониального гнета.

Таким образом, автор фактически игнорирует долголетнюю героическую борьбу мексиканского народа, которая ослабила колониальный режим и обеспечила установление независимости. Его оценка событий 1821 г. означает, по существу, отрицание огромного прогрессивного значения ликвидации испанского владычества в Мексике, которая объективно являлась победой освободительного движения, хотя во главе этого движения и оказались в тот момент наиболее консервативные силы. Нельзя также согласиться с автором, когда, характеризуя расстановку сил в ходе войны за независимость, он оперирует преимущественно расовыми и этническими категориями. Ведь, не говоря уже об условности и неточности терминов «креолы», «метисы», известно, что так называемые креолы отнюдь не являлись однородной массой, а принадлежали к различным

классам общества и позиция их была далеко не одинакова. Непонятно также, на каком основании Басант отрицает участие индейцев в войне за независимость, хотя имеется много фактов, свидетельствующих об обратном. В связи с этим следует отметить, что автор умалчивает о таких важных факторах освободительного движения в Мексике, как борьба народных масс за землю, против феодальных форм эксплуатации, расовой дискриминации и т. д.

Анализируя характер движения за реформу в 50-х годах XIX в., Басант приходит к выводу, что по своим последствиям оно являлось буржуазной революцией, способствовавшей развитию капитализма в стране. Подобную оценку он мотивирует тем, что в ходе борьбы за реформу и в последующий период происходили конфискация церковных имуществ, распродажа пустующих земель, раздел общинных владений, образовался многочисленный класс наемных рабочих, ликвидировались препоны, мешавшие развитию промышленности и торговли.

Исходя из этой точки зрения, автор определяет и характер революции, начавшейся в 1910 году. Он утверждает, что поскольку движение за реформу являлось буржуазной революцией и диктаторский режим Диаса был чисто капиталистическим, то в 1910 г. власть в Мексике находилась в руках иностранного капитала и национальной буржуазии. Отсюда Басант делает вывод, что революция 1910 г. была направлена против капитализма, характеризует ее как «этатистское» движение «с коллективистскими стремлениями и тенденциями». В подтверждение этого тезиса он приводит цифры, показывающие, что в современной Мексике сумма государственных кредитов превышает частные капиталовложения, и заявляет, будто капитал и буржуазия уступили свою господствующую роль государству и бюрократии. Правда, автор готов признать, что революция осуществила свою задачу лишь частично, ибо в Мексике «наряду с направляемой, или плановой, экономикой сохранилась часть старой буржуазии и выросла новая промышленная буржуазия, выступающая в союзе с государством против старой буржуазии — горнопромышленников, нефтепромышленников, латифундистов и импортеров промышленных товаров». Более того, он недвусмысленно дает понять, что преемники президента Л. Карденаса (1934—1940), который провел ряд социальных преобразований с целью осуществления прогрессивных положений конституции 1917 г., фактически предали забвению идеи этой конституции и что мексиканская революция потерпела неудачу (стр. 238—240).

Однако утверждения Басанта об «антикапиталистическом» характере революции 1910—1917 гг. не выдерживают критики. Ведь Мексика в конце XIX — начале XX в. была страной, где царила террористическая диктатура, являвшаяся орудием господства клерикально-помещичьей реакции и иностранного капитала. Многочисленные феодальные пережитки и экономическая зависимость от иностранного империализма тормозили развитие капиталистических отношений и рост национальной буржуазии. В таких условиях начавшаяся в 1910 г. революция по своим историческим задачам, характеру, движущим силам являлась буржуазно-демократической, антифеодальной и антиимпериалистической. Вряд ли есть необходимость подробнее останавливаться на этом вопросе, который ранее уже освещался в марксистской литературе[1]. Что же касается заявлений автора об «уступке» мексиканской буржуазией своих позиций государству, то следует сказать, что приводимые им данные свидетельствуют лишь об усилении в Мексике тенденций к развитию государственного капитализма и об увеличении удельного веса государственно-капиталистического сектора в экономике страны.

В связи с пятидесятилетием начала революции 1910—1917 гг. журнал посвятил этой знаменательной годовщине специальный номер (т. X, № 2, октябрь — декабрь 1960 г., в котором опубликовал ряд интересных материалов о видных участниках революции. Проблемы мексиканской революции широко освещались и в других номерах «Historia Mexicana». Так, в № 4 тома X опубликована статья М. Гонсалеса Наварро «Идеология мексиканской революции» (стр. 628—636). Автор считает, что вплоть до

---

[1] См. У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1955, стр. 417—441; М. Альперович, Б. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М. 1958; Н. М. Лавров. Мексиканская революция 1910—1917 гг. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». Ч. 2. М. 1956; «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М. 1960, стр. 253—307.

принятия конституции 1917 г. носителем революционной идеологии, даже в ее самых радикальных проявлениях, был «развивающийся средний городской класс» (то есть буржуазия), который, оставаясь на почве сохранения и упрочения капиталистического строя, претендовал в то же время на выражение интересов широких масс крестьянства и растущего пролетариата. В период президентства Карденаса революция, продолжая развиваться, получила, как он утверждает, новую идеологическую базу в виде марксизма, смешанного с «традиционными националистическими тенденциями», и в результате приняла более радикальный характер. Правда, автор сам же подчеркивает, что Карденас отнюдь не намеревался следовать марксистским принципам, и признает, что даже так называемое «социалистическое образование» в условиях сохранения в стране капиталистического строя фактически сводилось к насыщению учебных курсов псевдосоциалистической фразеологией. В современной обстановке, когда мексиканская революция переживает свой термидор, пишет Гонсалес Наварро, революционные идеи становятся все более отвлеченными и направленными на упрочение существующего строя. В частности, лозунг «социального мира», по его словам, явно продиктован интересами мексиканской буржуазии.

Значительный научный интерес представляет исследование А. Теха Сабре «Морелос в дни войны и в условиях мира» (т. VIII, № 4, стр. 499—511), в котором рассматривается социально-экономическая программа выдающегося руководителя борьбы за независимость Хосе Марии Морелоса [2]. Хосе Роберто Хуарес в своей работе «Борьба за власть после падения Санта-Анны» (т. X, № 1, стр. 72—93) освещает события первого этапа буржуазной революции 50-х годов прошлого столетия — внутриполитическую борьбу в Мексике в период от свержения диктатуры генерала Санта-Анны до прихода к власти умеренно-либерального правительства Комонфорта (август — декабрь 1855 г.). Статья Хосефины Сораиды Васкес (Национальный университет) «Романтическая историография в Мексике» (т. X, № 1, стр. 1—13) содержит анализ исторических взглядов видного политического деятеля, писателя и историка, умеренного либерала Мануэля Пайно (1810—1894), которого автор считает представителем романтизма в мексиканской историографии. Васкес подчеркивает противоречивость взглядов Пайно, который, будучи правоверным католиком и придавая огромное значение религии, а также всему духовному наследию колониальной эпохи, в то же время выступал за национализацию имущества католической церкви.

В 1958—1961 гг. опубликованы также статьи и сообщения Х. Гаоса (т. IX, № 4), А. Риоса Лопеса (т. IX, № 2), Х. Короны Нуньеса (т. X, № 4), Х. Миранды (т. VIII, № 4); Ф. Лопеса Камары (т. IX, № 2), М. Гонсалеса Наварро (т. VIII, № 2, т. IX, № 1), Х. Ф. Итуррибаррии (т. X, № 2), а также ряд других материалов.

В последние годы журнал усилил внимание к проблемам историографии. Помимо уже упомянутых выше статей историографического характера, опубликовано несколько тематических обзоров. Однако два наиболее крупных из них написаны не мексиканскими учеными, а историками США, что наложило на них весьма ощутимый отпечаток. Так, автор обзора «Вклад североамериканцев в историографию мексиканской революции» (т. X, № 2, стр. 282—308), профессор университета Небраски Стэнли Роберт Росс, явно преувеличивая значение этого «вклада», пытается в то же время скрыть подлинные причины усиленного внимания, уделяемого американскими буржуазными историками революции в Мексике. Особый «интерес» своих коллег к мексиканской революции он объясняет всего лишь невинным «естественным любопытством» к бурным событиям в соседней стране, пресловутой мифической «угрозой жизни и собственности» американцев в Мексике и, наконец, пониманием важности исторического значения мексиканской революции. При этом Росс умалчивает об агрессивных планах и империалистической политике США по отношению к Мексике, о позициях американских монополий и их огромных капиталовложениях в этой стране. Однако некоторые данные, приводимые им в обзоре, сами по себе достаточно красноречивы. Так, он упоминает об издании в 20—30-х годах в США книг католических авторов, враждебных мексиканской революции и выступавших против ее законодательства и политики. Росс вынужден также признать, что «адвокаты нефтепромышленников», отстаивая их интересы, в своих

[2] Подробнее об этом исследовании см. «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 210.

книгах, брошюрах и статьях «стремились склонить общественное мнение в пользу более агрессивной политики правительства Соединенных Штатов» (стр. 284).

Самые серьезные возражения вызывают попытки автора обзора необоснованно преуменьшить значение усилий мексиканских ученых по созданию обобщающих трудов о революции 1910—1917 гг. и преувеличить заслуги историков США, которые, как он утверждает, «внесли наибольший вклад в этой области, особенно Фрэнк Танненбаум, Лесли Б. Симпсон и Говард Ф. Клайн» (стр. 285). Ведь Росс сам указывает, что книга Танненбаума, которого он рекламирует как крупнейшего знатока истории мексиканской революции, вызвала в Мексике острую дискуссию и что даже мексиканские официальные круги «не согласились с экономическим анализом профессора Танненбаума» (стр. 286) [3].

Что же касается работы Клайна, содержащей, по утверждению автора обзора, «блестящий анализ» мексиканской революции, то она явно тенденциозна: Клайн полностью игнорирует действительные причины революции и замалчивает ее антиимпериалистическую и антифеодальную сущность [4]. Между тем мексиканская историография насчитывает большое количество обобщающих работ по истории революции 1910—1917 годов. Достаточно напомнить, что только за последнюю четверть века в Мексике изданы труды Мигеля Алессио Роблеса, Альфонсо Теха Сабре, Хесуса Ромеро Флореса, Хесуса Сильвы Эрсога, Альберто Моралеса Хименеса, Габриэля Феррера де Мендиолеа, Роберто Бланко Моэно, Хорхе Вера Эстаньоля, Хосе Мансисидора, Мануэля Гонсалеса Рамиреса, Альфонсо Тарасены, Игнасио Муньоса и др.

Другой обзор, «Историография независимой Мексики» (т. X, № 3, стр. 361—412), составлен профессором Массачусетского университета Робертом Поташем и представляет собою перевод текста, впервые опубликованного американским журналом «The Hispanic American Historical Review» в августе 1960 года. Советские читатели уже имели возможность ознакомиться с основным содержанием этого обзора [5]. Заметим лишь, что Поташ, признавая определенные достижения в развитии исторической науки в Мексике за последние два десятилетия, дает, однако, явно несостоятельное объяснение этому явлению. Успехи мексиканской историографии автор объявляет результатом мнимого ослабления социальных противоречий в стране, стабилизации политической обстановки и установления якобы дружественных отношений между Мексикой и США. Между тем известно, что в послевоенный период экспансия американского империализма в Мексике значительно усилилась, классовые противоречия внутри мексиканского общества углубились, а борьба между прогрессивными и реакционными силами резко обострилась.

Марианна О. де Бопп (Национальный университет) под заголовком «Германия, 1959» (т. X, № 1, стр. 172—176) дает обзор литературы о Мексике (история, этнография, путевые очерки, искусство, беллетристика и т. д.), изданной в 1959 г. в Западной Германии. Она указывает, что после второй мировой войны в ФРГ увеличился выпуск книжной продукции по данной тематике. Одной из причин усиления в этой стране интереса к Мексике автор считает развитие западногерманской внешней торговли. Хотя обзор не содержит общей оценки литературы о Мексике, опубликованной в ФРГ, отдельные критические замечания де Бопп дают некоторое представление о характере и уровне этих изданий. Так, автор с возмущением пишет об одной «книжонке для юношества», написанной неким Фридрихом Киппом, в которой «описывается несуществующая и никогда не существовавшая Мексика, нарисована нереальная картина, полная туманных представлений и характеризующаяся абсолютным отсутствием точных сведений; неточности, начинающиеся на первой странице, продолжаются вплоть до последней». В заключение обзора де Бопп выражает негодование по поводу того, что «по книгам такого типа немецкие дети изучают Мексику» (стр. 176).

Среди многочисленных и написанных на неодинаковом научном уровне рецензий, опубликованных журналом за последние годы, встречаются и такие, в которых дается

---

[3] О критике концепции Ф. Танненбаума в Мексике см. М. С. Альперович. История отношений между Мексикой и США в послевоенной мексиканской историографии. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 171—183.

[4] Подробнее см. рецензию М. С. Альперовича на книгу Клайна. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 168—170.

[5] См. «Вопросы истории», 1961, № 3, стр. 212—214.

обстоятельный критический разбор рецензируемых работ. Примером такого рода научной критики может, в частности, служить рецензия Луиса Коссио Сильвы и Фернандо Росенцвейга Эрнандеса («El Colegio de Mexico») на изданный в 1960 г. сборник «Мексика, 50 лет революции» (т. X, № 4, стр. 675—692). Опубликованием этого сборника начато издание четырехтомного коллективного труда, подготовляемого по инициативе президента Мексики А. Лопеса Матеоса с целью показа достижений за 50 лет, прошедших с начала революции 1910 года. Том посвящен экономическим вопросам и состоит из отдельных очерков различных авторов, которым предпослано предисловие, написанное президентом. По мнению рецензентов, сборник содержит большой фактический материал об экономическом развитии Мексики за полвека. Вместе с тем они делают в его адрес ряд серьезных критических замечаний. Так, Коссио Сильва и Росенцвейг Эрнандес указывают на хаотичность, отсутствие системы и единого метода изложения материала, слабую связь между отдельными очерками. В результате в тексте встречается много повторений и в то же время выпал ряд важных проблем: аграрный вопрос, проблема внутреннего рынка и рынка рабочей силы, развитие коммуникаций, транспорта и т. д. Рецензенты отмечают некритическое отношение авторов к источникам, вследствие чего в сборнике имеется много неточных и противоречивых данных. Они считают, что авторы не показали влияние мексиканской революции на экономическое развитие страны в рассматриваемый период. Критикуя содержащийся в книге тезис о том, что «мексиканская революция выполнила свою задачу обеспечить более справедливое распределение наших богатств», рецензенты указывают, что во многих случаях положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих Мексики ухудшилось, что значительная часть крестьянства страдает от эксплуатации столь же жестокой, как и до революции (стр. 687).

В то же время некоторые рецензии, публикуемые в «Historia Mexicana», носят поверхностный, неглубокий, чисто информационный характер и подчас сводятся к простому пересказу содержания рецензируемой книги и комплиментам по адресу ее автора. Такова, например, рецензия Родольфо Круса Мирамонтеса на второе издание книги Хосе Фуэнтеса Мареса о деятельности первого посланника США в Мексике Пойнсетта. Эта «обтекаемая» рецензия производит тем более странное впечатление, что в 1952 г. на страницах журнала велась весьма острая полемика по поводу первого издания той же книги (см. т. I, № 4; т. II, № 1). Тогда рецензент М. Гонсалес Рамирес резко критиковал автора за то, что он, придерживаясь реакционных политических взглядов, объяснял антииспанские настроения в Мексике после провозглашения независимости и вытекавшие из них действия исключительно интригами и происками посланника США. Выступая против попыток преувеличения роли Пойнсетта в мексиканских событиях той эпохи, Гонсалес Рамирес подчеркивал, что антииспанская политика Мексики в 20-х годах XIX в. являлась естественным и закономерным продолжением исторически обусловленной борьбы за освобождение от колониального ига Испании и в значительной мере определялась угрозой восстановления испанского господства.

К сожалению, приходится отметить и отдельные случаи недобросовестности авторов рецензий, публикуемых журналом. Мы имеем в виду рецензию Лусилы Фламанд («El Colegio de Mexico») на изданный в Мексике в 1960 г. сборник статей трех советских историков под названием «Мексиканская революция» (т. X, № 4, стр. 669—672). Самый факт появления на страницах «Historia Mexicana» первого отклика на работы советских мексиканистов нельзя не приветствовать. Однако в этой рецензии, написанной в крайне недоброжелательном тоне, наряду с правильным указанием на некоторые фактические неточности, допущенные авторами, имеется много необоснованных замечаний.

Мы не имеем возможности в рамках настоящего обзора полемизировать по поводу ряда утверждений методологического порядка, сделанных рецензентом (отрицание антиимпериалистического характера революции 1910—1917 гг., возражение против тезиса советских историков о том, что эта революция не решила стоявших перед ней задач, оценка роли крестьянства и рабочего класса в революции и др.), тем более, что точка зрения марксистской историографии по этим вопросам за последние годы уже неоднократно формулировалась в печати. Но Л. Фламанд делает ряд замечаний, основанных на прямом искажении позиции авторов и приписывании им взглядов, не имеющих ничего общего с действительными. Так, одного из авторов рецензент без всяких на то

оснований обвиняет в том, что для него якобы «наиболее важными являются внешние, а не внутренние причины (революции.— *М. А.*), антиимпериалистическая борьба, а не нужды трудящихся классов» (стр. 670), хотя в действительности советский историк совершенно ясно указывает не только на антиимпериалистический, но и на антифеодальный характер революции 1910—1917 гг. и подчеркивает, что причины ее следует искать в экономическом и политическом развитии Мексики конца XIX — начала XX века. По адресу другого автора столь же голословно сказано, что он будто бы «предоставляет право возглавить какое бы то ни было революционное движение» только пролетариату и преуменьшает историческую роль вождя мексиканского крестьянства Эмилиано Сапаты (стр. 671—672). Между тем на самом деле этот автор, отмечая стихийность и неорганизованность крестьянского движения, отсутствие руководства им со стороны рабочего класса, в то же время характеризует крестьянство как главную ударную силу мексиканской революции и высоко оценивает выдающуюся роль Э. Сапаты в борьбе против сил реакции, за революционное разрешение аграрного вопроса. Третьего автора рецензент упрекает в том, что тот якобы «резко нападает в равной мере на североамериканских и мексиканских историков», причем заявляет, будто «он находит оправдания для первых, но не для последних» (стр. 672). Подобное утверждение является грубейшим искажением фактического положения вещей, поскольку указанная работа советского автора построена на противопоставлении концепций прогрессивных историков Мексики и буржуазной историографии США. К тому же Л. Фламанд сама себе противоречит, ибо тут же с одобрением цитирует слова критикуемого ею автора о том, что североамериканские историки «грубо искажают исторические факты, пытаясь скрыть агрессивную сущность политики Соединенных Штатов» (там же).

Уделяя значительное внимание библиографии, «Historia Mexicana» выступает за повышение ее научного уровня. Так, квалифицированный специалист в этой области Х. Фернандес де Кордоба еще в начале 1958 г. подверг резкой критике «Библиографию истории Мексики», составленную Роберто Рамосом и изданную в 1956 г. (см. т. VII, № 3). Когда же составитель этого библиографического указателя вступил в полемику с рецензентом, то Фернандес де Кордоба опубликовал статью «Псевдобиблиографии и псевдобиблиографы» (т. VIII, № 1, стр. 135—144), которая содержала более развернутые и аргументированные критические замечания. Отметив и проиллюстрировав многочисленными конкретными примерами неполноту, ошибки, искажения и другие серьезные дефекты библиографического указателя Рамоса, он заявил, что это, по существу, не научная библиография, а всего лишь каталог книг по истории Мексики, хранящихся в Национальной библиотеке.

Журнал продолжает систематически информировать своих читателей об архивных материалах по истории Мексики, находящихся в других странах: Франции, США, Австрии (т. VIII, № 1, стр. 81—94; т. IX, № 3, стр. 448—471; т. X, № 3, стр. 509—526).

Ознакомление с содержанием «Historia Mexicana» показывает, что журнал уделяет все большее внимание социально-экономическим, методологическим, историографическим проблемам. Хотя в основном он придерживается буржуазно-либерального направления, подчас его страницы оказываются ареной острой идеологической борьбы между реакционными и прогрессивными историками.

М. С. Альперович

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Из истории «балканского Мюнхена»

«Трудове на висшия икономически институт «Карл Маркс». София. 1961. Кн. 1, стр. 316—365.

Болгаро-югославский пакт (24 января 1937 г.) и последовавший за ним итало-югославский договор (25 марта 1937 г.) отразили изменение расстановки сил в предвоенной Европе в пользу фашистских поджигателей войны.

Болгаро-югославский договор необходимо рассматривать на фоне международной обстановки тех лет в целом. Фашистские государства в то время уже открыто готовились к войне. Капитуляция в 1936 г. Ан-

глии и Франции перед Германией, оккупировавшей Рейнскую область, была важным шагом в направленной против СССР политике «умиротворения» гитлеровцев, стремившихся теперь к аннексии Австрии и Чехословакии. В связи с этим германская дипломатия поставила задачу разрушить французскую систему союзов — Малую и Балканскую Антанты,— создававшую определенные трудности для осуществления гитлеровских планов на Юго-Востоке Европы. Средством для этого был договор, заключенный между монархо-фашистской Болгарией, ориентировавшейся на Германию, и Югославией, которая долгое время являлась опорой французского влияния на Балканах.

Вопрос о болгаро-югославском договоре очень слабо освещен в исторической литературе. Этот пробел восполняет статья болгарского историка П. Арсова «Болгаро-югославский пакт 1937 года — балканский Мюнхен». Особую ценность статье придает большое количество впервые используемых архивных документов. В основном это донесения болгарских послов из Берлина, Парижа, Белграда, Варшавы. В статье широко используются также материалы европейской прессы.

П. Арсов справедливо отмечает, что в 1937 г. германский фашизм использовал Болгарию в качестве орудия для отрыва Югославии от французской системы союзов и разрушения этой системы. Одновременно автор указывает, что внешнеполитический курс Югославии с приходом к власти в 1935 г. Стоядиновича изменился. Не без помощи Англии Югославия освободилась от французского влияния и вошла в фарватер гитлеровской Германии. Стоядинович в беседе с немецким послом в Белграде в феврале 1937 г. четко сформулировал свою политику и свое отношение к французской системе союзов. «После того как Югославия заключит договоры с Болгарией, Италией, Германией и др.,— заявил он,— сегодняшние союзники в один прекрасный день обнаружат, что Малая и Балканская Антанты потеряли всякий смысл».

Однако открыто проводить профашистский курс реакционному правительству Югославии было нелегко, ибо югославский народ, как и широкие массы болгарского народа, резко отрицательно относился к гитлеровской Германии. Именно ввиду этих обстоятельств болгаро-югославский договор 1937 г. имел завуалированную форму, с помощью которой реакционные правительства балканских стран проводили свой прогитлеровский курс.

Договор ограничивался лишь одной статьей, провозглашавшей установление «вечной дружбы» между Болгарией и Югославией.

В статье приводится большой архивный материал, показывающий, что больше всех в болгаро-югославском пакте была заинтересована фашистская Германия. Фашистские дипломаты стремились ускорить заключение договора: Нейрат в 1936 г. настоятельно советовал царю Борису продолжать «работу» над болгаро-югославским сближением. После подписания договора Нейрат заявил болгарскому послу в Берлине: «Это радостное событие полностью совпадает с желаниями Германии и находится в полном соответствии с основной линией нашей внешней политики». Гитлеровские дипломаты рассматривали пакт как первую брешь, которую Германии удалось пробить в Балканской Антанте. По мнению фашистских руководителей, болгаро-югославский пакт выходил за пределы «балканских интересов» и должен был отразиться на всей европейской политике.

Анализ позиции Англии говорит о том, что оба пакта были с удовлетворением встречены и английским правительством. Это объяснялось стремлением Англии направить фашистскую агрессию против СССР. Отсюда замысел Англии: укрепив англо-французский союз, создать преграду Германии на западе и одновременно, подорвав франко-советский пакт, а также Малую и Балканскую Антанты, расчистить немцам путь на Восток.

Помощь, оказанная Болгарией гитлеровской Германии в подготовке захвата Австрии и Чехословакии, и благоприятная для Германии позиция Югославии в этом вопросе дали основание автору квалифицировать болгаро-югославский пакт как «балканский Мюнхен». Болгаро-югославский пакт, указывает П. Арсов в конце статьи, который положил начало разложению Балканской и Малой Антант, следует рассматривать как составную часть проводившейся западными державами политики «умиротворения» гитлеровской агрессии. В борьбе между силами мира, руководимыми Советским Союзом, и силами войны, которые возглавляла гитлеровская Германия, болгаро-югославский пакт о «вечной дружбе» был направлен против СССР, служа агрессивным целям фашистской Германии.

Л. С. Хотин

Публикация документов из истории второй мировой войны в польском журнале

«Wojskowy Przegląd Historyczny». Warszawa, 1961, № 2, str. 207—218.

Важное место в журнале «Wojskowy Przegląd Historyczny» занимают публикации архивных документов. Так, в № 2 за 1961 г. помещены с обстоятельными комментариями польского историка П. Ставецкого интересные документы, посвященные недостаточно исследованному вопросу из истории второй мировой войны: отношениям между Польшей и Великобританией в сентябре 1939 года.

Материалы, подготовленные к печати П. Ставецким, охватывают небольшой период — первые две недели войны. Это извлеченные из архивов протоколы переговоров, которые вела в Лондоне специальная польская военная миссия с английскими официальными лицами. Данные этих переговоров позволяют с достоверностью судить не только о проблемах польско-английских отношений, но также, до известной степени, и о направленности британской внешней политики накануне и в начальный период второй мировой войны в целом.

Документы наглядно показывают, что «гарантии», которые были даны Польше Великобританией весной 1939 г., оказались пустой декларацией. Имперский генеральный штаб и другие высшие военные органы Великобритании не предприняли никаких практических шагов после сделанных Польше торжественных заверений в оказании военной помощи. Позиция британских военных верхов в сентябре 1939 г. объясняется все той же последовательно проводившейся правительством Англии в новых условиях мюнхенской политикой, главным содержанием которой было стремление направить гитлеровскую военную машину на Восток.

Специальная польская военная миссия 8 сентября прибыла в Лондон. В это время польская армия в тяжелых условиях вела упорные оборонительные бои с гитлеровским вермахтом. Агрессор обладал подавляющим превосходством в воздухе, а также в бронетанковых и механизированных войсках.

В этой обстановке лучшей помощью Польше было бы нанесение англо-французскими войсками удара в направлении слабо укрепленной «линии Зигфрида», чтобы создать угрозу главным центрам военной промышленности Германии. Военно-воздушные силы союзников могли нанести массированные удары по коммуникациям гитлеровцев, районам сосредоточения войск и военно-промышленным объектам. Кроме того, Польша остро нуждалась в поставках военной техники (самолетов, противотанковых и зенитных орудий и т. д.).

Главная задача польской военной миссии заключалась в том, чтобы добиться быстрой и действенной помощи Польше со стороны западных держав, в первую очередь Англии. Однако польские представители не могли добиться никакой помощи. Выяснилось полное нежелание британских военных органов оказать Польше реальную помощь против Германии. В Англии не было никаких оперативных планов действий наземных, морских и воздушных сил в этом случае. Не существовало и плана транспортировки войск и военных материалов для Польши, да и вообще не было ясно, по каким коммуникациям их следует перебрасывать. Хотя шла вторая неделя войны, положение фактически оставалось без изменений.

Таким образом, материалы о пребывании польской военной миссии в Лондоне осенью 1939 г. являются неопровержимым свидетельством фактического предательства правящими кругами Великобритании Польши в трагические для польского народа дни гитлеровской агрессии.

В. М. Бородин

О применении кибернетики в историческом исследовании

«Československý časopis historický». Praha. 1961, № 3, str. 396—399.

Вопрос об использовании достижений науки и техники в труде историка чрезвычайно важен и актуален. Советские исследователи уже записали в свой актив первые успехи, достигнутые с помощью электронных устройств [1]. Эта проблема занимает специалистов и других социалистических стран. Ей посвящена статья чешского ученого Ярослава Пурша о применении электронных машин в историческом исследовании. Автор подчеркивает, что в исторической науке достижения кибернетики используются очень мало, хотя новые машины могут значительно облегчить труд исто-

[1] См. В. А. Устинов. О применении электронных математических машин в исторической науке. «Вопросы истории», 1961, № 8.

рика. Разумеется, «электронный мозг» ни в коей мере не может заменить мыслящего человека. Речь идет лишь о наиболее рациональном разделении труда между исследователем и машиной, при котором однотипные трудоемкие процессы будут приходиться на долю последней. В связи с этим автор привлекает внимание к статистике как вспомогательной исторической дисциплине. Я. Пурш полагает, что именно в данной области возможно широкое использование достижений современной техники. Однако для этого потребуется приготовить для машины программу работ.

Каковы же конкретные вопросы исторического исследования, при решении которых, по мнению Я. Пурша, возможно применение электронных математических машин?

Прежде всего это обработка больших комплексов относительно однородного материала из источников, которые имеют решающее значение для изучения развития социально-экономического базиса в определенный отрезок времени. С помощью машины можно будет, например, целиком обработать и всесторонне исследовать данные таких источников, как Берни рула (податные списки населения Чехии XVII в.), податные кадастры, материалы по истории цен, сведения о численности населения, различные официальные публикации и пр. Центр тяжести в деятельности историка, *таким образом, будет перенесен на* исследование и критику источников, составление технически верной программы для работы машин и формулировку правильных выводов.

Современные электронные машины могут серьезно помочь, в частности, специалистам по древней истории. Сейчас им приходится, анализируя источники, выписывать на карточки тысячи различных слов, грамматических форм и т. п., чтобы выяснить лексический состав и грамматическую структуру текста. Машины значительно ускорят и облегчат эту работу. Они найдут применение и при разрешении проблем социологии. Буржуазные социологические школы, как правило, конструируют свои теории на основе отрывочных, неполных фактических данных. Современные математические машины создают возможность для научной обработки всех данных, в том числе и до сих пор еще полностью не использованных, и позволят дать более глубокую критику ненаучных социологических построений.

Электронные машины облегчат и составление картотек. Классификацию, отбор материала будет с успехом производить машина. Наконец, кибернетические машины могут быть использованы при изучении и анализе источников.

Н. М. Пашаева

Искусственные построения буржуазного историка

«*The English Historical Review*». London. 1961, April, pp. 217—253.

Помещенная в ведущем английском историческом журнале статья американского исследователя Г. Барона «Макиавелли: гражданин республики и автор «Князя» — типичный пример присущего буржуазным ученым отвлеченного формально-юридического подхода к анализу взглядов крупнейших политических мыслителей прошлого. Для такого подхода характерно игнорирование классовой сущности идей того или иного мыслителя, отказ от анализа его взглядов в связи с конкретными социально-экономическими особенностями эпохи, нежелание и неумение определить классовую позицию мыслителя.

Г. Барон поставил перед собой цель объяснить якобы очевидное противоречие между политическими взглядами, которые развивал в двух своих основных произведениях Макиавелли.

Если в трактате «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли выступает как свободолюбивый республиканец, то в знаменитом «Князе» он провозгласил принцип неограниченной власти правителя. Г. Барон резко выступает против тех историков, которые пытались найти общее в двух трактатах Макиавелли, сблизить их между собой. Ограничиваясь одним формальным противопоставлением понятий «республика» и «монархия», Г. Барон делает вывод: в промежутке между созданием столь различных произведений их автор пережил кризис, приведший к резкому изменению его политических взглядов. Барон считает, что вначале Макиавелли написал «Князя». Этот трактат, по его мнению, был создан сразу же после крушения Флорентийской республики, в 1513 году. В нем суммировался государственный опыт Макиавелли, приобретенный за 14 лет служения республике, отразилось его разочарование в ее силах и возникшее вследствие этого упование на сильную власть князя как средство спасения Италии от угрожавшей ей внешней опасности, а также объедине-

ния страны. Последующие годы убедили Макиавелли в тщетности его надежд и вместе с тем обогатили его знания и опыт. Он снова пришел к республиканским убеждениям своей молодости. В 1519 — 1520 гг. Макиавелли завершил трактат «Размышления», который знаменовал собой, как пишет Г. Барон, следующую, более высокую стадию в политическом развитии Макиавелли. От монархии к республике — таков был, по Барону, путь, запечатленный в творениях Макиавелли.

Однако если конкретно разобраться в том, какой именно смысл Макиавелли вкладывал в понятия «монархия» и «республика», то станет совершенно очевидным мнимый характер «противоречия» в его работах. В обоих трактатах Макиавелли выступает как ранний идеолог буржуазного развития, как сторонник централизованного национального государства, что отвечало интересам буржуазии наиболее сильных городских республик Италии — Флоренции и Венеции. Такой же буржуазный характер носит борьба Макиавелли за светское государство, свободное от влияния феодальной католической церкви.

Но является ли противоречием то, что в «Размышлениях» речь идет о республике, а в «Князе» о монархии? Нет. В «Размышлениях» вопрос ставится об идеале государственного строя, каковым для Макиавелли являлась республика во главе с буржуазией, в «Князе» же автор говорит о той временной государственной форме, которая, с его точки зрения, была наиболее уместной в период борьбы за создание единого централизованного государства. Таковой он считал единоличную диктатуру правителя, способную ликвидировать феодальную раздробленность и защитить буржуазию и от крупных феодалов и от народных масс. Любопытно, что, выступая в защиту монархии, Макиавелли поддерживал не князя как главу феодальной иерархии, а ставленника буржуазии, каким являлся Лоренцо Медичи, которому Макиавелли посвятил своего «Князя». Макиавелли подчеркивал, что власть единоличного правителя необходима для обуздания многочисленного дворянства.

Таким образом, выяснение социально-экономической обусловленности и классовой направленности политической концепции Макиавелли снимает вопрос о кажущейся противоречивости его произведений.

Б. А. Каменецкий

Английские буржуазные деятели и Австро-Венгрия периода первой мировой войны

«*The American Slavic and East European Review*». New York. 1961. Vol. XX, № 1. February, pp. 40—54.

Профессор Рочестерского университета Артур Дж. Мей в последнее время исследует политику правящих кругов США и Англии в период первой мировой войны по отношению к Австро-Венгрии. В статье Мея «Р. У. Ситон-Уотсон и антигабсбургские настроения в Англии» оцениваются взгляды известного английского историка, публициста и общественного деятеля Роберта Уильяма Ситон-Уотсона (1879 — 1951), видного журналиста Генри Уикхэма Стида (1871 — 1956) и некоторых других буржуазных деятелей, активных проводников империалистической политики Великобритании в Центральной и Юго-Восточной Европе. Мей хорошо знаком с британской публицистикой военных лет. Он привлек также материалы из личного архива Р. Ситон-Уотсона. В статье приводится немало примечательных высказываний английской прессы о перспективах «решения» национального вопроса в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Серьезные изъяны статьи Мея определяются идеалистическими установками автора по проблемам национально-освободительной борьбы, роли интеллигенции в буржуазном государстве и т. д. Следует отметить также, что Мей придерживается реакционных взглядов о «жизнеспособности» прогнившей Габсбургской монархии. Отсюда его ироническое отношение к критике порядков в Дунайской империи со стороны представителей английской общественности. С точки зрения Мея, угнетение наций в Австро-Венгрии «преувеличивалось», а сама эта держава напрасно изображалась как «орудие осуществления экспансии германского империализма».

С другой стороны, наиболее видных приверженцев планов проведения верхушечных преобразований в Юго-Восточной Европе (Г. Стид и Р. Ситон-Уотсон) Мей наделяет качествами благородных и бескорыстных мечтателей. Воззрения Стида относительно будущности Габсбургской монархии, пишет, например, Мей, характеризовались «страстной любовью к свободе». Можно задать вопрос: почему же в таком случае британский публицист — об этом мы знаем из его мемуаров — одобрял колони-

заторскую деятельность Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине? Р. Ситон-Уотсон, заявляет Мей, был «неутомимым крестоносцем», защищавшим интересы южных славян, чехов, словаков и румын.

В «заслугу» ему Мей ставит даже тот характерный факт, что Р. Ситон-Уотсон предпочитал «подвергшихся влиянию Запада хорватов» сербам и был поклонником «триалистических» планов Франца-Фердинанда [1].

На протяжении всей статьи Мей старается представить дело так, будто его герои — буржуазные английские публицисты — собственноручно изобретали планы «решения» назревших вопросов в Европе и самоотверженно пропагандировали их на свой страх и риск. Хорошо известно, однако, что и Г. Стид и Р. Ситон-Уотсон были весьма близки к британским правящим кругам и оказывали им немаловажные услуги. Стид — один из столпов «Times» — к концу войны занимал ответственный пост в так называемом «Департаменте пропаганды среди противников» (Enemy Propaganda Department). Можно предположить, что как ведущий журналист прессы Нортклиффа он был посвящен в секретные планы послевоенного дележа мира, намечавшиеся Антантой. Такие его статьи, как упоминаемая Меем «Программа мира» (в «Edinburgh Review» за апрель 1916 г.), были своего рода этапом в «обработке» общественного мнения в нужном правящим кругам Великобритании направлении.

Той же задаче обычно служили и выступления других буржуазных публицистов. Напомним, что еще в ноябре 1914 г. Р. Ситон-Уотсон подчеркивал необходимость укрепить лидирующее положение Англии на Ближнем Востоке и в мусульманском мире, то есть защищал захватнические планы британского империализма. Анализируя причины мировой войны, он писал о «противоречиях между расами» и, в частности, между «тевтонами» и «славянами».

Таким образом, деятельность Р. Ситон-Уотсона, Г. Стида и близких к ним лиц преследовала цели обеспечения интересов Англии при перекройке державами Антанты карты Центральной и Юго-Восточной Европы после первой мировой войны. При этом были важны не только их публичные выступления, но и налаживание контактов английских правящих сфер с такими эмигрантами из Австро-Венгрии, как Масарик, Супило, Трумбич и др. Именно эти угодные правящим кругам Великобритании буржуазные лидеры намечались в руководители новых национальных государств, которые должны были возникнуть после распада лоскутной империи Габсбургов.

Наконец, не выдерживает критики и высказанное Меем (вслед за английским историком Дж. Хидлэм-Морли) положение об «относительной индифферентности» британского правительства к судьбам Центральной Европы в первые три года мировой войны. Как свидетельствуют документы, выжидательная позиция Англии в этом вопросе не являлась результатом отсутствия заинтересованности. Ответственные круги Великобритании, тщательно разрабатывая различные планы, неизменно стремились к сохранению «противовеса» России и Франции в Европе [2]. Вовсе не усилия сторонников «реформ» в Австро-Венгрии, а великие революционные события октября 1917 г. в России, оказавшие огромное воздействие на народные массы Дунайской империи, заставили английский кабинет занять в этом вопросе вполне определенную позицию.

К. Б. Виноградов

[1] «Вы, словаки, должны теперь ориентироваться на Франца-Фердинанда»,— советовал Р. Ситон-Уотсон незадолго до войны одному из словацких деятелей (см. Georg Franz. Erzherzog Franz-Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie. München. 1943, S. 74—75). Мей отмечает, что и после 1914 г. Р. Ситон-Уотсон неохотно расставался с надеждами на верхушечное преобразование Габсбургской империи.

Реакционные вымыслы вместо фактов

«*History Today*». London. 1961, May, pp. 342—349.

На страницах английского журнала «History Today» проживающий в настоящее время в США историк Флореску выступил со статьей под названием «Рождение Румынии», снабженной подзаголовком «Факты и фантазия». Автор обращается к тем историкам, выходцам из Румынии, кому оказалось не по пути со своим народом, строящим социализм, кто эмигрировал из собственной страны и, по выражению самого Флореску, «рассеялся по трем континентам», с призывом сплотиться под знаменем антикоммунизма и употребить все силы на то, чтобы доказать, будто бы весь

[2] Весьма характерно, что даже в разгар войны английский генеральный штаб высказался за присоединение в будущем Австрии к Германии. Небезынтересно, что именно такой была и рекомендация Р. Ситон-Уотсона.

ход исторического и культурного развития румынского народа требует включения Румынии в «великую культурную границу Европы». Но поскольку господа, подобные Флореску, отгораживаясь от исторической действительности, под европейской культурой понимают культуру нескольких западноевропейских государств, то вышеприведенная формула означает не более и не менее, как призыв дать «историческое обоснование» включению Румынии в сферу влияния империализма. Такова политическая тенденция статьи.

На восьми страницах работы автор берет на абордаж всю румынскую историю, начиная с проблемы происхождения румынского народа и кончая вопросом о восстании под руководством Тудора Владимиреску в двадцатых годах XIX века. В ней просто не осталось места для фактов. Остались только голословные утверждения.

Флореску прибегает к далеко не оригинальному приему буржуазных фальсификаторов, приписывая историкам народной Румынии не свойственные им взгляды и концепции и затем «опровергая» эти выдуманные взгляды. Так, он пишет, что в Румынской Народной Республике «положения о латинском происхождении румынского языка как о факторе, связывающем Румынию с Западом, были выброшены и заменены тезисом о ее культурных связях со славянским Востоком». Нечего и говорить, что никто в РНР не опровергал такого очевидного факта, как латинское происхождение румынского языка. Автор преднамеренно смешивает совершенно различные понятия. Разве латинское или славянское происхождение того или иного языка мешало многовековым плодотворным связям балканских народов, в том числе и в области культуры? Достаточно раскрыть румынский словарь на любой странице, чтобы встретить там слова славянского корня; стоит взглянуть на карту Румынии, чтобы увидеть много географических названий славянского происхождения. Румынские и славянские трудящиеся массы жили как добрые соседи в течение многих столетий, в их исторической судьбе много общего, их дружба сцементирована кровью, пролитой в совместной борьбе за свержение турецкого, а позже фашистского ига. И, разумеется, сколько бы ни портили бумаги господа, подобные Флореску, им не удастся подточить устои вековой румыно-славянской дружбы.

О борьбе с турецкими захватчиками, которая в течение веков была лейтмотивом истории румынского народа, Р. Флореску вообще предпочитает не говорить. Если верить автору, то румынские княжества в XVIII и начале XIX столетия были чуть ли не самостоятельными и независимыми государствами. Флореску делает поразительные «открытия». Оказывается, согласно закону, турки не могли ни селиться на румынской земле, ни держать там в мирное время вооруженные силы. Невольно возникает вопрос: как же они сумели воздвигнуть в Румынии мощные опорные пункты, где постоянно находились многочисленные турецкие гарнизоны, терроризировавшие местное население? И зачем русскому правительству понадобилось после кровопролитной войны 1828—1829 гг. с Турцией специально вносить в мирный договор требование о выселении из Дунайских княжеств турок и продаже их имущества?

В историю румынского народа черной полосой вошла эпоха фанариотского правления. Фанариотами называли богатых греческих купцов, живших в стамбульском квартале Фанар. В XVIII и начале XIX в. турецкие султаны назначали из их среды князей в румынские земли. Фанариоты добивались назначения с помощью подкупов и интриг и, достигнув своей цели, стремились в кратчайший срок с лихвой оправдать свои затраты. Фактически румынские земли отдавались на откуп кучке хищных и жадных чужеземцев. Случалось, что за два года «забот» о своих румынских подданных князь-фанариот наживал состояние до 10 млн. франков, писал француз Заллони, лично наблюдавший жизнь в княжествах. «Гений фиска — единственный, который он (фанариот.— *В. В.*) вызывает к жизни»[1],— указывал Заллони. Налоги один за другим обрушивались на плечи несчастного народа. Дело дошло до того, что крестьяне стали разбегаться куда глаза глядят, и деревни обезлюдели.

Но Флореску проходит мимо этих фактов. Он обеляет черные деяния хищнической верхушки греческого купечества и провозглашает ее проводником западной культуры и представителем «западной ориентации».

Рассчитывая, видимо, на неосведомленность английских читателей, Флореску клеветнически утверждает, что произведения буржуазных историков в РНР запрещены, а их книги уничтожены. Нетрудно разоблачить эту примитивную ложь. Всякий,

[1] M. Ph. Zallony. Essai sur les fanariotes. Marseille. 1824, pp. 54, 69.

кто побывал в библиотеке Румынской Академии, может обнаружить «уничтоженные» произведения крупных буржуазных румынских историков, имена которых Флореску приводит в своей статье,— Н. Йорги. А. Д. Ксенопола, К. Джиуреску — *на полке* в читальном зале. Их читают и изучают. Но изучают критически, используя рациональное зерно накопленных ими фактов и обобщений и отбрасывая шелуху идеалистических концепций и реакционные стороны их мировоззрения. Об этом свидетельствуют такие серьезные историографические обзоры, как, например, работа В. Мачиу об освещении объединения Молдавии и Валахии в трудах А. Д. Ксенопола [2].

Рецензируемая статья является одним из свидетельств того, как бесцеремонно выворачивают наизнанку историю собственных стран реакционные историки-эмигранты.

В. Н. Виноградов

Снова о проблеме Юга Италии

«Economia e Storia». Roma. 1961, № 1, стр. 16 — 35.

Проблема Юга — «внутренней колонии» буржуазной Италии — животрепещущий вопрос, который уже многие десятилетия привлекает внимание исследователей. В буржуазной литературе последних лет появляется все больше работ, в которых авторы выражают беспокойство в связи с крайней социально-экономической отсталостью южных районов страны. Однако, констатируя гяжелое положение, создавшееся в Южной Италии, они не видят единственно правильного пути разрешения проблемы Юга с помощью радикальных преобразований в экономике и демократизации страны, пути, за который борется Итальянская коммунистическая партия во главе всех прогрессивных сил итальянского народа.

Одной из работ такого характера является статья итальянского буржуазного исследователя П. Сарачено «Нерешенные на протяжении столетия проблемы экономического объединения Италии».

В основе непропорционального развития отдельных частей Италии, указывает автор, лежат экономические различия государств Северной Италии, с одной стороны, и Королевства обеих Сицилий накануне воссоединения страны. Эти различия между Севером и Югом являлись, указывает Сарачено, одной из самых сложных проблем нового единого государства.

Переходя к рассмотрению политики итальянского правительства в отношении Юга с момента воссоединения, Сарачено выделяет в ней несколько этапов. В течение первого этапа, с 60-х годов до конца XIX в., на Юге значительно выросла сеть железных дорог. С начала XX столетия был принят ряд законов для отдельных районов Южной Италии, предусматривавших проведение общественных работ (строительство акведуков, дорог и пр.). Тогда же были увеличены налоги на крупную земельную собственность, созданы специальные учреждения аграрного кредита, делались попытки государственного регулирования условий сельскохозяйственных договоров между испольщиками и землевладельцами, предприняты некоторые меры для поощрения развития промышленных предприятий и т. д.

По мнению Сарачено, новый этап «вмешательства государства» в дела Юга наступил с 1950 г., когда был создан государственный «Фонд Юга». Крайне преувеличивая роль этого учреждения, автор видит в нем эффективный инструмент государственной политики, способный осуществить важные реформы в области сельского хозяйства и промышленности. На деле же «Фонд Юга» до сих пор не пошел дальше проведения общественных работ второстепенной важности.

Оценивая в целом мероприятия итальянских правительственных кругов в отношении Юга за 100 лет, Сарачено приходит к выводу, что они были крайне неэффективными. Робкие шаги в области аграрных преобразований не дали почти никаких результатов, поскольку ничего не было сделано для охраны и развития мелкой крестьянской собственности, в то время как крупная земельная собственность сохранилась полностью.

Сарачено заключает, что общее экономическое развитие северных и центральных областей Италии после воссоединения лишь способствовало углублению пропасти между Севером и Югом.

Главное средство для разрешения проблемы Юга Сарачено видит в увеличении занятости и повышении уровня жизни в южных районах. В связи с этим он считает необходимым усиленное развитие промышленности на Юге. Таким образом, вне по-

[2] V. Maciu. Unirea Moldovei şi Tării Romîneşti în opera istoriografică a lui A. D. Xenopol. «Studii privind Unirea principatelor». Bucureşti. 1960.

ля зрения автора остаются такие кардинальные вопросы, как необходимость коренной перестройки аграрных отношений и ограничения господства монополий.

Следует отметить также, что автор статьи глубоко пессимистичен в своих оценках перспектив социально-экономического развития Юга в условиях существующего в Италии общественного порядка. Вместе с тем он не хочет видеть самоотверженную борьбу демократических сил за прогрессивное развитие Юга Италии.

М. И. Ковальская

Американский историк о раскольнической политике АФТ

«Labour History». New York. Spring 1961. Vol. 2, № 2, pp. 182—201.

Проблема единства многонационального американского рабочего класса является одной из важнейших в истории рабочего движения США. За организационное и идейное единство с рабочими-иммигрантами постоянно выступали передовые деятели североамериканских рабочих организаций. В этой связи несомненный интерес представляет появившаяся в американском журнале «Labour History» статья Мелвина Дубовского «Организованные рабочие и иммигранты в Нью-Йорке в 1900—1918 гг.». Автор убедительно показывает реакционную политику руководства АФТ во главе с Гомперсом по отношению к рабочим-иммигрантам. Действуя в угоду американской рабочей аристократии, верхушка АФТ разжигала расовую ненависть к эмигрантам из стран Южной и Восточной Европы, преграждая им доступ в профсоюзы [1]. Автор фактически выступает против положений так называемой висконсинской школы историков рабочего движения США, выражавших точку зрения руководства Американской федерации труда. Главные представители этого направления Дж. Коммонс, З. Перлман, Ф. Тафт полностью оправдывали и усердно защищали реакционную политику руководства АФТ по отношению к иммигрантам, которая в силу экономических причин была якобы неизбежной. Вслед за Гомперсом представители висконсинской школы утверждали, что, соглашаясь на низкую оплату труда, иммигранты подрывали экономическое благосостояние высококвалифицированных организованных рабочих США. В действительности же отказ в праве вступать в профсоюзы затруднял борьбу иммигрантов за повышение своего жизненного уровня. М. Дубовский приводит факты ужасающей нищеты и тяжелых условий, в которых находились иммигранты. «Богатство Нового света,— пишет автор,— зачастую было миражем, а мечта о возможностях, которые якобы предоставляла Америка, очень часто вела в потогонную мастерскую, где приходилось работать с 4 часов утра до 10 часов вечера».

В статье рассматривается проблема рабочей иммиграции в период 1900—1918 гг. в Нью-Йорке. Как известно, в эти годы профсоюзная бюрократия АФТ откровенно перешла на позиции американской империалистической буржуазии, а руководство АФТ выступило с окончательно сложившейся шовинистической политикой. Нью-Йорк не случайно привлек внимание автора. Именно здесь, как признает Гомперс, разрабатывались основы этой политики [2].

М. Дубовский показывает, что рабочая аристократия презирала выходцев из «стран с низким жизненным уровнем» (итальянцев, русских, словаков, поляков и др.), натравливала американских рабочих на рабочих-иммигрантов. Подобную раскольническую политику профбюрократия из АФТ пыталась оправдать тем, что она якобы защищает высокую заработную плату и жизненный уровень американских рабочих, на благополучие которых будто бы покушались «согласные на любые условия» пришельцы из других стран. На этом основании руководство АФТ рьяно проводило кампанию за ограничение или полное запрещение иммиграции в США из стран Южной и Восточной Европы.

Одним из краеугольных тезисов шовинистической политики АФТ было утверждение, что «иммигранты не поддаются организации и представляют угрозу устойчивому юнионизму». Но это было чистой демагогией со стороны американских профбюрократов, ибо, как пишет Дубовский, даже после того, как рабочие-иностранцы доказали свою спо-

[1] В отличие от «старой» иммиграции из стран Западной Европы в первой половине XIX в., к которой причисляли себя многие руководители АФТ, иммиграцию конца XIX—начала XX в. из стран Южной и Восточной Европы, откуда прибывали главным образом неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие массы, называли обычно в исторической и экономической литературе «новой».

[2] S. Gompers. Seventy Years of Life and Labor. New York. 1925, p. 154.

собность создать эффективную организацию, а также вынудить предпринимателей пойти на важные материальные уступки, старые тред-юнионы не пожелали отказаться от своей враждебности к иммигрантам.

Автор статьи отмечает, что многие рядовые члены АФТ отрицательно относились к шовинистической политике ее руководства. Выражением недовольства этой политикой был раскол нью-йоркского отделения АФТ и выход из него некоторых профсоюзов, как, например, Профсоюза кепочных мастеров, и других. Автор говорит также о создании в этот период вне рамок АФТ ряда прогрессивных профсоюзов, в которых рабочие-иммигранты играли видную роль.

К сожалению, автор не смог правильно поставить вопрос о причинах антиинтернациональной шовинистической политики руководства АФТ. Дубовский совершенно обходит вопрос о том, что в исследуемый период Соединенные Штаты уже вступили в империалистическую стадию развития. Он отказывается видеть закономерную связь между усилением в это время наступления американских монополий на рабочий класс и окончательным переходом АФТ на позиции открытого служения крупному капиталу США.

С. М. Аскольдова

Французский историк о формировании русской промышленной буржуазии

«Revue d'histoire modĕrne et contemporaine». Paris, t. VII, Janvier — Mars 1961, pp. 34 — 60.

Исследование проблемы формирования русской промышленной буржуазии имеет важное значение для понимания генезиса капитализма в России. В связи с этим заслуживает внимания статья видного французского историка Роже Порталя «О происхождении промышленной буржуазии в России». Автор — крупный специалист по истории СССР. Его перу принадлежат получившая широкую известность монография «Урал в XVIII веке» и ряд статей по экономической истории России XVIII столетия[1]. Рецензируемая статья представляет собой предварительный этюд подготавливаемого Р. Порталем большого исследования по истории русской промышленной буржуазии. В своей статье Р. Порталь широко использует исследования советских историков и экономистов: С. Г. Струмилина, В. К. Яцунского, П. Г. Рындзюнского и других.

Промышленной буржуазией Р. Порталь называет «социальную категорию владельцев предприятий с наемным трудом, получающую свой основной доход в виде коммерческой или промышленной выгоды», или, иначе говоря, категорию лиц, живущих за счет эксплуатации наемного труда.

По мнению автора, русская промышленная буржуазия как таковая возникает в основном не ранее первой половины XIX века. Он не отрицает факта появления отдельных представителей крупной буржуазии в XVIII в., но они, по его словам, не могли сыграть важной роли, так как либо быстро сходили со сцены, либо одворянивались.

Ставя себе задачу выяснить специфические особенности возникновения и развития русской буржуазии, Р. Порталь ограничивает свое исследование исключительно первой половиной XIX века.

Характерной чертой формирования русской промышленной буржуазии Р. Порталь считает образование немногочисленных «династий» буржуа, игравших все возраставшую роль в экономической жизни России вплоть до 1917 года. Относительно небольшую численность русской буржуазии он объясняет условиями ее формирования в недрах крепостного строя, в частности, слабостью промышленного развития страны в дореформенный период.

Указывая на факт неравномерного развития отдельных отраслей промышленности в России накануне падения крепостного права и отмечая сравнительно быстрые темпы роста текстильной промышленности, Р. Порталь делает вывод, что «незначительная по своей численности русская буржуазия была исключительно буржуазией текстильной». Это связано, объясняет он, с тем, что «в предкапиталистическую эпоху» (то есть, как считает автор, до 1861 г.) из всех отраслей промышленности лишь текстильная обеспечивала возможности для более высокой экономической активности. Для развития металлургических, кораблестроительных, смолокуренных, поташных и других предприятий требовалось обладание значительными земельными массивами, а также

[1] Roger Portal. L'Oural au XVIII-e siécle, étude d'histoire économique. Paris. 1950; его же. L'Industrie métallurgique de l'Oural et succés de Catharine II. «Revue des études slaves». T. 21, 1951; его же. Развитие новой промышленности в России в XVIII веке. «Исторические записки». Т. 55, 1956

лесными угодьями, доставлявшими сырье и топливо. Собственниками их были преимущественно помещики. Вот почему эти отрасли промышленности, основывавшиеся главным образом на крепостном труде, не могли явиться сферой деятельности формирующейся промышленной буржуазии.

Своеобразным и даже «парадоксальным» явлением Р. Порталь считает тот факт, что русская текстильная промышленность развивалась в районе «преобладания крепостного права» и что «колыбелью промышленной буржуазии были крупные помещичьи имения». Автор объясняет это тем, что крупные помещики, как правило, не проживали в своих имениях, ограничивались сбором оброка с крестьян и, исходя из своих фискальных интересов, покровительствовали промышленной деятельности крестьян. Так, отдельные разбогатевшие крепостные крестьяне, ведя свои дела от имени помещика, являвшегося формальным владельцем их предприятий, оказывались в более выгодном положении, чем остальные податные сословия (мещане и различные разряды государственных крестьян). Все эти наблюдения автора представляют несомненный интерес. Однако Порталь не учитывает тех факторов, вытекавших из господства феодально-крепостнического строя, которые оказывали тормозящее влияние на развитие капиталистической промышленности и формирование промышленной буржуазии: произвола помещичьей власти, введения повышенной нормы феодальной ренты для предпринимателей-крепостных, регламентации их деятельности и пр. Односторонний подход к оценке взаимоотношений крепостных крестьян-фабрикантов с их помещиками привел автора к ошибочному выводу о том, что крепостная система (la structure servile) способствовала развитию промышленной буржуазии и даже ее обогащению. Если бы дело обстояло так в действительности, трудно было бы понять, почему фабриканты шли на большие материальные жертвы, чтобы освободиться от власти помещика.

Представляет интерес трактовка Р. Порталем вопроса о путях превращения представителей торгового капитала в промышленную буржуазию. Он, на наш взгляд, справедливо критикует В. Н. Яковцевского, объяснявшего превращение купца в промышленника падением прибыли на купеческий капитал в связи с развитием всероссийского рынка и нивелировкой цен. В действительности, отмечает Р. Порталь, хотя указанные В. Н. Яковцевским тенденции имели место, однако проявлялись они весьма незначительно. Вследствие слабого развития коммуникаций и изолированности отдельных районов друг от друга разница в ценах на одни и те же товары была еще велика, что стимулировало обращение предпринимателей к торговой деятельности. Р. Порталь правильно связывает процесс превращения купца в промышленника с внедрением машинной техники в промышленность, с увеличением размеров промышленных предприятий и концентрацией в них значительного числа наемных рабочих, иначе говоря, с процессом превращения мануфактуры в капиталистическую фабрику, или с началом промышленного переворота. В то же время автор считает неправомерным говорить о начале промышленного переворота еще в крепостную эпоху.

Ссылаясь на В. К. Яцунского, Р. Порталь утверждает, что до 40-х годов XIX в. русские купцы редко становились фабрикантами; более того, шел обратный процесс — переход мелких предпринимателей к торговле. Здесь Р. Порталь имеет в виду распространение системы надомничества, характерной для мануфактурной стадии развития капитализма в промышленности, когда владелец мануфактуры выступал одновременно как представитель и торгового и промышленного капитала.

В своей статье Р. Порталь ставит вопрос и о том, из какой среды возникала промышленная буржуазия: из представителей торгового капитала или из кустарей-ремесленников. Утверждая, что «промышленный буржуа вырос из коммерсанта», он вместе с тем не отрицает того факта, что и кустари являлись источником формирования промышленной буржуазии. Только в последнем случае кустарь сначала становился коммерсантом, а затем уже из коммерсанта вырастал промышленный буржуа.

Следует отметить, что, говоря об особенностях и путях формирования русской промышленной буржуазии, Р. Порталь не учитывает того, что в основе этого процесса было социальное расслоение крестьянства. Он проходит мимо такого важного вопроса, как политическая роль русской буржуазии и ее взаимоотношения с царизмом.

В заключение следует сказать, что хотя далеко не все в статье Р. Порталя может удовлетворить советских историков, однако она свидетельствует о стремлении автора дать объективную характеристику сложного и важного вопроса истории нашей страны.

В. А. Федоров

Об изучении истории Африки: примечательные признания

«*The Journal of African History*». London. 1961. Vol. 2, № 1, pp. 15—23.

Проблемы изучения истории африканских народов привлекают в последние годы все большее внимание исследователей. Завоевавшие политическую независимость народы Африки приступают к воссозданию своей истории, стремясь покончить с вымыслами колонизаторов о их якобы «неисторическом» прошлом. Особое значение приобретает изучение истории Африки до вторжения европейских завоевателей, которое задержало поступательное развитие африканских народов.

Задачи и трудности изучения этого ранее почти не освещенного периода стремится определить и буржуазный историк Робер Корневэн — автор ряда работ по истории Африки в целом, а также отдельных стран, входивших в состав бывшей Французской империи [1]. Р. Корневэн — один из тех буржуазных африканистов, которые, понимая необходимость пересмотра в современных условиях наиболее реакционных концепций «традиционной» расистской историографии, не в состоянии в то же время признать необходимость объективного научного изучения истории Африки. Свою статью «История народов Черной Африки» Корневэн начинает с вопроса: должна ли история Африки южнее Сахары рассматриваться как самостоятельная наука или она останется по-прежнему вспомогательным элементом в этнографии?

Фактически, указывает Корневэн, до недавнего времени историей Африки периода, который предшествовал появлению там европейцев, занимались только этнографы, для которых добытые сведения являлись всего лишь дополнительным материалом к детальному описанию обычаев туземных племен. Арабские источники по истории той части Африки, которая расположена южнее Сахары, были известны узкому кругу специалистов. Археологические исследования почти не велись. В результате африканская история рассматривалась как история европейцев в Африке, а история ее коренных жителей освещалась только как фон, на котором развертывалась деятельность завоевателей.

О причинах подобного положения Корневэн предпочитает подробно не говорить. По его мнению, здесь сыграло роль то обстоятельство, что образованные африканцы предпочитали изучать европейское, а не африканское общество. Тем самым автор намеренно обходит молчанием вопрос о колониалистских концепциях, прочно укоренившихся в подавляющем большинстве трудов буржуазных африканистов Запада.

По его мнению, историю Африки до колониального завоевания следует считать самостоятельной наукой. Эта наука, пишет Корневэн, кладет в основу своих исследований прежде всего устные народные предания, рассказывающие о войнах, миграциях, смене правителей. Такие предания передаются из поколения в поколение. Для историка важен также героический эпос народов Африки, который в отличие от французских и английских героических поэм или русских былин слагается и теперь. Растет значение археологии. Свидетельство этого — известная книга Б. Давидсона (B. Davidson. The Lost Cities of Africa. Boston — Toronto. 1959). Все письменные источники по истории Африки Корневэн называет тенденциозными, так как в арабских источниках исторические деятели оцениваются в зависимости от их отношения к исламу, а для ранних европейских свидетельств характерна погоня за сенсациями, и даже в XIX в. «спесь первооткрывателей» часто мешала европейцам написать правду. Кроме того, говорит Корневэн, письменные источники рассказывают о правителях, а не о народе.

Письменные источники, которые имеет в виду Корневэн, действительно в основном тенденциозны и мало говорят о жизни народов, но скептическое отношение к ним не должно закрывать дорогу к их критическому использованию.

Корневэн указывает, что специалист по истории Африки должен уметь использовать методы языкознания и социологии, знать арабские и европейские источники, устные легенды, ориентироваться в африканском искусстве. Он полагает, что лучше всего историю народов Африки могли бы написать сами африканцы. Но затем, словно спохватившись, Корневэн начинает предостерегать историков-африканцев против «увлечения» героями сопротивления колонизаторам. Он доходит до того, что обвиняет историков и государственных деятелей молодых независимых африканских государств в шовинизме, напоминающем времена гитлеровской Германии! Этот клевет-

[1] См. например, R. Cornevin. Histoire de peuples d'Afrique noire. Paris. 1960.

нический прием далеко не нов в арсенале буржуазной пропаганды.

С. И. Кузнецова

Христианская церковь в период раннего средневековья

«*Speculum. A Journal of Medieval Studies*». Massachusetts. Voll. XXXVI, № 1, January 1961, pp. 81—100.

История христианской церкви неразрывно связана с возникновением и становлением феодального способа производства. Она была и остается могущественной реакционной силой, важнейшим защитником эксплуататорского строя. Исследуя историю церкви, буржуазные историки, выступающие под маской объективизма, нередко игнорируют ее реакционные черты. К числу работ, посвященных становлению церкви как крупнейшего феодального собственника, относится статья американского медиевиста-аграрника Дэвида Херлихи «Церковная собственность в Европе, 701—1200». Херлихи подчеркивает, что исследования по истории церковного землевладения могут опираться на огромный материал разнообразных источников, охватывающих десятки тысяч документов. Особенно обильны источники по истории земельной собственности церкви в средневековой Италии, Испании и Южной Франции.

Автор обращает особенное внимание на эволюцию масштабов церковного землевладения в VIII—XII веках. Он проделал большую работу по статистической обработке источников, результаты которой были обобщены в составленных им таблицах. Правда, Херлихи оговаривается, что метод сплошной статистической обработки по аграрной истории раннего средневековья, в силу большой запутанности данных о владельческих правах и локальности самих документов, не всегда приводит к точным выводам. Однако автор полагает, что этот метод все же позволил ему получить более или менее точное представление об удельном весе церковного землевладения и основных тенденциях его развития в рассматриваемый период.

Подсчеты Херлихи наглядно показывают, что в период раннего средневековья католическая церковь являлась крупнейшим феодальным землевладельцем континентальной Европы.

Херлихи приводит интересную таблицу, в которой дается процентное отношение размеров церковной земли ко всей земельной площади, находившейся в частном владении в период с VIII по XII век:

страны \ века	VIII	IX	X	XI	XII
Италия	14	31	25	20	16
Германия	17	35	—	—	—
Северная Франция	19	44	51	39	32
Южная Франция	—	31	31	31	13
Испания	—	5	7	15	13

Ссылаясь на показания источников[1], автор статьи приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что процесс складывания крупной церковной земельной собственности начался при Меровингах и резко усилился при первых Каролингах. В этой связи Херлихи критикует концепции некоторых буржуазных историков (Маурера, Лампрехта, Инама-Штернега и Допша), которые, при всех частных различиях между ними, сходились на том, что земельная собственность церкви сложилась в значительно более ранний период и, следовательно, вне связи с феодальным землевладением вообще.

Исследование эволюции размеров церковного землевладения в VIII—XII вв. Херлихи сопровождает анализом «владельческих прав церкви», которые, по его мнению, определяли степень эксплуатации зависимого от церкви крестьянства. Вместе с тем автор статьи подчеркивает неразрывную связь между складыванием крупной земельной собственности (в том числе и церковной) и оформлением крепостного права и манориальной системы.

Херлихи пытается объяснить и эволюцию размеров церковного землевладения. Так, сокращение церковных земель в XI—XII вв. он относит за счет упадка папства и повсеместной секуляризации монастырских земель. Автор высказывает предположение, что уменьшение размеров церковного землевладения в XI—XII вв. имело относительный характер, поскольку в этот период в результате военной экспансии феодалов, закрепощения крестьян и колонизации пустующих земель резко увеличились размеры частных земельных владений. Однако

[1] Положительной чертой статьи Херлихи является то, что в приложении к ней автор поместил указатель основных источников по истории церкви и церковного землевладения в Италии, Германии, Франции и Испании.

эти объяснения и предположения Херлихи не нашли в статье достаточного обоснования. Автор обошел и такой важный момент, как участие церкви в военно-феодальных захватнических экспедициях, равно как и самый факт эксплуатации церковью населения захватываемых ею территорий.

Затушевывание реакционной роли церкви еще более заметно проявляется в объяснении автором причин крайне быстрого и интенсивного превращения католической церкви в крупнейшего земельного собственника Европы. Собственно, Херлихи не отвечает на этот вопрос, ограничиваясь только его констатацией и, следовательно, замалчивает тот факт, что земельные и другие богатства церкви были не чем иным, как своеобразной платой за активную поддержку складывавшейся феодальной государственности и освящение закрепощения крестьян. А вопрос о путях и методах «округления» церковных владений Херлихи даже не ставит.

А. А. Сванидзе

Американский буржуазный историк идеализирует деятельность Меттерниха.

«*The Journal of Modern History*». Chicago. 1960. Vol. XXXII, № 4, pp. 333—339.

В условиях углубления общего кризиса капитализма, распада колониальной системы империализма, роста могущества и международного значения мирового социалистического лагеря буржуазные историки США все чаще обращаются к изучению и переоценке политики реакционных государственных деятелей прошлого для популяризации их опыта борьбы против прогрессивных сил. Р. А. Кэнн, автор статьи «Меттерних: переоценка его влияния на международные отношения», не скрывает ее служебного назначения. Он пишет, что основная цель его статьи заключается в выяснении возможности использования в настоящее время государственными деятелями США опыта политической деятельности Меттерниха.

Статья Р. А. Кэнна не содержит анализа политической деятельности Меттерниха: налицо лишь ее тенденциозная оценка. Как же оценивает американский историк политическую деятельность этого воинствующего контрреволюционера и мракобеса, ярого врага демократических, национально-освободительных и революционных движений и идей как в Австрийской империи, так и за ее пределами?

Р. А. Кэнн характеризует внутреннюю политику Меттерниха как антиреволюционную, направленную на «подавление национализма (то есть на подавление борьбы национальных меньшинств против австрийского гнета.— *И. Н.*) и конституционализма». Он заявляет, будто сохранение единства Австрийской империи, в результате подавления национальных движений, явилось большой заслугой Меттерниха, ибо оно обеспечило сохранение равновесия сил в Европе. В этой связи Р. А. Кэнн утверждает, будто бы распад Габсбургской империи в конце первой мировой войны был великой трагедией в международных отношениях, в очень большой степени содействовавшей нарушению равновесия сил во всем мире.

Автор дает в целом весьма положительную оценку деятельности Меттерниха в области внешней политики. Он пишет, что отстаиваемый Меттернихом принцип легитимизма требовал будто бы не только восстановления абсолютистских режимов, но и создания стабильной международной системы в результате достижения соглашения между великими державами.

Р. А. Кэнн заявляет, что главной «заслугой» Меттерниха являлось якобы создание международной системы, «основанной на благоразумии». Последнее, по мнению Р. А. Кэнна, проявилось в том, что Меттерних, не пренебрегая будто бы интересами своей страны, рассматривал их в тесной связи с основными проблемами всей системы международных отношений и имел «одновременно в виду европейский концерт и, в качестве его составной части, Габсбургскую империю». Но что же стоит за этим в действительности? По существу, Р. А. Кэнн превозносит Меттерниха за то, что он не ограничил свою контрреволюционную деятельность пределами Австрийской империи, а уделил очень большое внимание созданию «Священного Союза» — контрреволюционного блока держав, именуемого в статье «европейским концертом», и руководству его борьбой против революционных движений, за сохранение отживших феодально-абсолютистских устоев. Однако Р. А. Кэнн уклоняется от анализа классовой сущности политики Меттерниха. Более того, он утверждает даже, будто указанные «принципы» Меттерниха толкали его на путь осуществления народного суверенитета, по которому Меттерних не по-

шел якобы лишь вследствие своей «приверженности к традициям» (!).

Изображая в ложном свете внешнюю политику Меттерниха, Р. А. Кэнн восхваляет ее принципы, видя в них «почти уникальный вклад» в международные отношения нового и новейшего времени. Меттерних особенно привлекает американского историка как деятель, политическая ориентация которого имела ярко выраженную антирусскую направленность. Не анализируя австро-русских отношений в первые десятилетия XIX в. и захватнических устремлений Меттерниха, Р. А. Кэнн намеренно выделяет вопрос о борьбе Меттерниха против усиления влияния России в Европе, которую он называет политикой «сдерживания России». В этой связи он оправдывает подавление «Священным Союзом», при ближайшем участии Меттерниха, буржуазных революций в Неаполе и Испании, видя, в частности, в этих действиях «сдерживание» России.

В статье Кэнна немало случайных аналогий, нелепых сопоставлений. Так Р. А. Кэнн сравнивает Меттерниха с Вудро Вильсоном. В заключительной части статьи Р. А. Кэнн ратует за согласованные действия великих держав на основе «сохранения равновесия сил, при обеспечении безопасности и стабильности». Что, однако, стоит за этим? Призыв к так называемому «единству западного мира» во имя «сдерживания» быстро растущих прогрессивных сил во главе с СССР, успехи которых во всемирном масштабе вселяют страх в правящие круги капиталистических стран и находящихся в их услужении буржуазных ученых.

И. А. Никитина

Из истории международных отношений на Балканах в XII веке

«*Balkan Studies*». Thessaloniki, t. 2, 1961, pp. 173—214.

Вышли в свет два первых номера нового журнала «Balkan Studies», который издается в Салониках Международным институтом по изучению Балканского полуострова. Во главе редакционной коллегии журнала стоит один из крупнейших греческих византинистов, С. Кириакидис, редакцию возглавляет палеограф и филолог В. Лаурдас. Тематика и хронологические рамки опубликованных в журнале статей очень широки: от археологического изучения древнего города Пелла (Ф. Петсас) до экономического развития балканских стран в новейшее время (Д. Деливанис), от греческих и славянских текстов средневековой «Похвалы св. Димитрию» (Д. Эммердингер-Илиаду) до современных проблем Северной Греции (П. Вурас). Журнал состоит из отделов статей, хроники и рецензий; большинство статей написано на английском языке (публикуются также статьи на французском, немецком и итальянском языках). Среди авторов немало профессоров университетов США, которым принадлежат статьи по проблемам современной политики, написанные в духе современной реакционной американской историографии.

Остановимся на одной из публикаций во втором выпуске нового журнала.

Речь византийского оратора Михаила Анхиала, ставшего впоследствии константинопольским патриархом (1170—1178), до последнего времени оставалась неизданной. Сравнительно недавно на нее обратил внимание немецкий ученый П. Вирт, который отнес составление этой речи к 1165—1167 годам. Он отметил, что в ней говорится о короне венгерских королей [1]. В 1961 г. английский историк Р. Браунинг опубликовал эту речь, снабдив вводной статьей, пересказом содержания на английском языке и комментарием. Браунинг также датировал эту речь 1165—1167 годами.

Речь Михаила Анхиала — типичный панегирик, содержащий чудовищную лесть в адрес императора Мануила I Комнина; политические события упоминаются в ней попутно, бегло и глухо. И все же впервые издаваемый Браунингом текст содержит несколько ценных сведений о культурной жизни Византии XII в., а также о внешнеполитической истории империи.

В начале речи Михаил Анхиал вспоминает об упадке, в котором находилась философия, наконец-то восстановленная в своих правах в императорском дворце. Впрочем, философия в те времена имела особую задачу: назначенный на пост придворного философа Михаил Анхиал должен был возглавить борьбу с «вредными и болезнетворными учениями», получившими распространение в Византии середины XII века. Об этом свидетельствует сам оратор, ополчаясь против «лживых и безумных мифотворцев», утверждавших, что мир не был сотво-

[1] P. Wirth. Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskrone aus der Zeit zwischen dem X. und XII. Jahrhundert. «Byzantinische Zeitschrift». Bd. 53, 1960, S. 79—82.

рен и не имел начала во времени. Перед нами, таким образом, доказательство сохранения в Византии традиций античной материалистической философии.

О внутренней политике Мануила I сказано немного, впрочем, есть указания на податные льготы, которые были пожалованы церквам по всей Византийской империи. Гораздо больше упоминаний о внешнеполитических успехах императора, особенно о его победе над венграми. Венгры, нарушив клятву, вступили в тайный союз с сербами и начали войну против Византии. Мануил I повел свои войска, сопровождаемые флотом, который поднимался по Дунаю; венгры, не сумевшие организовать сопротивление, просили пощады, а король Богемии (имеется в виду Владислав II) обещал гарантировать их обязательства. Наибольший интерес вызывает пересказ условий этого договора, поскольку в сочинениях византийских историков Киннама и Никиты Хониата (Браунинг, следуя старой традиции, ошибочно называет его Акоминатом) ни один венгро-византийский договор не излагается подробно. Согласно договору (его можно отнести к 1165 или 1167 гг.), Византия приобретала права на Срем, Хорватию и Боснию, венгерская церковь должна была признать власть императора, Венгрия обязывалась уплачивать дань. Население Венгрии приносило присягу Мануилу I, а 11 венгерских аристократов отправлялись в Византию в качестве заложников. Содержание этого договора — новое свидетельство политического могущества Византии в XII веке.

★

«Зборник радова Византолошког института», Београдкњ. 7, 1961, стр. 177—186.

Югославский историк Б. Радойчич предложил новую хронологию войн Византии с венграми и сербами в начале правления византийского императора Иоанна II Комнина (1118—1143). Радойчич отбрасывает данные западных хроник, датировавших венгеро-византийские столкновения 1127 или 1129 г., и основывается исключительно на известиях византийских историков Киннама и Никиты Хониата. Последовательность событий изложена у этих историков по-разному: согласно Киннаму, поход Иоанна II на сербов имел место после венгеро-византийской войны; Хониат отнес этот поход ко времени, предшествовавшему войне с венграми. Радойчич отдает предпочтение известию Киннама. Датируя победу Иоанна II над печенегами 1123 годом, Радойчич предполагает, что следующие два года император был занят военными действиями в Малой Азии и что нападение венгров произошло в конце 1125 — начале 1126 г., тогда как византино-сербская война происходила в 1126 году.

Хронология венгеро-византино-сербских отношений в 20-е годы XII в. недостаточно выяснена, и исследование этого вопроса можно всячески приветствовать. Однако выводы Радойчича неубедительны. Прежде всего трудно предположить, что западные хроники могли допустить столь значительное отклонение и датировать венгеро-византийскую войну на четыре года позднее действительного срока. Далее, вопрос о последовательности событий решается не так просто, как это кажется Радойчичу, предпочитающему известие Киннама лишь потому, что по времени тот писал о царствовании Иоанна II раньше, чем Хониат. Югославский историк почему-то не обратил внимания на известия современников — панегиристов Иоанна Комнина. Продром перечисляет (при этом перенумеровывая их) военные победы Иоанна II: после взятия Лаодикии и Созополя следует уничтожение «скифского племени» (печенегов), порабощение «далматов» (сербов) и только после этого—победа над «дакийцами» (венграми) [2]; в другом стихотворении Продром перечисляет победы лаодикийскую, созопольскую, скифскую и далматскую, к которым прибавлены неизвестные ни Киннаму, ни Хониату победы у Амория и Лемноса [3]. В уставе монастыря Пандократора победы императора перечислены в том же порядке: скифская, далматская, дакийская [4]; наконец, и анонимный автор панегирика, сохранившегося в эскуриальской рукописи, хронологически связывает победу над далматами с разгромом скифов — народа, жившего на повозках [5].

Таким образом, вопреки Радойчику поход против сербов имел место до войны с венграми, скорее всего вскоре после разгрома печенегов.

А. П. Каждан

---

[2] J. P. Migne. Patrologia graeca. T. 133, стб. 1384 A—B.

[3] Там же, стб. 1382 B.

[4] А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I. Киев. 1895, стр. 656. 19.

[5] «Fontes rerum byzantinarum», acc. W. Regel. F. 2, Petropoli. 1917, p. 334. 16—19.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Абрамян А. Г. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван. 1959. 107 стр. Рец.: Tryjarski E.— «Przegląd orientalistyczny». Warszawa. 1961, № 2, s. 231—232.

Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. Л. 1961. 183 стр. Рец.: M. Hr.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 606.

Алескеров Ю. Н. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент. 1959. 234 стр. Рец.: «Central Asian review». London. 1961, № 3, p. 283—287.

Ашрафян К. З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.). М. 1960. 256 стр. Рец.: Marek J.— «Archiv orientální». Praha. 1961, № 4, s. 696—698.

Багмет Н. С. Борьба корейского народа за построение социализма (1945—1960 гг.). Киев. 1960. 227 стр. Рец.: M. Hü.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 619.

Бухаров Б. И. Вопросы дальневосточной политики США (1953—1955 гг.). М. 1959. 237 стр. Рец.: May E. R.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 85—87.

«Владимир Ильич Ленин». Биография. Пер. на болг. яз.: София. 1961. 734 с. Рец.: Пишев Р. Нова биография на В. И. Ленин. «Ново време». София. 1961, № 3, с. 85—89.

«Геопоники». Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. М.-Л. 1960. 376 стр. Рец.: V. Hr.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 5, s. 764.

Горелик С. Б. Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М. 1960. 195 стр. Рец.: May E. R.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 85—87.

Греков Б. Д. Киевская Русь. 6-е изд. М. 1953. Пер. на англ. яз.: Moscow. 1959. Рец.: Stokes A. D.— «English hist. review». London. 1961, № 301, p. 697—698.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М. 1960. 425 стр. Рец.: J. H.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 626.

Деборин Г. А. Вторая мировая война. М. 1958. 431 стр. Пер. на польск яз.: Warszawa. 1960. 635 s. Рец.: Kowalski Wł. Nowe oswietlenie aspektów politycznych Drugiej wojny swiatowej. «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 2, s. 302—309.

«Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века». (В 3 т.). Т. I. 1756—1764. М. 1960. 415 стр. Рец.: Cd.— «Kwartalnik historii nauki i techniki». Warszawa. 1961, № 3, s. 508—509.

Есаков В. А. Александр Гумбольдт в России. М. 1960. 110 стр. Рец.: J. F.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 5, s. 784.

Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. 1—2. Тбилиси. 1959. Ч. 1. 380 стр. Ч. 2. 468 стр. Рец.: «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 605.

Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960. 760 стр. Рец: Daszkiewicz W.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1961, № 9, s. 135—141.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Т. I. М. 1960. XL, 535 стр. Рец.: 1. Rieber A. J.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 137—138; 2. Soviet history of the war. «Times lit. suppl.». London. 1961, № 3107, p. 605—606.

Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М. 1960. 509 стр. Рец.: — «Central Asian review». London. 1961, № 3, p. 282—283.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959. 403 стр. Рец.: Pundeff M.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 175—176.

«КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР (1918— июнь 1941)». М. 1959. 452 с. Рец.: «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 2, s. 381—382.

Левченко В. С. Сражение в Карпатах. (Наступление 1-ой гвардейской армии. Сентябрь — ноябрь 1944 г). М. 1960. 150 стр. Рец.: «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 427.

Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 22. М. 1948. 194 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960. 204 S. Рец.: Reisberg A.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, Hf. 2, S. 442—452.

Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 25. М. 1949. VIII, 503 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960. 555 S. Рец.: Kresse H.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, Hf. 2, S. 453—458.

Ленин В. И. Сочинения. Пер. на серб. яз.: Izabrana dela. Beograd. 1961. 16 t. Рец.: Damjanovic P — «Socijalizam». Beograd. 1961. № 3, s 90—101.

Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М. 1959. 451 стр. Рец.: Mičunovic D.— «Naša stvarnost». Beograd. 1961, № 5, s. 607—612.

Лившиц Г. М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. Минск. 1960. 208 стр. Рец.: J. B.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 600.

Лурье С. Язык и культура микенской

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение ноября 1961 года.

Греции. М.-Л. 1957. 402 стр. Рец.: Mórawski K.— «Przegląd hist.». Warszawa, № 3, s. 588—597.

Михайлов Б. Я. Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955. (Из истории американского рабочего движения). М. 1959. 626 стр. Рец.: Galenson W.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 235—236.

Михайлов М. И. Союз коммунистов— первая международная организация пролетариата. М. 1960. 371 стр. Рец.: J. Ko.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 614.

«Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Т. 6. Преступные организации. М. 1960. 748 стр. Рец.: R. K.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 5, s. 776.

Овинников Р. С. За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М. 1959. 325 стр. Рец.: Catell D. T.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 178—179.

Орешкин А. К. Оборонительная операция 9-й армии. (Октябрь — ноябрь 1941 г.). М. 1960. 127 стр. Рец.: «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 428.

«Очерки новой и новейшей истории США». Т. I. М. 1960. 630 стр. Рец.: 1. Allen R. V.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 221; 2. VI. N.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 613.

«Парижская коммуна 1871 г.». В 2-х т. Т. I. М. 1961. 556 стр. Рец.: 1. J. Ko.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 5, s. 777; 2. «Pensée». Paris. 1961, № 99, p. 119—120.

Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М. 1959. 567 стр. Рец.: Pipes R.— «Amer. hist. review». New York. 1961, vol. 67, № 1, p. 135—137.

«Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861—1904». М.-Л. 1960. 666 стр. Рец.: J. Pu.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 616—617.

Полторак А. И. От Мюнхена до Нюрнберга. М. 1960. 232 стр. Рец.: R. K.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 612.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М. 1958. 623 стр. Рец.: Rimlinger G. V. The expansion of the labor market in capitalist Russia: 1861—1917. «Journ. of Econ. Hist.». New York. 1961, № 2, p. 208—215.

Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. Наступательная операция 20-й армии Западного фронта в августе 1942 г. М. 1960. 150 стр. Рец.: «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 3, s. 427—428.

Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М. 1960. 191 стр. Рец.: Antonowicz L.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1961, № 9, s. 145—148.

Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1927). М. 1960. 279 стр. Рец.: Z. Sl.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 4, s. 618—619.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М. 1960 380 стр. Рец.: R. P.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1961, № 6, s. 878—879.

«Французский ежегодник 1959». Статьи и материалы по истории Франции. М. 1961. 599 стр. Рец.: Soboul A.— «Annales hist. de la Révolution française». Paris. 1961. № 165, p. 413—414.

Шейнман М. М. Краткие очерки истории папства. М. 1952. 192 стр. Пер. на словац. яз.: Bratislava. 960. Рец.: J. E.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 5, s. 757.

Штранге М. М. Русское общество и французская революция. 1789—1794 гг. М. 1956. 205 стр. Пер. на франц. яз. Moscou. 1960. Рец.: Besse G.— «Pensée». Paris. 1961, № 99, p. 147—149.

Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М. 1960. 424 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1961. № 2—3, p. 214—215.

Хроника научной жизни

«БИБЛИОГРАФИЯ ПО БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ ЗА 1940—1945 гг.» *

В 1960 г. после длительного перерыва вышел в свет очередной, 7-й том начатой еще в 1937 г. текущей библиографии по истории Великобритании[1]. В отличие от предыдущих выпусков, каждый из которых был посвящен лишь одному году, данный

* Writings on British History. 1940—1945. Comp. by A. T. Milne. I—II. London. «J. Cape». 1960. 1021 p.

[1] 6-й том этой библиографии, отразивший литературу 1939 г., был опубликован в 1953 году.

том (для удобства пользования он разделен на два полутома с единой нумерацией страниц) является сводной библиографией и охватывает литературу, опубликованную на протяжении шести лет — с 1940 по 1945 г. включительно [2]. Здесь учтены книги, журнальные статьи и рецензии (преимущественно на западноевропейских языках), причем приняты во внимание только рецензии, опубликованные в одиннадцати важнейших западноевропейских и американских исторических журналах (учет их доведен до 1955 года). В томе содержится 12 380 библиографических указаний; названий — несколько меньше, так как некоторые описания дублируются. Рецензии описываются вместе с работами, к которым они относятся. Хронологические рамки библиографии велики: ее основная часть охватывает историю Великобритании с V в. до начала первой мировой войны. В приложении дается краткий, сугубо выборочный список материалов по истории Британской империи после 1914 года.

Составителем сделан ряд существенных ограничений тематики книги. Так, из материалов по истории колоний и доминионов Британской империи привлечены только те, содержание которых непосредственно связано с историей метрополии (шире других освещена история Ирландии). Кроме того, в библиографию не включены специальные искусствоведческие и литературоведческие исследования, некоторые работы по истории науки и те из материалов по истории английских владений в средневековой Франции, которые не связаны прямо с историей Англии; опущены также чисто локальные исследования. Эти ограничения, на наш взгляд, правомерны тем более, что все эти вопросы достаточно хорошо освещаются в специальных библиографиях, отсылка к которым имеется во введении к рецензируемой работе (стр. 10).

Материал справочника разделен на две части: общие работы; история Великобритании по периодам. В главе о каждом периоде повторяется схема классификации, принятая в первой части, а внутри отдельных рубрик фамилии авторов и заголовки располагаются в алфавитном порядке. Только работы по генеалогии и об отдельных лицах располагаются в алфавите имен.

Подобная система делает справочник удобным для пользования, тем более что он дополнен тщательно разработанным вспомогательным указателем имен, географических названий и предметов (стр. 789—1021).

Работы советских ученых представлены в библиографии недостаточно широко: имеются существенные пропуски. Отсутствуют, например, отдельные статьи Е. В. Тарле (Англо-французская дипломатия и Крымская война. «Военно-исторический журнал», 1940, № 4), В. Д. Кульбакина (Англо-бурская война 1899—1902 гг. «Военно-исторический журнал», 1941, № 1), Г. И. Тункина (Парламентская реформа 1832 г. в Англии. «Ученые записки» Московского юридического ин-та. Вып. II. 1940), С. И. Архангельского (Проведение в жизнь ирландского земельного законодательства в 50-е годы XVII века. «Труды» Горьковского гос. пед. ин-та. Вып. 7. 1940) и др.

Главным недостатком библиографии является слабая информация о литературе по новейшей истории Великобритании. Имеющийся в приложении краткий список работ по истории страны после 1914 г. не дает никакого представления о всем объеме опубликованных в 1940—1945 гг. исследований на эту тему. Недостаточное внимание к новейшей истории было характерно и для ранее вышедших томов данной библиографии. Таким образом, это не случайное явление, а общая тенденция, несомненно, снижающая научное значение данной библиографии.

И. И. Фролова

[2] Во всем остальном (принципы отбора материала, тематика, хронологический охват, схема классификации и т. д.) он почти не отличается от предыдущих выпусков серии, краткая характеристика которых содержится в статьях К. Р. Симона («Исторический журнал», 1945, № 5) и Г. Г. Кричевского («Вопросы истории», 1956, № 11).

Хроникальные заметки

◆ Главным архивным управлением при Совете Министров СССР получены в порядке обмена из Государственного архива Швеции микрофильмы архивных документов о русско-шведских отношениях за период с 1679 по 1719 год. Микрофильмы включают материалы первого раздела фонда «Moscovitica» («Письма и архивы шведских посольств в России»). Интересные сведения по истории русско-шведских отношений конца XVII — начала XVIII в. содержат донесения и письма шведских послов и резидентов Конрада Юлленштерна, Юнаса Клингштедта, Отто Штакельберга (1684 г.), Кристофера Кока (1679 г., 1683—1690 гг.), Карстена Клингеншерна (1697—1698 гг.), Юхана Бергеньельма, Андерса Линдельма, Самуэля Гете (1698—1700 гг.), Томаса Книперкрона (1700—1715 гг.), а также письма шведских полномочных представителей на Аландском конгрессе Георга Генриха фон Герца, Карла Юлленборга и Юхана Лилиенштедта (1717—1719 гг.). Заслуживают внимания письма русских уполномоченных на Аландском конгрессе Я. В. Брюса и А. И. Остермана (1717—1718 гг.).

◆ 5-ю годовщину своего существования отметил Дом польской культуры. Была открыта юбилейная выставка, отобразившая наиболее яркие моменты в истории, а также в развитии науки и культуры польского народа. На выставке были, кроме того, представлены информационные материалы о польской культуре, посылаемые в СССР и страны народной демократии.

◆ На территории Китая в течение последних лет успешно работает ряд археологических экспедиций. Во Внутренней Монголии раскопано 11 могильников, относящихся примерно к X веку. В них обнаружено около 80 предметов быта, сделанных из фарфора, бронзы, железа, серебра и камня. Характер и форма могил и вещей, найденных в них, те же, что и у обнаруженных в районе среднего течения Хуанхэ, являвшегося в X в. одним из экономических, политических и культурных центров Китая. Другое интересное открытие — остатки плотины относящейся к I в. до н. э. Она обнаружена в провинции Аньхой и была сооружена из глины и рисовой соломы, уложенных слоями.

◆ Среди многочисленных находок монет, имевших место в 1960 г., наибольшее внимание привлекают найденные на о. Готланд 700 арабских серебряных монет, а также обнаруженные в Израиле 4 700 римских монет времен правления Августа и Тиберия.

◆ Совет Международного союза доисторических и протоисторических памятников приступает к изданию многоязычного археологического словаря «Glossarium Archaeologicum». Создан специальный редакционный комитет во главе с польским ученым К. Яжджевским.

◆ В сентябре 1961 г. в Варшаве состоялся VI конгресс Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. В работе конгресса участвовали 550 ученых из 31 страны. Для превращения ассоциации в постоянную организацию был создан специальный Комитет из представителей СССР, Польши, Франции и США. Плодотворно действовала секция доисторического периода, материалы заседаний которой внесли важный вклад в изучение истории первобытного общества.

◆ Вблизи г. Каммер (ГДР) открыто неизвестное ранее древнегерманское кладбище, которое предположительно возникло в районе расселения свевского племени семнонов. Изучение находившихся в земле шести урн, нескольких бронзовых пряжек, железных ножей и стеклянных бус дало возможность сделать вывод, что находки относятся ко II в. н. э.

◆ Вышли в свет «Материалы польско-арабской антропологической экспедиции 1958—1959 годов», включающие в себя исследования, посвященные египетским кочевникам.

◆ Изданная в Женеве в 1961 г. книга «Congrès africain sur la Primauté du Droit» содержит материалы Всеафриканского конгресса, состоявшегося 3—7 января 1961 г. в Лагосе (Нигерия). Эти материалы отражают борьбу, которую ведут новые африканские национальные государства с целью признания за их гражданами таких же международных прав, какими обладают граждане бывших стран-метрополий.

◆ ЦК Румынской Рабочей партии передал в дар Варшавскому музею революционного движения в Польше выставку «40-летие Коммунистической партии Румынии», в состав экспонатов которой входят документы, издания, фотокопии, фотографии, освещающие исторический путь авангарда румынских трудящихся.

◆ Государственный секретариат по высшему и специальному образованию ГДР совместно с министерством высшего образования ПНР организовал в пяти польских университетских городах (Варшава, Вроцлав, Краков, Люблин, Щецин) выставку «Остфоршунг на службе политики «Дранг нах Остен». На выставке представлены репродукции и фотокопии многочисленных документов.

◆ Правительство ГДР передало Польской Народной Республике гданьское собрание старинных тканей, которое было вывезено гитлеровцами из музея Гданьска во время второй мировой войны. В коллекцию входит 189 редких тканей XIV — начала XVI века. Гданьское собрание является ныне одной из наиболее известных во всем мире музейных коллекций этого типа.

◆ В Александрии (Египет) идут крупные раскопки. Найденные материалы дают много данных для уточнения древней топографии города. Обнаружены, в частности, старейшие каменные постройки арабской эпохи (конец VII в.) и римские термы, украшенные стенной живописью и мозаикой

I—II веков. Раскопки 1961 г. ведутся в культурном слое птолемеевской эпохи, наиболее близком по времени к моменту основания города Александром Македонским в конце IV в. до н. э. Здесь найдена мраморная голова античной богини, относящаяся к I в. н. э. и выполненная с большим художественным мастерством.

◆ Завершившаяся в 1961 г. массовая проверка памятников старины в Польше показала, что в стране насчитывается до 3 600 различных архитектурных памятников, в том числе 1 066 старинных домов, 610 дворцов, 740 церквей, 467 мельниц, 132 оборонительных сооружения и 450 руин замков. Около 300 из них будет реконструировано.

◆ Чтобы после сооружения высотной Асуанской плотины спасти от затопления знаменитые древнеегипетские памятники — храмы Абу-Симбель и здания на острове Филаэ,— намечено перенести эти памятники старины в безопасные места. Необходимую работу предполагается осуществить в течение 7 лет.

◆ Японская археологическая экспедиция во главе с Х. Судзуки нашла в Южной Галилее (Палестина), возле селения Мигаль, почти целиком сохранившийся скелет неандертальца эпохи среднего палеолита.

◆ В Майнце, где родился немецкий первопечатник И. Гутенберг, будет открыт специальный музей. Среди многих экспонатов — первая печатная «Библия» 1455 года. При музее будет открыта Международная школа типографов.

◆ Библиотека Гейдельбергского университета организовала постоянную выставку хранящихся здесь рукописных источников. Среди них вызывают наибольший интерес рукописи X—XIV вв., в частности список X в. с рукописи Григория Турского по истории салических франков.

◆ В 1961 г. в Дюссельдорфе открылся музей керамики, в котором широко представлены гончарные изделия народов Европы и Азии за многие тысячелетия. Среди экспонатов имеются уникальные фаянсовые и фарфоровые изделия древней Греции и Китая.

◆ На сессии Немецкого общества историков, состоявшейся 15—17 ноября 1961 г., была создана секция методологии. В докладах и кратких сообщениях ведущих историков ГДР были поставлены и обсуждены основные вопросы немецкой историографии, доложено о разработке общей картины развития истории Германии и проблем всемирной историографии. Затем состоялось учредительное собрание историографической комиссии.

◆ В Охриде (Югославия) состоялся 12-й Международный конгресс византиноведов, организованный «Association Internationale des Etudes Byzantines». Вопреки сопротивлению присутствовавших на конгрессе представителей Западной Германии Национальный комитет византиноведов ГДР был принят в Ассоциацию. Наравне с другими государствами, входящими в эту организацию, Национальному комитету ГДР было также предоставлено право выделить двух официальных представителей. Прием ученых ГДР в международное объединение византиноведов говорит о достойной оценке трудов, созданных специалистами ГДР в этой области за последние годы.

◆ В связи с 65-летием известного ученого Фердинанда Ливера (Грейфсвальд) ему была присвоена почетная степень доктора философских наук Университета Эрнста Морица Арндта в Грейфсвальде (ГДР). В поздравлении от имени председателя Государственного Совета ГДР юбиляру была выражена благодарность за его плодотворную деятельность в области славистики и развития германо-советской дружбы.

◆ «Существует ли единство немецкой науки?» — такова была тема форума, состоявшегося во второй половине ноября 1961 г. в Берлинском университете имени бр. Гумбольдт по инициативе юридического факультета и отделения истории философского факультета. Выступавшие на форуме известные ученые на многочисленных примерах показали, что помехой к установлению этого единства является клерикально-милитаристская политика лидеров Западной Германии.

◆ В начале декабря 1961 г. в Дрездене состоялась сессия Президиума Общества немецких историков, на которой обсуждался вопрос о подготовке II Конгресса Общества, который должен состояться в 1962 году. В связи с решениями XXII съезда КПСС и 14-го Пленума СЕПГ на сессии говорилось: «Мы, историки ГДР, рассматриваем эти решения как исключительно важные по своему значению для творческого применения исторического материализма, как стимул и огромную помощь в разработке национальной истории немецкого народа. В разработке подлинно научной истории немецкого народа, которая может быть воссоздана лишь в острой идеологической полемике с антинациональными концепциями реакционной империалистической историографии, мы видим важнейший вклад в дело социалистического строительства в ГДР, в разрешение национального вопроса и окончательное устранение германского империализма и милитаризма».

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

О НЕДОПУСТИМЫХ МЕТОДАХ В АВТОРСКОЙ РАБОТЕ

В журнале «Вопросы истории» (№ 12, 1960) была опубликована рецензия на книгу Д. И. Ковалевского «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945» (М. 1959), выпущенную Учпедгизом в качестве пособия для учителей. Однако рецензент, по-видимому, не дал себе труда внимательнее ознакомиться с книгой, о которой он писал, и в результате ввел редакцию журнала в заблуждение. Текст книги Д. И. Ковалевского показывает, что она не отвечает элементарным требованиям, предъявляемым к любой авторской работе. Прежде всего поражает бесцеремонное обращение автора с чужими работами, из которых он переписывает целые страницы. При этом плагиат в книге Д. И. Ковалевского выступает в самых разнообразных формах. Иногда это простое списывание, без указания источника, иногда дается ссылка на источник, о котором автор узнал из книги, им переписываемой, и т. д.

Приведем несколько примеров [1].

А. Васильев «Великая победа под Москвой» (М. 1953), стр. 14, 16.

В книге «Первая Гвардейская танковая бригада в боях за Москву» подробно рассказывается... С утра 9 октября противник повел наступление на фронте Ильково — Шеино... В этих боях отличились многие танкисты и среди них командир взвода танков «Т-34» Лавриненко... Страна высоко оценила мужество героев. Указом Президиума Верховного Совета СССР 32 бойца и командира 4-й танковой бригады были награждены орденами и медалями Советского Союза. Сержанту Любушкину Ивану Тимофеевичу, бывшему колхознику Тамбовской области, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Там же, стр. 44.

Истребители с гранатами вышли навстречу танкам на дорогу близ села Мыканино...

Политрук Георгиев погиб. Но танки не прошли! Четыре машины были взорваны гранатами, другие повернули назад.

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», 1959, стр. 58—59.

В книге «Первая Гвардейская танковая бригада в боях за Москву» подробно рассказывается... С утра 9 октября противник повел наступление на фронте Ильково — Шеино... В этих боях отличились многие танкисты и среди них командир взвода танков Т-34 Лавриненко... Страна высоко оценила мужество героев. Указом Президиума Верховного Совета СССР 32 бойца и командира бригады за эти бои были награждены орденами и медалями Советского Союза. Сержанту Любушкину Ивану Тимофеевичу, бывшему колхознику Тамбовской области, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Там же, стр. 70.

Истребители с гранатами вышли навстречу танкам на дорогу близ села Мыканино...

Политрук Георгиев погиб. Но танки не прошли! Четыре машины были взорваны гранатами, другие повернули назад.

В последнем случае Д. И. Ковалевский списывает у А. Васильева без указания источника. Правда, на стр. 68 своей книги он ссылается на статью Ф. Селиванова «Трое из 28», опубликованную в газете «Комсомольская правда» 15 августа 1957 года. Но в упомянутой статье отрывка, о котором идет речь, нет.

[1] Далее ради сокращения объема письма во всех случаях при сравнении текстов приводятся только их начальные и конечные фразы.

На стр. 76 своей книги Д. И. Ковалевский ссылается на работу А. Васильева, когда цитирует документ о действиях одного из партизанских отрядов Волоколамского района. Однако на следующей, 77-й странице своей книги он снова воспроизводит текст Васильева (Указ. соч., стр. 85), касающийся других партизанских отрядов, но уже без указания на источник.

Рассказы о героических подвигах Зои Космодемьянской, Саши Чекалина, Лизы Чайкиной Д. И. Ковалевский (см. стр. 63—65 его книги) также заимствует у А. Васильева (Указ. соч., стр. 39—40, 60—63), переставляя лишь абзацы. Ссылается же он не на А. Васильева, а на сообщения корреспондента газеты «Правда» Петра Лидова и на слова партизана Соколова. Точно так же, ссылаясь на книгу «Боевые годы» (М. 1948), Д. И. Ковалевский списывает у А. Васильева, путая при этом имена действующих лиц. Например:

А. Васильев «Великая победа под Москвой», стр. 5.

На Буге один из участков государственной границы охраняла застава лейтенанта Монина. Много часов подряд пограничников обстреливала артиллерия, а затем бомбила авиация... Сутки бились против них пограничники, сражались до последней гранаты, до последней пули, до последнего вздоха.

На 5-й заставе на Пруте, когда разорвался первый снаряд, многие из пограничников отдыхали после смены с постов... Трое молодых друзей — Константинов, Михальков, Бузыцков — были впоследствии удостоены за этот подвиг звания Героя Советского Союза.

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», стр. 35, 37.

На Буге один из участков государственной границы охраняла застава лейтенанта Максимова. Много часов пограничников, укрывшихся в блокгаузах, обстреливала вражеская артиллерия и бомбила авиация... Сутки бились против них пограничники, сражались до последней гранаты, до последней пули, до последнего вздоха.

На 5-й заставе на Пруте, когда разорвался первый снаряд, многие из пограничников отдыхали после смены с постов... Трое молодых друзей — Константинов, Михальков, Бузыцков — были впоследствии удостоены за этот подвиг звания Героя Советского Союза.

На стр. 58 своей книги Д. И. Ковалевский, ссылаясь на брошюру Г. Караева «Битва под Москвой» (М. 1951) и называя его почему-то Г. Н. Карасевым, опять воспроизводит дословно текст из книги А. Васильева.

А. Васильев «Великая победа под Москвой», стр. 20, 21.

В книге Караева «Битва под Москвой», вышедшей в 1951 г., рассказывается, как в одном из боев красноармеец Тлеубаев с небольшой группой товарищей отбивался от немецко-фашистских солдат...

Противник поджег сарай, но капитан Манаенков не вышел из него и не поднял рук перед врагом: герой предпочел смерть позорной сдаче в плен.

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», стр. 58.

В брошюре Г. Н. Карасева «Битва под Москвой...», вышедшей в 1951 г., рассказывается, как в одном из боев красноармеец Тлеубаев с небольшой группой товарищей отбивал атаки немецко-фашистских войск...

Противник поджег сарай, но капитан Манаенков не вышел из него и не поднял рук перед врагом: герой предпочел смерть позорной сдаче в плен.

Таким же образом использует Д. И. Ковалевский и «Большую Советскую Энциклопедию». В этом довольно легко убедиться, если сличить стр. 181—182 7-го тома БСЭ, изданного в 1951 г., и стр. 127—130 книги Д. И. Ковалевского. Хотя еще до XX съезда КПСС советская военно-историческая литература отказалась от характеристики боевых операций 1944 г. под углом зрения так называемых 10 ударов, ибо это не отра-

жало всего комплекса оперативных замыслов командования Советской Армии, Д. И. Ковалевский механически перенес в свою книгу из БСЭ устаревшие положения о 10 ударах.

Д. И. Ковалевский переписывает и из газет, не ссылаясь на них. Например:

«Правда» от 23 августа 1941 г. Сообщение Советского информбюро:

Таким образом, два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали:

1) что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5—6 недель провалился. Теперь уже очевидно, что преступная война, начатая кровавым фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма;

2) что потеря нами ряда областей и городов является серьезной, но не имеющей решающего значения для дальнейшей борьбы с противником до полного его разгрома;

3) что в то время, когда людские резервы Германии иссякают, ее международное положение изо дня в день ухудшается, силы Красной Армии неуклонно возрастают, а Советский Союз приобретает новых могущественных союзников и друзей.

История войн свидетельствует, что побеждали всегда государства и армии, силы которых в ходе войны возрастали, а терпели поражение те государства и армии, силы которых в ходе войны иссякали и уменьшались.

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», стр. 34.

Подводя итоги первых двух месяцев войны, можно отметить:

1) что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5—6 недель провалился. Было уже очевидно, что преступная война, начатая фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приблизят гибель гитлеризма;

2) что потери нами ряда областей и городов являлись серьезными, но не имевшими решающего значения для дальнейшей борьбы с противником для полного его разгрома;

3) что в то время, когда германская армия несла потери, ее международное положение изо дня в день ухудшалось, силы Красной Армии неуклонно возрастали, а Советский Союз приобретал новых могущественных союзников и друзей.

История войн свидетельствует, что побеждали всегда государства и армии, силы которых в ходе войны возрастали, а терпели поражение те государства и армии, силы которых в ходе войны иссякали и уменьшались.

Таким образом, выводы Советского информбюро Д. И. Ковалевский выдает за свои собственные.

Иногда Д. И. Ковалевский, сославшись формально на те или иные издания, затем без кавычек воспроизводит в своей книге чужие тексты. Например:

«Битва за Тулу» (Тула. 1951), стр. 37.

Враг бросил на Тулу около 200 танков из группы Гудериана, мотополк «Великая Германия» — свои отборные войска. Тем не менее наши пехотные части при поддержке артиллерии и авиации мужественно отражают натиск врага... Старший сержант Киян с 30-ю красноармейцами восемь часов подряд отражал атаки танков и мотопехоты и не отошел ни на шаг от линии обороны. Также мужественно сражались...

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», стр. 60.

Враг бросил на Тулу около 200 танков из 2-й танковой группы и мотополк «Великая Германия» — свои отборные войска. Тем не менее советские пехотные части при поддержке артиллерии и авиации мужественно отразили натиск врага... старший сержант Киян с 30 красноармейцами 8 часов подряд отражал атаки танков и мотопехоты и не отошел ни на шаг назад. Также мужественно сражались...

В других случаях, заимствуя данные из книг других авторов, Д. И. Ковалевский не считает нужным ссылаться на них. Например:

«Фальсификаторы истории» (Историческая справка). М. 1948, стр. 60.

Англо-французские правители систематически снабжали Финляндию оружием и энергично готовили к отправке в Финляндию стотысячный экспедиционный корпус.

За три месяца, прошедшие с начала войны, Англия, по заявлению Чемберлена в палате общин 19 марта 1940 года, передала Финляндии сто один самолет, свыше двухсот орудий, сотни тысяч снарядов, авиационных бомб и противотанковых мин. Одновременно Даладье сообщил Палате депутатов, что Франция передала Финляндии 175 самолетов, около 500 орудий, пять с лишним тысяч пулеметов, миллион снарядов и ручных гранат и разное другое вооружение.

Д. И. Ковалевский «Великая Отечественная война Советского Союза», стр. 17, 18.

Англо-французские правящие круги снабжали Финляндию оружием. Англия отправила в Финляндию 101 самолет, свыше 200 орудий, сотни тысяч снарядов, авиабомб и противотанковых мин. Из Франции было доставлено в Финляндию 175 самолетов, около 500 орудий, более 5 тыс. пулеметов, миллион снарядов и ручных гранат и другое вооружение. Значительную «помощь» финской военщине оказали и США. Английские империалисты готовили для отправки в Финляндию 100-тысячный, а французские — 50-тысячный экспедиционные корпуса.

То же самое выявляется при сравнении стр. 42—43 книги Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М. 1948) со стр. 46 книги Д. И. Ковалевского, там, где приводятся данные о том, какой ущерб был нанесен военно-промышленному потенциалу СССР в 1941 г. в связи с временной оккупацией врагом ряда районов нашей страны.

Число примеров такого рода можно было бы продолжить.

Таким образом, рассматриваемая книга в значительной своей части является плагиатом. Естественно, что она не заслуживает положительной оценки. Более того, методы, применяемые Д. И. Ковалевским в авторской работе, должны вызвать осуждение со стороны широкой научной общественности.

В. И. Нечипуренко

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО И ЦАРСКАЯ ОХРАНКА*

Владимир Галактионович Короленко, которого В. И. Ленин по праву называл прогрессивным писателем[1], сблизился с членами революционных кружков еще в первой половине 70-х годов XIX в., во время учебы в Петровской земледельческой и лесной академии. В 1876 г. за участие в студенческих волнениях он был арестован и исключен из академии. В следующем, 1877 г. Короленко поступил в Петербургский горный институт, но уже в марте 1879 г. был вновь арестован и выслан в Вятскую губернию. В 1881 г. за отказ от присяги Александру III он был выслан в Якутию, где пробыл до 1884 года. В 1885 г. Короленко поселился в Нижнем Новгороде. Здесь он сблизился с другими писателями и прогрессивными представителями интеллигенции (А. М. Горьким, С. Я. Елпатьевским, Н. Ф. Анненским и др.), также находившимися под бдительным негласным надзором полиции и жандармерии. Последние считали В. Г. Короленко одним из наиболее опасных лиц. Такая именно характеристика была

* Эта тема не затрагивалась в печати около 40 лет. Нами обнаружены в Центральном Государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) ранее не публиковавшиеся документы по данному вопросу, которые легли в основу настоящей заметки.

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 237.

дана ему в жандармском отчете за 1887 г., отправленном в департамент полиции 15 марта 1888 года:

«В последнее время, в особенности по окончании прошлогодней ярмарки, число серьезных негласных поднадзорных в г. Нижнем по необъяснимым причинам почти утроилось, и некоторые из них, если еще не образовали, то не подлежит сомнению, стараются образовать станции для передвигающегося по России с запада на восток и обратно с востока на запад скрывающегося от преследования и разыскиваемого люда и места сборищ для своих единомышленников. В таком направлении действуют известный литератор Владимир Короленко, другой бывший ссыльный Петропавловский, также писатель (под псевдонимом Каронин), отданный под гласный надзор, впредь до окончания о нем дела, Знаменский и другие». Далее начальник губернского жандармского управления писал, что на квартирах у этих лиц собираются «почти все нижегородские поднадзорные и почти вся проживающая в Нижнем молодежь, за бывшие прошлой осенью беспорядки удаленная из высших учебных заведений Петербурга, Москвы и Казани. Здесь же и преимущественно у Короленко и Петропавловского останавливаются возвращающиеся из Сибири и из северо-восточных и восточных губерний Европейской России вследствие окончания сроков гласного надзора бывшие административно-ссыльные». «Приходится,— заключает жандармское управление,— опасаться за то, что г. Нижний-Новгород в недалеком будущем преобразится в центр конспирации или в место редакции какого-нибудь подпольного листка» [2].

В. Г. Короленко считался настолько «неблагонадежным», что под негласный надзор полиции люди попадали даже за малейшее знакомство с ним. Показательна в этом отношении история студента А. Г. Мягкова [4]. Последний участвовал в обсуждении вопроса о том, как и где напечатать статью Короленко «О холере», которая по цензурным условиям не могла быть помещена в журнале «Русская мысль». В связи с этим директор департамента полиции Дурново писал петербургскому градоначальнику 10 ноября 1892 г.: «В департаменте полиции получены сведения, что, ввиду желания группы московских либералов издать нелегальную статью Короленко «О холере», студент Горного института Александр Геннадиев Мягков, племянник литератора Михайловского, взялся получить рукопись означенной статьи у Короленко, на днях приезжавшего в Санкт-Петербург, и передать ее затем для напечатания в одну из типографий, печатавших прежние прокламации» [5]. Дурново предписал установить за Мягковым совершенно секретное наблюдение. После этого Мягков находился под негласным надзором полиции вплоть до 10 января 1904 года [6].

Во время своей поездки в Америку в июле — сентябре 1893 г. В. Г. Короленко попал под наблюдение секретного агента департамента полиции Сергеева, втершегося в доверие русских эмигрантов и революционеров, живших в Нью-Йорке, и систематически посылавшего департаменту полиции свои донесения. Сергеев расспрашивал представителя эмигрантского русского издательства Гурвича о том, «каким образом Короленко может вообще участвовать в революционных изданиях». «Гурвич,— сообщал он,— мне ответил: очень просто, помещая его какую-нибудь литературную работу, мы или совсем скрываем имя автора, а иной раз выдумываем способ, каким до нас будто бы доходит эта работа, но уж никак не поставить его в такое положение, чтобы правительство заподозрило его непосредственную связь с нами...». Сергеев доносил, что перед отъездом Короленко встречался в Нью-Йорке «с редакторами враждебных нам (то есть царизму.— *В. О.*) газет и с разными лицами, главным образом с друзьями русских эмигрантов». В. Г. Короленко, по словам агента полиции, был убежден, что «с революционной пропагандой среди русской интеллигенции наше (то есть царское.— *В. О.*) правительство не справится, потому что проникнуть в эту среду нелегко». Сергеев также доносил в департамент полиции, что В. Короленко принимает активное участие в революционной деятельности лондонского кружка русских революционеров, известного под именем «Лондонский фонд вольной русской прессы» [7].

---

[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 3-е д-во, 1888 г., д. 89, ч. 51, лл. 3—4.
[4] На эту историю обратил внимание еще Ф. Покровский. Указ. соч., стр. 11.
[5] ЦГИАМ, ф. ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 591, л. 12.
[6] Там же, л. 76.
[7] Там же, 1891 г., д. 688, ч. 2, лл. 4, 5, 6, 7.

Как уже говорилось выше, под надзор полиции попадали как «неблагонадежные» все лица, общавшиеся с Короленко. Так, начальнику Одесского жандармского управления 25 февраля 1895 г. было предписано департаментом полиции установить негласное наблюдение за переехавшей в Одессу вдовой профессора Казанского университета Анной Ивановной Цомакион, которая «во время пребывания в Нижнем обращала на себя внимание постоянными сношениями с лицами, выдающимися по своей политической неблагонадежности, как-то: Николай Федорович Анненский, супруги Елпатьевские, Влад. Короленко и другие» [8]. Поводом для учреждения полицейского надзора послужило перлюстрированное письмо Анненского к А. И. Цомакион от 13 февраля 1895 г., в котором содержалось предупреждение о том, что жандармы очень тщательно просматривают письма, адресованные лицам, находящимся под их наблюдением. «Владимир Галактионович,— писал Анненский к А. И. Цомакион,— сообщит вам кое-что о нижегородской общественной жизни, причем даст добросовестный отчет о ваших нижегородских друзьях и знакомых» [9].

Имена А. М. Горького, В. Г. Короленко и других проживавших в Нижнем Новгороде поднадзорных пугали не только полицию. Директор нижегородской гимназии в письме окружному инспектору от 17 сентября 1901 г. скорбел о том, что ученики старших классов «могли подвергнуться опасному испытанию», в особенности если среди знакомых их семей находились «столь известные представители оппозиции, как Владимир Короленко, Максим Горький..., о которых местная оппозиционная газета «Нижегородский листок» отзывается не иначе, как с величайшим почтением...».

Популярность В. Г. Короленко, несмотря на противодействие полиции, неуклонно росла; влияние его творчества испытывали на себе самые широкие слои русской интеллигенции. В июне 1903 г. Курское губернское земство организовало для учителей земских народных школ краткосрочные общеобразовательные курсы, по окончании которых была устроена загородная прогулка. Вскоре после этого, 2 июля, в департамент полиции поступил донос о том, что в окрестностях города состоялось многолюдное чествование «народного писателя Короленко» с речами, пением революционных песен, возгласами «долой правительство» [10].

Начальник Курского губернского жандармского управления в письме от 2 июля в департамент полиции сообщал: «27 июня учителям и учительницам от губернского земства предложена была прогулка на лодках по реке Тускарю по направлению к селу Сапогово... Всех участвующих в прогулке было до 150 человек... Отъехав 4 версты... все высадились на берег и с присоединением многих служащих в земстве и из Сапогово, студентов и учащейся молодежи открыли празднование 10-летнего юбилея (?) покойного (?!) [11] писателя-народника Короленко [12]. Перед собравшейся толпы был поставлен портрет Короленко и около него произносили речи: говорил какой-то приехавший из Харькова господин, по слухам Белоконский, лично знавший покойного писателя, лектор учительских курсов приват-доцент Московского университета Рожков и секретарь губернской земской управы Звегинцев, прочитавший отрывки из неизданных сочинений Короленко... Затем состоялся хор, пропевший вначале марсельезу в русском переводе (?), а после «Дубинушку»... В конце раздались крики «да здравствует свобода», «долой правительство», «долой деспотизм»...» [13].

В секретном докладе начальника Харьковского охранного отделения в департамент полиции от 14 июля 1903 г. эта демонстрация учителей объяснялась тем, что устроенным для них пикником «воспользовались некоторые неблагонадежные лица, служащие в земстве, и пожелали этому пикнику придать характер юбилейного чествования двадцатипятилетия литературной деятельности писателя-народника Владимира Короленко. На юбилей явились, кроме учителей и учительниц, и все наблюдаемые лица по курской революционной группе. В лесу, где была сходка, к дереву был прибит портрет Короленко... Лично знающий писателя Белоконский указал на громадную

---

[8] Там же, д. 358, л. 6.
[9] Там же, л. 4.
[10] ЦГИАМ, ф. 102; особ. отд., д. 80, литер Р, л. 4.
[11] Как известно, В. Г. Короленко скончался в 1921 году.
[12] Письмо поражает своей безграмотностью, показывает полную невежественность этого верного слуги самодержавия.
[13] ЦГИАМ, ф. 102, особ. отд., д. 80, литер Р, лл. 9, 10.

заслугу Короленко перед народом в деле народнической пропаганды и ознакомил слушателей со взглядами и убеждениями Короленко, рассказал эпизод из его жизни, как он по убеждению отказался принести присягу императору Александру III, за что и понес административное наказание» [14]. Департаментом полиции было «всеподданнейше» доложено царю о «демонстративном чествовании писателя либерального направления Владимира Короленко» [15].

Приведенные архивные материалы дают еще несколько новых штрихов для характеристики сложной системы наблюдения и сыска, окружавшей замечательного русского писателя и близких к нему людей, которые вместе с ним боролись за освобождение России от самодержавия и крепостничества.

Виктор Оголевец

[14] Там же, л. 23.
[15] Там же, л. 72.

НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ ГОЛЬДБЕРГ

На семьдесят первом году жизни скончался один из старейших советских востоковедов-историков, старший научный сотрудник Института народов Азии Николай Максимович Гольдберг.

Н. М. Гольдберг родился в 1891 г. в Москве. По окончании гимназии учился в университетах Лозанны и Гейдельберга, а затем — в Петровской сельскохозяйственной академии. В годы гражданской войны он работал в Народном комиссариате по иностранным делам и в Отделе внешних отношений Туркомиссии ВЦИК, с конца 1920 г.— в Туркестанском бюро Коминтерна, а затем — в Восточном отделе Исполкома Коминтерна. 1926—1927 гг. Николай Максимович провел в Турции в качестве корреспондента ТАСС. Именно в этот период у него появился глубокий научный интерес к проблематике истории народов Востока. С 1928 г. Н. М. Гольдберг работает в Коминтерне, а с 1938 г.— в научных учреждениях Академии наук СССР. На протяжении многих лет Николай Максимович преподавал на историческом факультете Московского государственного университета, активно участвуя в подготовке кадров советских востоковедов.

Перу Н. М. Гольдберга принадлежит более сорока работ по различным отраслям индологии. Историк широкого диапазона и большой исследовательской культуры, он изучал историю англо-индийской армии, был инициатором изучения русско-индийских отношений; важное место в трудах Н. М. Гольдберга принадлежит исследованиям о народных движениях и общественно-политической мысли Индии. Он был ответственным редактором и одним из ведущих авторов таких фундаментальных трудов, как «Новая история Индии», коллективной монографии о национально-освободительном движении в Индии и деятельности Б. Г. Тилака. Все работы Н. М. Гольдберга отличаются глубиной и оригинальностью.

Н. М. Гольдберг был человеком исключительной доброты и душевной деликатности, разносторонних знаний. Все сделанное им еще долго будет служить исторической науке, как будет жить и светлая память о нем.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

M. P. KIM. The Problem of Studying the Historical Experience of Socialist Construction in the U.S.S.R. in the Light of the 22nd CPSU Congress Decisions

The author of the article examines the new major and pressing tasks with which the Twenty-Second CPSU Congress has confronted historians making research in the history of Soviet society. The new Party Programme illumines the road to the communist future and at the same time comprehensively reviews the path already traversed by our country. Its theoretical theses and practical conclusions on the victory of communism rest on the granite foundation of historical experience, on summarizing the practical experience of socialist construction and the development of the entire human society at the present stage.

The basic task of the historiography of Soviet society is to demonstrate on concrete historical material the grandeur of the struggle for the building of socialism and communism—that highroad blazed by the Soviet people, which will sooner or later be followed by all the nations of the world. The historians must bring out the historical reality, its objective laws that form the basis of the science on the building of socialism and communism, and through historical narration make this science the property of all progressive mankind.

As distinct from the opportunists, doctrinaires and dogmatists, who are unable or unwilling to take into account the specific historical conditions, the CPSU has always been distinguished for its sober judgment in appraising the situation. Never losing sight of the chief trend of the movement and the ultimate aim of the struggle, the Party was able to find those specific forms and methods of carrying out its programmatic demands that were dictated by concrete historical situation.

In the political sphere the main achievement of the Party and the Soviet people, the article stresses, has been the establishment and consolidation of the socialist state and socialist democracy. The following problems acquire especial significance and urgency in the light of the new CPSU Programme: the historical process of transforming the Communist Party of the working class into a party of the entire Soviet people, the development of the state based on proletarian dictatorship into a nation-wide organization of the working people, and the transfer of a number of state functions to public organizations. In the social sphere the victory of socialism has led to the elimination of all forms of oppression and exploitation of man by man, to the appearance of qualitatively new classes—the Soviet working class and the collective-farm peasantry—and to their indestructible alliance, to the socialist unity of the Soviet peoples and to the full equality of women. Our historians are faced with the task of creating fundamental works generalizing the accumulated experience in the solution of social problems, tracing the history of the rise and development of the Soviet working class and the peasantry, the development and consolidation of the alliance between these labouring classes, etc.

The institution of public ownership of the means of production, the triumph of the socialist production relations and the creation of the material and technical basis of socialism should be regarded as the major historical achievements of Soviet government in the economic sphere. The main problems in the field of historical and economic research should be the creation and development of socialist industry, collectivization of agriculture and the progress of the entire socialist economy in the U.S.S.R.

In the process of the building and triumph of socialism a profound cultural revolution was carried out in our country, which radically changed the entire spiritual life of the Soviet peoples. Generalization of historical experience in the sphere of cultural development is of major importance for the solution of cultural development problems in the period of the full-scale construction of communist society.

The CPSU Programme formulates the major tasks of research in the history of international relations. Particular importance in this respect should be attached to such problems as the historical leap of the formerly backward Soviet peoples from pre-capitalist relations to socialism, the immense economic, political and cultural progress of the socialist nations and their growing ties of friendship and cooperation, the rise and development of the new historical community of the people of different nationalities—the Soviet people.

The principal task of the historiography of Soviet society is to give a vivid and profound analysis of the decisive role played by the popular masses in socialist and communist construction.

We have examined only a few tasks facing historical science in the light of the Twenty-Second CPSU Congress decisions. The cardinal problem is to create comprehen-

sive and vivid historical works giving a profound Leninist generalization of the practice of socialist and communist construction. Historical science must make its own contribution to communist construction—that is the main thing.

Then the author dwells on the struggle for the elimination of the pernicious consequences of the Stalin personality cult in the sphere of historical science that was launched in recent years, especially after the Twentieth Party Congress (1956). The Twenty-Second CPSU Congress has again condemned the personality cult as a phenomenon absolutely alien to Marxism-Leninism. Only by completely eliminating the survivals of the personality cult can historical science successfully cope with its new tasks.

The Twenty-Second Party Congress and the new CPSU Programme, the author writes in conclusion, have confronted historical science with many important tasks and pressing problems, the elaboration of which is of immense practical significance for the Soviet Union, for every country of the socialist camp and for all the peoples of the world. Workers of the ideological front, historians included, have all the necessary conditions for the successful solution of the responsible and important tasks entrusted them by the Communist Party and the Soviet people.

V. P. DANILOV. Preliminary Results of the Scientific Session Devoted to the History of the Soviet Countryside

The period between the Twentieth and Twenty-Second Congresses of the Communist Party was marked by intensified research in the history of the Soviet countryside. The struggle for the elimination of the personality cult which is wholly alien to Marxism-Leninism has resulted in the re-establishment in all its purity of the teaching on the decisive role of the popular masses in history; research in the development of the working class, the peasantry and intelligentsia became the most important task of the historiography of Soviet society. Extensive research work carried out in recent years created a firm foundation for a new approach to the solution of a number of cardinal problems of the history of the Soviet countryside. It is urgently necessary to start a broad discussion with the aim of bringing out more clearly and distinctly the different viewpoints and opinions and verifying them in the process of a free discussion. This will serve as an effective means enabling our historians to map out the basic trends of future research.

A scientific session devoted to the history of the Soviet peasantry and the development of the collective-farm system was held in Moscow on April 18-21, 1961. It was attended by specialists from research institutions and higher educational establishments of Moscow, the capitals of the Union and Autonomous Republics and many regional centres of the country. The attention of the session was focussed on the basic problems of social and economic history of the Soviet countryside: the character and results of the agrarian reforms carried out by Soviet government, the essence of the social-economic relations prevailing in the Soviet countryside prior to the transition to collective farming, solid collectivization of agriculture and elimination of the kulaks as a class, the development of the collective-farm system and the deep-going social changes in the countryside in the new stage of its history.

The problem of the essence and specific features of the agrarian reforms effected by the October Socialist Revolution was subjected to broad discussion. In his report devoted to this subject Y. A. Polyakov made an interesting attempt to examine the changes in the relation and alignment of class forces towards the end of the Civil War. Drawing on his analysis of extensive statistical data, the author showed the gradual and steady rise in the proportion of middle peasants as the most significant social result of the agrarian revolution. Particular attention in the discussion of this problem was devoted to the relative importance of bourgeois-democratic and socialist aims of the October Revolution in the countryside, to the correlation between the two principal stages of the revolutionary transformations in the countryside—the bourgeois-democratic (up to the summer of 1918) and the socialist stage.

The discussion of the problem relating to the character of production relations of the Soviet peasantry in the period preceding the collectivization of agriculture was given much attention at the session. Intensive research in the social-economic development of the countryside launched in recent years provided the basis for overcoming the one-sided erroneous view of these relations as capitalist relations—a view that had taken shape under the influence of the Stalin personality cult. The reports and statements devoted to this problem characterized the social system prevailing in the Soviet countryside prior to the collectivization of agriculture as a complex pattern of relations widely differing in their essence—capitalist and petty-bourgeois, socialist and advancing to socialist.

The discussion of this problem was not confined to the territory where capitalist relations in the countryside had developed and become firmly established before the October Revolution. A number of papers were devoted to an analysis of social relations in the Kazakh, Uzbek and Kirghiz villages distinguished for their deep-rooted and strongly-felt survivals of tribal and patriarchal-feudal relations. However, during the 1920's the patriarchal-feudal relations there were being rapidly overcome and replaced by petty-borgeois relations.

Particularly sharp was the polemic on the character of agrarian and irrigation reforms carried out by Soviet government in the Central Asian Republics and Kazakhstan in the 1920's. One group of researchers (M. P. Kim, V. P. Sherstobitov and others) tried to prove that these reforms were socialist in character, since they were effected by the dictatorship of the proletariat in conditions of socialist construction. Other historians, notably G. F. Dachschleiger, R. H. Aminova and A. B. Tursunbayev, maintained that although the reforms exceeded the bounds of usual bourgeois-democratic transformations, they resulted essentially in the establishment of the petty-bourgeois, not socialist, mode of production. Proceeding from this viewpoint, they asserted that the reforms were basically of a revolutionary-democratic character. The discussion helped to reveal the main trends of further research in this field.

The discussion of the basic historical problems connected with the socialist transformation of agriculture proceeded primarily along the lines of summing up the results of the work already accomplished and of formulating the tasks confronting researchers in the near future. The main emphasis in elaborating the history of agricultural collectivization is being shifted more and more to the investigation of the concrete process of establishing and developing the collective farms, first and foremost from the point of view of their internal organization. At the same time a number of essentially new elements have been introduced into the treatment of the problem of the elaboration by the Communist Party of a concrete plan of agricultural collectivization, into the periodization of this process and bringing out the root causes of the distortions and mistakes committed in the winter of 1930. The session discussed special reports on the principal stages in the development of the Lenin cooperative plan, on the social transformations in the life of the peasantry resulting from collectivization, on the grain problem in the period of reconstruction, on the results of the measures taken by the Communist Party and Soviet government with the aim of re-educating and changing the mentality of former kulaks. A number of papers were devoted to an analysis of the specific features attending the collectivization of agriculture in the formerly backward areas of the country—the colonial outlands of tsarist Russia (Azerbaijan, Tajikistan, Turkmenia and Udmurtia), as well as in the republics incorporated in the U.S.S.R. at a time when socialism had already triumphed in the rest of the country (Estonia and the part of Moldavia lying on the right bank of the Dniester).

Particular importance at the session was attached to communications devoted to the new stage in the development of the collective-farm system. Both in the papers and statements devoted to this subject the main emphasis was laid on the basic social problems of full-scale communist construction—problems connected with the gradual elimination of essential distinctions between the peasantry and the working class, between the collective-farm village and the socialist town. Soviet economists V. G. Venzher and G. G. Kotov examined the economic foundations required for the elimination of class distinctions between workers and collective farmers. The session also discussed communications by Y. V. Arutiunyan on the historical significance of the new stage in the development of the collective-farm system, by A. B. Tursunbayev on the cultivation of virgin and long-fallow lands in the Eastern parts of the country, by F. I. Kolodin on reorganization of the machine and tractor stations and by L. N. Chizhikova on elimination of cultural distinctions, and differences in living conditions, between town and countryside, on raising the countryside to the level of the town.

The session is bound to play an important part in determining and formulating the basic historical problems of the new stage in the development of Soviet agriculture, in mobilizing the efforts of researchers specializing in agrarian history for the elaboration of the most urgent and pressing problems connected with the contemporary history of the Soviet countryside.

M. I. KHEIFETS. **The Second Revolutionary Situation in Russia (Crisis at the Top in 1879-1881)**

Drawing on his analysis of the origin and development of the basic elements of the second revolutionary situation in Russia, the author makes an attempt to elucidate the crisis at the top, the crisis of the government policy in 1879-1881. He examines the home policy pursued by the tsarist government in those years, bringing out its character and distinguishing features determined by the sharpening of the class struggle and the changed relation of the social forces at the various stages of the development of the national crisis. The article is based on a careful study of extensive factual material widely differing in its origin, character and historical significance. Of first-rate importance among these data are numerous archive documents of government institutions and private collections of a number of statesmen and public personalities of that period (especially Loris-Melikov's collection), which are kept in the archives of Moscow and Leningrad.

The second revolutionary situation, the author writes, originated and developed on the basis of social and political contradictions resulting from Russia's development in the two decades following the abolition of serfdom. Its content was determined by the conflict of two historical tendencies—the struggle around the agrarian question and the problem of the state system. The political crisis was brought about by the drastic aggravation of Russia's economic position.

The peasant movement, which in the 1870's was still distinguished for its spontaneous and unorganized character, became an important indicator of the growing activity of the popular masses. At the same time the second revolutionary situation, in contrast to the first, was marked by a considerable upsurge of the working-class movement, which played an essential part in the general offensive launched by the oppressed classes against the tsarist autocracy. The article points out that the democratic trend in the social movement of 1879-1881 was represented in the main by revolutionary Narodniks (Populists) and, first and foremost, by their secret organization "Narodnaya Volya" ("People's Will"). Though recognizing the necessity of political struggle, the revolutionary Narodniks actually reduced it to the erroneous tactic of organizing individual terrorist acts, which could not serve as a means of political education of the popular masses. The heroic struggle carried on by the members of "Narodnaya Volya" against the tsarist autocracy became a highly important factor in the internal political situation, aggravating the crisis of the ruling element, causing progressive disorganization in the government spheres and contributing to the activization of the Liberal movement—the chief exponent of the reformist trend. While favouring the bourgeois-landlord evolution, the Liberals by no means strove to overthrow the autocracy and abolish the landlord system. They believed that revolution could be averted by means of reforms carried out with the participation of elected representatives from the Zemstvos (provincial administrative assemblies). While not playing an independent role as a factor contributing to the revolutionary situation, the activization of the Liberal movement tended to aggravate the crisis at the top. Although the development of capitalism in Russia was impeded by strong survivals of feudalism, it nevertheless proceeded more rapidly than the bourgeois evolution of absolutism. Intensification of the class struggle served as a basis for the rise and development of the crisis at the top, the crisis of the government policy. Proclamation of a state of siege coupled with the introduction of other emergency measures, unbridled police terror, progressive disorganization of the government machine, fear of the popular revolution, intensification of the factional struggle within the ruling camp, the growing opposition to, and sharp criticism of, the tsarist government by individual representatives of the ruling class for its inability to protect the wealth and "tranquillity" of the propertied classes, and the failure of the policy of repression and terror, which became clearly manifest by the beginning of 1880—such, in the author's opinion, are the basic features of the crisis at the top.

The article singles out several stages in the development of the second revolutionary situation. The period beginning with the termination of the Russo-Turkish War (approximately from mid-1878) and ending with January 1880 is regarded as the first stage—a period marked by the emergence and gradual maturing of its basic elements. After the explosion in the Winter Palace organized on February 5, 1880, by a group of terrorists from "Narodnaya Volya," the tsarist autocracy attempted to eliminate the tense political situation in the country and avert the danger of a revolutionary upheaval by resorting to police dictatorship methods. With this aim in view the tsarist government set up a new body—the Supreme Administrative Commission for Safeguarding State Security and the Maintenance of Public Order. Loris-Melikov was appointed Chairman of this Commission and vested with dictatorial powers.

The Loris-Melikov regime (February 12, 1880-April 30, 1881) was a dictatorship based on police terror, social demagogy and political jugglery. Its historical function was to weaken the anti-government camp, eliminate the crisis of the tsarist regime with the least possible losses and strengthen its foundations. The "symbol" of the "new" political course found its expression in the Senate revision programme of 1880, in the January 1881 report, in the Loris-Melikov project ("the Loris-Melikov constitution") envisaging the convocation of the preparatory commissions and the general commission with the participation of representatives from the provincial administrative assemblies and the towns. The reformist-Bonapartist manoeuvring of the tsarist regime was caused not by the Liberal petitions or the development of the constitutional idea, or the reformist zeal manifested in the upper official-bureaucratic circles, but by the objective conditions prevailing in the second stage of the revolutionary situation—the period of its highest rise (February 1880-March 1881).

The Manifesto of April 29, 1881, followed by the "ministerial crisis" in May—resignation of Loris-Melikov, Abaza and Milyutin—marked the beginning of a gradual change in the government's policy. The Loris-Melikov regime—a product of the objective conditions of the maturing revolutionary situation—was replaced by the regime of N. P. Ignatyev, which, in conditions characterized by a certain recession of the crisis, was aimed at camouflaging the transition of tsarism to an openly reactionary course. By May 1882 the revolutionary situation completely exhausted itself, the crisis at the top was overcome and the tsarist autocracy switched over to a frankly reactionary policy. Thus, the period between March 1881 and May 1882 was marked by a considerable decline in the revolutionary situation.

The historical significance of the second revolutionary situation, the author writes in conclusion, lies in the fact that it demonstrated a new alignment of the social classes, revealed the social essence of the post-reform absolutism and became an important stage in the polarization of Russia's political forces and parties. The experience of the political struggle of that period and substantial spread of the working-class movement were important factors which paved the way for the subsequent rapid spread of Marxism in Russia.

Academician V. V. STRUVE. **The Social System of Hellenistic Egypt**

The Hellenistic epoch is attributed by Soviet historians to the pre-feudal, slave-owning period in the history of mankind. The correctness of this classification is best and most effectively proved by the history of the social system prevailing in Hellenistic Egypt, which provided historical science with extremely rich documentary material in the shape of countless Greek and demotic papyri. One of the most valuable sources for determining the position of the lower and poorer sections of the Egyptian people in Hellenistic, resp. Ptolemaic, Egypt is the Paris Papyrus No. 63 dating back to the year 164 B. C., which testifies to extreme pauperization of the popular masses in Egyptian villages. Abject poverty was also the lot of an overwhelming majority of Egyptian warriors, but still more difficult was the position of a great many people in the villages who eked out a wretched existence by day-labour, i.e., who were deprived of means of production. Side by side with indigent warriors and the village poor who earned their bread by day-labour, there were wealthy people in the countryside, who could lease the Pharaohs' land on security. Owing to the ruthless taxation policy pursued by the Macedonian-Greek and subsequently by the Roman rulers of Egypt, the number of wealthy people in the countryside was rapidly diminishing. This process was attended by a swift increase in the number of people deprived of means of production, who were recruited as day-labourers and bond-slaves. The Egyptian poor peasants recruited as day-labourers were made to perform diverse work. They were employed in the Pharaoh's and state economy, worked on big landed estates owned by rich magnates and on small farms. The day-labourers who were employed both in the Pharaoh's and private economy cannot be identified with free wage labourers of the capitalist period because, like slaves, they worked in conditions of non-economic compulsion. They could not leave their master before the expiry of the fixed term of day-labour; the only difference between them and slaves was that they were temporary, not lifelong, slaves. As to the significance of slave labour in Hellenistic Egypt, the prevailing opinion up to the 20th century was that slave labour there did not play any part whatsoever. Only after the first world war scientists discovered a big archive collected by a certain Zenon, former manager of the possessions of Apollonius—the omnipotent favourite of Tsar Ptolemaios II Philadelphos. This archive furnished abundant information on the employment of slaves in Apollonius' economy. The preserved Greek and Egyptian texts acquainted us with specific terms used in relation to slaves. The number of slaves was quite significant; for example, we learn from historical records that 16 slaves were employed on the estate belonging to a Pysidic warrior. In a number of testaments that have come down to us slaves are mentioned side by side with other property. Sometimes a slaveowner, for a certain fee, sent his slave to work for another master. Just as in ancient Egypt, during the Hellenistic period slaves, along with the Nubians, were brought mainly from Syria. Not only during the war, but in peacetime as well the Egyptian officials and warriors acquired numerous slaves from among the free population of Syria by outright deceit and coercion. In view of the mass character of such crimes against the Syrian population, Ptolemy II issued a decretum in 261 B. C., forbidding the conversion of free Syrians into slaves. In the light of this decretum, the Pseudo-Arysteic characters and Chapter 2 from Joseph Flavius' XII Book of "Judaic Antiquities" acquire the significance of an important historical source.

We have historical records testifying to the existence of a considerable number of slaves not only in Alexandria but in Egypt itself. We learn from demotic documents that the slaves constituted an ordinary and essential property element of an average well-to-do Egyptian family. They worked in the economy and were used as domestic servants. Many slaves were owned by the Greco-Macedonian and Egyptian aristocracy. A certain number of slaves were used as retainers but the greater part of them were employed in the economy of aristocratic slaveowners. Some of the privileged slaves were entrusted the job of safeguarding their master's storehouses, but the position of ordinary slaves was extremely difficult and humiliating. They were fed with barley on a par with dogs; in keeping accounts of grain expenditure, the amounts issued to slaves and dogs were registered side by side. Male and female slaves toiled day and night in the so-called ergasteries or "shops" existing in the economy of big slaveowners. In the Hellenistic period, too, the temples continued to remain in the category of big slaveowners. In the opinion of certain researchers, the state should also be included in this category.

The slaves were captured during the war and acquired in the Asian possessions of the Ptolemies. The significance of the slaves for Egypt's economy is shown by the fact that a Pharaoh's decretum issued in the 3rd century B. C. forbade the removal of slaves from Egypt. The existence in Ptolemaic Egypt of a special law providing for the payment of a slave tax likewise testifies to the presence of a large number of slaves there. Here, as in any other slave-owning state, a clear line of distinction was drawn by law between free citizens and slaves. The slave legislation system existing in Ptolemaic Egypt was far more elaborate than that of Attica in the 5th-4th centuries B. C. It was at that period that a system of measures to prevent the flight of slaves from their masters was introduced in Egypt. The slaves served as security for the satisfaction of a debt.

Side by side with slavery in the narrow meaning of this term, an important role in the Ptolemies' state was played by bond-slavery. In the 3rd century B.C. it was confined chiefly to the pawning of children, but beginning with the 2nd century B.C. grown-up

free citizens were permitted to sell themselves into slavery for private debts. Already in the 3rd century B.C. many representatives of the lower classes indebted to the state were sold both in Syria and in Egypt. The afore-mentioned Zenon's archive contains a specimen of the so-called "paramone"—a special agreement under which the debtor was bound to offer his creditor a slave, wife or child. Like our bondsmen, all they could earn by their work in the money-lender's economy was to repay interest on debt. Parallel with bond-slaves, we learn of the existence in Hellenistic Egypt of the so-called "desmotes" or state prisoners—people deprived of freedom and means of production. They were forced to work in quarries, gold mines, agriculture, etc.

On the basis of the above-mentioned facts testifying to the use of the labour of slaves, bond-slaves, day-labourers and state prisoners, the author of the article maintains that the labour of people deprived of means of production and, at the same time, temporarily or permanently deprived of freedom, played an essential part in Hellenistic Egypt. Hence, the society of Hellenistic Egypt should be defined as a slave-owning society in which, like in all other similar-type societies, there existed small landholders ("Pharaoh's farmers"), and side by side with them—multiform varieties of people deprived both of means of production and freedom, i. e., slaves.

E. B. CHERNYAK. Some of the Methods Employed by Bourgeois Falsifiers of History

Elucidation of the key problems of modern and contemporary social development holds an important place in the fierce struggle now going on between Communist and bourgeois ideologies. The class roots of the bourgeois falsification of history should be sought in monopoly capitalism's direct interest in the false interpretation and outright distortion of the laws of social development, in denying the historical inevitability of the doom of capitalism and its replacement by the socialist system.

In highlighting acute political problems many bourgeois scientists unwittingly resort to falsification which directly results from class narrow-mindedness and defective methodology, and is frequently intertwined with carefully thought-out and systematic distortion of historical truth in the interests of imperialist reaction. The article criticizes certain methodological devices used by reactionary bourgeois historiography in an attempt to substantiate its tendentious conceptions and conclusions. The author examines the treatment in contemporary reactionary historiography of the following questions: the influence of the mode of production on the character of social development; the role of the class struggle and social revolutions in history; the contemporary bourgeois state and its place in the life of society; the problem of historical progress.

Bourgeois historiography has launched a broad-scale offensive against the Marxist-Leninist conception of the determinative influence exerted by the mode of production on the development of human society. The chief methods employed in this offensive are: playing down the role of "economy" in general, ignoring the antagonistic contradictions of the capitalist mode of production and appraising the process of social development exclusively from the point of view of the growth of productive forces, which are artificially divorced from production relations.

Parallel with this, the article points out, many representatives of bourgeois historiography present a false picture of the relations existing in actual reality between the basis and superstructure. As a rule, they strive to narrow down this influence, affirming that it may or may not exist in different epochs and different societies. The presentation of historical events is subordinated to the aim of substantiating the thesis on complete independence of superstructure and its determinative role in the process of historical development.

One of the most clearly expressed trends of bourgeois historiography is manifested in the effort to camouflage the class nature of historical phenomena. This serves as a means of negating or distorting the role of the class struggle in the development of society. The article criticizes the methods employed by bourgeois historiography to falsify the problems of the class struggle: ignoring the relation of different classes to one or another concrete mode of production; the divorcement of the class struggle in bourgeois society from the contradictions inherent in the capitalist mode of production; attempts to deny the antagonistic character of contradictions between the proletariat and the bourgeoisie; false assertion that the class struggle and the classes themselves dissappear with the development of capitalist society, etc. One of the characteristic features of bourgeois historiography is to depict the class actions of the bourgeoisie as measures corresponding to the national interests and present the struggle waged by the working class in defence of the vital interests of the whole nation as an action dictated solely by the narrow class interests of the proletariat.

As a result of distorting the role of the class struggle in the process of social development, the article notes, many representatives of bourgeois historiography distort the question of the correlation of the class and political division of society, of different classes and political parties, thus falsifying the historical role and character of the state. Bourgeois historians maintain that the state has a class character only in certain periods of historical

development, notably in the early period of capitalism. In the present era, the apologists of capitalism assert, the state in the capitalist countries is a supra-class institution which helps to change the nature of capitalist society and convert it into a "welfare society."

This falsification goes hand in hand with distortion by bourgeois historiography of the role played by revolution in social development, which finds expression in the attempts to play down this role, ascribe all elements of progress to evolutionary development, depict many revolutionary upheavals as purely evolutionary processes, represent evolutionary phenomena as "revolutions," etc. One of the frequently employed methods is the attempt to attribute the causes which give rise to revolutions not to the chief but to less important factors of historical development, and in this way distort the major problem of the revolutionary situation. Whereas in the past bourgeois historiography used to extol "peaceful" revolutions similar to the 1688 revolution in England, nowadays bourgeois historians often refuse to recognize the fact of revolution if it was carried out peacefully, i. e., without an armed struggle. One of the very widespread methods in bourgeois science is to depict counter-revolutionary coups and putsches as "revolutions." Another method frequently resorted to by bourgeois historians is to preach the false theory that in the 20th century proletarian revolutions are an obstacle to social development.

In the concluding part of the article the author points out that bourgeois historiography has renounced the idea of progress and stresses the pseudo-scientific nature of the circular motion theory advanced in its stead, exposing the method of false historical analogies used to corroborate this theory.

G. N. GOROSHKOVA. **Liquidation of the Bourgeois-Democratic System in Germany in the Years of Fascism**

The article examines one of the aspects of the Hitler regime in Germany, namely, liquidation of the bourgeois-democratic system by fascism. Considering that the postwar period in many countries of the capitalist world has been marked by the clearly expressed tendency on the part of the monopoly circles to establish an open terrorist dictatorship, the author emphasizes that, apart from its scientific significance, the theme under review is also of topical political importance.

The author shows that the fascist regime was a manifestation of the profound process of disintegration and decay experienced by the world imperialist system—a process which, for a number of reasons, had assumed truly monstrous forms in Germany already in those years.

On the basis of numerous documents which became known after the defeat of German fascism the author shows that even prior to the establishment of the Hitler dictatorship there existed a secret compact between the leaders of the big German monopolies and the top leaders of the Nazi party on concrete forms of putting this dictatorship into practical effect. Elimination of the bourgeois-democratic order was one of the principal objectives of this plan, and the methods by which it was put into effect were ruthless terror, rabid nationalist and chauvinist propaganda and fascist legislation.

The Hitler government directed its first and main blows against the working class and its Communist Party. On the very day of Hitler's advent to power the fascist government passed a decision to ban the Communist Party of Germany and dissolve the Reichstag.

The author exposes the nazi measures aimed at strengthening the police forces, banning workers' meetings, demonstrations and the Communist press. The article devotes particular attention to the emergency decree published after the monstrous fascist provocation of setting fire to the Reichstag—a decree which put an end to the remnants of the bourgeois-democratic order existing in the Weimar republic. On the night of the Reichstag provocation alone 4,000 Communist Party functionaries were arrested, and the total number of Communists put behind bars all over the country exceeded 10,000. The whole country was covered with a dense network of concentration camps. In the Reichstag elections held on March 5, 1933, 22 million people, or more than half of all the voters, cast their ballots against the National-Socialist Party. The Communist Party polled about 5 million votes. The article further describes the following terrorist measures carried out by the fascist clique: the arrest of the Communist members of the Reichstag, abolition of Communist Party representation in the Landtags and other elected bodies, dissolution of all representative organizations, the smashing of the trade unions, adoption of a law giving emergency powers to the government, banning the activity of the Social-Democratic Party of Germany, dissolution of bourgeois parties and the establishment of the fascist Propaganda Ministry.

The article briefly surveys the principal stages of the heroic struggle carried on by the Communist Party of Germany, which insistently demanded democratic rights and freedoms as its basic tactical element in the general anti-fascist struggle and as the chief means of mobilizing the popular masses for the struggle against the fascist dictatorship.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Ким Максим Павлович, член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора по написанию многотомной «Истории СССР» (советский период) Института истории АН СССР, работает в области истории советского общества, автор монографий «КПСС — организатор культурной революции в СССР», «40 лет советской культуры», большого количества научных статей, ответственный редактор учебного пособия «История СССР. Эпоха социализма» и многих других изданий по истории советского общества.

Данилов Виктор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области истории советского общества, автор книги «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР» (М. 1957) и ряда статей по проблемам социально-экономической истории советского крестьянства и колхозного строительства.

Хейфец Михаил Исаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, защитил кандидатскую диссертацию «Вторая революционная ситуация в России», один из авторов университетского учебника «История СССР» (том II, изд. 1949 и 1954 гг.), «Очерков по истории Московского университета» (1940) и «Истории Московского университета» (1955), автор ряда научных статей.

Струве Василий Васильевич, академик, крупнейший советский специалист по древней истории Ближнего Востока. Автор книг «Петербургские сфинксы» (1912), «Израиль в Египте» (1920), «Происхождение алфавита» (1923), «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческого общества древнего Востока» (1934), «Очерки социально-экономической истории древнего Востока» (1934), «История древнего Востока» (1941), «Фашистский антисемитизм» (1942) и большого количества брошюр и статей по древней истории Египта, Месопотамии, Ирана и хеттов.

Черняк Ефим Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Специалист в области новой истории и современной историографии, автор книг: «Демократическое движение в Англии 1816—1820»; «Государственный строй и политические партии США»; «Буржуазная историография рабочего движения» и ряда других научных работ.

Горошкова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области новейшей истории Германии. Автор книги «Движение Немецкого Народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949 гг.)» и ряда других научных работ.

В апреле 1962 г. в Харькове состоится научная сессия, посвященная 50-летию ленских событий и выхода первого номера газеты «Правда». На сессии предполагается обсудить доклады и сообщения по следующей тематике: «В. И. Ленин и «Правда», «Историография рабочего движения в годы нового революционного подъема», «Рабочее движение в 1912—1914 гг.», «Борьба «Правды» против угрозы мировой войны», «Ленские события и кризис третьеиюньской системы» и др. Кроме пленарных заседаний, будут работать секции по темам: «Рабочее движение», «Рабочая печать», «Большевистские организации в 1912—1914 гг.», «Формирование и положение рабочих».

Сессия проводится секцией Научного совета при Президиуме АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (Постановлением Президиума АН СССР Научный совет по проблеме «Предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» преобразован в секцию «Общие закономерности и особенности развития России в эпоху империализма» Научного совета при Президиуме АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»), Отделением общественных наук АН УССР, Министерством высшего образования УССР, группой по изучению истории пролетариата России в период капитализма Института истории АН СССР.

內　容

根据苏共第二十二次代表大会的决議来研究苏联社会主义建設的历史経驗的任务……
……苏联科学院通訊院士馬・巴・基姆
关于苏联乡村史的科学会議的若干总結……維・彼・达尼洛夫
俄国的第二次革命形势……米・伊・海菲茨
希腊文明衰落期的埃及的社会制度……华・华・斯特魯維院士
論資产阶級伪造历史的几种方式……叶・波・齐尔尼亚克
在法西斯主义德国的資产阶級民主制度的消灭……加・尼・戈罗什科娃

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学术委員会
多卷的“西伯利亚史”大綱的討論……阿・尼・科培洛夫

高等学校中的科学研究工作

莫斯科大学中的史学会議……弗・巴・納烏莫夫

短評与書評

新書
苏联历史杂志上的文章

科学生活新聞

在苏联科学院历史研究所列宁格勒分所的档案館里……卢・伊・科津采娃，維・伊・魯田堡

历史科学在国外

短評与書評
外国刊物巡礼
科学生活新聞

“关于1940－1945年的英国史的書目”……伊・伊・弗罗洛娃

書信与短評

CONTENTS

Articles: **M. P. Kim,** Corresponding Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences. The Problem of Studying the Historical Experience of Socialist Construction in the U.S.S.R. in the Light of the 22nd CPSU Congress Decisions; **V. P. Danilov.** Preliminary Results of the Scientific Session Devoted to the History of the Soviet Countryside; **M. I. Kheifets.** The Second Revolutionary Situation in Russia; Academician **V. V. Struve.** The Social System of Hellenistic Egypt; **E. B. Chernyak.** Some of the Methods Employed by Bourgeois Falsifiers of History; **G. N. Goroshkova.** Liquidation of the Bourgeois-Democratic System in Germany in the Years of Fascism (1933-34). Historical Science in the U.S.S.R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: A. N. Kopylov.** Discussing the Prospectus of the Many-Volume "History of Siberia." **Research Work in Higher Educational Establishments: V. P. Naumov.** Historiographic Conference at the Moscow University. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life: R. I. Kozintseva** and **V. I. Rutenburg.** In the Archive of the U.S.S.R. Academy of Sciences Institute of History (Leningrad Branch). Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: I. I. Frolova.** "Writings on British History 1940-1945." **Letters and Notes. Obituaries:** Nikolai Maximovich Goldberg.

SOMMAIRE

Articles: **M. P. Kim, membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Sur les tâches des études de l'expérience historique de l'édification socialiste en U.R.S.S. à la lumière des décisions du XXIIe Congrès du P.C.U.S.; **V. P. Danilov.** Quelques bilans de la session scientifique consacrée à l'histoire du village soviétique; **M. I. Heifetz.** La 2e situation révolutionnaire en Russie; **V. V. Strouvé, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Ordre social de l'Egipte hellénique; **E. B. Tcherniak.** Sur quelques procédés de la falsification bourgeoise de l'histoire; **G. N. Gorochkova.** Abolition des ordres bourgeois-démocratiques en Allemagne pendant les années du fascisme. Science historique en U.R.S.S. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: A. N. Kopilov.** Délibération du projet de «L'Histoire de la Sibérie» en plusieures volumes. **Travail de recherches scientifiques à l'école supérieure: V. P. Naoumov.** Conférence historiographique à l'Université de Moscou. **Revues et compte-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: R. I. Kozintseva, V. I. Routenbourg.** Dans les archives du Département de Léningrad de l'Institut d'histoire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique. I. I. Frolova.** «Writings on British History 1940-1945». Lettres et notes. **Nécrologe:** Nikolai Maximovitch Goldberg.

INHALT

Beiträge: **Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR M. P. Kim.** Die Aufgaben zum Studium der historischen Erfahrung des sozialistischen Aufbaues in der UdSSR im Lichte der Beschlüsse des XXII. Parteitages; **W. P. Danilow.** Einige Ergebnisse der wissenschaftlichen Tagung über die Geschichte des sowjetischen Dorfes; **M. I. Cheifez.** Die zweite revolutionäre Situation in Rußland; **Mitglied der Akademie W. W. Struwe.** Die Gesellschaftsordnung im hellenistischen Ägypten; **E. B. Tschernjak.** Einiges über die Methoden der bürgerlichen Geschichtsfälschung; **G. N. Goroschkowa.** Die Liquidierung der bürgerlich-demokratischen Ordnung in Deutschland während des Faschismus. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: A. N. Kopylow.** Die Erörterung des Entwurfs der mehrbändigen „Geschichte Sibiriens". **Wissenschaftliche Forschungen an den Hochschulen: W. P. Naumow.** Historiographische Konferenz in der Moskauer Universität. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: R. I. Kosinzewa, W. I. Rutenburg.** Im Archiv der Leningrader Abteilung des Instituts für Geschichte bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: I. I. Frolowa.** „Writings on British History 1940–1945". Briefe und Notizen. **Nachruf** für Nikolaj Maximowitsch Goldberg.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Ф. Д. РЫЖЕНКО, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, Е. И. ТРЯПИЦЫН, И. А. ФЕДОСОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ, С. А. ЮДАЧЕВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 00020 Подписано к печати 1/II 1962 г. Тираж 19 600 экз.
Изд. № 336 Заказ 3341. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.